

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ»

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ 2.0: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРАВО

**Материалы
межвузовской научно-практической конференции
с международным участием**

Москва, РУДН, 8 декабря 2017 г.

**Москва
Российский университет дружбы народов
2017**

УДК 34(063)
ББК 67
Ю73

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Ю73 Юриспруденция 2.0 : новый взгляд на право :
материалы межвузовской научно-практической конферен-
ции с международным участием. Москва, РУДН, 8 декабря
2017 г. – Москва : РУДН, 2017. – 507 с.

В настоящем сборнике представлены научные статьи межвузов-
ской научно-практической конференции с международным участием
«Юриспруденция 2.0: новый взгляд на право».

Материалы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-209-08402-0

© Коллектив авторов, 2017
© Российский университет
дружбы народов, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ #1: ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА В XXI ВЕКЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Абдулкадиров Т. «Дистанционный голос» как средство обеспечения права участия в общем собрании акционеров	15
Асланов Т.И. Эволюция функций государства: теоретические и практические аспекты	19
Ахметов А.И. Игнорирование принципа ограниченной ответственности юридического лица как современное гражданско-правовое последствие несостоятельности группы компаний	23
Бобылева М.Н. Совершенствование системы размещения судебных решений с использованием информационно-телекоммуникационной сети интернет и обеспечение доступа к этим решениям	27
Брикульский И.А. Окончательное решение национального вопроса.....	31
Васильева Е.В. Институт молодежного парламентаризма в странах Европы	36
Вершинин А.И. Применение современных технологий в избирательном процессе	40
Газизова А.М. Трансграничное банкротство в Российской Федерации: теория и практика	44
Гордин М.А., Науменко М.А. Принуждение к увольнению по собственному желанию как одно из основных нарушений трудовых прав работника в XXI веке: поиск решения проблемы	48

Гудилина Е.Н. Утопии и утопическое в избирательном праве России	52
Гуляницкая Д.А. Административная ответственность за проведение предварительной агитации в поддержку целей публичного мероприятия: вопросы теории и практики.....	56
Добряков Д.А. Ограничение прав личности как самостоятельный вид наказания в уголовном праве XXI века	61
Дрёмова И.А. Административное усмотрение: перспективы правового регулирования.....	65
Духанин С.А. Предупреждение правонарушений, воспитание несовершеннолетних в XXI веке в духе соблюдения законов, укрепление законности как важнейшие задачи производства по делам об административных правонарушениях.....	71
Ефимов А.В. Раскрытие информации об аффилированных лицах юридических лиц в условиях цифровой экономики	75
Зворыкина Е.В. Эволюция института выборов в России и зарубежных странах в условиях развития научно-технического прогресса	79
Зуева Ю.В. «Группы смерти»: особенности квалификации действий лиц, способствующих суициду, в свете изменений УК РФ	83
Ибрагимова А.И. Проблемы функционирования института дипломатического убежища в современном мире	87
Кручинина А.А. Электронные доказательства в арбитражном судопроизводстве.....	91
Кудзаев Б.А. Осуществление конституционного права на бесплатную медицинскую помощь (на примере РСО-Алания)	95

Лютенков А.В. Инновационные технологии в области противодействия легализации преступных доходов: перспективы и последствия внедрения	99
Магомедов И.И. Право как фактор прогресса и источник обновления общества в условиях совершенствования инновационных факторов производства	104
Макаров А.Б. От беспристрастности к диалогичности	108
Мастакалова В.А., Рябова М.Н. Фриланс и его правовое регулирование	112
Мионов Э.Ю. Некоторые особенности института несостоятельности (банкротства) в Англии и Уэльсе. Рекомендации по совершенствованию российского законодательства.....	116
Михренина И.А. Опыт проведения электронного голосования на выборах в зарубежных странах: проблема соблюдения принципа тайного голосования.....	120
Морозов А.Р. Роль либеральной концепции гражданского общества в теории демократического правового государства	124
Мушина Ю.В. Право как фактор прогресса и источник обновления общества в условиях совершенствования инновационных факторов производства	129
Ольхова В.И., Харин В.И. Тенденции развития института ответственности контролирующихся лиц: субсидиарная ответственность контролирующихся лиц в законодательстве о банкротстве против доктрины снятия корпоративной вуали.....	133
Пипко М.А. Особенности формирования государственности в условиях утверждения новых рыночных механизмов	138
Пузырёв С.А. Проблемы правового статуса и функционирования политической оппозиции в России	143

Савина С.Э. Новый взгляд законодателя на защиту прав и интересов субъектов предпринимательской деятельности при осуществлении государственного и муниципального контроля и надзора: перспективы и последствия внедрения	147
Соян И.М. Актуальные вопросы квотирования рабочих мест....	152
Стародумова Ю.А., Стримова Т.А. Совершенствование системы защиты прав потребителей	157
Стратюк А.А. Развитие и регулирование информационных прав и свобод человека и гражданина	160
Сытько К.О. Конституция России и конституционализм XXI века: перспективы развития	164
Титова А.В. Двусторонние инвестиционные отношения: проблемные аспекты и альтернативное регулирование	168
Труш Д.Е., Турукин И.С. Правовое регулирование защиты коммерческой тайны в США и Европейском Союзе	172
Федотова А.Е. Реорганизация судебной системы: судьба Конституционного Суда Российской Федерации.....	177
Яшин И.О. Финансирование международного коммерческого арбитража третьей стороной (third-party funding)	181

СЕКЦИЯ #2: ИНТЕРНЕТ-ПРАВО: ВЗАИМОСВЯЗЬ ЮРИСПРУДЕНЦИИ И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Автаева А.О. Правовые проблемы кибервойны в контексте jus in bello	187
Автонова Е.Д. Смарт-контракт для государства: друг или враг?	191

Андикхоу А.А. Киберсквоттинг: проблема защиты авторских прав в сети интернет	196
Батыршин Т.Э. Правовая природа «виртуальной собственности» как объекта гражданских прав.....	201
Букалеров А.А. Киберсуицид и противодействие ему в России и за рубежом.....	204
Вербицкая К.В. IT-технологии современности: готовы ли юристы? Зарубежный и отечественный опыт применения	208
Владимиров А.В. Досудебный порядок реализации права на забвение в сети «интернет»: проблемы правоприменительной практики	212
Волковская Е.А. Наследование виртуальной собственности: реальные проблемы «несуществующих» объектов».....	216
Волокитина А.Е. Дистанционное образование проблемы и перспективы правового регулирования.....	219
Гудков Н.В. Защита виртуальной собственности как объекта права.....	223
Джумагулов Д.Д. Правовая природа смарт-договоров.....	227
Захаров И.В. Нарушение авторского права в интернете и научно-исследовательская деятельность.....	230
Ибрагимова С.Р. Информационные технологии как фактор борьбы с коррупцией	235
Кийко Е.В. Опыт урегулирования интеллектуальной собственности в сети интернет в зарубежных государствах.....	239
Коробов А.А. Проблема прав на интеллектуальную собственность, созданную или размещенную в социальных сетях	243
Кучмистый В.В. Актуальные вопросы правовой охраны объектов авторских прав в цифровом пространстве	247

Лавелина В.С. Развитие уголовного законодательства в сфере борьбы с информационными преступлениями.....	251
Мамонтова М.Ю. Настоящее и будущее больших пользовательских данных	255
Михайлова Е.С. Реализация права на тайну переписки в электронных почтовых сервисах.....	260
Монченко О.В. Насколько реальна «виртуальная собственность»: критика вещно-правового подхода	264
Павленко М.С. Вопросы цифровой трансформации и внедрения информационных технологий в деятельность органов и организаций прокуратуры в РФ	269
Покряц Р. Электронная администрация в Республике Сербия.	274
Самохина А.Н. Проблемы правового регулирования отношений виртуальной собственности.....	278
Соколова А.С. Влияние технологий анализа «больших данных» (big data) на законодательство о персональных данных	282
Тигина Ю.А. Развитие уголовного законодательства РФ в сфере борьбы с киберпреступлениями в 2017 году	286
Хайрутдинов А.М., Жернаков Е.Б. Правовое регулирование в сфере компьютерного спорта. Часть I: история возникновения. международные организации. сложности правового регулирования компьютерного спорта вне виртуального измерения	291
Хайрутдинов А.М., Жернаков Е.Б. Правовое регулирование в сфере компьютерного спорта. Часть II: сложности правового регулирования компьютерного спорта в виртуальном измерении	296
Хворостянова А.А. Правовое регулирование деятельности бизнес-агрегаторов	300

Цыгановский Р.Г. Блокировка «зеркал» пиратских сайтов как новый уровень защиты авторских прав.....	305
Штроо И.В. Click-wrap соглашения в российском праве	308

СЕКЦИЯ #3: ЮРИСПРУДЕНЦИЯ В СФЕРЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Волков Г.Г. Smart-контракты в системе blockchain	315
Генералов В.В., Князев И.А. Проблемные аспекты правового регулирования криптовалюты в РФ.....	319
Дадаева Д.Р., Урядникова А.А. Правовое регулирование биткоинов в РФ	323
Дибя Е.В. Криптовалюта: некоторые вопросы теории и практики	329
Журавлева Н.С. Bitcoin в правовом поле РФ.....	334
Козловская Д.И. Особенности правовой природы биткоинов ...	339
Криницына А. Правовое регулирование криптовалют в России	343
Кузнецов С.С., Морозов И.В. Борьба с коррупцией с помощью технологии блокчейн в сфере государственных и муниципальных закупок.....	347
Людовских А.С. Правовая природа биткоина	352
Мусина К.С. Инновационные технологии в деятельности нотариусов: возможные перспективы использования электронной системы «блокчейн».....	357
Назаров Н.А. Перспективы правового регулирования и закрепления криптовалюты	362

Нечаев А.С. Варианты правового регулирования криптовалют в России	366
Патрахина К.Б. Правовая природа биткоинов и информационная безопасность	370
Третьяков Р.В. Перспективы и тенденции развития правового регулирования использования криптовалют в России.....	375
Федяков В.А. Проблема правового регулирования системы BLOCKCHAIN	379
Чирагов М.Н., Киринос В.Ю Внедрение технологии блокчейн в систему проведения государственных закупок в Российской Федерации для снижения коррупции	384
Ахмадиева Г.Р. Правовое регулирование краудфандинга	389
Богданова А.В., Камаева Н.В. Поколение электронных паспортов: проблемы правового регулирования.....	393
Елкибаева Л.Г. Государственно-частное партнерство в сфере инноваций.....	397
Кичкинёв В.Н. Правовой статус лиц, управляющих сигвеями и гироскутерами.....	400
Козина Е.А. Распознавание преступников при помощи нейросетей.....	404
Комлева А.М. Национальные законы о добыче ископаемых в космосе – эволюционное правовое регулирование инновационной деятельности или нарушение международного законодательства.....	408
Маланова В.С. Перспективы правового регулирования краудфандинга	412
Мирзоева Л.С. Трехмерная печать и интеллектуальная собственность.....	416

Митигук В.М. Переход на электронные паспорта: возможные правовые проблемы	420
Никишов В.П. ГМО-фобия или правовое регулирование оборота генно-модифицированных организмов в Российской Федерации	424
Оболонина Ю.О. Авторство произведений искусства, созданных нейронными сетями	428
Терехов М.Г., Липатова А.И. Правовое регулирование ответственности за нарушение правил дорожного движения системой беспилотного вождения автомобилем	432
Тихомирова Т.И. Правовая регламентация полетов квадрокоптеров	436
Чертилин В.С. Кому принадлежат права на созданные нейросетями произведения искусства?	440
Шепелева А.В. Местное самоуправление на территории инновационного центра «Сколково» как особая модель управления территорией	443
Щукина А.А. Кому принадлежат права на созданные нейросетями произведения искусства?	447
Ямович Д.О., Шехмаметьева Т.Р. Нейросети в юриспруденции	451

ФОРСАЙТ СЕССИЯ: ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ОБЪЕКТ ИЛИ СУБЪЕКТ ПРАВА

Акулинина И.А. О возможности признания роботов субъектами гражданского права	457
Ахмеджанова Р.Р. Может ли искусственный интеллект заменить судью-человека?	461

Бутюгов Г.П., Зайцев В.В. Искусственный интеллект как юридическое лицо	467
Дубина М.Н. Субъекты авторских прав на литературные произведения в контексте развития «машинного творчества»	472
Лобастова У.А. Возможные пути определения субъекта ответственности за деяния искусственного интеллекта	475
Логинова Е.М. Будущее юридической профессии в контексте новых возможностей искусственного интеллекта.....	479
Передня М.С. Использование искусственного интеллекта в правосудии	483
Поздеев Д.В. Допустимость признания искусственного интеллекта в качестве субъекта права	487
Руднев В.А. Искусственный интеллект и его роль в будущем правового регулирования.....	491
Саяфарова Д.Д. Многообразие интерпретаций понятия «робот» как фактор специфики государственно-правового регулирования искусственного интеллекта.....	495
Ткач К.И. Тенденция увеличения роли искусственного интеллекта в сфере оказания юридических услуг: вытесняют ли роботы юристов-людей?.....	499
Шабанов П.А. Три закона робототехники Айзека Азимова: юридическая интерпретация.....	503

**СЕКЦИЯ #1:
ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВА
И ГОСУДАРСТВА В XXI ВЕКЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

«ДИСТАНЦИОННЫЙ ГОЛОС» КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА УЧАСТИЯ В ОБЩЕМ СОБРАНИИ АКЦИОНЕРОВ

Абдулкадиров Тавус

Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации Департамента правового регулирования
экономической деятельности

Аспирант

*Ленинградский пр., 49, Москва, Россия, 125993
tavusqa@gmail.com*

Научный руководитель: А.В. Барков, д.ю.н., профессор
Департамента правового регулирования экономической
деятельности Финансового университета

В статье рассматривается значимая роль инновационных технологий, позволяющих обеспечить доступность и простоту участия акционера на общем собрании акционеров хозяйственного общества (далее по тексту – акционерное общество, общество, публичное акционерное общество).

Ключевые слова: акционер, «дистанционный голос», участие, общее собрание акционеров, акционерное общество.

Как показывает проведенный анализ судебной практики в картотеке арбитражных дел [6], основания обращения в суд в рамках корпоративных споров зачастую сводятся, к ненадлежащему порядку извещения о месте проведения общего собрания или к отсутствию возможности у акционера присутствовать на общем собрании акционеров по принятию ключевых вопросов, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности общества.

Так, в частности, в судебно-арбитражной практике присутствуют споры в которых уведомления о проведении общего собрания акционеров, направленные почтовыми службами, возвращаются в акционерное общество с отметкой «за истечением срока хранения» или «о неявке адресата за получением» и суды указывают, что в таком случае акционер считается уведомленным

надлежащим образом и не ограниченным в праве участия в общем собрании акционеров (см. Постановление ФАС Уральского округа от 29.08.2011 N Ф09-5071/11 по делу N А71-10692/2010, Постановление ФАС Дальневосточного округа от 28.05.2010 N Ф03-3602/2010 по делу N А51-8930/2009).

В том числе, в судебной практике содержатся прецеденты, когда акционер признается уведомленным о проведении общего собрания надлежащим образом, если извещение о проведении собрания направлено ему по адресу, указанному в реестре реестродержателя, даже в случае временного (фактического) проживания по иному адресу (см. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17.06.2015 N Ф03-2098/2015 по делу N А37-1672/2014, Постановление ФАС Московского округа от 27.03.2007 N КГ-А40/436-07 по делу N А40-39271/05-19-236).

Также встречаются случаи когда в извещении о месте проведения общего собрания не указывается номер помещения, подъезда и кода и акционеру приходится обращаться в суд в исковым заявлением о признании решения общества недействительным, что влечет за собой финансовые издержки и утрату времени при принятии существенных вопросов по управлению деятельности акционерного общества (см. Постановление Президиума ВАС РФ от 19.11.2013 N 9515/13 по делу N А40-20109/12-137-211, Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 01.06.2012 по делу N А27-12049/2011).

При этом имеет место быть и спорный подход в решениях арбитражных судов, согласно которому, если в уведомлении о проведении собрания не указано точное место проведения собрания, это не является основанием для признания решения общего собрания недействительным, поскольку акционер должен был принять все разумные меры для явки на общее собрание акционеров (см. решение Арбитражного суда г. Москвы от 21.06.2006, 26.06.2006 по делу N А40-7984/06-136-78).

Таким образом, можно сделать неутешительные выводы, что право участия акционера в общем собрании общества ограничивается или нарушается несовершенством способа извещения о проведении общего собрания акционеров, а также событиями, связанными с временным переездом или невнимательностью при проверке почтового ящика, что в

последствии влечет за собой финансовые и временные затраты на судебные разбирательства.

Законодатель в 2015 году с целью обеспечения защиты и гарантий прав инвесторов (акционеров) принял ряд важных изменений (См. Федеральный закон от 29.06.2015 N 210-ФЗ) [2], в особенности в положения ст. 49 Федерального закона от 26.12.1995 N 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [4], предусмотрев возможность использовать информационные и коммуникационные технологии, позволяющие обеспечить дистанционное участие в общем собрании акционеров, обсуждение вопросов повестки дня и принятие решений по вопросам, поставленным на голосование, без присутствия в месте проведения общего собрания акционеров (в форме совместного присутствия акционеров для обсуждения вопросов повестки дня и принятия решений по вопросам, поставленным на голосование).

Важно отметить, что п. 1.1.5. «Кодекса корпоративного управления» [1] указывает на право каждого акционера иметь возможность беспрепятственно реализовать право голоса самым простым и удобным для него способом.

Нельзя не упомянуть достижения одного из российских депозитариев (Значение термина депозитарий см., например: ст. 7 Федерального закона от 22.04.1996 N 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг») [3], который создал инновационную платформу «E-voting» [5], позволяющая дистанционно участвовать в собраниях акционеров и самостоятельно удаленно голосовать по вопросам повестки дня общего собрания акционеров.

В целом, можно обозначить, что инновационные технологии могут заинтересовать иностранных инвесторов привлекательностью обеспечения наиболее удобного и доступного осуществления своих корпоративных прав на общих собраниях акционеров.

Подводя итоги и учитывая интересы инвесторов (акционеров) к обеспечению доступности участия в осуществлении управления акционерным обществом необходимо внести изменения в «Кодекс корпоративного управления» в части обеспечения возможности дистанционного участия и голосования в собраниях акционеров публичных акционерных обществ, что, помимо инвестиционной

привлекательности, может позволить снизить нагрузку на арбитражные суды Российской Федерации.

В целях формирования единообразия судебной практики, Верховному суду Российской Федерации необходимо принять разъяснения с отражением позиции о том, что судам при рассмотрении споров, связанных с участием в общих собраниях, следует оценивать меры, предпринимаемые акционерным обществом по обеспечению возможности дистанционно участия и голосования в общих собраниях акционеров публичных акционерных обществ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Письмо Банка России от 10.04.2014 N 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления».

[2] Российская газета, N 147, 08.07.2015.

[3] Российская газета», N 281, 14.12.2011.

[4] Собрание законодательства РФ, 01.01.1996, N 1, ст. 1.

[5] Официальный интернет-ресурс Небанковская кредитная организация акционерное общество «Национальный расчетный депозитарий». URL: <https://www.nsd.ru/ru/press/pubs/index.php?id36=633651> (дата обращения: 22.11.2017).

[6] Официальный интернет-ресурс картотеки арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 22.11.2017).

ЭВОЛЮЦИЯ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.

Асланов Турал Исмаил оглы

Академия труда и социальных отношений

Юридический институт

ул. Лобачевского, 90, Россия, Москва, 119454

tural.aska@mail.ru

Научный руководитель: А.В. Корнев, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права МГЮА имени О.Е. Кутафина.

В статье рассматривается эволюция и функция государства. Приведены примеры и анализ эволюции российской государственности. Такой вектор развития для России более применим.

Ключевые слова: эволюция государства и права, российское общество, советский народ, глобализация, соблюдение защиты прав и гражданина.

Функции государства базируются на объективной закономерности. В настоящее время в связи с процессами глобализации функции государства наполняются содержимым исходя не только из национальных проблем и задач, но и влияния глобальных проектов. Прежде всего это касается разделения труда в глобальной экономике.

Прежняя модель развития экономики в большей степени была ориентирована на энергетическое обеспечение других стран. В настоящее время такая модель обнаружила отсутствие перспективы занятия Россией подходящего места в международном механизме разделения труда [1].

Курс на экономику знаний, на цифровую экономику, на развитие высокотехнологических способов производства требует серьезного изменения следующих институтов:

- экономической системы;
- политической системы;
- идеологической системы.

Эти сферы названы системами не случайно, поскольку они являются определяющими в процессе международного разделения труда. Последнее означает, что не исчезнет конкуренция, борьба за рынки, ресурсы. Российская Федерация, должна извлечь уроки из того, что произошло за последние 20–30 лет. Мир, даже стремительно глобализирующийся, продолжает оставаться таким же, каким был всегда, то есть сохраняются борьба за ресурсы, влияние и обеспечение собственной безопасности. Преведняя система ценностей и ориентиров, которая была принята в XX века, не может быть сохранена сегодня, поскольку Россия начинает пересматривать «post factum», что произошло [2]. Современное российское государство в очевидной форме заявило о себе не только как государство, претендующее на сохранение собственного суверенитета, но и как государство, претендующее на политическую субъективность: «Независимость, самостоятельность, ответственность». В этой связи и особенно на фоне политики санкций в отношении России мы сегодня должны пересмотреть классическую точку зрения на рыночную экономику, в которой правят бал стихия, спрос и предложение.

К сожалению, современная действительность наглядно свидетельствует о том, что экономика находится в большой степени зависимости от политики. Если в экономике успех обеспечивается относительно честной конкуренцией, то в политике достижение успеха опирается на такие слагаемые, как военные, финансовые и другие ресурсы [3]. На фоне этого и в связи с предстоящими президентскими выборами в нашем обществе всё очевиднее становится проблема целеполагания: «Чего мы хотим? Что мы будем делать? И на какой результат мы можем рассчитывать?»

Прежде, в соответствующий период нашей истории, внутренние функции нашего государства имели явный приоритет по отношению к внешним;

- контроль над мерой труда и потребления;
- недопущение крайней бедности и богатства, а более широко обеспечение социального единства общества;
- культурно-воспитательная деятельность.

Все они были направлены на создание монолитного общества, обладающего единством, ориентированным на максимальное преодоление противоречий идеологического,

национального, конфессионального характера. Можно иронически относиться к понятию «советский народ», но данная общность все-таки существовала.

Геополитическая реальность заставляет нас, разумеется, не забывая о международных аспектах, обратиться, прежде всего к внутренним проблемам российского государства и общества. Первая и самая главная проблема – это недопустимая поляризация российского общества. Нельзя стране претендовать на статус великой, если большая часть общества будет бедной. Если верить Ф. М. Достоевскому, то «бедный человек не имеет претензий, а стало быть, унижен, зависим и оскорблён». Так, читая классические произведения Тургенева, Чернышевского, Чехова, не говоря уже о графе Толстом, мы могли бы лучше понимать те проблемы, которые существуют в и современном обществе. Любая идея, включая представления о функции государства, имеет исторический характер. Резюмируя вышеизложенное, можно судить о том, что функция современного российского государства должна быть ориентирована на решение наиболее актуальных социально-экономических задач. Когда-то наша страна лидировала в области здравоохранения, образования, а сейчас находится в странах второго-третьего мира. [4].

К сожалению, многие позиции сегодня утрачены. У нас есть историческая возможность пересмотреть многое и заново осмыслить вопрос о функциях государства. Я же полагаю, что необходима, обратить внимание на конкретные проблемы отдельно взятого человека. Согласно Конституции РФ; «Человек и его правовая свобода являются высшей ценностью. Соблюдение защиты прав человека является обязанностью государства». [5. С. 3]. Именно это, на мой взгляд, и должно определять политическую повестку в настоящее время.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Корнев А.В.* Государство и право в контексте консервативной и либеральной идеологии: опыт ретроспективного анализа. Москва: Проспект, 2014. - 320 с.

[2] *Корнев А.В.* Социология права. Москва.; Проспект, 2017 – 336 с.

[3] *Марченко, М. Н.* Теория государства и права: учебник / М. Н. Марченко. – Москва: Проспект, 2013. – 636 с.

[4] *Общая теория государства и права: учебник / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский.* – Минск: Академия МВД, 2013. – 478 с.

[5] Конституция Российской Федерации. Официальное издание. -Москва: Юридическая. литература., 2009. - 64 с.

ИГНОРИРОВАНИЕ ПРИНЦИПА ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА КАК СОВРЕМЕННОЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ ПОСЛЕДСТВИЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ГРУППЫ КОМПАНИЙ

Ахметов Азат Илдарович

Российский государственный университет правосудия
при Верховном суде Российской Федерации

Юридический факультет

Новочерёмушкинская ул., 69, Москва, Россия, 117418

az.il.akhmetov@gmail.com

Научный руководитель: В.В. Кулаков, д.ю.н. профессор кафедры
гражданского права РГУП при ВС РФ

В докладе рассматриваются современные тенденции игнорирования принципа ограниченной ответственности учредителей юридического лица на примере банкротства предпринимательских групп.

Ключевые слова: юридическое лицо, ограниченная ответственность, банкротство, группа компаний.

На начальном этапе становления гражданского оборота с помощью конструкции юридического лица оформлялся процесс сращивания банковского или промышленного капитала, юридическое лицо было способом аккумуляции капитала множества лиц и их дальнейшей совместной деятельности (строительство железных дорог, каналов) [1 С.22]. Таким образом, концентрация капитала была основной причиной и целью появления конструкции юридического лица. Принцип ограниченной ответственности появился в качестве придатка основной функции концентрации капитала - физические лица, зная о том, что рискуют только вложенным в общество, были менее сдержаны в инвестициях.

Ситуация осложнилась, когда правопорядки (прежде всего Англия) на определенном этапе своего развития не нашли принципиальных возражений против возможности создания компаний одного лица, что не соответствует классическим

конструкциям. Подчиняясь экономическим потребностям крупного капитала, судебная практика, затем доктрина, а после и закон начали признавать за компаниями одного лица право на существование.

Между тем, классическая конструкция юридического лица не менялась и автоматически применялась к обществам, входящим в группу компаний. На начальном этапе не принималось во внимание принципиальное различие отношений учредитель физическое лицо - компания и учредитель юридическое лицо – компания, а предназначенное для защиты участников – физических лиц конструкция применялась для урегулирования предела ответственности материнского общества [2 С. 22].

В настоящий момент общим трендом является умаление конструкции ограниченности ответственности, поскольку ее применение в отношении группы компаний не имеет в большинстве случаев справедливого обоснования. С тех пор как юридическое лицо — конструкция опасная для кредиторов, в некоторых (например, банкротство одной из компаний группы, защита неспособных получить обеспечение, слабых кредиторов) случаях ограничение ответственности не должно проводиться слепо, а основываться на принципе справедливости [3 С. 55].

Существует два основных способа игнорирования принципов самостоятельности юридического лица с целью достижения эффективности и справедливости процедуры банкротства: процедурная и материальная координация. Правопорядки используют эти инструменты в различных сочетаниях. Более традиционные исходят из необходимости координации процедур банкротства, другие – допускают координацию процедур банкротства и материальную консолидацию активов всех членов группы.

Совместное администрирование (процедурная консолидация) касается только процессуального аспекта банкротства и не предполагает объединения долгов или активов группы. Каждое общество продолжает отвечать только своим имуществом и только по своим обязательствам. Таким образом, это скорее упрощенное, менее радикальное решение проблемы групповых банкротств, основной целью которого является ревизия хозяйственных

операций группы или подготовка к продаже группы компаний в целом.

Материальная консолидация представляет собой средство правовой защиты кредиторов, позволяющее судам при открытии процедур банкротства в отношении нескольких членов предпринимательской группы рассматривать их активы как единую имущественную массу, используемую в интересах всех кредиторов группы. Консолидация так же прекращает дублирующие друг друга требования к разным лицам, основанные на одном обязательстве, обязательства консолидируемых компаний друг перед другом и гарантии консолидируемых компаний по обязательствам друг друга.

Принципиальным моментом является то, что материальная консолидация - наиболее радикальный случай отступления от принципа ограниченной ответственности. Применение материальной консолидации содержит в себе потенциальную несправедливость для кредиторов, поскольку кредиторы более платежеспособного члена группы вынуждены участвовать в распределении имущества консолидированного общества на равных с кредиторами менее платежеспособного члена группы. Иными словами, повсеместная материальная консолидация может не учитывать различие разумных ожиданий кредиторов, полагающихся на раздельную кредитоспособность, и кредиторов, полагающихся на активы всей группы [4 С. 547].

Российское законодательство о банкротстве не рассчитано на регулирование банкротства группы компаний. В результате, процедуры несостоятельности в отношении каждой компании группы ведутся раздельно. Дело о банкротстве ведет отдельный управляющий под контролем суда в рамках конкретного дела. Нельзя сказать, что российская процедура несостоятельности является эффективной. Здесь очевидно необходимо повышение эффективности процедурного аспекта, который может быть решен путем введения института процедурной координации.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Кулагин М.И.* Избранные труды по акционерному и торговому праву. 2-е изд., испр. М.: «Статут», 2004, 363 с.

[2] *Frank H. Easterbrook & Daniel R. Fischel*, *The Economic Structure of Corporate Law*. (Harvard University Press, 1991), 370 p.

[3] *Ph. I. Blumberg*. *The law of corporate groups. Tort, Contract and Other Common Law Problems in the Substantive Law of Parent and Subsidiary Corporations*, 1091 p.

[4] *Timothy E. Graulich*, *Substantive Consolidation – a post-modern trend.* // *ABI L. Rev.*, p. 527.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ РАЗМЕЩЕНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТУПА К ЭТИМ РЕШЕНИЯМ

Бобылева Марина Николаевна

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
Факультет подготовки сотрудников полиции для подразделений
по охране общественного порядка
Курсант 410 учебного взвода, 4 курс
marinchatyi.ru@bk.ru

Научный руководитель: С.В. Калинина, преподаватель кафедры
административной деятельности ОВД Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук,
подполковник полиции

В статье рассматривается изменение законодательства, касающееся порядка онлайн трансляции ведении судебного рассмотрения дела об административном правонарушении, проблемы, возникающие при осуществлении трансляции судебного заседания.

Ключевые слова: онлайн - трансляция судебного заседания, размещение судебных решений, совершенствование законодательства.

Принцип гласности, является одним из основополагающих принципов рассмотрения дела об административном правонарушении в судебном порядке.

Рассмотрение дел об административных правонарушениях является открытым. Это в полной мере отвечает требованиям гласности и публичности в деятельности государственного аппарата. Кроме того, это способствует общественному контролю над рассмотрением дел и их воспитательному воздействию.

Закрытое рассмотрение возможно в том случае, если это может привести к разглашению государственной, военной, коммерческой или иной охраняемой законом тайны. Порядок

отнесения тех или иных сведений к государственной тайне регламентирован Законом РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 "О государственной тайне", Указом Президента РФ от 30 ноября 1995 года № 1203 «О перечне сведений, отнесенных к государственной тайне». Закон содержит перечень сведений, которые не могут быть отнесены к государственной тайне. Например, это сведения о чрезвычайных происшествиях и катастрофах, угрожающих безопасности и здоровью граждан, о фактах нарушения прав и свобод человека и гражданина и т.д.

В условиях современного времени, когда использование новых информационных технологий, является неотъемлемой составляющей жизни любого современного человека, возникает необходимость в совершенствовании законодательной базы, связанной с открытостью проведения судебного заседания по делу об административном правонарушении и свободным доступом к решениям, которые принимает суд.

С 1 октября 2017 года в силу вступил Федеральный закон от 29.07.2017 № 223-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации", который ввел в действие ч.4 ст. 24.3. В которой говорится о том, что граждане, которые присутствовали на судебном заседании и вправе осуществлять фото-, видеосъемку, трансляцию открытого рассмотрения дела об административном правонарушении по радио, телевидению и в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", но не должны своими действиями мешать надлежащему порядку рассмотрения дела об административном правонарушении. Эти действия могут быть ограничены судьей, если они будут мешать судебному заседанию [1].

В Федеральный закон от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ "Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации" также были внесены соответствующие поправки, регулирующие порядок осуществления трансляции судебных заседаний. Данные поправки относятся ко всем видам СМИ, в том числе и к радиотрансляции.

В связи с принятием данной правовой нормы у правоприменителей, юристов возникают вопросы, которые связаны с трансляцией допроса в судебном заседании свидетелей, так как свидетели, которые не были допрошены, могут услышать с

помощью онлайн-трансляции показание предыдущего свидетеля и соответственно позволит использовать услышанную информацию в своих личных целях.

Внесенные изменения в вышеуказанный федеральный закон предусматривает несколько видов проведения трансляции судебного заседания:

отсроченная трансляция судебного заседания, то есть когда онлайн - трансляция судебного заседания по делу б административном правонарушении проходит после проведения судебного заседания;

прямая трансляция – это когда транслирование процесса судебного заседания в СМИ, осуществляется в ходе проведения судебного заседания в режиме реального времени;

частичная трансляция судебного заседания – то есть, когда транслируется отдельно взятая часть судебного заседания по делу, которое рассматривается в открытом порядке, осуществляется непосредственно после окончания судебного заседания.

Правовой порядок организации деятельности СМИ по транслированию судебного заседания определяется судом соответствующего уровня, например, Конституционным судом РФ, Верховным судом РФ и Судебным департаментом при Верховном суде РФ. Если ведется трансляция посредством использования информационно телекоммуникационной сети Интернет, то лицо обязано уведомить суд какое конкретно СМИ осуществляет трансляцию и на каком сайте сети «Интернет [2].

Принятие данных изменений в нормативных правовых актах направлен на повышении уровня открытости деятельности суда, также на совершенствование системы получения информации о ходе судебного заседания, если лицо не может присутствовать на самом судебном заседании, также данная новела вызывает и проблемы, связанные с тайностью допроса свидетелей в ходе судебного заседания. Действия по ведению онлайн – трансляции вправе быть ограничены судом, федеральным органом исполнительной власти, а также иным должностным лицом, участвующим в рассмотрении дела об административном правонарушении, во времени. При производстве транслирования

судебного заседания в СМИ необходимо учитывать мнение участников рассмотрения дела судом

Также изменения коснулись и порядка опубликования судебных решений на сайте судов в сети «Интернет». Так, тексты судебных актов, за исключением приговоров и судебных актов арбитражных судов, размещаются в сети «Интернет» в разумный срок, но не позднее одного месяца после дня их принятия в окончательной форме. Тексты приговоров размещаются не позднее одного месяца после дня их вступления в законную силу. Тексты судебных актов арбитражных судов размещаются в сети «Интернет» не позднее следующего дня после дня их принятия

По нашему мнению, такое нововведение обеспечивает открытый доступ к судебным решениям, это позволит лицам, которые занимаются изучением судебной практики исследовать те или иные судебные решения наиболее полно.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ

[2] Федеральный закон от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ "Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации"

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА

Брикульский Иван Александрович
Российский университет дружбы народов
Юридический институт
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
volkov1793@gmail.com

Научный руководитель: Д.В. Гаглоев, к.ю.н.,
доцент кафедры конституционного права и конституционного
судопроизводства РУДН

В статье поднимается вопрос о целесообразности существования республик (государств) в составе Российской Федерации, рассматривается их конституционно-правовое положение, а также предлагаются меры для унификации субъектов федерации

Ключевые слова: республика, унификация субъектов, механизм реализации, национальный вопрос, административно-территориальное деление

Конституция России 1993 г. определяет республику как государство. Неотъемлемым признаком каждого государства является его суверенитет, т.е. самостоятельность государства во внешней и внутренней политике. Согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. №10-П, *«Конституция Российской Федерации не допускает какого-либо иного носителя суверенитета и источника власти, помимо многонационального народа России, и, следовательно, не предполагает какого-либо иного государственного суверенитета, помимо суверенитета Российской Федерации. Суверенитет РФ, ... не допускает суверенитета ни республик, ни иных субъектов Российской Федерации».* Несмотря на то, что республики являются государствами, государственного суверенитета они лишены. Если рассмотреть подробнее статус республики и иного субъекта федерации, то важной отличительной чертой республик становится конституция, конституционный суд и государственный язык, а

также наличие собственной столицы, а не административного центра как у других субъектов. Наличие национальной конституции, государственного языка и конституционного суда не имеют решающего политического значения, юридически не дают республике какого-либо привилегированного положения по сравнению с остальными субъектами, а сами конституции не могут противоречить Конституции Российской Федерации 1993 г.

Следует отметить, что ряд конституций республик все же имеют противоречия с Конституцией России. Так, статья 11 Конституции Ингушетии говорит о необходимости возвращения отторгнутых у Ингушетии территорий [1]. По нашему мнению, данная формулировка есть ничто иное, как покушение на территориальную целостность других субъектов федерации, в частности, имеющих общую с Ингушетией границу. Конституция другого государства, республики Татарстан, и вовсе имеет свое гражданство (статья 21 [2]), нарушающее принцип единого гражданства Российской Федерации (ч.2 ст.4 ФЗ от 31.05.2002 N62 [7]).

Для понимания сущности современного российского федерализма, важно учитывать историко-правовой аспект. Конституция 1918 года зафиксировала, что Россия «учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик [3]». Политика уступок в национальном вопросе, в противовес изначальным планам большевиков [4], была вызвана масштабной Гражданской войной и интервенцией на территории Российской республики. Т.е. федерализация – необходимая мера для укрепления центральной власти на национальных окраинах государства в условиях войны и пока еще ослабленного общесоюзного центра. С похожей ситуацией столкнулась Россия и после распада Союза ССР, когда экономический коллапс точно так же требовал разговора федерации и её субъектов на равных.

Решение о создании федерации было исторически обусловленным и рациональным решением для сохранения государства. Вместе с тем государственное строительство не стоит на месте, а значит не менее рационально задать вопрос: если причиной была слабость федерального центра, а следствием борьба государственных образований внутри России за свою

самостоятельность и угроза распада российского государства, то в случае исчезновения причины, рационально ли существует следствие? Политика уступок должна заканчиваться там, где для такой политики нет историко-экономических и политико-правовых оснований. Рациональный выход в такой ситуации только один: поскольку после своего ослабления амплитуда центральной власти становится на противоположную позицию, т.е. укрепляется, основания для существования государств внутри России закономерно отпадают.

В связи с этим целесообразно будет предложить механизм ликвидации такого субъекта Российской Федерации и новое административно-территориальное деление России.

Ч. 1 ст. 5 конституции содержит перечень субъектов России: республика, край, область, город федерального значения, автономная область и автономный округ, однако указанный перечень не является обязательным. Это значит, что субъекты могут изменить свою типологию на указанную в перечне статьи 5, не нарушая Конституции. Однако задача не только в том, чтобы ликвидировать национальные республики, а в том, чтобы создать иное административно-территориальное деление, основанное на укрупнении субъектов России. Подобная практика в России существует примерно с 2003 года, когда впервые два субъекта федерации, Пермская область и Коми-Пермяцкий автономный округ, в результате объединения создали новый субъект федерации – Пермский край, в основу которого была положена экономическая целесообразность и политика экономического выравнивания регионов.

В основу нового административно-территориального деления должен лечь не национально-исторический, а экономический принцип. Границы субъектов России должны проходить согласно утверждённому Госстандартом России «Общероссийскому классификатору экономических регионов ОК 024-95», согласно которому Россия делится 12 экономических районов [6]. Экономическое районирование полагается на особенности экономики регионов, их специализацию, производимой продукции и т.д.

Экономическое районирование отражает принцип хозяйственной выгоды и экономической эффективности. так как он

служил фундаментом для укрупнения ряда субъектов Российской Федерации. Порядок, особенности, условия и процедуру их объединения устанавливает Федеральный конституционный закон «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации». Согласно данному закону, слияние двух субъектов в один несет за собой прекращение существования субъектов, территории которых объединились [8].

Процесс ликвидации республик, унификации других субъектов России, их укрупнение представляет из себя продолжительный процесс преобразования. Однако правовой механизм не решает ряд проблем, связанных с упразднением государств внутри России, среди которых – национальная обособленность республик. Ликвидация сохранившейся общинности, – источником межнациональной розни и обособленности народов, – является существенным облегчением для дальнейшей унификации национального региона. Нация, этнос или народ должны перестать быть определяющим принципом общественной жизни, а значит задача будет заключаться в создании таких условий, при которых экономическая выгода будет превалировать над общинными интересами.

Установление федерации, основанной на экономико-территориальном принципе, также не является конечным результатом происходящих в России процессов. Если представить каждое государство как организм, стремящийся к самосохранению и усилению, это значит, что закономерным итогом ликвидации национальных образований внутри России, которые в свое время стали основой превращения унитарного государства в федерацию, наоборот, станет возврат к унитарному российскому государству.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Конституция Республики Ингушетия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ingushetia.ru/institute/constitution.php>

[2] Конституция Республики Татарстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gossov.tatarstan.ru/konstitucia/>

[3] Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1918.htm>

[4] Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://leninism.su/works/115-conspect/4248-v-i-lenin-o-natsionalnom-voprose-i-natsionalnoj-politike.html>

[5] Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. N 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12119810/>

[6] Положение о ведении Общероссийского классификатора экономических регионов (ОКЭР) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/179107/>

[7] Федеральный закон от 31.05.2002 N 62-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О гражданстве Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36927/

[8] Федеральный конституционный закон от 17.12.2001 N 6-ФКЗ (ред. от 31.10.2005) «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34452/

ИНСТИТУТ МОЛОДЕЖНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Васильева Елизавета Владимировна

Московский государственный лингвистический университет

Юридический факультет

ул. Остоженка, 36, Москва, Россия, 119034

vasinaelizavetarr@yandex.ru

Научный руководитель: М.Ю. Ковяров, к.ю.н., доцент кафедры
общетеоретических правовых дисциплин МГЛУ

В статье рассматривается функционирование института молодёжного парламентаризма в европейских странах на региональном, национальном и международном уровнях. Особое внимание уделяется опыту Российской Федерации и Федеративной Республики Германия.

Ключевые слова: молодёжный парламентаризм, политическая социализация молодёжи, государственная молодёжная политика, международная молодёжная политика.

Демократическое правовое социальное государство немислимо без активного политического участия всех слоёв общества. Представляется необходимым, чтобы все социально-демографические группы, представленные в государстве, участвовали в консультативно-совещательной деятельности по наиболее злободневным вопросам. Особо важным является вовлечение молодёжи, так как представители данной группы являются гарантом воспроизводства населения и последующего развития общества.

Вышеуказанные обстоятельства явились причиной создания и успешного функционирования во многих странах института молодёжного парламентаризма – системы представительства прав и законных интересов молодёжи, основывающейся на создании при органах государственной власти или в ином порядке особой совещательной структуры – молодёжного парламента.

На сегодняшний день, ведущей организацией молодёжного парламентаризма на международном уровне является Европейский

международный парламент (ЕМП), созданный в 1987 году Молодёжным Фондом Фонтенбло (Франция). ЕМП представляет собой сеть независимых ассоциаций, представленных в 40 европейских странах. Европейский Молодёжный Парламент определяет себя как образовательная программа, целью которой является сближение молодых людей со всей Европы для обсуждения актуальных проблем.

Помимо ЕМП, в большинстве стран Европы присутствуют иные формы объединения молодёжи. Так, в Германии широко распространены так называемые «молодёжные советы» (Jugendräte), действующие как на региональном уровне, так и в отдельных городах.

Таким образом, в ряде государств молодёжные парламенты и прочие подобные объединения молодёжи существуют в основном для осуществления функции представительства (например, в России и Великобритании). Однако, в некоторых европейских государствах подобные структуры – не что иное, как политические клубы, созданные лишь для обсуждения насущных проблем и обеспечения досуга молодёжи путём проведения мастер-классов, и различных развлекательных мероприятий (например, в Германии).

Наибольший интерес для исследования среди структур молодёжного парламентаризма, представленных в России, представляет Молодёжный парламент при ГД ФС РФ.

Говоря о развитии института молодёжного парламентаризма в ФРГ, следует отметить, что он получил толчок в развитии несколько раньше, чем российские аналоги – укрепление значения «молодёжных советов» и прочих подобных структур произошло в 80-е годы XX века, как, впрочем, почти во всех европейских странах.

Спецификой молодёжного парламентаризма в Германии является то, что особо важным здесь является подразделение Европейского молодёжного парламента, что объясняется членством ФРГ в Европейском союзе.

Проследив функционирование института молодёжного парламентаризма в некоторых европейских странах, можно сделать следующие выводы:

1. В ряде государств молодёжные парламенты и прочие подобные объединения молодёжи существуют в основном для

осуществления функции представительства (например, в России и Великобритании). Однако в некоторых европейских государствах подобные структуры – не что иное, как политические клубы, созданные лишь для обсуждения насущных проблем и обеспечения досуга молодёжи путём проведения мастер-классов, и различных развлекательных мероприятий (например, в Германии).

2. В европейских странах можно выделить следующие формы существования молодёжных парламентских структур:

-молодёжные парламенты при органах законодательной власти (например, в России) [1];

-молодёжные парламенты как «социальная программа органов законодательной, исполнительной власти, одного или нескольких молодёжных общественных объединений» [4. С. 38] (как в России, так и в Германии).

Таким образом, цели, задачи и функции молодёжных парламентов в разных странах различаются. Например, для Европейского молодёжного парламента на первый план выходит образовательная деятельность, а Молодёжный парламент при ГД ФС РФ основной целью ставит содействие деятельности законодателя в сфере регулирования прав и законных интересов молодёжи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Единый портал молодёжного парламентского движения России. URL: <http://newparlament.ru/texts/structure> (дата обращения: 18.11.17)

[2] Единое молодёжное парламентское движение России: Статистика. URL: <http://newparlament.ru/workspaces/stat/1> (дата обращения: 19.11.17)

[3] Общая информация - Молодежный парламент при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://www.mprf.ru/parliament/> (дата обращения: 19.11.17)

[4] О развитии молодёжного парламентаризма в субъектах Российской Федерации. Инструктивное письмо Министерства образования Российской Федерации от 24 апреля 2003 года. №2 //

Бюллетень Министерства образования Российской Федерации. 2003. №6. С. 38-51.

[5] DNK für internationale Jugendarbeit. URL: <http://www.d-n-k.org/index.html> (дата обращения: 19.11.17)

[6] European Youth Parliament. URL: <http://eyp.org> (дата обращения: 15.1.2017)

[7] Kinder- und Jugendparlament KJP. URL: <https://www.berlin.de/ba-charlottenburg-wilmersdorf/politik/gremien/kinder-und-jugendparlament/> (дата обращения: 27.11.17)

[8] Landtag M-V – Jugend im Landtag. URL: <https://www.landtagmv.de/mitmachen/projekte/jugend-im-landtag.html> (дата обращения: 27.11.17)

[9] landesjugendring.de: Info. URL: <http://landesjugendring.de/1739.0.html> (дата обращения: 22.11.17)

[10] UK Youth Parliament. URL: <http://www.ukyouthparliament.org.uk/about-us/> (дата обращения: 15.11.2017)

ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Вершинин Андрей Игоревич

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Факультет права

ул. Мясницкая, 20, Москва, Россия, 101000

vershinin152@gmail.com

Научный руководитель: И.Г. Шаблинский, д.ю.н., профессор
кафедры конституционного и административного права НИУ
ВШЭ

В статье рассматриваются особенности правового регулирования применения современных технологий в рамках избирательного процесса. В частности, будут рассмотрены вопросы перспектив проведения онлайн-голосования, пробелы в процессе регулирования агитации в сети интернет, а также практика проведенных онлайн праймериз политическими партиями.

Ключевые слова: праймериз, предвыборная агитация, онлайн-голосование.

Избирательное право можно назвать «живой» отраслью законодательства. Ежегодно в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации вносятся десятки поправок в избирательное законодательство. Стоит отметить, что организаторы выборов стараются применять современные технологии в рамках организации избирательного процесса. В частности, Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» предусматривает возможность использования при подсчете голосов электронные устройства-комплексы обработки избирательных бюллетеней (КОИБы); в рамках Федерального закона от 10.01.2003 N 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» предусматривается возможность применения средств видеонаблюдения и трансляции изображения на избирательных участках при проведении

голосования. Однако многие перспективные технологии, так и уже существующие и применяемые в настоящий момент так и остаются вне рамок правового поля.

В частности, стоит рассмотреть возможность апробации на территории нашей страны электронного голосования. Подобные технологии уже получают популярность в мире. Уже в 2005 году Эстония провела первые в мире местные выборы в формате голосования в сети интернет. В 2009 году на выборах дистанционно посредством сети интернет проголосовало более 100 000 избирателей [1. С. 100].

Элементы электронного дистанционного голосования уже апробировались в таких странах как Великобритания, Швейцария, Канада, Франция [2.С.44]. Применяются несколько видов электронного голосования: голосование с помощью социальной карты, голосование с помощью мобильного телефона (Великобритания), голосование с использованием дисков для электронного голосования (Канада, США, Эстония), электронное голосование с использованием ID-карт (Швейцария).

Рассмотрим более подробно порядок проведения электронного голосования в Эстонии. Голосование через Интернет предусматривает как возможность проголосовать досрочно, так и собственно в сам день голосования, причем избирателю дается возможность изменить свой голос в период досрочного голосования. Для голосования посредством Интернета избиратель должен обладать компьютером, имеющим доступ к сети Интернет, а также иметь ID-карту с действующими паролями и сертификатами, считыватель ID-карты. При голосовании избирателей проходит несколько этапов аутентификации, чтоб иметь возможность отдать свой голос.

Стоит отметить, что современные технологии, в том числе технологии блокчейн могут позволить провести честное Интернет голосование, обезопасить результаты от возможных манипуляций, а избирателей от возможного раскрытия их персональных данных. В России подобное голосование получило свою апробацию на муниципальных выборах в г. Урюпинск и в г. Одинцово, однако распространенной практикой так и не стало. Закрепление в законодательстве возможности проведения помимо голосования на избирательных участках также голосования посредством сети

Интернет позволит увеличить явку, особенно среди молодого населения. Основные аспекты, которые необходимо рассмотреть: защита и способ подтверждения персональных данных избирателей; в случае голосования гражданина на обычном участке его голос, поданный в сети Интернет должен быть аннулирован. Прогресс остановить невозможно и чем раньше организаторы выборов начнут апробировать возможности голосования интернет голосования, тем проще его будет встроить в общую систему.

Второй, выявленной проблемой является пробельность законодательства в рамках контроля за размещением агитационных материалов в сети Интернет. Особенно проблема стала актуальной в последние несколько лет. В частности, можно привести в пример муниципальные выборы в Москве 10 сентября 2017 года. Социальные сети были заполнены призывами кандидатов проголосовать за них. В последние несколько лет участились случаи использования для целей агитации контекстной рекламы, подготовка серии агитационных репортажей на профильных и непрофильных Интернет-платформах. В настоящее время добросовестные кандидаты оплачивают размещение агитации в сети Интернет из средств избирательного фонда и удостоверяют ее в соответствующем порядке в избирательных комиссиях. Однако в отношении недобросовестных кандидатов и черных политических технологий не существует эффективных механизмов запрета распространения агитационных материалов. Четкая регламентация в избирательном законодательстве особенностей регулирования предвыборной агитации в сети Интернет и выработка действующего механизма с Роспотребнадзором по блокировка незаконного предвыборного контента должны отчасти решить существующую проблему [3. С.37].

В-третьих, хотелось бы остановиться на вопросе применения современных технологий при определении политическими партиями своих будущих кандидатов. Наиболее эффективным и приближенным к избирателям механизмом является институт праймериз [4]. Пришедший к нам из Соединенных штатов Америки он начинает приобретать популярность среди политических партий. В частности, две политические партии «ПАРНАС» и «Альянс зеленых» проводили свои праймериз в сети Интернет. Регулирование процесса проведения предварительного

голосования определялось политическими партиями самостоятельно. Вся организация, в том числе технические и финансовые вопросы лежали на самих политических партиях. Можно вспомнить, что праймериз демократической коалиции, прошедшие на базе «ПАРНАС» в 2016 году окончились грандиозным скандалом, так как процесс голосования был практически сорван хакерской атакой [5.С.51]. Отсутствие хоть какого-либо законодательного регулирования процедуры праймериз не позволяет государству стимулировать партии к применению современных избирательных процедур и защищать их от недобросовестности конкурентов [6.С.29].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Берлявский Л.Г.* Сравнительное избирательное право: монография // Юрлитинформ, М.: 2013.

[2] *Борисов И.Б.*, Голосование с помощью Интернета // Журнал о выборах. 2006. № 3.

[3] Старостина И. А. На пути к федеральным парламентским выборам 2016 года: конституционно-правовые новеллы // Конституционное и муниципальное право., 2016.

[4] Отчет об итогах наблюдения за организацией и проведением политическими партиями процедуры предварительного голосования (праймериз) по отбору кандидатов для выдвижения на выборах в единый день голосования 18 сентября 2016 г. // Движение голос URL: <https://www.golosinfo.org/ru/articles/97861>.

[5] *Худненко Л.А.* Праймериз в России - партийная политтехнология или инструмент реальной внутрипартийной конкуренции? // Конституционное и муниципальное право. 2016. N 9.

[6] *Величинская Ю.Н.* Праймериз: демократическая ценность, проблемы применения в отечественной избирательной практике, перспективы институционализации // Конституционное и муниципальное право., 2015., № 8.

ТРАНСГРАНИЧНОЕ БАНКРОТСТВО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Газизова Алина Маратовна

Российский университет дружбы народов

Юридический институт

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

gazizova.lina2015@yandex.ru

Научный руководитель: Н.В. Бадаева, к.ю.н., доцент-исследователь кафедры гражданского права и процесса и международного частного права РУДН

Развитие международного коммерческого оборота в эпоху экономической интеграции и глобализации привело к тому, что трансграничное банкротство стало неотъемлемым атрибутом экономики. Упомянутая процедура усложнена иностранным элементом. Существует явный пробел в регулировании данного вопроса в законодательстве, в связи с чем на практике часто возникают противоречивые ситуаций.

Ключевые слова: трансграничное банкротство, банкротство физических лиц, банкротство юридических лиц, принцип взаимности.

Общего термина «трансграничное банкротство» до сих пор не существует. Но в настоящее время в этой области накопилось уже достаточно большое количество международных инструментов обязательного или рекомендательного характера. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности 1997 г. даёт следующее описание трансграничной несостоятельности: это «дела, когда должник имеет активы в нескольких государствах или когда в числе кредиторов должника имеются кредиторы из другого государства, нежели то, в котором осуществляется производство по делу о несостоятельности» [1]. В России Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» содержит несколько разрозненных статей, затрагивающих правовое регулирование трансграничных банкротств: п. 3 ст. 29, согласно которому под трансграничной несостоятельностью в РФ

понимается несостоятельность (банкротство), осложнённое иностранным элементом, п. 4 ст. 1, закрепляющий приоритет международного договора в соотношении с нормой закона, п. 5 ст. 1 – распространение законов на иностранных кредиторов, п. 6 ст. 1 – основы признания иностранных банкротств на началах взаимности[2].

В соответствии с п. 1 ст. 33 закона о банкротстве заявление о признании банкротом подаётся в арбитражный суд по месту нахождения должника. Согласно п. 2 ст. 54 ГК РФ местом нахождения юридического лица является место его государственной регистрации на территории РФ, а местом жительства гражданина признается место, где он постоянно или преимущественно проживает (ст. 20 ГК РФ). В качестве примера непоследовательной деятельности российских судов можно указать на дело о несостоятельности гражданки Украины Натальи Кузнецовой [3]. Арбитражный Суд Ямало-Ненецкого автономного округа обосновал удовлетворение иска тем, что Наталья долго жила и работала в России, имеет здесь недвижимость и получает пенсию, т.е. существует тесная связь спорного правоотношения с Россией, предусмотренная, в том числе, п. 10 ч. 1 ст. 247 АПК РФ.

В другом случае суды первой и апелляционной инстанции приняли противоположное решение, отказались признавать банкротом гражданина Германии Брискина А.Э., исходя из того, что Брискин А.Э. не является гражданином РФ [4]. Однако Арбитражный суд кассационной инстанции Московского округа от 08.07.2016 по делу Брискина А.Э., сославшись на ч. 3 ст. 62 Конституции РФ, ст. 2 и ст. 4 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», ст. 1196 ГК РФ, п. 3 ст. 1, ст. 2, ст. 29 Закона о банкротстве, п.5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан», пришёл к выводу, что Закон о банкротстве не связывает определение понятия гражданина-должника с наличием у него гражданства РФ. Брискина А.Э., гражданина Германии, признали банкротом по российскому законодательству.

Существуют два режима признания иностранных банкротств в РФ: общий режим, установленный главой 31 АПК РФ, и специальный режим, основы которого заложены в п. 6 ст. 1 закона о банкротстве, к которому также применяются общие положения главы 31 АПК РФ. Согласно п. 6 ст. 1 закона о банкротстве условиями признания иностранных банкротств в России являются наличие международного договора или принципа взаимности. РФ не подписала на сегодняшний день ни одного специального договора по вопросам банкротства.

Принцип взаимности не определен в законодательстве. Исходя из сложившейся практики, можно предположить, что принцип взаимности – это принцип международного частного права, который предполагает наличие возможности исполнения на территории иностранного государства решения российских судов, т.е. существует необходимость доказывания наличия взаимности (негативный подход). В широком же понимании принцип взаимности доказывать не нужно. Он основывается на том, что взаимность признаётся в судах одного и другого государства до тех пор, пока в иностранном государстве будут отсутствовать случаи отказа в признании отечественных судебных актов.

Данную проблему можно рассмотреть на судебной практике. Так, известно дело Кехмана В.А. [5]. Арбитражный суд Северо-Западного округа города Санкт-Петербурга отказал в удовлетворении иска Кехмана В.А., обосновав это тем, что нет специального международного договора и заинтересованная сторона не доказала наличия взаимности, т.е. нет доказательств того, что суды Великобритании признают судебные решения РФ о признании британских подданных банкротами.

Итак, основными задачами в регулировании трансграничной несостоятельности в РФ являются: определение надлежащей юрисдикции при банкротстве с целью пресечения злоупотреблений, решение вопроса о признании решений иностранного суда на территории РФ при наличии факта невозможности устранения противоречий между правовыми семьями. Можно рекомендовать российскому законодателю пойти по пути инкорпорирования Типового закона ЮНСИТРАЛ в национальное право. Стоит отметить, что Министерством экономического развития РФ уже

велись разработки Федерального закона «О трансграничной несостоятельности (банкротстве)».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности. С.21 URL: <http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/insolven/1997-Model-Law-Insol-2013-Guide-Enactment-r.pdf> (дата обращения: 26.10.2017)

[2] Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) «О несостоятельности (банкротстве)»// СПС «КонсультантПлюс»

[3] Постановление Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 14.11.2016 по делу Кузнецовой Н.В. № А81-6187/2015 URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/8e3209a1-bcfb-4035-a5c9-c1ca79e2ebe3> (дата обращения: 04.11.2017)

[4] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.07.2016 по делу Брискина А.Э. №Ф05-8738/2016 URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/85ca2699-fb31-49f6-be17-19a43e054ff4> (дата обращения: 04.11.2017)

[5] Постановление Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области по делу Кехмана В.А. № А56-27115/2016 URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/6c4fcf02-2258-4557-a52c-575d8dc2cbf8> (дата обращения: 04.11.2017)

ПРИНУЖДЕНИЕ К УВОЛЬНЕНИЮ ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ КАК ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ НАРУШЕНИЙ ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКА В XXI ВЕКЕ: ПОИСК РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Гордин Михаил Александрович, Науменко Мария Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Юридический факультет

Университетская набережная, 7-9, Санкт-Петербург, Россия,

199034

placetol@mail.ru , mnaumenko1005@gmail.com

*Научный руководитель: М.В. Филиппова, к.ю.н., доцент
кафедры трудового права и охраны труда СПбГУ*

В статье рассматриваются основные вопросы, касающиеся нарушения трудовых прав работников, а именно проблемы понуждения к увольнению по собственному желанию. Авторы подчеркивают, что правовое противодействие давлению со стороны работодателей есть одна их основных задач, стоящих перед юридическим сообществом.

Ключевые слова: принуждение к увольнению, увольнение по собственному желанию, трудовые правоотношения, давление на работника.

В современной российской действительности, в связи с экономической нестабильностью, вопрос о труде и рабочих местах снова встал ребром. Работодатель, сталкиваясь с кризисом, отсутствием доходов и другими негативными явлениями рынка, стремится сократить издержки, и, в т. ч., уменьшить штат сотрудников. Не желая выплачивать предусмотренные трудовым законодательством компенсации в связи с сокращением штатов (п.2 ч.1 ст. 81 ТК РФ) [1], он зачастую прибегает к такому незаконному способу, как принуждение к увольнению работника по собственному желанию (ст. 80 ТК РФ) [1], действуя при этом иногда с помощью угроз и психологического давления. Такие действия работодателя впоследствии становятся предметом спора в суде.

Учитывая, что на данной проблеме необходимо заострить внимание юридического сообщества, для того, чтобы она начала решаться, авторы произвели анализ судебной практики по делам подобной категории в нескольких регионах России. В результате исследования были выявлены следующие закономерные ситуации, указывающие на пороки регулирования правоотношений в области защиты прав работников.

В первую очередь следует отметить, что, несмотря на возможность участия в процессе прокурора, практически во всех случаях инициатором обращения в суд являлись сами уволенные посредством принуждения работники. Наиболее частым основанием иска был факт давления и угрозы со стороны работодателя. Так, в характерном деле № 2-203/2017 ~ М-2440/2016 [2] истица – работник школы указывала, что ее вынудили написать заявление об увольнении по собственному желанию, грозя при этом увольнением «по статье» и удерживая в кабинете директора, при этом разговор велся в грубой форме.

Другой распространенной формой незаконных действий работодателей было принуждение к написанию заявления об увольнении по собственному желанию заранее, при приеме на работу. Например, в деле № 2-4885/2015 ~ М-3909/2015 [3] истец указывает, что подобное заявление без даты составления было написано им задолго до самого факта увольнения, причем писалось оно под принуждением работодателя, что явилось грубым нарушением трудовых прав истца, т.к. он изначально был поставлен в зависимое от работодателя положение.

Также существенной проблемой является изначально-прогнозируемое отсутствие у истца доказательственной базы касательно факта принуждения, что в итоге, в большинстве случаев, и становится причиной отказа суда в удовлетворении исковых требований. Ведь согласно пп. «а» п. 22 Постановления Пленума ВС РФ от 17.03.2004 N 2 "О применении судами РФ Трудового кодекса РФ" бремя доказывания факта принуждения возлагается на работника [4]. Именно по этой причине в деле № 2-278/2016 (2-4532/2015;) ~ М-2918/2015 [5] суд отказал истице в удовлетворении исковых требований ввиду того, что истицей не было представлено доказательств отсутствия намерения уволиться из ООО «Канта»,

при этом порядок увольнения истицы, установленный ст. 80 ТК РФ, был соблюден работодателем.

Ввиду этого явно несправедливого нормоположения думается, что в силу объективного неравенства работника и работодателя в рамках трудовых отношений, наличия у работодателя распорядительной власти в отношении всего трудового коллектива, невозможно говорить о равенстве процессуальных возможностей истца и ответчика в подобном споре, в том числе, касательно и равносильной возможности предоставления сторонами доказательств своей правоты. Выход из этого положения, по мнению авторов, может быть найден в изменении позиции в вопросе доказывания. Представляется, что наиболее правильным и отвечающим конституционным принципам решением этой проблемы было бы перенесение соответствующего бремени доказывания с работника на работодателя, что согласовывается с принципом “кто действует, тот и доказывает”. Именно работодатель в подобном споре должен доказать наличие намерения работника уволиться. Ведь приказ об увольнении все равно издает работодатель. Возможно, для решения проблемы принуждения к увольнению по собственному желанию уполномоченным государственными органами и должностными лицам следует обратить особое внимание на наличие подобных ситуаций и жалоб в рамках конкретных организаций, что может стать поводом для проведения прокурорской проверки. Также речь может идти о более активной деятельности профсоюзных и правозащитных организаций по профилактике подобных ситуаций с помощью просветительских лекций и т.п.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] "Трудовой кодекс Российской Федерации" от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 02.11.2017 г.).

[2] Решение по делу № 2-203/2017 ~ М-2440/2016. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения 02.11.2017 г.).

[3] Решение по делу № 2-4885/2015 ~ М-3909/2015. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения 02.11.2017 г.).

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 N 2 (ред. от 24.11.2015) "О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации" // СПС КонсультантПлюс. (дата обращения 02.11.2017 г.).

[5] Решение по делу № 2-278/2016 (2-4532/2015;) ~ М-2918/2015. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения 02.11.2017 г.).

УТОПИИ И УТОПИЧЕСКОЕ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Гудилина Екатерина Николаевна

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

ул. Мясницкая, 20, Москва, Россия, 101000

ek.gudilina@gmail.com

Научный руководитель: В.Б. Исаков, д.ю.н., проф.
кафедры теории и истории права факультета права НИУ ВШЭ

В статье рассматривается порядок организации и проведения выборов как одной из форм прямой демократии с точки зрения идеологической составляющей. Идеологический плюрализм, закрепленный положениями Конституции РФ, позволяет политическим партиям отражать весь спектр политико-правовых учений, убеждений, ценностей и т.п. Теоретическое же переосмысление утопического позволяет находить его перспективы в современном избирательном праве.

Ключевые слова: программа политической партии, плюрализм, утопия, утопическое, идеология.

На современном этапе развития общества одной из актуальнейших проблем остается правовое регулирование общественных отношений в сфере политико-правового волеизъявления народа (т.е., проблемы избирательного права). Тенденцией развития большинства государств, в том числе и Российской Федерации, становится стремление к отражению различных политико-правовых течений в программах и предвыборных кампаниях в первую очередь политических партий. Такая тенденция отражает закрепленное положение Конституции РФ об основах конституционного строя [1] (чч. 1 – 3 ст. 13 Конституции РФ о постулировании идеологического многообразия, запрете установления конкретной идеологии в качестве государственной или обязательной и о политическом плюрализме).

Обратимся к Федеральному закону от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О политических партиях» [7]: в ст. 22 «Программа политической партии» закрепляется требование наличия программы. Анализ программа политических партий современного российского парламентаризма иллюстрирует преобладание следующих идеологий:

- ✓ либеральный консерватизм [2];
- ✓ социализм XXI века, подразумевающий обращение к коммунизму, марксизм-ленинизму, антикапитализму, антифашизму и патриотизму [3];
- ✓ либеральный демократизм, основывающийся на идеях антикоммунизма, этатизма, смешанной экономики, национализма и правого популизма [4];
- ✓ социал-демократизм [5].

Следовательно, выбор народом как носителем суверенитета (ч. 1 ст. 3 Конституции РФ) той или иной политической партии определяет вектор дальнейшего развития государства. Это подчеркивает значимость понимания разнообразных политико-правовых идеологий. Мысль Платона о том, что именно идеи правят миром, не теряет своей актуальности вне зависимости от исторического контекста. Анализ и понимание механизма изменения реальности – не только теоретическая, но и практическая проблема, способная существенно изменять не только наше представление о мире, но и сам этот мир.

Политико-правовая мысль предоставляет различные варианты толкования утопического. Понимание утопии как возможного сценария развития общества видоизменялось на протяжении веков: утопия Платона существенно отличается от утопии Кампанеллы, утопии Герцки – от утопий Сунь Ятсена. Естественно, что возникла потребность в теоретическом осмыслении представленных форм утопий и понимания утопического: отношение же к утопиям менялось от понимания их как химер, выдумок, до признания утопического сознания в качестве базового элемента человеческого мировоззрения [6; С. 35–36]. Именно в работах Эрнста Блоха произошло переосмысление утопии: утопия понимается не просто проект будущего и / или химера, а как неотъемлемое качество сознания [8].

Исследование утопий и утопического сознания – это не только приращение научного знания и формулирование новых подходов к проблеме, но и возможность изменения настоящего в рамках правового поля. Такие исследования могут оказать значительное влияние на дальнейшее политико-правовое развитие гражданского общества и государства, в том числе и в Российской Федерации: например, как различные сценарии такого будущего (скорее в долгосрочной перспективе) и предпосылки их реализации, до изменения параметром политической системы в ближайшее время (выборы как форма достижения утопии). Отметим, что программы политических партий, до момента смены статуса партии на правящую (как результат проведения выборов), можно рассматривать в качестве утопии.

Одним из различий содержания программ является темпоральная составляющая (кратко-, средне- и долгосрочные программы). В большинстве случаев побеждают партии, предлагающие достижение результатов именно в кратко- и среднесрочной перспективе. В то же время кардинальные изменения возможны скорее именно в долгосрочном планировании.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) / «Собрании законодательства РФ». 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

[2] Предвыборная программа Партии «Единая Россия» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VII созыва [Электронный ресурс] // Единая Россия [Официальный сайт] URL: <http://er.ru/party/program/> (дата обращения 23.11.2017).

[3] Программа партии [Электронный ресурс] // Коммунистическая партия Российской Федерации [Официальный сайт] URL: <https://kprf.ru/party/program> (дата обращения 23.11.2017).

[4] Программа ЛДПР [Электронный ресурс] // ЛДПР [Официальный сайт] URL: https://ldpr.ru/party/Program_LDPR/ (дата обращения 23.11.2017).

[5] Программа партии [Электронный ресурс] // Справедливая Россия [Официальный сайт] URL: <http://31.44.80.183/files/pf59/075833.pdf> (дата обращения 23.11.2017).

[6] *Черткова Е.Л.* Метаморфозы утопического сознания (от утопии к утопизму) // Вопросы философии, 2001, №7. С. 12-37.

[7] Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О политических партиях» / «Собрание законодательства РФ». 16.07.2001. № 29. Ст. 2950.

[8] Bloch E. Geist der Utopie. Erste Fassung (1918). Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1971.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОВЕДЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ АГИТАЦИИ В ПОДДЕРЖКУ ЦЕЛЕЙ ПУБЛИЧНОГО МЕРОПРИЯТИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Гуляницкая Дина Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, Россия, 199034
gulya.dina@yandex.ru

Научный руководитель: Е.А. Дмитрикова, к.ю.н., доцент
кафедры государственного и административного права

В статье рассматривается проблема соблюдения принципа формальной определенности при определении административной ответственности за предварительную агитацию в поддержку целей несогласованного публичного мероприятия, усложненная необходимостью квалифицировать действия граждан в социальных сетях.

Ключевые слова: публичные мероприятия, административное наказание, принцип формальной определенности, социальные сети

Право на свободное проведение мирных собраний является одним из важнейших политических прав, признаваемых и защищаемых международным сообществом. Демократические государства, конституируя в национальном законодательстве положения 11 статьи Конвенции о защите прав человека и основных свобод, по-разному регулируют отношения, складывающиеся непосредственно между гражданским обществом и государственными органами в сфере организации публичных мероприятий.

В постсоветской России порядок организации и проведения публичных мероприятий регулировался Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1988 г. в той части, в которой он не противоречил Декларации прав и свобод человека и гражданина. В 2004 году был принят Федеральный закон "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях",

формально демократизировавший правовое регулирование института публичных мероприятий, введя уведомительный порядок проведения публичного мероприятия взамен разрешительного. Так, действующий федеральный закон предусматривает единственно два возможных основания для отказа в проведении публичного мероприятия: подача уведомления ненадлежащим субъектом или указание в качестве места проведения публичного мероприятия такое место, где проведение публичного мероприятия запрещается [1]; во всех иных случаях орган публичной власти согласовывает с организатором мероприятия изменения места и (или) времени его проведения. При этом термин «согласование» во взаимоотношениях между организатором публичного мероприятия и органом исполнительной власти субъекта РФ или органом местного самоуправления сам по себе не предполагает ограничение права на свободу мирных собраний, но в основе таких действий должно лежать стремление обеспечить баланс интересов как различных социальных групп, так и общественных, на что не раз указывал Конституционный суд в своих решениях [2]. На практике же дискреция региональных властей приводит к различного рода злоупотреблениям вплоть до фактического введения разрешительного порядка, что было отмечено в специальном докладе Уполномоченного по правам человека в РФ [3].

Момент согласования публичного мероприятия имеет важное юридическое значение в свете законного проведения предварительной агитации в поддержку целей предстоящего мероприятия и приглашения граждан к участию в нем. Так, часть 1 ст. 20.2 КоАП, предусматривающая административную ответственность за нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, не раскрывает объективную сторону правонарушения, связанного с предварительной агитацией несогласованного мероприятия, не очерчивает правовые границы, за пределом которых действия граждан должны квалифицироваться как неправомерные, когда как «запреты и иные установления, закрепляемые в законе, должны быть определенными, ясными, недвусмысленными» [4]. Это ведет к фактической невозможности разграничить информирование о планируемом проведении

публичном мероприятии и собственно предварительной агитацией, цель которой - призвать граждан принять участие в данном публичном мероприятии, вследствие чего допускается возможность широкого усмотрения правоприменителя. Такое положение дел напрямую ведет к нарушению принципа равенства перед законом, закрепленного в ст. 19 Конституции и ч.1 ст.1.4 КоАП.

В эпоху социальных сетей проблема установления административной ответственности за нарушения при проведении предварительной агитации обременяется, с одной стороны, потенциальным увеличением количеством правонарушителей, что связано с доступностью распространения информации, подпадающей, согласно существующей судебной практике, под предварительную агитацию в поддержку целей несогласованного мероприятия, а с другой стороны, такими системными правовыми проблемами в сфере сети Интернет, как идентификация пользователей и использование гиперссылок [5. С. 32-34].

Доказывание неправомерности действий человека в социальных сетях усложнено разрывом между деятельностью лица вовне и конечным результатом в виде публикации от имени учетной записи и требует установления фактического владения человека доступом к аккаунту в момент опубликования нарушающего законодательство текста. Но если этот процессуальный вопрос отчасти решен на уровне взаимодействия правоохранительных органов с администрацией социальной сети, которое выражается, в том числе, через запросы данных, позволяющих максимально достоверно определить возможность конкретного лица осуществить предварительную агитацию в поддержку целей несогласованного мероприятия путем публикации, то квалификация опубликования в социальной сети гипертекста – то есть текста, содержащего ссылки на другие веб-страницы (в частности, это может быть ссылка на страницу мероприятия, где граждан призывают посетить несогласованное мероприятие) - снова ставит вопрос о неопределенности объективной стороны состава правонарушения, закрепленного в ч.1 ст.20.2 КоАП.

Отдельно стоит отметить, что минимальный размер штрафа, который предусмотрен ч.1 ст.20.2 КоАП в качестве меры административной ответственности для граждан, составляет 10

тысяч рублей, что в два раза больше «базового» максимального административного штрафа в 5 тысяч рублей. В связи с этим Конституционный суд признал в 2013 году, что такое административное наказание, не допускающее индивидуализации ответственности лица, его имущественного положения, а значит, и назначения наказания ниже низшего предела санкции, не соответствуют Конституции; после этого в общие правила назначения административного наказания были внесены изменения, позволяющие назначение административного штрафа в размере меньше 10 тысяч рублей при наличии исключительных обстоятельств, связанных с личностью нарушителя, его имущественным положением, а равно иными исключительными обстоятельствами. Однако, несмотря на существующую правовую неопределенность, судебная практика иллюстрирует тенденцию обвинительного уклона в административных делах о предварительной агитации несогласованного публичного мероприятия. В условиях экономической нестабильности такой размер штрафа может значительно затронуть имущественную массу гражданина; видится, что, ко всему прочему, это приводит к нарушению принципа справедливости, а именно несоответствию характера совершенного деяния и наказания за него.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Федеральный закон от 19.06.2004 N 54-ФЗ (ред. от 03.07.2016) "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях" // www.consultant.ru

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 N 4-П "По делу о проверке конституционности Федерального закона "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко" // www.consultant.ru

[3] Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в РФ "О соблюдении на территории Российской Федерации конституционного права на мирные собрания" // www.consultant.ru

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2003 N 9-П "По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Н. Белецкого, Г.А. Никовой, Р.В. Рукавишникова, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова" // www.consultant.ru

[5] *Архипов В.В.* Интернет-право. Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / В. В. Архипов. — М. : Издательство Юрайт, 2016. С. 304-306.

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ ЛИЧНОСТИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ВИД НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ XXI ВЕКА

Добряков Денис Андреевич

Российский университет дружбы народов

Юридический институт

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

den-dobryakov@yandex.ru

В настоящей статье рассматривается регламентация наказаний в виде лишения и приостановления прав в современном уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Корея.

Ключевые слова: лишение прав, приостановление прав, наказание, уголовное право.

Всякое наказание в той или иной степени ограничивает права и свободы личности, а в отдельных случаях и вовсе лишает их (как, например, пожизненное лишение свободы и смертная казнь). При этом, как традиционно отмечается в доктрине уголовного права, область наказаний, т.е. их возможные виды и объём (срок ограничений, размер и прочие измеримые величины), обусловлена областью тех прав и свобод, которые государство способно полностью отнять или ограничить у преступника [1. С. 957]. На основании этого ещё в XIX веке выделялись три общие группы прав, которые могут быть ограничены государством: гражданские права; общественные и политические права; права на определённые занятия [2. С. 168].

В системе наказаний, закреплённой в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Корея, присутствуют наказания, имеющие предметом ограничения достаточно узкий, специально оговорённый перечень прав. В отличие от лишения свободы на определённый срок (в Российской Федерации; в Республике Корея аналогичное положение занимают два близких по всем параметрам наказания – каторжные работы (징역) и лишение свободы без каторжного труда (금고), отличие

между которыми состоит в закреплении обязательности труда), которое ограничивает целый комплекс прав и свобод личности, следующий за фактом лишения свободы передвижения и изоляции от общества, и ряда других наказаний, российское наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ) и южнокорейские наказания в виде лишения прав (자격상실; ст. 43 УК Республики Корея [3]) и приостановления прав (자격정지; ст.ст. 43, 44 УК Республики Корея) направлены на ограничение отдельных прав, входящих во все три названные группы.

Российское наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью фактически объединяет в себе два наказания: запрет занимать определённые должности на государственной и муниципальной службе; запрет заниматься определённой профессиональной или иной деятельностью. В первом случае осуждённому лицу запрещается занимать круг должностей, определённый конкретными признаками (как то, например, должности, связанные с осуществлением административно-хозяйственных полномочий и т.д.), а во втором – заниматься определённым видом деятельности (например, иметь врачебную или педагогическую практику) [4]. Данное наказание может применяться в качестве как основного на срок от одного года до пяти лет, так и дополнительного – от шести месяцев до трёх лет (в специально оговорённых случаях может применяться в качестве дополнительного наказания на срок до двадцати лет). Срок исполнения этого наказания исчисляется с момента вступления приговора в законную силу в случаях, когда оно назначено в качестве основного, либо дополнительного к наказаниям, не связанным с лишением свободы. В случае назначения данного наказания в качестве дополнительного к наказанию, связанному с лишением свободы, оно действует с момента вступления приговора в законную силу, однако его срок исчисляется с момента отбытия основного наказания.

Южнокорейские наказания в виде лишения прав и приостановления прав близки по своему содержанию рассмотренному российскому наказанию и предполагают

бессрочное лишение или временное ограничение (приостановление) четырёх прав осуждённого (ст. 43 УК Республики Корея): право становиться государственным служащим; активное и пассивное избирательное право; право на определённые виды предпринимательской деятельности; право возглавлять юридическое лицо, становиться аудитором или управляющим юридического лица, быть инспектором или куратором деятельности юридического лица. Лишение прав является дополнительным наказанием, «автоматически» следующим за назначением пожизненного лишения свободы (в любой форме) и смертной казни (что в связи с действующим в Республике Корея мораторием на исполнение смертной казни является отнюдь не избыточным), и поражает все четыре названных выше права. Приостановление прав может быть как основным, так и дополнительным наказанием, назначаемым на срок от одного до пятнадцати лет. В случае назначения срочного лишения свободы, первые из трёх названных выше прав автоматически ограничиваются на срок лишения свободы. При одновременном назначении лишения свободы и приостановления прав, срок последнего исчисляется с момента отбытия лишения свободы.

В настоящее время, как представляется, целесообразно расширить перечень прав, которые могут быть ограничены наказанием. Например, ни одно из рассмотренных выше российских и южнокорейских наказаний никак не воздействует на права и свободы личности в киберпространстве, хотя в XXI веке с каждым годом данная область приобретает всё большее значение и становится не только обыденной, но и крайне важной (достаточно упомянуть Интернет-торговлю и совершение онлайн-платежей и т.д.). Ограничение доступа к информации (являющейся для современного человека практически наркотиком, потребляемым каждый день в огромных количествах, прежде всего, для развлечения), различным сервисам и услугам возможно, в частности, за счёт дополнения содержания уже существующих наказаний запрещением доступа к сети Интернет (на тот или иной срок; полностью или частично). Встречается также мнение о целесообразности введения самостоятельного наказания в виде «ограничения прав в киберпространстве» [5. С. 194], что, однако, кажется избыточным.

При этом необходимо учитывать, что ведение каких-либо действенных правоограничений в киберпространстве затруднено самой сущностью сети Интернет, разветвлённой и дающей колоссальные возможности для анонимизации пользователей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая, том II. – С.-Петербург: Государственная типография, 1902.

[2] *Фойницкий И.Я.* О наказании в связи с тюремноведением. – С.-Петербург: Типография министерства путей сообщения, 1889.

[3] 형법 (시행 2016.12.20.) 법률 제14415호, 2016.12.20., 일부개정 [Уголовный кодекс (действ. с 20.12.2016) в ред. Закона № 14415 от 20.12.2016].

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 29.11.2016) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

[5] *Орлов В.Н.* Новое наказание в виде ограничения прав в киберпространстве // Актуальные проблемы криминологии, юридической психологии и уголовно-исполнительного права: сборник научных статей. – Москва: Проспект, 2016. С. 193-199.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСМОТРЕНИЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Дрёмова Ирина Александровна
Российский университет дружбы народов
Юридический институт
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
dremova.i.a@mail.ru

Научный руководитель: М.А. Штатина, к.ю.н., доцент
кафедры административного и финансового права РУДН

В статье рассматриваются понятие, виды и особенности нормативно-правового регулирования административного усмотрения. Выявлены риски применения административного усмотрения, предложены варианты оптимизации его правового регулирования.

Ключевые слова: административное усмотрение, административно-правовое регулирование, пределы реализации усмотрения, риски применения административного усмотрения.

Административное усмотрение в одних странах (Австрия, Германия) регулируется правовыми нормами как важнейший институт административного права, в других (Россия начала XXI в.) рассматривается как фактор, ведущий к незаконности и произволу, а в-третьих фактически существует, но не подлежит четкой правовой регламентации. В современных условиях развития нашей страны, усложнения административных правоотношений, демократизации сферы публичного администрирования, расширения его диспозитивных начал необходимо проведение научных разработок категории административного усмотрения, определение перспектив его правового регулирования.

Учёными-административистами предлагаются различные определения понятия административного усмотрения: «оценка фактических обстоятельств», производимая в пределах, допускаемых нормативными актами; [2] «предоставление возможности выбора одного из вариантов поведения,

предусмотренных в административно-правовой норме»; [3] «определенная нормативными правовыми актами свобода выбора варианта поведения полномочного субъекта на основе его мыслительной деятельности с учетом публичного интереса с целью принять оптимальное управленческое решение».[1]

На основе этих определений можно выделить следующие характерные черты административного усмотрения: интеллектуально-волевая деятельность, свобода выбора, законность, пределы компетенции, целесообразность. Представляется наиболее полной следующая дефиниция: административное усмотрение – это возможность выбора административным органом или его должностным лицом управленческого решения для реализации своих полномочий, совершения действия либо отказа от него, осуществляемого в рамках закона в случае, когда элементы такого решения, действия или бездействия напрямую не предусмотрены правовой нормой.

В научных трудах по административному праву предлагаются различные классификации административного усмотрения. В частности, выделяются виды административного усмотрения в зависимости от условий его применения, от его формы и целей применения.

Так, в условиях чрезвычайного положения органам особого управления соответствующих территорий предоставляются широкие полномочия, которые должны реализовываться ими в рамках предоставленной компетенции. Органы особого управления вправе издавать обязательные для исполнения на соответствующей территории приказы и распоряжения. Поскольку пределом применения административных мер также признана «острота создавшегося положения», принятие того или иного решения во многом зависит от квалификации и компетентности должностных лиц, наделенных особыми полномочиями. Кроме того, наряду с установлением максимального срока действия чрезвычайного положения предусмотрена возможность продления данного срока указом Президента Российской Федерации [6]. Учитывая особый характер режима чрезвычайного положения, следовало бы более точно определить ответственность органов особого управления и их должностных лиц как за нарушение предписанных законом

требований, так и за выход за пределы предоставленной им компетенции.

Что касается административного усмотрения в условиях необходимости выбора из возможных нормативно-определенных действий, то примером может служить применение норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, устанавливающих альтернативные санкции. Так, ст. 21.6 КоАП РФ предусматривает ответственность за уклонение от медицинского обследования в виде предупреждения или наложения административного штрафа. В данном случае субъект административной юрисдикции, прежде чем сделать выбор в пользу одной из предусмотренных в законе санкций, должен оценить все обстоятельства, сопоставить их с указанной нормой и после этого принять мотивированное решение. Диспозитивные нормы образа действия широко применяются в различных отраслях права, они, бесспорно, необходимы и в административном праве.

В некоторых случаях субъекты административного усмотрения должны осуществлять выбор варианта действия, учитывая прежде всего необходимость соблюдения баланса частных и публичных интересов. Важно, чтобы административный орган или должностное лицо действовали не в собственных, а в общественных и государственных интересах. Ситуация административного усмотрения в этом отношении наиболее уязвима, неслучайно еще Г.Ф. Шершеневич определял административное усмотрение как «меру свободы, предоставляемую субъекту для осуществления своего интереса» [5. С.202]. Должен быть исключен субъективный интерес лица, осуществляющего административное усмотрение. Но конфликт интересов возможен и при применении административного усмотрения в общественно полезных целях. Например, при одновременном выявлении одного транспортного средства, которое движется по встречной полосе, и другого, движущегося под запрещающий сигнал светофора на жд переезде, какое из них инспектор ДПС должен остановить в первую очередь? Этот вопрос в каждой конкретной ситуации будет решён по усмотрению инспектора, который обязан соблюдать законность и учитывать обстоятельства, сопутствующие инциденту.

Исходя из проанализированных видов и примеров административного усмотрения, можно выявить следующие риски его реализации: злоупотребление правом, необоснованность, коррупция, нецелесообразность применения тех или иных норм в результате усмотрения, неправильная оценка сложившейся ситуации и сопоставление её с правовыми нормами.

В российском законодательстве еще не выработаны чёткие основы правового регулирования административного усмотрения, однако существует достаточное количество норм, реализация которых прямо предполагает его применение. В ФЗ "Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов..." необоснованно широкие пределы усмотрения (широта дискреционных полномочий) рассматриваются в качестве коррупциогенного фактора. Закрепление рассматриваемого понятия в нормативном правовом акте, касающемся противодействия коррупции, свидетельствует о том, что именно коррупционные риски являются наиболее распространённой проблемой применения административного усмотрения.

Полагаю, что для противодействия рискам применения административного усмотрения в качестве рациональной меры необходимо не только законодательное определение понятия административного усмотрения и его видов, но и нормативное закрепление пределов его применения: законность, целесообразность (обоснованность установления исключений), обязательность действия субъекта исключительно в рамках своей компетенции (недопустимость заполнения законодательных пробелов при помощи подзаконных актов в отсутствие законодательной делегации соответствующих полномочий), необходимость наиболее полного определения административных процедур и недопущения нормативных коллизий, а также чёткое установление ответственности субъектов административного усмотрения. Кроме формально-юридических желательно выделить также нравственно-правовые пределы административного усмотрения: соблюдение определённых требований к кандидатам на управленческие должности, повышение уровня правовой культуры и правосознания субъекта усмотрения.

Административное усмотрение фактически является «одушевляющим импульсом» [4. С. 70], определяющим содержание административно-правовых актов и их реализацию. В связи со значимостью данной категории необходимо её детальное нормативно-правовое регулирование как на законодательном уровне, так и на уровне подзаконных актов, в том числе в административных регламентах органов исполнительной власти и должностных регламентах государственных служащих.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Слюсарева Т.Г.* Административное усмотрение в деятельности государственных служащих: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2013. // URL: dlib.rsl.ru/loader/view/01005539521?get=pdf (дата запроса: 21.11.2017)

[2] *Соловей Ю.П.* Усмотрение в административной деятельности советской милиции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. // URL: <http://www.dissercat.com/content/usmotrenie-v-administrativnoi-deyatelnosti-sovetskoi-militsii> (дата запроса 21.11.2017)

[3] *Старилов, Ю.Н.* Административное право: История. Наука. Предмет. Нормы. Воронеж, 1998. // URL: <https://studfiles.net/preview/4414182/> (дата запроса: 21.11.2017)

[4] *Тихомиров Ю.А.* Административное усмотрение и право // Журнал российского права, № 4 М., 2000.

[5] *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. М., 1995.

[6] Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) "О чрезвычайном положении" // СПС «КонсультантПлюс»

[7] "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.10.2017) // СПС «КонсультантПлюс»

[8] Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ (ред. от 21.10.2013) "Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов" // СПС «КонсультантПлюс»

[9] Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых

актов (утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96) // СПС «КонсультантПлюс»

**ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ,
ВОСПИТАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В XXI ВЕКЕ
В ДУХЕ СОБЛЮДЕНИЯ ЗАКОНОВ, УКРЕПЛЕНИЕ
ЗАКОННОСТИ КАК ВАЖНЕЙШИЕ ЗАДАЧИ
ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЙ**

Духанин Светослав Артемович

Российский государственный университет правосудия
Факультет подготовки кадров высшей квалификации
ул. Новочеремушкинская, 69, Москва, Россия, 117418
raj-priem@mail.ru

Научный руководитель: С.З. Женетль, д.ю.н. профессор кафедры административного права и процесса им. Н.Г. Салищевой РГУП

В статье рассматриваются предупреждение правонарушений, воспитание несовершеннолетних в духе соблюдения законов и укрепление законности, как одни из важнейших задач производства по делам об административных правонарушениях.

Ключевые слова: производство по делам об административных правонарушениях, несовершеннолетний, законность, правопорядок, предупреждение правонарушений.

Производство по делам об административных нарушениях является одним из важнейших видов административных производств. Поэтому нельзя недооценивать значение задач этого производства.

Несмотря на четкое перечисление задач рассматриваемого производства в ст. 24.1. Кодекса об административных правонарушениях, список не является исчерпывающим. В частности, очень важными задачами остаются предупреждение правонарушений, воспитание несовершеннолетних в XXI веке в духе соблюдения законов и укрепление законности.

Несмотря на наличие множества различных исследований этих задач, изучение вопроса по-прежнему остается актуальным. Ведь в любом случае предупредить преступление лучше, чем

разбирать затем его последствия. А обеспечить несовершеннолетним необходимую им поддержку, направить их на верный путь, возможно, спасет их от криминальных действий. И, естественно, все это невозможно без постоянной деятельности по укреплению законности.

К задачам превентивно-предупредительного характера можно отнести предупреждение правонарушений, укрепление законности и воспитание несовершеннолетних в духе соблюдения законности.

Рассматривая подробнее задачу предупреждения правонарушений, можно сказать, что это одна из задач не только производства по делам об административных правонарушениях, но и административного законодательства в целом. Предупреждение административных правонарушений в качестве одной из задач административного законодательства закреплено в ст. 1.2. КоАП РФ. Подтверждение такой установки можно найти и в других нормативно-правовых актах РФ. Следует обратить внимание, что выполнение этой задачи обеспечивается на всех стадиях по делам об административных правонарушениях.

В ст. 24.1. КоАП РФ закреплены следующие его задачи: выяснение обстоятельств и разрешение дела в соответствии с законом, обеспечение исполнения вынесенного постановления, выявление предпосылок совершения административного правонарушения, которыми определяется цель данного вида административного производства. Она заключается в объективном, полном и своевременном выяснении обстоятельств дела, разрешение его в соответствии с законом, обеспечении исполнения вынесенного приговора.

Однако это не исчерпывающий список задач. К задачам превентивно-предупредительного характера можно отнести предупреждение правонарушений, укрепление законности и воспитание несовершеннолетних в духе соблюдения законности, которая в XXI веке стоит наиболее остро.

Говоря о предупреждении правонарушений, следует обратить внимание, что в административном праве оно связано с наказанием. Предупреждение ориентировано не только на лицо, совершившее преступление, но и на лиц, окружающих его.

Воспитание несовершеннолетних в духе соблюдения законов – важнейшая часть воспитания граждан. Первоначально этим должна заниматься семья и школа. Однако эти ячейки общества не всегда справляются со своими обязанностями. И тогда уже перевоспитанием подростков, совершивших проступок, занимается специальная комиссия по делам несовершеннолетних. Главная цель такой работы с подростками заключается не только в перевоспитании и осознании ими необходимости следовать законам, но также не допустить повторенного совершения такими лицами правонарушений и более серьезных преступлений.

Задача укрепления законности не менее важна в сравнении с предыдущими двумя, а может даже и еще более важна, чем они. Ведь невозможно ожидать какого-либо эффекта от деятельности, не подкрепленной законностью. Необходимо постоянно проводить мероприятия и другую деятельность для ее укрепления.

Из этого можно заключить, что рассматриваемые задачи производства по делам об административных правонарушениях, а именно: предупреждение правонарушений, воспитание несовершеннолетних в духе соблюдения законов и укрепление законности, действительно являются одними из важнейших задач производства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 07.02.2017) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/

[2] Постановление Правительства РФ от 06.11.2013 N 995 (ред. от 18.10.2016) "Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав" [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154121/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/

[3] *Васильев А.М.* Особенности отдельных стадий производства по делам об административных правонарушениях несовершеннолетних // А.М. Васильев, Н.А. Васильева // Юридические записки. 2014. №1. [Электронный ресурс]. – URL:

<http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-otdelnyh-stadiy-proizvodstva-po-delam-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah-nesovershennoletnih>

[4] *Ирлицин В.И.* Проблемы применения мер административного принуждения к несовершеннолетним лицам и их законным представителям // В.И. Ирлицин, Г.Н. Суслова // Концепт. 2014. №12. [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-primeneniya-mer-administrativnogo-prinuzhdeniya-k-nesovershennoletnim-litsam-i-ih-zakonnym-predstavitelnyam>

[5] *Конин Н.М.* Административное право: учебник для академического бакалавриата / Н.М. Конин, Е.И. Маторина. — М.: Издательство Юрайт, 2015. — 574 с.

[6] *Федотова О.А.* Задачи и принципы производства по делам об административных правонарушениях в отношении несовершеннолетних // Общество и право. 2016. №1 (55). [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zadachi-i-printsipy-proizvodstva-po-delam-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah-v-otnoshenii-nesovershennoletnih>

[7] *Штатина М.А.* Административный процесс: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. М.А. Штатиной. — М.: Издательство Юрайт, 2015. — 364 с.

РАСКРЫТИЕ ИНФОРМАЦИИ ОБ АФФИЛИРОВАННЫХ ЛИЦАХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Ефимов Анатолий Викторович,

аспирант 3 года обучения

Российский государственный университет правосудия

ул. Новочерёмушкинская, 69, Москва, Россия, 117418

av_efimov@inbox.ru

Научный руководитель: А.Е. Кирпичев, к.ю.н., доцент кафедры
гражданского права РГУП

В статье рассматривается действующий порядок раскрытия информации об аффилированных лицах, который, по мнению автора, не соответствует условиям гражданского оборота в эпоху цифровой экономики.

Ключевые слова: аффилированные лица, информация, цифровая экономика, единый государственный реестр юридических лиц.

Аффилированными лицами согласно ст. 4 Закона РСФСР о конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках признаются «физические и юридические лица, способные оказывать влияние на деятельность юридических и (или) физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность» [2]. Исходя из того, что участие юридического лица в гражданском обороте зависит от влияния аффилированных лиц, для остальных участников оборота, вступающих в отношения с юридическим лицом, приобретает значение информация о его аффилированных лицах. В этом смысле информация об аффилированных лицах представляет собой часть информации о самом юридическом лице.

В настоящее время на раскрытие информации о юридических лицах и их аффилированных лицах существенно влияют общие тенденции развития гражданского оборота в цифровую эпоху. В программных документах [5] акцентируется внимание на необходимость дальнейшего развития бизнеса с использованием

информационных и коммуникационных технологий. С.В. Сарбаш полагает, что «в самом ближайшем будущем личность во всех своих проявлениях будет окончательно встроена в цифровое пространство. ... С самого своего рождения (создания) лицо будет попадать в цифровое пространство, обращаясь в цифровой субъект. Его правовой статус, включая гражданское состояние ..., автоматически отражается в мировой сети» [4]. Вместе с тем процесс «встраивания» юридических лиц в цифровое пространство и их существование как целостного «цифрового субъекта» затруднен тем, что в состав информации о юридическом лице, отражаемой, например, в ЕГРЮЛ, не включается информация об аффилированных лицах; она отражается отдельно от основной информации о юридическом лице.

В литературе указывалось на необходимость раскрытия информации об аффилированных лицах в отношении различных организационно-правовых форм юридических лиц [1. С. 43], однако в настоящее время соответствующее законодательство наиболее развито в отношении акционерных обществ. Так, в соответствии с п. 4 ст. 93 ФЗ об акционерных обществах акционерное общество обязано вести учет его аффилированных лиц и представлять отчетность о них в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации [6]. Особенности обязательного раскрытия информации об аффилированных лицах акционерного общества определяются подзаконными актами [3], содержание которых по поводу информационного ресурса и периодичности размещения информации свидетельствует о несвязанности информации об аффилированных лицах с информацией о юридическом лице, размещаемой, например, в ЕГРЮЛ, о несинхронности изменения информации в различных информационных ресурсах о юридическом лице. Поскольку информация об аффилированных лицах не связана, не синхронизирована с информацией о юридическом лице, участники гражданского оборота получают информацию разрозненно из различных источников и не могут быть уверены в ее актуальности.

Вместе с тем, учитывая, что информация об аффилированных лицах юридического лица является составной частью информации о самом юридическом лице, она должна быть встроена в систему основной информации о юридическом лице. В этой связи

существует необходимость создания единой системы раскрытия информации о юридических лицах, которая может быть создана, например, на основе ЕГРЮЛ. Отражение информации об аффилированных лицах в единой системе раскрытия информации о юридических лицах позволит «встроить» юридическое лицо в цифровое пространство и обеспечит участников гражданского оборота актуальной и достоверной информацией о юридических лицах.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Анисимов А.В.* Раскрытие информации об аффилированных лицах — новый порядок // Все для бухгалтера. 2006. № 11.

[2] Закон РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 (ред. от 26.07.2006) «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 16. ст. 499.

[3] Приказ ФАС России от 26.06.2012 № 409 (ред. от 05.09.2013) «Об утверждении Порядка предоставления бирже списка аффилированных лиц хозяйствующим субъектом, занимающим доминирующее положение на соответствующем товарном рынке, аккредитованным и (или) участвующим в торгах (в том числе путем подачи заявок на участие в торгах брокеру, брокерам)» // Российская газета. 2012. 15 августа; Положение о раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг (утв. Банком России 30.12.2014 № 454-П) (ред. от 01.04.2016) // Вестник Банка России. 2015. № 18 – 19; Положение о порядке ведения учета и представления информации об аффилированных лицах кредитных организаций (утв. Банком России 20.07.2007 № 307-П) (ред. от 09.02.2016) // Вестник Банка России. 2007. № 52.

[4] *Сарбаши С.В.* Гражданский оборот в цифровую эпоху // URL:

https://zakon.ru/blog/2017/10/21/grazhdanskiy_oborot_v_cifrovuyu_epohu (дата обращения: 01.11.2017).

[5] Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. ст. 2901; Распоряжение

Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р <Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»> // СЗ РФ. 2017. № 32. ст. 5138.

[6] Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. ст. 1.

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ВЫБОРОВ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Зворыкина Екатерина Владимировна

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Факультет права

Б. Трехсвятительский пер, 3., Москва, Россия 109028

katyazvo95@gmail.com

Научный руководитель: Лукьянова Е. А., д.ю.н., профессор
кафедры конституционного и административного права НИУ
ВШЭ

В статье рассматривается эволюция института выборов России и зарубежных странах. Проанализирован опыт проведения электронных выборов и перспектива внедрения технологии блокчейна.

Ключевые слова: выборы, электронное голосование, блокчейн, тайна голосования.

Научно-технический прогресс изменяет привычные понятия. Он оказывает влияние на эволюцию института выборов, качественно меняет форму их проведения. Они начинают проводиться с помощью электронного голосования, как, например, в Канаде, Швейцарии, Эстонии и ряде других стран [1]. Под ним понимается такой способ голосования, при котором избиратели используют электронные средства или средства электронной связи для передачи своего голоса [2, стр. 39].

Электронное голосование на выборах проводится по-разному. В Швейцарии проголосовать можно с помощью ID-карты, в Канаде для этого используются специальные диски, а в Великобритании - мобильный телефон [1].

В России несколько раз проводились эксперименты с различными способами голосования [1]. В настоящее время, исходя из постановления ЦИК РФ, электронное голосование осуществляется с использованием комплексов для электронного

голосования, которые, однако, являются лишь средствами автоматизации выборов [3].

Однако научно-технический прогресс идет дальше, и прежнее понятие электронного голосования стремительно устаревает. Уже в недалеком будущем под ним будет подразумеваться возможность голосовать дистанционно из любой точки мира, без какой-либо возможности фальсификации выборов. Такая перспектива возникает благодаря технологии блокчейна.

Блокчейн – это технология, на основании которой построена и работает любая криптовалюта. По структуре — это цепь блоков, которая содержит в себе определенную информацию [4]. Все цепочки связаны друг с другом, вновь возникающие блоки добавляются в конец цепи, и дублируют всю предыдущую информацию, а также добавляют новую [4].

Данная система работает на основании распределенности и открытости, а её защиту обеспечивает математический алгоритм и все пользователи [4].

О перспективах её применения на выборах говорят во всем мире, в частности и в России. Так для Европарламента был издан документ, в котором утверждается, что электронное голосование с помощью блокчейна – это неизбежное будущее [5].

В России последний год обсуждается возможность электронного голосования на предстоящих выборах Президента Российской Федерации в 2018 году. И если еще полгода назад ЦИК РФ отвергал возможность скорого применения блокчейна из-за недостаточной технологической оснащенности [6], то уже в ноябре 2017 года бизнесмен Сергей Полонский объявил о проработке проекта по его внедрению на выборах в 2018 году [7].

Применительно к выборам блокчейн может выглядеть следующим образом: каждый избиратель получает специальную монету, которую он переводит на счет, связанный с конкретным кандидатом, тем самым осуществляя транзакцию как в случае со сделкой в криптовалюте [8]. Таким образом каждый избиратель может отследить свой голос, изменить его, а также постоянно отслеживать, сколько голосов подано за того или иного кандидата [9]. Результаты выборов можно получить сразу после их проведения, голоса больше не нужно подсчитывать.

Безопасность и надежность такой системы чрезвычайно высока. Однако существует проблема «51 процента», когда тот, кто владеет большей частью распределительных мощностей, может вносить изменения в блоки. Данную проблему необходимо будет учитывать, и искать способ устранения при внедрении данной системы [9].

Сложности могут возникнуть с техническим оснащением для внедрения блокчейна, так он требует существенной модернизации [9]. Однако при использовании этой технологии одновременно больше не нужно тратить средства на подготовку и организацию выборов в традиционном смысле.

Споры возникают относительно сочетания блокчейна и принципов проведения выборов, а в частности принципа тайного голосования. Но и здесь есть выход: существует технология «слепой подписи», которая позволяет заверить голос избирателя, не нарушая при этом его анонимности [8].

Подводя итог, можно утверждать, что при соблюдении определенных требований и принятии соответствующих мер, блокчейн полностью меняет систему проведения выборов и само их понимание. Процесс голосования и подсчета голосов больше не требует посредника в виде избирательной комиссии, а происходит открыто, прозрачно, и контролируется каждым избирателем. Опасность в данной системе может исходить не столько от хакеров, так как она достаточно надежно защищена, сколько от самого государства, из-под власти которого уйдет любая возможность каким-либо образом повлиять на результаты голосования. Однако именно блокчейн – это путь к настоящей демократии. И вопрос не в том, будет ли применяться такая технология на выборах, а в том, кто и когда первый использует её.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Интернет-голосование на выборах внедряют не ранее 2021 года. Какие инструменты электронной демократии функционируют уже сейчас // URL: <https://roskomsvoboda.org/13164/> (дата обращения: 16.11.2017).

[2] Горностаева Е.О. Зарубежный опыт электронного голосования на выборах // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 21. С. 39 – 40.

[3] Постановление ЦИК России от 07.09.2011 N 31/276-6 (ред. от 12.08.2015) «О Порядке электронного голосования с использованием комплексов для электронного голосования на выборах, проводимых в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Что такое Блокчейн? // URL: <https://24paybank.com/faq/chto-takoe-blockchain.html> (дата обращения: 16.11.2017).

[5] What if blockchain technology revolutionised voting? // URL: [http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_ATA\(2016\)581918](http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_ATA(2016)581918) (дата обращения: 16.11.2017).

[6] ЦИК пояснил, почему блокчейн пока нельзя использовать на выборах // URL: <https://therunet.com/news/29530> (дата обращения: 16.11.2017).

[7] Полонский намерен внедрить блокчейн для голосования на выборах // URL: <http://www.mk.ru/politics/2017/11/11/polonskiy-nameren-vnedrit-blokcheyn-dlya-golosovaniya-na-vyborakh.html> (дата обращения: 16.11.2017).

[8] Блокчейн позволит провести по-настоящему честные выборы в интернете. И не только // URL: <https://meduza.io/feature/2017/10/18/blokcheyn-pozvolit-provesti-po-nastoyaschemu-chestnye-vybory-v-internete-i-ne-tolko-ih> (дата обращения: 16.11.2017).

[9] Блокчейн на выборах: плюсы и минусы // URL: <https://probtc.info/blokcheyn-na-vyborax-plyusy-i-minusy/> (дата обращения: 16.11.2017).

**«ГРУППЫ СМЕРТИ»: ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ
ДЕЙСТВИЙ ЛИЦ, СПОСОБСТВУЮЩИХ СУИЦИДУ,
В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЙ УК РФ**

Зуева Юлия Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет

Юридический факультет

22-я Линия Васильевского острова, 7, Санкт-Петербург,

Россия, 19910

zuevajur@gmail.com

Научный руководитель: Е.В. Суслина, к.ю.н., доцент кафедры
уголовного права СПбГУ

Статья посвящена анализу изменений уголовного законодательства в части появления ст. 110.1 и 110.2 УК РФ как реакции законодателя на социально-правовое явление «групп смерти» в социальной сети «ВКонтакте». В работе освещаются некоторые проблемные аспекты данных норм, предпринята попытка ответить на вопрос, являются ли вышеуказанные новеллы уголовного законодательства адекватными сложившейся ситуации, корректно ли отвечают на возникший у общества социальный заказ. Анализируется зарубежное законодательство, делается вывод о целесообразности и эффективности введенных составов.

Ключевые слова: уголовное право, доведение до самоубийства, склонение к самоубийству, «группы смерти».

Обнаружение сотрудниками правоохранительных органов деятельности, способствующей суицидальному поведению, в социальной сети «ВКонтакте», в 2016 году повлекло за собой внесение изменений в уголовное законодательство уже летом 2017 года.

Целями изменений, согласно Заключению Правового управления Аппарата Совета Федерации [1.], являлись:

- 1) обеспечение безопасности жизни и здоровья несовершеннолетних;
- 2) создание мер, способствующих предотвращению самоубийств среди детей;
- 3) борьба с различными формами содействия суицидам, а также вовлечения несовершеннолетних в совершение противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для их жизни.

Ст. 110.2 УК РФ усиливает ответственность для администраторов «групп смерти», предполагая дополнительную квалификацию для лиц, в чьих действиях наблюдается состав преступлений, предусмотренных ст. 110 или 110.1 УК РФ, однако не исключается и самостоятельная квалификация.

Диспозиция нормы сформулирована широко – для правильной квалификации необходимо установить субъективную сторону, провести экспертизу, которая установит, является ли контент направленным именно на побуждение к совершению самоубийства. Это, в свою очередь, затрагивает проблему корректности лингвистических заключений, которая ярко проявляется в правоприменительной практике на примере ст. 280 УК РФ. Таким образом, возможны ситуации, когда по ст. 110.2 УК РФ будут привлекаться не те лица, на которых данный состав был рассчитан.

Переходя к первым двум целям, стоит отметить, что изменения УК РФ – спорная форма борьбы с самоубийствами среди несовершеннолетних, потому что корень данной проблемы все же лежит в плоскости детско-родительских отношений и проведении благоприятной социальной политики со стороны государства. Более того, в законопроекте дети позиционируются как основные потенциальные потерпевшие, но в состав построен как общий в отношении всех лиц, в том числе совершеннолетних,

несовершеннолетие потерпевшего - только квалифицирующий признак части 3 указанной статьи.

В ч.1 ст. 110.1 УК РФ указываются весьма спорные способы совершения деяния:

— уговоры. Предполагаемую жертву просят, приводя некие аргументы, покончить с собой, но возникает вопрос, какими они могут быть и не войдут ли они в психологическое насилие как часть жестокого обращения с потерпевшим по ст. 110 УК РФ? Психическое насилие - один из способов причинения психических страданий, что представляется собой проявление жестокости. Целью психического насилия (пусть даже скрытого) является посягательство на личность другого человека, лишение его индивидуальности [2. С. 13];

— предложения. Какого предложения будет достаточно для выполнения объективной стороны, чтобы оно не переросло в уговоры и несло в себе общественную опасность? Предложение – это просто фраза «Может, тебе стоит выпрыгнуть из окна?» или далее должны следовать аргументы? Неужели законодатель полагает совершеннолетнего человека настолько психологически незащищенным, что такая фраза является достаточно общественно опасной для уголовного преследования, особенно с учетом того, что состав является формальным.

Действия администраторов «групп смерти», содержащие в себе психологическое воздействие с помощью пропаганды причинения насилия себе, демонстрации деструктивно воздействующего на психику контента, высмеивания общечеловеческих ценностей, а также образа жизни и мыслей потерпевших, представляют собой психическое насилие как часть жестокого обращения с потерпевшим. Оснований для противления такому достаточно экзотичному для российской правоприменительной практики толкованию жестокого обращения в рамках ст. 110 УК РФ нет, поскольку это оценочное понятие, которое может толковаться расширительно. Благодаря такому толкованию действия администраторов суицидальных сообществ

впишутся в рамки ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства», следовательно, введения нового состава не требовалось.

Однако изменения в законодательство внесены, поэтому необходимо попытаться осуществить максимально корректное толкование новых положений УК РФ.

Подходы зарубежного законодательства к анализируемым составам расходятся с анализируемыми положениями: в большинстве норм состав описывает склонение или оказание помощи, но способы не конкретизированы, и состав является материальным (от причинения потерпевшим себе тяжкого вреда здоровью до самоубийства). Однако во Франции имеется состав, по конструкции схожий со ст. 110.2 УК РФ.

Таким образом, российское законодательное решение не вполне вписывается в рамки общемировых тенденций, в основном из-за спорного описания способов совершения деяния.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Государственная Дума. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс] URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=118634-7](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=118634-7) (дата обращения: 01.11.2017)

[2] *Иригуайан М.-Ф.* Моральные домогательства: скрытое насилие в повседневности / пер. с фран. — Екатеринбург: У-Фактория, 2005. — С.13 — 272 с.

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО УБЕЖИЩА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Ибрагимова Анастасия Исламовна

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА при
Минюсте России)

Юридический факультет

ул. Азовская д.2, корп.1 г. Москва, 1117638

ibragimova.anastasia-islamovna@yandex.ru

Научный руководитель: С.И. Нагих, к.ю.н., доцент

В статье рассматривается тема функционирования института дипломатического убежища. Дан анализ исторических, политических и международных причин необходимости *diplomatic asylum*. Приведен анализ классификаций стран международного сообщества по их отношению к реализации права дипломатического убежища. Обращено внимание, что неразрешенность вопроса, касаемо легальности функционирования дипломатического убежища ведёт к злоупотреблению нормами и принципами международного права.

Ключевые слова: институт дипломатического убежища, *diplomatic asylum*, Международный Суд ООН, нарушение международных прав, суверенитет, посольство.

Вопрос о политико-правовой организации института дипломатического убежища (*diplomatic asylum*) неоднозначен, и в международных политических и научных кругах до сих пор имеются противоречивые точки зрения по этому поводу. Дело в том, что современное международное сообщество де-юре не признает права дипломатического убежища, но де-факто оно реализуется. Главной причиной является принцип *lex specialis*, означающий принцип свободы договора в международном праве и предписывающий учитывать региональные нормы предпочтительными по отношению к универсальным. Очевидно, что право дипломатического убежища является региональной

моделью, поскольку, ссылаясь на «The Asylum case» Международного Суда ООН можно констатировать, что дипломатическое убежище может быть предоставлено лишь тогда, когда оба государства (пребывания и аккредитуемое) признают его.

Предоставление убежища не является нарушением международных прав. Напротив, согласно ст. 14 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. поиск и пользование убежищем в других странах является правом каждого. Существует убежище территориальное, характеризующееся предоставлением государством какому-либо лицу или лицам возможности укрыться от преследований по политическим мотивам на своей территории [1. С. 133]. Практика его применения не носит экстраординарный характер, так как это явление давно стало легальным и вполне обыденным. Однако, так нельзя сказать о дипломатическом убежище. Что же включает себя это явление? Юридическое закрепление существования дипломатического убежища можно заметить в Каракасской конвенции о дипломатическом убежище 1954 г., на основании которой “государство, осуществляющее территориальную юрисдикцию, должно уважать убежище, предоставляемое в представительствах, на военных судах, в военных лагерях или на воздушных судах лицам, разыскиваемым по политическим причинам или за политические правонарушения” [2. С. 274].

Существует, как минимум, два блока стран, имеющих определенное отношение к институту дипломатического убежища: латиноамериканские страны и большая часть Европейских государств. На основании этого факта, известный теоретик права Л.Н. Галенская выделила своеобразную классификацию этих стран. Первая группа – это большая часть международного сообщества, которые не признают и не практикуют *law of diplomatic asylum*. Во вторую группу Галенская причислила Францию, США и Великобританию, которые не допускают дипломатического убежища на своей территории, но сами его предоставляют. Доказательством служит актуальный пример на основании столь недавнего дела слепого китайского правозащитника Чэнь Гуанчэн (Chen Guangcheng). В 2009 году он попал в тюрьму. В конце апреля

2012 года, после домашнего ареста, бежал и укрылся в посольстве США в Пекине, где попросил убежища. Но, пробыв шесть дней в посольстве США, он покинул здание американской дипмиссии из-за угроз в адрес семьи. В тот же день Китай потребовал от США извинений за допущение на территорию посольства китайского гражданина “в неустановленном порядке”, что, по мнению китайской стороны, является вмешательством во внутренние дела КНР [4]. Отдельную группу составляют страны Латинской Америки, которые и предоставляют, и разрешают предоставление дипломатического убежища на своей территории. Основанием для этого служат Конвенция Монтевидео 1933 г., Конвенция об убежище 1939 г. Но некоторое меньшинство латиноамериканских стран убежище не предоставляют, но разрешают его предоставление на своей территории. Эта позиция стран составляет четвертый блок.

Несмотря на то, что многие страны не признают институт дипломатического убежища, в реальной жизни они вынуждены мириться с нарушением так называемой “позиции суверенитета”. Примером служит нашедшее дело о Джулиане Ассанже, который с июня 2012 г. находится на территории эквадорского посольства в Лондоне. Реакция Великобритании на это однозначна: правительство Соединенного Королевства расценивают эти действия как прямое нарушение дипломатических соглашений. Но так или иначе Великобритания де-факто вынуждена была признать факт предоставления дипломатического убежища на своей территории. Именно разные позиции по отношению к статусу дипломатического убежища чуть не стали причиной политического конфликта между правительствами Эквадора и Великобритании, как минимум.

На основании вышеизложенных фактов можно констатировать, что современное понимание и тем более реализация института дипломатического убежища носит неоднозначный характер. Легальность практики его применения до сих пор ставится под вопрос. В частности, это связано с тем, что далеко не все международное сообщество вовлечено в решение данной проблемы. Таким образом, очевидна назревшая необходимость решения данной проблемы в рамках не отдельных блоков стран, а в общемировом масштабе. Вопрос реализации

института дипломатического убежища остается открытым по сей день, что приводит к злоупотреблению суверенным равенством государств и превращению института дипломатического убежища в политический инструмент государств.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Бобылев, Г. В.* Консульское право : учебное пособие / Г. В. Бобылев ; Московский гос. ин-т междунар. отношений (Университет) МИД России, Каф. междунар. отношений. - 2-е изд., доп. и испр. - Москва : МГИМО-Университет, 2007.

[2] *Гудвин-Гилл, Г. С.* Статус беженца в международном праве / пер. с англ. ; под ред. М. И. Левиной / Г. С. Гудвин-Гилл. — М.: ЮНИТИ, 1997. — 647 с.

[3] *Галенская, Л. Н.* Право убежища. Международно-правовые вопросы / Л. Н. Галенская. — М.: Международные отношения, 1968. — 128 с.

[4] Предоставление убежища в посольствах иностранных государств. Справка // РАПСИ-ньос. 15:14 17/08/2012 [Электронный ресурс]. URL: http://rapsinews.ru/international_publication/20120817/264304607.htm 1 (дата обращения: 10 окт. 2017 г.).

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Кручинина Алина Алексеевна

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
Юридический факультет
ул. Петербургское шоссе, 10, Санкт - Петербург,
г. Пушкин, 196605
luna.ru1997@gmail.com

Научный руководитель: Новицкий В. А., к. ю. н., доцент
кафедры предпринимательского права Ленинградский
государственный университет им. А. С. Пушкина

В статье рассматривается проблема предоставления электронных доказательств в арбитражном судопроизводстве. Применение такого вида доказательств вызывает фундаментальное реформирование отправления правосудия. Это свидетельствует об актуальности исследования «электронных доказательств».

Ключевые слова: Арбитражный процесс, электронные доказательства, электронный документ.

Согласно ч. 1 ст. 64 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее АПК РФ), доказательствами по делу являются полученные в порядке, предусмотренном АПК РФ и другими федеральными законами, сведения о фактах, на основании которых арбитражный суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела [1. Ст. 64].

К сожалению, на сегодняшний день анализ судебной практики по вопросу применения такого рода доказательств, как «электронные», говорит о неоднозначности оценки судами таких документов. Развитием данной проблематики занимаются Горелов М. Е. [2. С. 32-76], Нахова Е. А. [3. С. 410-413], Новицкий В. А. [4. С. 112-114], Треушников М. К. [5. С. 234-242] и другие.

К примеру, Постановление ФАС Московского округа от 03.07.2013 по делу № А40-23199/12-47-214 [6]. В ходе данного

разбирательства, суд отказал в приобщении к материалам делам электронную переписку, которую стороны использовали в качестве средств направления предложения о заключении основного договора, что повлияло на решение по делу. Определением ВАС РФ от 20.05.2013 № ВАС-6318/13 по делу № А07-16185/2011 [7], суд также отказал в приобщении электронной переписки между сторонами, т.к. отсутствовало соглашение об обмене документами таким способом, ссылаясь на п. 3 ст. 75 АПК РФ: «Документы, полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также документы, подписанные электронной подписью или иным аналогом собственноручной подписи, допускаются к рассмотрению в качестве письменных доказательств в случаях и порядке, которые установлены договором» [1. Ст. 75].

Существует и положительная практика применения электронной переписки в качестве доказательств. Девятый арбитражный апелляционный суд в Постановлении от 22 февраля 2013 г. № 09АП-4658/2013 по делу № А40-41012/11-141-357 [8] приобщил к материалам делам электронную переписку, где истец указал лицо, уполномоченное устранить недостатки в работе (существенное обстоятельство дела), из чего суд вынес обоснованное решение в пользу истца.

Резюмируя вышеизложенное, можно прийти к следующим выводам:

Видится необходимым законодательно закрепить определение «электронные доказательства», т.к. определение, данное в п. 11.1 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [9. Ст 2.], не охватывает весь перечень электронных документов (скриншоты, смс-оповещения и т.д.).

Также у процессуальных сторон зачастую отсутствие возможность получения доказательств в процессуальном порядке т.к. суд не может считать доказанными обстоятельства, подтверждаемые только копией документа или иного письменного доказательства, если утрачен и не передан суду оригинал документа [1. Ст. 71], и представленные каждой из спорящих сторон копии этого документа не тождественны между собой, и невозможно

установить подлинное содержание оригинала документа с помощью других доказательств, а электронный документ не считается оригиналом.

Необходима детальная разработка видов электронных документов и критериев их оценки: электронный договор; электронная переписка; доказательственная ценность электронного документа; его информативность; форма хранения; источник; материальный носитель и т.д.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Парламентская газета, N 140-141, 27.07.2002.

[2] *Горелов М.В.* Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве России: вопросы теории и практики. Екатеринбург, 2005. С. 32-76.

[3] *Нахова Е. А.* Доказательственное право в гражданском и арбитражном судопроизводстве: общая часть. СПб.: «ВВМ». 2012. С. 410-413.

[4] *Новицкий В. А., Новицкая Л. Ю.* Проблемы доказательственного права: теория, законодательство, судебная практика: моногр. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. – С. 112-114.

[5] *Треушников М.К.* Судебные доказательства. М.: «Городец», 2016. С. 234-242.

[6] Постановление ФАС Московского округа от 03.07.2013 по делу № А40-23199/12-47-214, Определением ВАС РФ от 13.09.2013 № ВАС-12577/13 отказано в передаче дела № А40-23199/12-47-214 в Президиум ВАС РФ для пересмотра в порядке надзора данного постановления // [Электронный ресурс] Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 24.11.2017).

[7] Определение ВАС РФ от 20.05.2013 № ВАС-6318/13 по делу № А07-16185/2011 // [Электронный ресурс] Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 24.11.2017).

[8] Девятый арбитражный апелляционный суд в Постановлении от 22 февраля 2013 г. № 09АП-4658/2013 по делу №

А40-41012/11-141-357// [Электронный ресурс] Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 24.11.2017).

[9] Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 29.07.2017) "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" // Российская газета, N 165, 29.07.2006. Ст. 2.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА БЕСПЛАТНУЮ МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ (НА ПРИМЕРЕ РСО-АЛАНИЯ)

Кудзаев Бештау Анатольевич

Северо-Осетинская государственная медицинская академия
ул. Пушкинская, 40, Владикавказ, Россия, 362019
sogma.rso@gmail.com

Научный руководитель: С.Р. Чеджемов, к.и.н., доктор педагогических наук, профессор по кафедре теории и истории государства и права

В статье рассматривается проблема осуществления конституционного права на бесплатную медицинскую помощь на материалах Республики Северная Осетия-Алания. Автор считает, что важно наладить подведомственный и внутриучрежденческий контроль над финансовой деятельностью лечебно-профилактических учреждений путем принятия необходимых для этого нормативно-правовых актов и повышения уровня правовой грамотности среди населения.

Ключевые слова: медицинская помощь, РСО-Алания, социальная защищенность, здравоохранение, фонд обязательного медицинского страхования.

Вопросы оказания бесплатной медицинской помощи гражданам Российской Федерации являются важнейшим показателем социальной защищенности. Конституционная обязанность государства перед своими гражданами определяется специальной статьей основного закона нашей страны – Конституции. Так, в статье 7 содержится констатация того, что в Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей [1]. Вопросы, относящиеся к здравоохранению, являются невероятно важными, так как они напрямую связаны с жизнью человека. Это также отражается содержанием статьи 41 Конституции: 1. Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за

счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений. 2. В РФ финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию.

3. Скрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральным законом» [2].

Статья 41 Конституции РСО-Алания аналогична по содержанию Российской Конституции. В целях реализации этого права в Осетии-Алании принят специальный республиканский закон [3]. Как справедливо отмечается в ряде исследований, «знание своих прав потенциальными пациентами и умение ими отстаивать свои законные интересы приобретают все большую значимость и актуальность» [4. С.228-233; 5. С.211-214].

Согласно статье 6 вышеназванного Закона Республики Северная Осетия – Алания к государственной системе здравоохранения в Республике Северная Осетия-Алания относятся Министерство здравоохранения республики, которое в пределах своей компетенции планирует и осуществляет меры по охране здоровья граждан, а также находящиеся в государственной собственности и подчиненные Министерству здравоохранения республики лечебно-профилактические учреждения, образовательные учреждения, фармацевтические предприятия и организации, аптечные учреждения, санитарно-профилактические учреждения, учреждения судебно-медицинской экспертизы, службы материально-технического обеспечения и иные предприятия, учреждения и организации.

В государственную систему здравоохранения РСО-Алания входят медицинские организации, в том числе лечебно-профилактические учреждения. Существует множество услуг, входящих в перечень медицинских услуг, оказываемых по полису ОМС: терапевтического, хирургического, офтальмологического характеров и так далее. Однако, как показывает практика обращений граждан в различные инстанции, «многие пациенты на

собственном опыте убеждаются в невозможности получения действенного лечения без определенного «стимулирования» медицинского врачебного или среднего персонала. Зачастую пациентам могут отказать в предоставлении лечебно-профилактических и консультативных услуг в связи с отсутствием страхового медицинского полиса или принадлежности гражданина к другой амбулаторно-поликлинической медицинской организации» [6. С.121-125].

В качестве примера, можно привести ГБУЗ «Поликлиника №1» МЗ РСО-Алания. Как видно даже из названия, данное медицинское учреждение является государственным бюджетным, следовательно, медицинские услуги должны предоставляться бесплатно. Воспользовавшись сайтом данного учреждения, мы даже можем обнаружить прейскурант на услуги, предоставляемые в данной поликлинике [7]. Что делать, если медперсонал настаивает на оплате услуг? Спешить с оплатой не стоит. Следует обратиться к страховщику по телефону, указанному на бланке полиса. Получив консультацию о видах бесплатной помощи нужно потребовать предоставления гарантированной Конституцией необходимой медпомощи. Если некоторые медицинские услуги не входят в перечень бесплатных услуг, то городской или федеральный ОФМС должны предоставить льготы на получение данных услуг, например, если Вы пенсионер или имеется инвалидность.

Сама жизнь доказывает необходимость противодействия неправомерному «обогащению» медперсонала медицинских организаций и управления значениями показателей юридической адаптированности населения о получении бесплатных услуг в сфере здравоохранения на республиканском и общегосударственном уровне. Важно наладить подведомственный и внутриучрежденческий контроль над финансовой деятельностью лечебно-профилактических учреждений путем принятия необходимых для этого нормативно-правовых актов и проводить повышение уровня правовой грамотности населения, распространять буклеты, памятки и телерекламы, пропагандирующие бесплатные медицинские услуги.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Конституция РФ. М., 1993. Ст.7.

[2] Конституция РФ. М., 1993. Ст.41.

[3] Конституция РСО-Алания. Владикавказ, 1994. Ст.41; Закон Республики Северная Осетия - Алания от 28 апреля 1997 года N 3-з «Об охране здоровья граждан в Республике Северная Осетия-Алания.

[4] *Демуров Т.М., Михайлева Н.Ю., Чеджемов А.Ю.* Общественное мнение о состоянии системы здравоохранения в Республике Северная Осетия – Алания. Знание. Понимание. Умение. 2010. № 4.

[5] *Чеджемов А.Ю., Чеджемов С.Р.* Из опыта применения инновационных методов преподавания правоведения в медицинском вузе. Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 3.

[6] *Чеджемов А.Ю., Чеджемов С.Р.* Социальная доступность и качество медицинской помощи как основа реализации конституционных прав населения на услуги здравоохранения в Российской Федерации. Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2016. № 2.

[7] Официальный сайт ГБУЗ "Поликлиника №1" МЗ РСО-Алания. URL: http://gbuzp1.ru/?page_id=598

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ВНЕДРЕНИЯ

Лютенков Арсений Вадимович

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Юридический факультет

ул. Собинова, 36 «а», Ярославль, Россия, 150000

senya.lyutenkoff@gmail.com

Научный руководитель: М.В. Лушникова, д.ю.н., профессор
кафедры трудового и финансового права ЯрГУ им. П.Г. Демидова

Статья посвящена инновационным, прежде всего зарубежным, технологиям в области противодействия легализации преступных доходов. Проводится анализ зарубежного прогрессивного опыта. Рассматриваются перспективы внедрения подобных технологий в правовую и экономическую системы Российской Федерации, а также последствия такого внедрения для национальной экономики, правовой культуры населения и благосостояния общества.

Ключевые слова: деофшоризация, налоги, налог на прибыль организаций, контролируемые иностранные компании, контролирующие лица, отмывание денег, незаконные финансовые операции, FATF, FATKA, MONEYVAL, FIBA.

Проблемы с налогами, коррупцией, «отмыванием денег» – исторические проблемы России. Одна из таких проблем, а именно – перевод денег в офшоры, которая начала прогрессировать с начала 90х годов прошлого столетия и приобрела на данный момент глобальный характер, сегодня является весьма актуальной.

Для начала обратимся к определению такого понятия, как офшор, и разберемся, по каким причинам перевод денег в офшоры вредит национальной экономике.

Офшоры (офшорные зоны, «налоговые гавани») – это государства, которые предоставляют большое количество услуг нерезидентам, преимущественно связанных с финансами, а также

различного рода налоговые льготы и преимущества. От конечного офшорного бенефициара налоги в казну России не поступают, что наносит огромный урон стабильности и, прежде всего, росту национальной экономики. Происходит огромный отток капитала, уменьшение доходов бюджета и, в итоге, стагнация экономики.

В своем Послании к Федеральному собранию РФ от 2013 года Президент дал поручение ФС РФ и Правительству РФ разрешить проблему деофшоризации российской экономики. С 2012 по 2016 год были приняты попытки по преодолению данной проблемы.

Федеральным законом от 4 ноября 2014 года Российская Федерация ратифицировала (с существенными оговорками и заявлениями) Конвенцию о взаимной административной помощи по налоговым делам, это стало одним из немаловажных шагов в области противодействия легализации преступных доходов.

К наиболее существенным и важным этапам борьбы за деофшоризацию российской экономики можно также отнести принятие закона о контролируемых иностранных компаниях (КИК) и амнистии капитал [1]. В соответствии со ст. 25.13 НК РФ КИК – это иностранная организация, которая не признается налоговым резидентом Российской Федерации, но контролируется налоговыми органами РФ [2]. Эти меры в большей степени сказались на прозрачности экономики, нежели чем на ее деофшоризации.

В сентябре 2017 года Национальное бюро экономических исследований США (National Bureau of Economic Research (NBER)) опубликовало доклад «Кто владеет богатством в налоговых гаванях? Макроэкономические доказательства и последствия для глобального неравенства». По данным NBER, российскими резидентами в «налоговых гаванях» на сегодняшний день содержатся активы, по своим размерам соответствующие примерно 50% ВВП России [3. С. 1-2].

Для преодоления проблемы деофшоризации российской экономики можно предложить ряд последовательных действий по изменению российского законодательства, некоторые из которых неоднократно предлагал Владимир Путин. К примеру, внести изменения в Налоговый кодекс РФ, Бюджетный кодекс РФ, лишить офшорные компании любой государственной поддержки, ввести запрет на получение ими кредитов Внешэкономбанка, лишить государственных и муниципальных гарантий и госконтрактов.

Также можно пойти по широко распространенному в мире пути уголовного преследования компаний, уклоняющихся от уплаты налогов с применением офшорных схем. Однако, как отметил Сергей Рябухин, Председатель Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам: «Россия, к сожалению, не применяет такой широко распространенный в мировой практике инструмент, как уголовная ответственность юридических лиц. Сейчас сенаторы совместно с экспертным сообществом обсуждают введение этого института в российское законодательство. Правовое закрепление уголовной ответственности юридических лиц позволит подвергать наказанию компании, использующие незаконные методы налоговой оптимизации» [4].

В июле 2013 года Президентом РФ был подписан закон №134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» [5], в основу которого легли рекомендации международной группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (Financial Action Task Force on Money Laundering (FATF)). Данный закон расширил полномочия налоговых органов к банковской тайне. В данном направлении также можно предложить создание единого международного информационного пространства с доступом налоговых органов к банковским тайнам и операциям. Этого можно достичь путем заключения ряда международных договоров при активном сотрудничестве государств.

Следует также обратить внимание на практику европейских государств. Так, например, в Германии с 26 июля 2017 года вступил в силу закон о противодействии отмыванию денег, который является частью плана по внедрению Европейской директивы по противодействию отмыванию денег [6]. В соответствии с данным законом в Германии будет создан реестр владения бенефициаров. Любая компания, зарегистрированная в ФРГ, должна будет собирать, хранить и предоставлять в общий реестр информацию о своих бенефициарных владельцах.

Особое внимание хотел бы обратить на опыт американских коллег. Можно пойти по пути США и решать проблему методом не

многостороннего международно-правового регулирования, а одностороннего регулирования, указывать другим странам на необходимость соблюдения норм национального права путем принятия законов экстерриториального действия. Главный пример – закон FATCA (Foreign Account Tax Compliance Act) от 2013 года о налогообложении иностранных счетов. В соответствии с данным законом иностранные банки, располагающие счетами граждан Соединенных Штатов, на основе договора обязаны периодически предоставлять в Федеральную налоговую службу США соответствующую информацию о финансовых операциях и балансах этих счетов [7. С. 374-375]. Подобная технология очень прогрессивна, ее подробное изучение и активное обсуждение ежегодно происходит на Ежегодной конференции Флоридской Международной банковской ассоциации (FIBA).

Особого внимания также заслуживает и тема киберпреступлений, как нового, но активно распространяющегося типа предикатных преступлений.

Решение проблемы с использованием офшоров в целях уклонения от уплаты налогов обеспечит более стабильный и высокий рост экономики России, восстановит, пополнит бюджет государства, тем самым повысив уровень жизни населения, а также изменит правовую культуру общества в лучшую сторону.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Федеральный закон от 24.11.2014 № 376-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статью 3 Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций)» // [Электронный ресурс] Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 29.10.2017).

[2] Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ. Часть 1 // [Электронный ресурс] Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 29.10.2017).

[3] *Alstadsæter A., Johannesen N., Zucman G.* Who Owns the Wealth in Tax Havens? Macro Evidence and Implications for Global Inequality // NBER Working Paper, No. 23805 (September 2017).

[4] *Рябухин С.Н.* (2014) Интервью в Москве 20.03. // [Электронный ресурс] Архив телеканала «ВМЕСТЕ-РФ» (дата обращения 01.11.2017).

[5] Федеральный закон от 28.06.2013 № 134-ФЗ №134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» // [Электронный ресурс] Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 01.11.2017).

[6] Directive (EU) 2015/849 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2015 // Official Journal of the European Union. 5.6.2015.

[7] *Егоров С.А.* Международное право: учебник / отв. ред. С.А. Егорова. М. 2015.

ПРАВО КАК ФАКТОР ПРОГРЕССА И ИСТОЧНИК ОБНОВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ ПРОИЗВОДСТВА

Магомедов Ислам Игорьевич

Саратовская государственная юридическая академия

Институт юстиции

ул. Чернышевского, 104, Саратов, Россия 410031

Islamogni05@mail.ru

Научный руководитель: Н.В. Галицкая, к.ю.н. доцент кафедры
административного и муниципального права

В статье право рассматривается как ключевой фактор экономического роста. В нынешней ситуации периода кризиса формирования отечественной экономики актуальность переосмысления права возросла в несколько раз. Говоря проще, научно-технический прогресс совершенно перевернул основные социальные и правовые процессы в обществе. Так, в экономике, например, произошел переход от производства товаров к производству услуг. Информация и знания располагают преобладающим лидерством – научные идеи и разработки ученых разных наук становятся главным источником развития общественных институтов.

Ключевые слова: Право, экономика, промышленное производство, моральные ценности, общественный прогресс, инновационные факторы.

Современное постиндустриальное общество – это такое общество, в котором преобладают инновационные подразделения с промышленным производством, индустрией информации, с большим процентом качественных услуг и, соответственно, конкуренцией. Говоря проще, научно-технический прогресс совершенно перевернул основные социальные и правовые процессы в обществе. Так, в экономике, например, произошел переход от производства товаров к производству услуг. Информация и знания располагают преобладающим лидерством –

научные идеи и разработки ученых разных наук становятся главным источником развития общественных институтов. В том числе и правового института [1. С. 297.].

Первым делом, необходимо понимать, что, сопоставляя закономерности правовой системы одного государства (в нашем случае – РФ) и интересы субъектов, можно не только оценить те или иные социально-экономические изменения, происходящие в процессе функционирования постиндустриального общества в одной стране, но и понять устройство его функционирования на глобальном уровне.

Далее, при исследовании стоит обратиться к разным точкам зрения на идеальную картину интеграции право в поле современного общества: проанализировать политические теории и правовые доктрины (как пример, марксистская теория, для которой право является орудием для подавления или, в любом случае, исходом борьбы между враждующими сторонами). При этом надлежит адекватно оценить реальную правовую ситуацию и подчеркнуть поразительное различие между законом на «бумаге» и законом на «земле» (обращение к социологии права).

Вернемся к анализу роли права – легче всего это сделать на примере современной экономики как структурного элемента производства и его факторов [2. С. 344.]. Когда идет речь об уровне участия закона в экономике, всегда возникают неоднозначные точки зрения. Выделим из них две первостепенные: одна утверждает, что вмешательство любого рода мешает положительному ходу экономической деятельности. Да, законы существуют, они никуда не делись, но для общего блага и наиболее оптимальных исходов люди должны каким-то образом уклоняться от закона и следовать другим правилам. Единственное требуемое условие – это государственная протекция экономики от недобросовестных граждан и их объединений. Дальше люди вольны делать все, что они намерены делать, но в максимально комфортной среде. Этой теории противостоит гипотеза о том, чтобы создать закон, который делал бы производство лучше, чем оно было вне этих правил. Самое удивительное, что, как было уже отмечено выше, общество не пришло к единому мнению, эти пути идут неотделимо рядом. Здесь мы перейдем от вопроса правового

регулирования некоторых факторов производства к тенденции разделения права и морали в современном обществе.

Так, развитие средств массовой информации (Интернет, телевидение и т.д.) ставит этот вопрос в совершенно иную форму публичности. Массовое обсуждение правовых вопросов не приведет к их обесцениванию именно потому, что право, в отличие от морали, - рациональный, основательный социальный институт [3. С.81.]. И находясь в доступном пространстве, оно от наличия этого факта не меняется.

Одна из основных ценностей права – это его способность в той или иной мере обновить общество. В нынешней ситуации периода кризиса формирования отечественной экономики актуальность переосмысления права возросла в несколько раз. События, связанные с экономической рецессией (а в некоторых случаях – стагнацией), ярко подтверждают потребность в тщательном рассмотрении не только экономической системы, но и других организаций деятельности граждан. Но ведь именно в этом и заключается основная цель права – оно создается для воплощения в жизни человека, иначе оно теряет всякую ценность. Крайне важное дополнение: право всегда будет актуально и необходимо, так как 1) только государство способно эффективно решать общественные задачи; 2) интересы и требования общества находятся в непрерывном изменении и обновлении, а значит, право обязано учитывать все то, что важно для успешного регулирования разных сфер жизни; 3) однако право, в свою очередь, может обратиться к обратной процедуре – способствовать общественному прогрессу [4.С 139.]. Необходимость в этом самом прогрессе может возникнуть только в обществе современного постиндустриального типа. В традиционных обществах характерно то, что застой и состояние синкретизма – это обыкновенная, распространенная практика. Современная жизнь трактует: право не основывается на одной лишь морали или религии; право гарантирует социальную справедливость, однако несет в себе нечто большее – защиту целостности всего общества. Стоит заметить, что посткапиталистическая реальность мягче воспринимает правовую модель и так же отвечает ей. Моральные ценности, безусловно, важны, но это всегда выбор одного, когда же «поступать по закону» - это единая модель поведения, свойственная обществу данного

типа в других областях жизнедеятельности. Выбор одного никак не вписывает в рамки образца рыночной экономики: ни в отношении купли-продажи, ни в понятия современной культуры потребления.

Применение права – лэто сознательное действие: человек сам волен выбирать определенный вариант поведения. Так он становится свободным, независимым гражданином, истинным членом общества – именно это требуется на современном этапе общественного развития. Право же призвано выступать в качестве контролирующего фактора в социальной жизни, решать долгосрочные задачи. Поэтому оно не должно быть хрупким, неустойчивым, оно обязано реагировать на всякие изменения общественных отношений. Во имя совокупного социального выигрыша, который получает общество от устойчивости и определенности нормативно-правовой формы, законодатель может пойти и на известные потери, связанные с некоторым ее отставанием от быстро развивающихся общественных отношений.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Татарников Е.А.* Экономика предприятия. Курс лекций. Москва, 2017.

[2] *Попов С.В.* Перспективы инновационного развития России. Томск, 2010.

[3] *Глазьев С. Ю.* Развитие российской экономики в условиях глобальных технологических сдвигов. Научный доклад. М.: Национальный институт развития, 2007.

[4] Pigou, Arthur C. *The Economics of Welfare*, 1920.

ОТ БЕСПРИСТРАСТНОСТИ К ДИАЛОГИЧНОСТИ

Макаров Алексей Борисович

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

ул. Мясницкая, 20, Москва, Россия, 111000

yolawfirm@gmail.com

Научный руководитель: А.Б. Паукова, преподаватель кафедры психологии личности факультета социальных наук НИУ ВШЭ

Статья посвящена демонстрации невозможности быть беспристрастным для конкретного судьи. Автор критически оценивает существующую модель судопроизводства, основанную на позиции судьи как безучастного наблюдателя. В практику взаимоотношений между судьями и участниками процесса следует включить принцип «диалогичности», который позволит судье осуществлять свою конгруэнтность, а сторонам, до объявления решения, узнавать и оспаривать аргументы суда.

Ключевые слова: беспристрастность судьи, принцип диалогичности судебного разбирательства, альтернативные способы разрешения споров, конгруэнтность.

В какой позиции находится судья по отношению к участникам судебного разбирательства в гражданском судопроизводстве? С позиции «естественной установки повседневной жизни» [6. С.7-50] российского профессионального юриста, в том числе и автора настоящей работы, кажется само собой разумеющимся, что беспристрастность судебного разбирательства является краеугольным камнем правосудия. Действительно, приходя в суд, мы рассчитываем на определенное положение дел, строим планы, ожидаем желательного для нас разрешения нашего случая. И одно дело, когда судья занимает нейтральную позицию, не выказывая своего расположения ни к одной из сторон, его мнение по делу мы узнаем уже после принятого решения из текста судебного акта. Другое дело, когда судья эмоционально вовлекается в ситуацию правового конфликта, симпатизируя другой стороне, теряет

«объективность». И нас уже возмущает такая несдержанность, поскольку повсеместно предполагается, что именно беспристрастность гарантирует справедливое разрешение спора. Однако ведь ни у кого не вызывает сомнений, что судья тоже «человек». Он рождается мужчиной или женщиной, в определенной стране, в определенное время, по мере взросления обрастает разными социокультурными и ценностными представлениями. То есть реальный судья всегда историчен, а значит, всегда «небезпредпосылочен», поскольку свой специфический жизненный опыт делает исходным пунктом разрешения судебного спора. Почему же тогда в силу требований законодательства и традиций он вынужден «держат лицо» серьезным и безучастным?

Нам возразят, что не следует путать «беспристрастность» с бесстрастностью и безэмоциональностью. Судья не робот, он достаточно активный ведущий процесса и также испытывает какие-то эмоции. Однако если позволить судьям проявлять к обстоятельствам спора свое эмоциональное отношение, каким бы «естественным» оно ни было, то его предпочтения станут для всех очевидными ещё до момента оглашения решения, что недопустимо. Какая логическая аргументация заложена в этом запрете? Полагаем, что здесь можно проследить в терминах Ж.Лакана «батарею означающих» [3.С.328]: беспристрастность суда означает его объективность, объективность рассмотрения дела означает справедливость судопроизводства, идея справедливости необходима обществу для обеспечения формального равенства людей, формальное равенство в суде означает одинаковое к ним отношение, т.е. беспристрастность. И так далее. Одно означающее отсылает к другому, чтобы в итоге вернуться к началу цепочки. При этом в результате произошло удвоение означающего: беспристрастность это и отсутствие пристрастного, а значит эмоционального отношения, а также это и одинаковое к сторонам отношение исходя из принципа «формального равенства» сторон.

Насколько оправдан концепт «беспристрастности» суда с позиции теорий, выступающих против различных форм отчуждения и ратующих за эмансипацию тех или иных социальных практик. Исходя из просвещенческой социально-критической установки, судья может отдавать себе отчет в том, что он, как человек, также оказался в поле конфликта и потому уже неизбежно пристрастен и

зависим в своем отношении к сторонам и иным лицам, участвующим в деле, от связанности со всем своим предшествующим опытом жизни. Отсюда судья может и обязан занимать участную позицию, становиться в практическое, жизненное отношение к познаваемой действительности. Существующий порядок взаимоотношений между судьей и сторонами следует тогда заменить на принцип «диалогичности», позволяющий как судье проявлять свою конгруэнтность, так и сторонам до оглашения решения узнавать и оспаривать доводы суда. Вместо безучастного «парящего над схваткой» абсолютно нейтрального наблюдателя вводится фигура более «человечного» всепонимающего актора, содействующего сторонам самим находить выход из конфликтной ситуации, путем примирения. Общей чертой процедур, используемых в рамках модели альтернативного разрешения споров, является как раз упрощение/смягчение требований к формальной составляющей рассмотрения спора. Так, например, некоторые квази-судебные процедуры позволяют судьям в отставке при медиации активно консультировать стороны об оптимальных для них вариантах разрешения конфликта. Однако даже использование слова альтернативный в названии этого направления социальной практики уже подчеркивает её маргинальность, получающей соизволение быть от доминирующей идеологии в правовой мысли.

Возможно ли уйти от существующей отчуждающей модели судопроизводства, основанной на концепции т.н. «беспристрастного наблюдателя» [1. С. 8 -12]? На мой взгляд, любое социальное исследование, какими бы ни были его неявные эпистемологические допущения, через изучение своего объекта обращается также и к какой-то известной философской проблеме. В нашем случае - это проблема интерсубъективности в зале суда. Отсюда исследовательский вопрос может быть поставлен так: «Возможно ли рассматривать отношения с Другими в суде не в парадигме «поиска признанности», не через распространенную гегелевскую диалектику властных отношений, отношений «раба и господина» [2. С.92-120], не через призму «взаимного признания» коммуникативной теории права [5. С.133]? А если да, то как иначе? Действительно, приходя в суд за восстановлением нарушенного права, истец спрашивает «признания» своей правоты от ответчика,

обращаясь к властной фигуре судьи. И не случайно суд/спор метафорически ассоциируется с войной [4. С.26], а в языке разместились выражения «выиграть/проиграть дело», «разбить аргументы противника» и т.д.

Однако если позволить судьям высказывать свою позицию и отношение к предмету спора уже в самом заседании, то тем самым повысится не только прозрачность судопроизводства и предсказуемость для сторон выносимых решений, но будут создаваться условия и для равноправного диалога всех присутствующих в зале суда лиц в целях поиска не мифического признания правоты в споре, а действительного урегулирования правового конфликта.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Вилова М.Г.* Концепция «беспристрастного наблюдателя» как основа беспристрастности суда // *Мировой судья*. 2015. № 7. С. 8 - 12.

[2] *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. М., 2000.

[3] *Лакан Ж.* Образования бессознательного (Семинары: Книга V (1957/1958)). Пер. с фр./Перевод А. Черноглазова. М., 2002.

[4] *Лакофф Д., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.

[5] *Поляков А.В.* Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. СПб., 2014.

[6] *Шюц А.* Обыденная и научная интерпретация человеческого действия / Пер. с англ. Н. М. Смирновой // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 7–50.

ФРИЛАНС И ЕГО ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

**Мастакалова Виктория Александровна,
Рябова Марина Николаевна**

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры РФ
Литейный пр., 44, Санкт-Петербург, Россия, 191104
marinabribova@mail.ru

Научный руководитель: К.А. Тарасевич, ст. преподаватель
кафедры гражданско-правовых дисциплин СПбЮИ (ф) АГП РФ,
юрист 3 класса

Статья посвящена достаточно молодому для России виду деятельности – фрилансу, а также его правовому регулированию. Авторами рассмотрены понятие, проблемы и особенности фриланса, гражданско-правовые договоры, посредством заключения которых фрилансеры осуществляют свою деятельность, проанализирована практика зарубежных стран.

Ключевые слова: фриланс, гражданско-правовой договор, гражданское право.

Фрилансер – свободный работник, частный специалист, который может одновременно выполнять заказы для разных клиентов [5. С. 3].

В России фриланс достаточно молодой, он пока даже не имеет определения, нет его законодательного регулирования – в этом заключается основная проблема.

Особенно много пробелов существует в сфере труда фрилансеров. В Трудовой кодекс РФ была внесена глава 49.1, регулирующая труд дистанционных работников, но она регулирует условия труда штатных сотрудников, работающих вне офиса, коими фрилансеры не являются, следовательно, их деятельность не регулируется трудовым законодательством.

Сложность заключается еще и в том, что многие ученые сталкиваются с проблемой разграничения фриланса, осуществляемого на дистанции, и дистанционной работы. Однако разграничение данных понятий является важным, т. к. фриланс

регулируется гражданским законодательством, а дистанционные работы – трудовым.

В России сложилась следующая практика: фрилансеры не состоят в штате, не регистрируются в качестве индивидуальных предпринимателей, не создают юридическое лицо. Причина - нежелание систематически уплачивать налоги с нестабильных доходов, общаться с налоговыми органами, вести бухгалтерскую отчетность.

Итак, фрилансер осуществляет свою деятельность посредством заключения гражданско-правовых договоров.

Отметим, что стороны, заключающие гражданско-правовой договор, являются равноправными. Действует принцип свободы договора.

Договоры, используемые фрилансерами - договор подряда, договор возмездного оказания услуг и договор авторского заказа. По договору подряда подрядчик обязуется выполнить по заданию заказчика определенную работу и сдать ее результат заказчику, а заказчик обязуется принять и оплатить результат работы. В данном случае основной интерес для заказчика - это результат работы, а не процесс ее выполнения. Если подрядом оформляется, как правило, ручной труд, то договор о возмездном оказании услуг обычно оформляется при оказании услуг непроизводственного характера, например, образовательных. В этом случае заказчику важен процесс выполнения услуги. Фрилансер может выполнять работу как, непосредственно взаимодействуя с заказчиком, так и дистанционно, через Интернет.

Ещё одним договором, заключаемым с фрилансерами, является договор авторского заказа. В нем содержатся пункты, по которым производится передача авторских прав заказчику во временное пользование или собственность, в зависимости от соглашения сторон.

Кроме трёх названных договоров фрилансеры, работающие через Интернет, заключают различные виды непоименованных договоров. К примеру, основной заработок блогеров - реклама. Договор, заключаемый между блогером и компанией, чей продукт он рекламирует, является непоименованным. В договор включаются те пункты, которые интересуют стороны. Цена,

естественно, зависит от количества подписчиков, просмотров или посещаемости их страниц [6. С. 70].

Деятельность фрилансера имеет особенности, одной из них является ее сопряженность с рядом рисков: неоплата работы, штрафы, интерес правоохранительных и налоговых органов к систематическим денежным поступлениям на счет фрилансера [4. С. 23].

Если фрилансер занимается строго определенными видами деятельности, он может зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя. В то же время, если на постоянной основе он осуществляет деятельность, за которую получает стабильный заработок, то фрилансер может быть признан предпринимателем, несмотря на то, что фактической регистрации не было. В таком случае свободный работник будет обязан уплачивать налоги за свою деятельность.

Для осуществления некоторых видов работ обязательно наличие лицензии. Налоговым кодексом предусмотрена необходимость получения патента и регистрации в налоговом органе при осуществлении определенных видов деятельности. Такие лица официально признаются самозанятым населением.

При сравнении с фрилансом в Западной Европе или США российский фриланс можно назвать относительно молодым.

Несмотря на то, что в США фрилансеры работают давно, там, как и в России, существуют проблемы. В докладе, опубликованном в 2015 году Союзом фрилансеров, говорилось, что более 70% фрилансеров в Нью-Йорке имеют проблемы с получением оплаты. Власти Нью-Йорка, города, треть рабочей силы которого составляют фрилансеры, обратили внимание на эту проблему, в связи с чем 15 мая 2017 г. в Нью-Йорке вступил в силу закон, защищающий фрилансеров от неплатежей со стороны работодателей [8].

В странах ЕС фриланс является популярной формой гибкой занятости населения. Доля ненаемного труда в странах ЕС составляет примерно 16–17% всей занятости граждан. В некоторых странах, например, в Греции, к фрилансерам относится каждый третий занятый [7. С. 107].

Таким образом, главной проблемой на сегодняшний день является отсутствие законодательного регулирования фриланса,

что приводит к путанице при разграничении трудовых и гражданско-правовых отношений. Исходя из имеющихся положений закона, договоры следует относить к гражданско-правовым сделкам.

Стоит отметить, что за рубежом деятельность фрилансеров приобрела стойкий характер, что привело к решению властей о законодательном закреплении фриланса.

По нашему мнению, фриланс требует законодательного закрепления в России, это внесет ясность при определении характера отношений, а также обеспечит более благоприятное положение фрилансеров.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 01.07.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 14.11.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

[4] *Бреднева В.С.* Фриланс в России и за рубежом // Юрист. 2015. N 16. С. 22 - 24.

[5] *Соловьева У.М.* Фриланс: свобода выбора налогообложения // Налог. 2017. N 6. С. 1, 3 - 6.

[6] *Тарасенкова А.Н.* Особенности работы вне офиса: надомный труд, дистанционная работа, фриланс. М.: Библиотечка "Российской газеты", 2013. Вып. 23. 128 с.

[7] *Шевчук А. В.* Электронная самозанятость: «ремесленники» и «надомники» информационной эпохи / А. В. Шевчук // Свободная мысль — XXI. 2010. № 6. С. 107–120.

[8] Freelance Workers [Электронный ресурс] // The Official Website of the City of New York. URL: <https://www1.nyc.gov/site/dca/workers/workersrights/freelancer-workers.page> (дата обращения: 19.11.2017).

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) В АНГЛИИ И УЭЛЬСЕ. РЕКОМЕНДАЦИИ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Миронов Эдуард Юрьевич

Российский университет дружбы народов

Юридический институт

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

mr.mironov2001@yandex.ru

Научный руководитель: С.В. Одинцов, к.ю.н.,
доцент кафедры гражданского права и процесса и международного
частного права РУДН

В связи с действующим процессом реформирования законодательства о банкротстве актуальными представляются исследования, посвященные анализу опыта зарубежных правовых порядков. Настоящая работа является результатом сравнительно-правового анализа действующих положений английского и российского законодательств и судебной практики. В качестве основополагающих с точки зрения потенциального заимствования исследуются проблемы определения субъектов и критериев несостоятельности, лиц, имеющих право обращаться с заявлением о признании лица банкротом, взаимного зачета.

Ключевые слова: институт несостоятельности (банкротства), взаимный зачет, критерии несостоятельности, субъекты несостоятельности.

В отношении субъектов несостоятельности необходимо отметить следующее: в Англии и Уэльсе процедурам банкротства подвержены все лица, независимо от их коммерческого статуса. Для отдельных типов юридических лиц (банки, страховые компании и т.д.) предусмотрены специальные режимы [4]. Вместе с тем, в отечественной юрисдикции из круга субъектов исключены казенные предприятия, религиозные организации, политические

партии и учреждения (Ст. 65 ГК РФ) [1]. На практике распространены ситуации, когда общественная или религиозная организация имеют в пассиве большие обязательства, приобретенные в результате незаконной предпринимательской деятельности. Возникает резонный вопрос к отечественному законодателю: почему к ним в целях справедливого удовлетворения требований кредиторов не применять нормы конкурсного производства?!

В Англии и Уэльсе инициаторами производства по делу о несостоятельности может выступать должник, его директора, кредиторы, вкладчики (ст. 124 Закона о несостоятельности 1986 года). В РФ правом на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом обладают должник, конкурсный кредитор, уполномоченные органы, а также работник, бывший работник должника, имеющие требования о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда (Ст. 7 Федерального закона о несостоятельности (банкротстве) 2002 г., далее по тексту – Закон о несостоятельности) [2]. В обеих юрисдикциях право представлять заявление в предвидение банкротства сосуществует с обязанностью директоров реагировать на неизбежность производства по делу о несостоятельности (ст. ст. 8, 9 Закона о несостоятельности).

В Англии и Уэльсе и РФ условием открытия производства по делам о несостоятельности является факт прекращения текущих платежей. Количественные ограничители размера неисполненных обязательств в отношении юридических лиц составляют 750 фунтов стерлингов и 300 000 тыс. рублей соответственно, а сроки неисполнения обязательств составляют по три месяца в обеих юрисдикциях.

На наш взгляд, выделяемая рядом исследователей «прокредиторская» направленность английской системы несостоятельности наиболее полно отражена в такой сделке как зачет взаимных требований. Исходя из сути законодательства, совершение данной сделки входит в обязанности кредитора и должника. Более того, вопрос имеет большое практическое значение, поскольку запрет проводить взаимозачет вдвойне поражает кредитора в его правах. Хрестоматийным выглядит следующий пример. Компания, взявшая кредит в банке, стала неплатежеспособной. Имеет ли право банк в порядке погашения

выданного кредита зачесть денежные средства, хранящиеся на депозитном счете? В основе ответа на данный вопрос лежит принцип минимизации потерь для платежеспособной стороны [5. С. 153]. Таким образом, права кредиторов в вопросе о взаимозачете наиболее сильны в законодательстве Англии. Выглядит целесообразным рассмотреть возможность свободного проведения взаимного зачета в отечественном правовом порядке, поскольку ст. 63 Закона о несостоятельности (банкротстве) серьезно ограничивает эту возможность фактором очередности требования кредиторов.

В Англии и Уэльсе сроки выполнения отдельных прав и обязанностей администратором, управляющим и ликвидатором регламентированы законом, в то время как сроки проведения процедур не ограничены. Так, срок на отказ от исполнения сделок должника по английскому законодательству составляет 28 дней (Ст. 197 Закона о несостоятельности 1986 года), в то время как по ст. 102 Закона о несостоятельности – 3 месяца. Как итог: столь продолжительные сроки проведения реабилитационных процедур в РФ не соответствуют интересам кредиторов. Поэтому целесообразно использовать английский подход: установить жесткие законодательные требования к оперативности решения задач управляющим и, соответственно, сократить сроки на проведение процедуры в целом. Благодаря этой мере, можно повысить эффективность деятельности указанных субъектов в рамках процедур несостоятельности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2017). Ст. 65.

[2] Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 03.07.2016) "О несостоятельности (банкротстве)" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] *Егоров А.В.* Залог в банкротстве: актуальные вопросы // Научно-практический комментарий новелл законодательства и практики его применения / под ред. В.В. Витрянского. М., 2010.

[4] Закон о несостоятельности 1986 года. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1986/45/contents> (дата обращения - 28.04.2017).

[5] Goode R. Principles of corporate insolvency law. – London, 1990.

ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ НА ВЫБОРАХ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: ПРОБЛЕМА СОБЛЮДЕНИЯ ПРИНЦИПА ТАЙНОГО ГОЛОСОВАНИЯ

Михренина Ирина Александровна

Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина

Международно-правовой институт

ул. Садовая – Кудринская, 9, Москва, Россия, 125993

iram2010@mail.ru

Научный руководитель: Н.Е. Таева, к.ю.н., доцент кафедры
конституционного и муниципального права

Статья посвящена проблеме реализации принципа тайного голосования на выборах в зарубежных странах. Рассматривается практика применения такой формы инновационных технологий, как электронное голосование. Проанализированы основные достоинства и недостатки данной системы и её основные характеристики.

Ключевые слова: электронное голосование, принцип тайного голосования, информационные технологии, правовая регламентация, зарубежный опыт.

На современном этапе развития общества происходит процесс массовой «компьютеризации». Информационные технологии оказывают свое воздействие на все сферы жизнедеятельности общества. Не является исключением и политическая деятельность.

В международной практике под термином «электронное голосование» понимается применение технологий получения и подсчета голосов избирателей, подведение итогов голосования с использованием различных электронных устройств. Различают два вида голосования, исходя из способа голосования и разновидности технических средств – дистанционное и стационарное. При дистанционном голосовании используются системы удаленного доступа, независимо от места нахождения избирателя. В целом использование информационных технологий при проведении

электронного голосования на выборах имеет как свои достоинства, так и недостатки. Отмечается ряд проблем, связанных с введением электронного голосования: техническая сложность проведения процедуры интернет-голосования, возможность фальсификации данных, трудность повторного пересчета голосов. Достоинствами данной системы являются: повышение электоральной активности, сокращение расходов на проведение выборов, повышение оперативности передачи результатов голосования.

Необходимо отметить значимость правового регулирования в области проведения электронного голосования. Нормативное регулирование на международном уровне представляется недостаточным. основополагающим документом является Рекомендация Комитета министров СЕ по правовым, организационным и техническим стандартам электронного голосования [1].

Основной проблемой реализации электронного голосования является соблюдение принципа тайного голосования. Данный принцип предполагает его непосредственную индивидуальность, никто не должен наблюдать, как голосует другой человек и за кого он отдает свой голос. Также тайность голосования заключается в том, что список проголосовавших лиц не должен быть опубликован, а обязанность избирателя - не афишировать свой выбор, поэтому соблюдение принципа тайного голосования для избирателей – это не только право, но и обязанность [2.С.30]. При нарушении данного принципа всегда должно следовать наказание. В международном праве принцип тайного голосования закрепляется в ст.21 Всеобщей декларации прав человека 1948 года [3.С.10]. Исходя из основных признаков тайности голосования, следует, что система электронного голосования должна быть организована таким образом, чтобы тайна каждого избирателя была сохранена на протяжении всех стадий избирательного процесса. Надежность хранения данных об избирателе и его подданном голосе является основной проблемой при обеспечении принципа тайного голосования.

В начале 2000-х годов в Великобритании проводились тесты: некоторым регионам была предоставлена возможность голосовать при помощи сети Интернет или через мобильные телефоны. В университете De Monfort University было проведено исследование,

которое показало, что голосование при помощи электронных средств может противоречить закону 1998 года о правах человека, принятому в странах ЕС. Закон гарантирует, в частности, тайну голосования [4.С.12]. Был создан прецедент, касающийся нарушений прав человека при электронном голосовании в Ливерпуле.

В мировой практике также существует опыт Канады и Австрии по проведению электронного голосования. В Канаде попытались преодолеть сложности в обеспечении принципа тайного голосования. Данные о личности избирателя и о подданном голосе за кандидата записываются на различные носители информации [5.С.5-13]. Таким способом они смогли решить проблему в случае возникновения споров о результатах выборов и пересчете голосов. В случае если выходит из строя одно средство голосования, то можно воспользоваться другим. Такой эксперимент был проведен в Австрии во время выборов студенческого совета Венского университета экономики и бизнеса.

Наибольшего успеха добилась Эстония, где было введено дистанционное голосование на выборах различных уровней через Интернет. Особенностью системы голосования в Эстонии является наличие ай-ди карты, с помощью которой избиратель подтверждает свою личность и отдает свой голос. Система выдержала реальные испытания и была признана успешной эстонскими чиновниками.

Для сохранения принципа тайного голосования при электронном голосовании основную опасность составляет предполагаемая ненадежность электронных систем и их безопасность. Однако опыт проведения «конкурса взлома» в Бразилии 2009г. показал, что применение информационных технологий на практике не всегда может являться неудачным решением, теоретические прогнозы могут быть и опровергнуты.

Наряду с вышеуказанными странами, эксперименты проводились также во Франции, Испании, Германии, США. Важно отметить, что в большинстве случаев, это лишь тесты, которые проводятся на уровне выборов органов студенческого самоуправления или молодежных сообществ.

Таким образом, электронное голосование в большинстве стран имело и имеет экспериментальный характер. Присутствует лишь видимость опасности нарушения тайного голосования при

проведении электронного голосования на выборах. Необходимо создать единую нормативную базу на международном уровне, которая бы соответствовала требованиям современного общества. Помимо этого, возможно создание отдельного канала связи, более защищенного, для сохранения и соблюдения принципов голосования, включая принцип тайности голосования, так как переход к электронному, а в частности к дистанционному голосованию - неизбежен.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Recommendation Rec (2004)11 of the Committee of Ministers to member states on legal, operational and technical standards for e-voting // COE.IT: Council of Europe. September 30th 2004 // <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=778189&Site=CM&BackColorIntranet=C3C3C3&BackColorIntranet=EDB021&BackColorLogg ed=F5D383> (30.11.2010).

[2] *Бычкова Е. И.* Анализ объективных признаков нарушения тайны голосования// Юридический мир. 2014. № 5.

[3] Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г.// "Библиотечке "Российской газеты" совместно с библиотечкой журнала "Социальная защита", 1995 г., N 11.С.10

[4] Центральная избирательная комиссия Российской Федерации – Дистанционное электронное голосование: российские и зарубежные исследования.

[5] *Павлушкин А.В., Постников А.Е.* Правовой механизм дистанционного электронного голосования (анализ возможной модели) // Журнал российского права. 2009. № 11.

РОЛЬ ЛИБЕРАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ТЕОРИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Морозов Антон Романович

Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

ул. Ашхабадская, 4, Нижегородская обл. г. Н. Новгород
vratarakinfeev95@mail.ru

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Н.В. Евдеева
Доцент кафедры теории и истории государства и права

Статья посвящена актуальной проблеме – определению роли либеральной концепции гражданского общества в теории демократического правового государства. Автор выявляет использование различных моделей гражданского общества применительно к демократическому правовому государству, а также способов их взаимодействия. Рассмотрены преимущества влияния либеральной концепции гражданского общества на демократическое правовое государство.

Ключевые слова: гражданское общество; демократическое правовое государство; либеральная концепция; правосознание; правовая культура.

Согласно статье 1 Конституции РФ [5], Россия является демократическим правовым государством или, скорее, стремится к такому состоянию. Для должного законодательного закрепления и реализации на практике основных принципов данного типа государства представляется целесообразным исследовать различные концепции общества, наиболее соответствующий демократической правовой государственности.

Многие ученые считают, что демократическому правовому государству имманентно присущ такой тип общества, как гражданское. [2, С.7]

Понятие «гражданское общество» восходит своими корнями к идеям древнегреческих и древнеримских ученых

Аристотеля и Цицерона об отождествлении его и государства. Данный подход сохранялся вплоть до зарождения либеральной концепции гражданского общества. Согласно ей, разделение между государством и гражданским обществом является постоянной характеристикой по - настоящему демократической социальной и политической системы [3, С.23].

Данный порок был преодолен в концепции гражданского общества Г. Гегеля. Согласно ей, оно представляло собой ту же совокупность свободных индивидов и частных интересов, что и у ученых эпохи Просвещения, однако его составляющие неустойчивы и подвержены разным конфликтам [3, С.23].

Теория демократического правового государства появилась в эпоху Просвещения. Ее разрабатывали Дж. Локк. Ш. Монтескье, Ж.Ж. Руссо и др., которые выделяли в качестве основных признаков данного типа государства: народный суверенитет, наличие системы разделения властей, закрепление неотъемлемых прав и свобод индивида. Данные ученые отстаивали необходимость взаимодействия с демократическим правовым государством именно гражданского общества, как сферы необходимой свободы индивидов. Эта свобода заключалась прежде всего в гарантированности государством неотъемлемых прав и свобод человека: на жизнь, собственность, участие в решении государственных дел, свобода слова, печати собраний и т.д. [6, С.11 – 13].

В России многие ученые также исследовали взаимодействие гражданского общества и демократического правового государства. По мнению В.М. Гессена, «правовое государство признает за индивидом определенную сферу свободы, за пределы которой вмешательство государственной власти не имеет и не может иметь места» [4, С.24].

Таким образом, дореволюционные русские правоведы считали гражданское общество в его гегелевском понимании необходимым условием существования демократического правового государства.

Над проблемами взаимодействия правового государства и гражданского общества задумывались и теоретики социалистического правового государства. По мнению С.С. Алексеева, основными признаками данного типа государства

являются придание непосредственно юридического значения правам человека, а также превалирование общедозволительного типа правового регулирования [1, С.111].

Таким образом, теоретики социалистического правового государства отстаивали необходимость наличия гражданского общества как равного партнера первого.

Подобную позицию отстаивали и современные российские теоретики демократического правового государства. По мнению В.А. Четвернина, «по общему правилу в демократическом конституционном государстве отдельный человек, его права и свободы имеют приоритет по отношению к общим, или государственным интересам, правам нации (народа)» [8, С.35].

Таким образом многие современные российские теоретики демократического правового государства придерживаются гегелевской модели взаимодействия гражданского общества с данным типом государства. Однако они отмечают тот факт, что данная модель является переходной на пути к либеральному пониманию гражданского общества и его формированию в современной РФ.

Данную точку зрения отстаивают также и правоприменители. Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 30.11.2000 указал, что, исходя из смысла статей 3 и 12 Конституции РФ, право на осуществление местного самоуправления жителями муниципального образования возникает на основании Конституции РФ и закона, а не их волеизъявлении [7].

Несмотря на определенные положительные законодательные тенденции, говорить о формировании гражданского общества в его либеральном понимании, еще преждевременно.

В современной РФ основной проблемой формирования демократического правового государства является низкий уровень правосознания и правовой культуры. Повышение его уровня и переход к либеральному гражданскому обществу возможен прежде всего через увеличение степени участия населения в решении государственных делю Огромную роль в этом играет местное самоуправление, где население имеет множеством способов непосредственно решать вопросы местного значения. Так, 24 февраля 2016 года Департамент градостроительного развития

территории Нижегородской области по собственной инициативе провел публичные слушания по поводу проекта внесения изменений в Правила землепользования и застройки в городе Нижнем Новгороде [9].

Однако, несмотря на вышеуказанные институты в современной РФ существует множество проблем, связанных с реализацией принципа народного суверенитета и переходом к либеральному гражданскому обществу и демократическому правовому государству. Если местное самоуправление отличается разнообразием институтов непосредственной демократии, то этого нельзя сказать о государственной власти на федеральном уровне. Только увеличив число способов участия населения в решении государственных дел, РФ сможет обеспечить формирование либерального гражданского общества и стать истинно демократическим правовым государством.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Алексеев С.С.* Правовое государство – судьба социализма, Москва, 1988

[2] *Баренбойм П.Д.* Правовое государство как партнер гражданского общества: к 150-летию опубликования концепции "Государство как произведение искусства" // Законодательство и экономика", 2010, N 9

[3] *Гаджиев, К.С.* Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования// Вопросы философии. – 1991. – №7

[4] *Гессен, В.М.* О правовом государстве, 1910

[5] Конституция Российской Федерации, от 12.12.1993 // Собрание законодательства РФ, 26.01.2009, N 4, ст. 445

[6] *Нерсесянц, В.С.* История идей правовой государственности, М, 1993

[7] Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.2000 N 15-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года "О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской

области" // Собрание законодательства РФ, 11.12.2000, N 50, ст. 4943

[8] *Четвернин, В.А.* Демократическое конституционное государство: введение в теорию. – Москва, 1993

[9] URL: <http://depgrad.government-nnov.ru/?id=63759> (дата обращения – 15.11.2017)

ПРАВО КАК ФАКТОР ПРОГРЕССА И ИСТОЧНИК ОБНОВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ ПРОИЗВОДСТВА

Мухина Юлия Владимировна

Московский государственный юридический университет

им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Международно-правовой институт

ул. Садовая-Кудринская, 9, Москва, Россия, 123001

yuliafly99@mail.ru

Научный руководитель: И.С. Барзилова, д.ю.н., профессор
кафедры истории права и государства МГЮА

В статье рассматриваются качественно новые изменения в обществе, вызванные совершенствованием инновационных факторов производства, и необходимость их регулирования правом. Проанализированы возможности права как мощного фактора прогресса и источника обновления общества.

Ключевые слова: инновационные факторы производства, фактор прогресса, право - источник обновления, этизация права.

На протяжении нескольких десятилетий важной особенностью современного экономического роста стал переход к непрерывному инновационному процессу [1. С. 32], для которого характерно внедрение новых технологий, интеллектуализация основных факторов производства, организационных форм существования социума, таких как наука, образование, информация, управление, обслуживание и т.д. Внедрение инноваций в производство вызвало коренное улучшение в жизни и деятельности человека и общества, дало возможность получать прибыль, возрос приоритет знаний, новых ценностей. Появление усовершенствованных качественных товаров и услуг сделало жизнь комфортнее и легче, повысило уровень потребностей человека, а также способствовало пробуждению индивидуального сознания людей, их внутреннему раскрепощению.

Любой прогресс совершается в пределах человеческих возможностей, а они в век инновационных технологий достаточно велики. Человек поднимается на новый качественный уровень как рабочая сила, как творец, интеллеktуал и исследователь. Ценностная оценка его жизни также приобретает новое значение. Ради спасения человека принимаются прагматические суждения по клонированию, эвтаназии, расшифровке генов и другие. Инновационная медицина способна это сделать. То, что веками считалось аморальным, сейчас в некоторых государствах закрепляется в праве - так новшества коснулись моральных норм, что вызвало не только взлет свободы, но и изменение общечеловеческих нравственных ценностей.

Под влиянием нововведений наблюдается качественное изменение материальной и духовной культуры общества. Но темпы развития одной гораздо медленнее другой. Люди выдвигают идеи, круто изменяющие мир, совершают открытия, создают великолепные шедевры искусства, техники. Раскованность, индивидуализм и свобода движет современными людьми, но внутренний мир, их духовные качества, этические нормы, правила поведения, меняется порой не в лучшую сторону. Интернет и всевозможные информационно-инновационные технологии часто учат вседозволенности и распушенности, чем возможности расширенного познания мира и полезной творческой деятельности. Для формирования здорового общества и изменяющихся производственных и социальных отношений право становится необходимым и важным источником совершенствования человека, поскольку оно воспитывает его, мотивирует на достижение успеха, организует, требует подчиняться определенным нормам общежития, влияет на накопление общечеловеческих нравственных ценностей, на улучшение человеческой этики. Право дает возможность человеку понять, что у него есть естественные гарантированные права, расширяет правовой кругозор, воспитывает сознание настоящего гражданина.

Инновации расширили поле деятельности, позволили человеку заниматься любимым и прибыльным делом, возродили индивидуалистические ценности в сознании и деятельности людей. Но одним они приносят славу и деньги, а другим разочарование и нравственное падение. Это говорит о том, что внедрение инноваций

предъявляет более жесткие требования к человеку, его знаниям, умениям, способностям и становится одной из причин поляризации социальных групп. Экономические отношения складываются между их участниками на основе товарно-денежных отношений, предметом которых выступают не только товары личного потребления, но и средства производства, недвижимость, предприятия, ценные бумаги, деньги, а также рабочая сила и интеллект. Происходящие изменения заставляют право совершенствоваться сообразно этим обстоятельствам и соответствовать достигнутому экономическому и духовному уровню общества, в нашем случае - обществу инновационных технологий и развиваться вместе с ним. С одной стороны, оно как бы подстраивается под эти изменения, осуществляя назревшие социальные потребности, а с другой стороны оно само является двигателем в осуществлении реформ и преобразований. Улучшение законодательства по защите авторских прав, введению интеллектуальной собственности в хозяйственный оборот, по подготовке высококвалифицированных кадров для ведения инновационной деятельности, по развитию партнерских отношений между государством и частными предпринимателями [2] дает возможность праву активно воздействовать на индивида, защищая его права и собственность. Но значимость права заключается не только в этом, его истинная ценность в том, что оно совершенствуется и изменяется в направлении общего блага. В данном направлении идет этизация современного права через закрепление в законах естественных и моральных норм, свободы идей и деятельности. Правовыми основаниями информационного общества в России является Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, другие законы и нормативные правовые акты, которые разрабатываются на принципах равенства и справедливости. Они упорядочивают права человека на доступ к информационным ресурсам и технологиям, защищают интеллектуальную собственность, неприкосновенность личной жизни, информационную безопасность, свободу слова. Но только в правовом государстве и достаточно сознательном гражданском обществе право будет иметь возможность не только поддерживать установившийся порядок, но и служить гарантом для обеспечения

социального комфорта, выражать индивидуальные интересы как отдельного человека, так и общества в целом.

Право уже в настоящее время проявляет себя как носитель порядка в инновационной системе, борясь с произволом, насилием, бесконтрольностью, своеволием, коррупцией, бюрократией и правовой неграмотностью, поскольку эти субъективные факторы тормозят развитие права. Важным и ценным является то, что оно гарантирует социальную защищенность, и население, устав верить правительству, убежденное в справедливости закона, возлагает надежду именно на право.

Таким образом, право является значимой силой общества, оно не просто связано с его восходящим развитием, а является прямым выражением социального прогресса, служит инструментом для обеспечения социального комфорта как отдельного человека, так и всего общества. Являясь движущей силой в осуществлении экономических, политических, социальных и правовых реформ и преобразований, право является фактором прогресса и обновления общества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Тычинский А.В.* Управление инновационной деятельностью компаний: современные подходы, алгоритмы, опыт. Таганрог: ТРТУ, 2006. – 528 с.

[2] *Яковлев В.Ф.* Экономика. Право. Суд. Проблемы теории и практики. М.: Наука; Интерпериодика, 2003

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА
ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ЛИЦ:
СУБСИДАРИАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
КОНТРОЛИРУЮЩИХ ЛИЦ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
О БАНКРОТСТВЕ ПРОТИВ ДОКТРИНЫ СНЯТИЯ
КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ**

Ольхова Виктория Ивановна, Харин Василий Иванович

Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России)

Юридический факультет

Большой каретный пер., 10 а, Москва, Россия, 127051

victoria.olhova@gmail.com, vasily_kharin@list.ru

Научный руководитель: В.В. Чухненко, к.ю.н., доцент кафедры
гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА
Минюста России)

В статье рассмотрено усовершенствование механизма привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности в рамках ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Освещено понятие и действие доктрины снятия корпоративной вуали в странах общего права. Проанализированы общие черты и различия данных институтов.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность контролирующих лиц, доктрина снятия корпоративной вуали, банкротство, контролирующее лицо, изменения в законодательстве, юридическое лицо.

Имущественная обособленность и самостоятельная ответственность по обязательствам являются основными признаками юридического лица. Тем не менее, годы законодательной, правоприменительной практики и развитие общественных отношений выявили необходимость в исключительных случаях игнорировать обособленность юридического лица и привлекать к ответственности лиц, недобросовестно использующих институт юридического лица. Ответственность лиц, прикрывающихся ограниченной

ответственностью юридического лица является необходимой мерой и в той или иной форме существует в большинстве развитых законодательств.

Не так давно большую популярность в научной литературе имела тема применения доктрины снятия корпоративной вуали в отечественном законодательстве. Доктрина снятия корпоративной вуали позволяет возложить ответственность по обязательствам юридического лица на его участника, если такое юридическое лицо является лишь средством выражения воли участника и используется им для совершения противоправных действий. Впервые данная доктрина была рассмотрена Морисом Уормсером в его статье «Piercing the veil of corporate entity» [6. С. 212]. Уормсер относит к одним из первых случаев применения доктрины снятия корпоративной вуали дело Booth v. Bunce (1865), которое было рассмотрено арбитражным судом Нью-Йорка [7. С. 499]. В данном деле партнерство, не имеющее средств к дальнейшему существованию, объединилось с корпорацией. Имущество партнерства было передано корпорации, в результате чего кредиторы партнерства остались без малейших надежд на удовлетворение своих требований. Суд разрешил кредиторам обратиться с иском на переданное имущество на основании того, что корпорация изначально была создана с намерением обмануть кредиторов. Было отмечено, что «документы, облигации, договоры, судебные решения и даже организации могут служить инструментами, через которые стороны получают незаконные преимущества. Когда такие инструменты используются с целью сокрытия мошенничества, обязанность закона - признавать их ничтожными; закон смотрит сквозь них, как если бы они никогда не существовали» [8. С. 157].

В странах общей системы права данная доктрина нашла широкое распространение, в то время как страны романо-германской правовой системы изобрели свои законодательно закрепленные механизмы. Излишними являются многочисленные попытки заимствовать чужеродную отечественному правопорядку доктрину. Приравнивание же к ней уже существующих механизмов привлечения лиц к субсидиарной и солидарной ответственности является ничем иным, как подменой понятий. Подтверждением этому служит наличие коренных отличий в сути и применении

доктрины снятия корпоративной вуали и субсидиарной и солидарной ответственности, существующей в отечественном законодательстве.

В первую очередь стоит отметить, что доктрина снятия корпоративной вуали всеобъемлюща и может применяться для различных целей. В отечественном же законодательстве механизм различен и предусматривает различные возможности для каждой отдельной ситуации. Отдельно законодательно установлена солидарная ответственность юридических лиц, созданных в результате реорганизации по долгам реорганизованных лиц [1. ч. 3, 5 ст. 60], солидарная ответственность основного общества по долгам дочернего [1. ч.2 ст. 67.3], налоговая ответственность контролирующей и подконтрольной организации по долгам друг друга [1. ч. 2 ст. 45]. Как мы можем видеть, ответственность в данных случаях не «проникает» за корпоративную форму, то есть ответственной все равно остается организация, а не стоящее за ней физическое лицо. В то же время доктрина снятия корпоративной вуали в равной степени и во всех случаях допускает как возложение ответственности на контролирующее юридическое, так и физическое лицо.

Единственным механизмом, предусматривающим ответственность физического лица по долгам юридического, является механизм, предусмотренный ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [3]. Изменения, внесенные ФЗ от 28.12.2016 №488-ФЗ [4] и ФЗ от 29.07.2017 №266-ФЗ [5], по сути запустили неработающий ранее механизм. До внесения изменений сложности главным образом заключались в трудности доказывания факта того, что, то или иное лицо является контролирующим, а также его виновности. Рассмотрение данных исков только в деле о банкротстве еще более ограничивало возможность привлечения недобросовестных лиц к ответственности.

Сравнивая механизм применения доктрины снятия корпоративной вуали и привлечения к субсидиарной ответственности, предусмотренной законодательством о банкротстве, можно найти, что отечественный механизм является даже более простым в применении. Отмечается, что общее право не выработало четкого и последовательного подхода, который бы объяснил, когда доктрина может быть применена [9. С. 27].

Отсутствие четких критериев применения доктрины требует высочайшей квалификации судей. Стоит также отметить, что бремя доказывания лежит на стороне, заявляющей требования о снятии корпоративной вуали, что делает ее применение сложным и не слишком частым явлением. В то же время отечественное законодательство о банкротстве в настоящее время предоставляет нам возможности использования презумпции вины [З. ч. 2 ст. 61.11] и презумпции контролирующего лица [З. ч. 4 ст. 61.10] во множестве случаев, что значительно облегчает процедуру.

Таким образом, субсидиарная ответственность контролирующих лиц, предусмотренная законодательством о банкротстве, имеет все шансы на то чтобы показать даже большую эффективность, чем доктрина снятия корпоративной вуали. Если раньше процедура банкротства была привлекательна для самих должников, которые использовали ее в целях списания долгов и прекращения деятельности, то сейчас предприниматель вряд ли захочет добровольно брать на себя риск субсидиарной ответственности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // [Электронный ресурс] Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 18.11.2017).

[2] Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 14.11.2017) // [Электронный ресурс] Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 18.11.2017).

[3] Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 29.07.2017) // [Электронный ресурс] Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 18.11.2017).

[4] Федеральный закон от 28.12.2016 № 488-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 29.07.2017) // [Электронный ресурс] Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 18.11.2017).

[5] Федеральный закон от 29.07.2017 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // [Электронный ресурс] Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 18.11.2017).

[6] *Спирина, Т. А.* "Снятие корпоративной вуали" через механизм привлечения к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве [Текст] / Т. А. Спирина // Вестник Пермского университета: Серия "Юридические науки". 2014. № 1. С. 211-218.

[7] *Wormser I. Maurice.* Piercing the veil of corporate entity. // Columbia Law Review. 1912. №12 (6). P. 496-518.

[8] 33 N.Y. 139 (N.Y. 1865).

[9] *Stephen Bull.* Piercing the corporate veil in England and Singapore. // Singapore Journal of Legal Studies. 2014. P. 24-40.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ УТВЕРЖДЕНИЯ НОВЫХ РЫНОЧНЫХ МЕХАНИЗМОВ

Пипко Михаил Андреевич

Уральский государственный юридический университет

Институт юстиции

ул. Колмогорова, 54, Екатеринбург, Россия, 620034

mikeandreevich@mail.ru

*Научный руководитель: С.М. Суменков, к.э.н., доцент
кафедры экономических теорий УрГЮУ*

В статье рассматриваются современные тенденции в развитии государственности как нашей страны, так и стран Европы. Проанализированы основные аспекты, необходимые для полноценного утверждения новых рыночных механизмов, предложены дальнейшие пути по решению проблем, существующих на современном этапе формировании государственности.

Ключевые слова: утверждение и развитие современных рыночных механизмов, формирование государственности, государство, монополии, отрасли производства, ЕС, механизм реализации полномочий.

В настоящее время, когда происходит очень стремительное утверждение и развитие современных рыночных механизмов, формирование государственности является очень важным вопросом. Государственность является достаточно широким понятием, которое включает в себя множество компонентов [1.С.117]. На сегодняшний день существует множество современных тенденций в формировании государственности, одним из которых является монополизация убыточных отраслей производства, а также обособленное от влияния международных организаций развитие государства. Государственность поэтому можно представить как общественную организационно-

политическую форму, так и определенный механизм реализации полномочий. Но с какой стороны бы не рассматривали данное понятие, не трудно убедиться, что оно непосредственно связано с понятием власти. В тесном пересечении с государством власть выступает как механизм организации и регулирования экономической и политической сферы.

Формирование государственности не может полноценно происходить без твердого экономического фундамента. Сегодня государство в рамках регулирования экономики в антикризисных целях и в интересах стабилизации общества выполняет большое количество разноплановых функций [4.С.47]. таких как, обязанность по планированию и прогнозированию экономических процессов, проведение активных мероприятий по регулированию монополий, внедрение взвешенной финансово-кредитной политики [3].

Возникает вопрос, что должно произойти для того, чтобы рыночные механизмы как взаимосвязанные и взаимозависимые элементы рынка могли функционировать в полной мере? Конечно же стоит задуматься над тем, насколько целесообразно рассуждать над вопросом, который еще в XVIII в. подробно разобрал А. Смит в "Исследованиях о природе и причинах богатства народов". Но должно ли государство осуществлять только лишь необходимый контроль «невидимой рукой» над экономикой? Классик политэкономии создавал свою теорию в тех условиях, когда экономика не имела представления ни о транснациональных корпорациях, ни о всевозможных крупных финансовых махинациях [4.С.223].

В современной России существует множество невыгодных отраслей для производителей, в которых не только отсутствует существенная выручка, но и данные отрасли испытывают давление международной конкуренции [5]. Яркими примерами являются ЖКХ, различные пассажирские перевозки и сельское хозяйство. Так, последним очень трудно конкурировать с иностранными производителями, поскольку их продукция чаще всего оказывается намного дешевле отечественной. Решением может являться внедрение сил государства путем организации монополии. Так, появление естественной монополии может заметно сократить издержки производителей, что непосредственно скажется

внедрении интенсивных технологий в данную отрасль, что соответственно приведет к увеличению бюджета страны. В таких условиях монополия должна признаваться абсолютной нормой, поскольку совершенная конкуренция не способна справиться с теми обязанностями, которые пытается возложить на нее государство. В таких сферах, которые являются убыточными, государство должно выступать как монополист и подстраиваться путем предоставления различных льгот и введением высоких барьеров для зарубежных производителей [6. С.171]. Именно такая мера способна создать новый аспект рыночного механизма, ведь данные отрасли получают мощный импульс к развитию и модернизации, что приведет к снижению цен и повышению качества жизни в стране.

Современные рыночные механизмы оказывают очень большое влияние на формирование государственности. Ярким примером является испанский кризис. Каталония является очень богатым регионом, который ежегодно перечисляет в государственный бюджет огромные суммы, которые даже не составляют четверти того, что регион получает обратно в качестве субсидий и межбюджетных трансфертов. Главное требование Каталонии - выход Испании из Европейского союза, вполне нормальное и адекватное желание, поскольку из-за членства в ЕС регион терпит колоссальные экономические убытки. В данном случае Каталония выступает как некий донор, а сама Испания как реципиент. Регион не получает ожидаемой поддержки со стороны правительства взамен на огромные финансовые издержки [7]. В таких условиях формирование собственной государственности является не только оптимальной, но и просто необходимой мерой для региона. Если рассмотреть данную ситуацию с другой стороны, то отделение Каталонии нанесет катастрофический удар по экономике Испании, и по всему рыночному механизму страны [8]. Данные меры непосредственно окажут влияние на изменение рынка и повлекут дополнительные издержки бюджета Испании.

Существует предположение, что возможной причиной требований Каталонии об отделении от Испании может являться такой прецедент как «брексит» – возможный выход Великобритании из ЕС [9]. Так, пример Великобритании, которая доказала возможность одностороннего выхода, послужил

импульсом к отделению Каталонии. Тогда возникает логичный вопрос о том, насколько необходимо сильным и независимым государствам членство в ЕС? На сегодняшний день ЕС оказывает слишком большое влияние на экономику европейских стран, поскольку нормы ЕС преобладают над законами стран-участниц ЕС. Путем использования принципа верховенства права и принципа прямого действия права, в первую очередь, удовлетворяются экономические интересы всего союза, а не стран-участниц. Возможно именно сейчас приходит пора постепенного формирования нового типа государственности у стран, имеющих внутриэкономическую стабильность и уверенное внешнеполитическое положение. Речь идёт о развитых странах, способных существовать на высоком экономическом и политическом уровне без вступления в различные международные союзы и организации. Формирование такого типа государственности в условиях утверждения новых рыночных механизмов является очень актуальным и востребованным вопросом.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что для нормального и оптимального формирования государственности необходима грамотная и выверенная работа рыночных механизмов. Чтобы обеспечить необходимые условия, государство должно выступать в роли монополиста в неприбыльных отраслях производства и оказания услуг, а также создавать адекватную конкуренцию для крупных производителей, подстраиваясь под них.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Шагиев Р.В.* Актуальные проблемы теории государства и права: Учебное пособие / Р.В. Шагиева. - М.: Норма, 2015. - 214 с

[2] Теория государства и права: Курс лекций / А.В. Васильев. - М.: МПСИ, 2013. - 200 с.

[3] *Тарасевич Л.С., Гребенников П.И., Леусский А.И.* Микроэкономика: Учебник. — 4-е изд., испр. и доп. — М.: Юрайт-Издат, 2006.

[4] *Николаева И.П.* Экономическая теория: учебник. — М.: Дашков и Ко. — 2012. — 328 с.

[5] *Тарасевич Л.С., Гребенников П.И., Леусский А.И.* Макроэкономика: Учебник. — 6-е изд., испр. и доп. — М.: Высшее образование, 2006.

[6] Экономика: учебное пособие / С.Л. Ермаков, С.В. Устинов, Ю.Н. Юденков. – М.: КноРус. 2013. – 272с.

[7] Конституционный кризис в Испании (2017) // URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Конституционный_кризис_в_Испании_\(2017\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Конституционный_кризис_в_Испании_(2017))

[8] Каталония ищет выход URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/10/01_a_10912790.shtml

[9] Брексит (Brexit) - Выход Великобритании из Евросоюза: чем грозит? URL: <http://www.zakonprost.ru/brexit>

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ В РОССИИ

Пузырёв Сергей Александрович

Московский государственный юридический университет имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)

Институт права

ул. Садовая-Кудринская, 9, Москва, Россия, 125993

puzyrov.1998@mail.ru

Научный руководитель: М.А. Баландина, к.ю.н., преподаватель
кафедры конституционного и муниципального права Московского
государственного юридического университета имени О.Е.
Кутафина (МГЮА)

В статье рассматриваются проблемы современной российской оппозиции с некоторым уклоном на существующую политическую ситуацию, однако, разрешаемые в правовом поле. Что необходимо улучшить государству в правовом регулировании статуса политической оппозиции для конструктивного общественного диалога и какие шаги должна в соответствии с этим оппозиция.

Ключевые слова: ОНФ, КПСС, Единая Россия, однопартийность, ОВР, избирательные блоки, политические партии.

В последнее время перед российским обществом и государством остро встала проблема формирования развитого гражданского общества. Она встала перед нами ещё в последние годы существования СССР и до сих пор успешно не решена. Неотъемлемой частью развитого демократического общества является многопартийная политическая система, которая в современной истории России была сформирована поправками 14 марта 1990 г. к Основному Закону СССР 1977 г., когда из него была исключена 6 статья, в которой была закреплена руководящая роль КПСС в политической жизни страны и фактически однопартийность.

С распадом СССР и всеобщей демократизацией жизни в новом субъекте международного права – РФ остро чувствовалась необходимость слома старой советской системы. В развитие этой цели на всенародном референдуме 12 декабря 1993 года была принята новая Конституция Российской Федерации (далее – Конституция). В ч. 3 ст. 13 Конституции признаются политическое многообразие и многопартийность, а в ч. 4 той же статьи закрепляется равенство общественных объединений. В развитие этих положений принят ряд федеральных законов [1] Однако на практике, да и с формально-юридической точки зрения в последнее время наблюдается некий регресс.

«Деструктивная» роль политической оппозиции в обществе и государстве связана с объективным конфликтом мнений, который возникает в связи с заявлением позиций меньшинства, не согласующихся с позициями большинства или вступающих с ними в прямое противоречие. «Деструктивная» роль политических партий парламентского меньшинства может выражаться в нарушении нормальной работы представительного (законодательного) органа власти. Однако такое направление деятельности политической оппозиции во многом обусловлено несовершенством правового регулирования, связанным с недостаточным наполнением конституционно-правового статуса политического меньшинства [2, с. 48-51].

С течением времени первоначально огромное количество партий сократилось и в этой сфере наступила «опасная» стабильность.

Необходимо отметить и то, что такая ситуация складывалась в течение длительного времени, а не одномоментно. Первоначально (1993 г.) допускались к участию в выборах все общественные объединения, обозначившие в своих уставах соответствующее желание. Поскольку их стало очень много, в конституционном праве появилась (1998 г.) категория «политические общественные объединения», и только им предоставлялась возможность воздействовать на осуществление государственной власти и местного самоуправления, выдвигать соответствующих кандидатов. право выдвижения кандидатов из числа всех общественных объединений было предоставлено Федеральным законом «О политических партиях» только партиям. Однако

избирательное законодательство (федеральные законы от 12 июня 2002 г. «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», от 20 декабря 2002 г. «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» — утратил силу, ему пришел на смену аналогичный Федеральный закон 2005 г.) вновь предоставило общественным объединениям право участвовать в выборах, но только в составе избирательных блоков, возглавляемых политическими партиями, и этим путем выдвигать своих кандидатов. В 2003 г. в законодательство опять были внесены изменения, предусматривающие на будущее создание избирательных блоков только из политических партий. Иные общественные объединения снова утратили возможность активного участия в политической жизни и воздействия на органы государственной власти и местного самоуправления. А новеллами от 21 июля 2005 г. было вообще запрещено образование избирательных блоков [3, с. 27-28]. В 1999 году было запрещено создание партий субъектов РФ, и на наш взгляд, это одно из немногих верных решений, которое позволило подавить «прорастание» сепаратизма в политическую систему страны.

На практике ситуация обстоит ещё хуже, причём имеются значительные правовые коллизии. Общероссийский народный фронт является коалицией общественно-политических организаций, общественным движением. Возникает вопрос, что такое коалиция общественно-политических организаций? Уж очень сильно это объединение напоминает избирательный блок, создание которых запрещено, о чём мы упомянули выше.

Демократические преобразования в нашей стране ещё не поставлены на устойчивый путь развития, поэтому в любой момент они могут быть свернуты, тенденции к чему уже наметились. Политическую оппозицию, не представленную в парламенте, начинают активно «зажимать». С другой стороны, оппозиции нужно становиться более цивилизованной и эффективной, отказаться от противозаконных средств поддержки партий из-за рубежа, радикальных высказываний по поводу территориальной целостности страны и отчуждении от неё отдельных территорий. Всеобщее взаимопонимание и здоровая конкуренция должны

привести власть к пониманию того, что «здоровая» политическая оппозиция — это оппонент, а не враг.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ) // СПС КонсультантПлюс

[2] *Алферова Е.В.* 2011. 04. 013. Васильева С. В. Конституционно-правовой статус политической оппозиции / Ин-т права и публичной политики. - М. , 2010. - 235 с // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: государство и право. Реферативный журнал. 2011. №4

[3] Конституционное право России. Учебный курс : учеб. пособие : в2т. / С.А.Авакьян. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2014.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД ЗАКОНОДАТЕЛЯ НА ЗАЩИТУ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ВНЕДРЕНИЯ

Савина Светлана Эдуардовна

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
Юридический факультет
ул. Собинова, 36 «а», Ярославль, Россия, 150000
savina.j2016@yandex.ru

Научный руководитель: Л.А. Гречина, к.ю.н., доцент кафедры теории и истории государства и права ЯрГУ им. П.Г. Демидова

Статья посвящена реформированию законодательства об осуществлении контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации. Рассмотрены предложенные в законопроекте нововведения, выявлены их достоинства и недостатки. Также автором предложены пути решения обозначенных проблем, исходя из практики действующего законодательства и мнений, существующих в научной литературе.

Ключевые слова: государственный контроль, государственный надзор, муниципальный контроль, муниципальный надзор, контрольно-надзорная деятельность, законопроект

В 2015 году Министерством экономического развития РФ был разработан проект Федерального закона «Об основах государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в Российской Федерации» [1], определяющий новые правовые и организационные основы системы государственного и муниципального контроля (надзора). Данный законопроект был подготовлен во исполнение поручений Президента РФ [2] и Правительства РФ [3] в рамках третьего этапа реформирования контрольно-надзорной деятельности в целях защиты прав граждан, и, в первую очередь, субъектов предпринимательской

деятельности. Несмотря на все предлагаемые нововведения, которые были высоко оценены учеными и практиками, на сегодняшний день законопроект так и не принят, что порождает новые дискуссии в юридической науке относительно его содержания.

Остановимся на основных концептуальных положениях проекта закона.

Немаловажным является совершенствование понятийного аппарата, поскольку точное определение предмета правового регулирования является залогом успешной институализации правовой материи. В.Н. Карташов, определяя институт права, указал на два важных его признака: относительная самостоятельность и цельность регулирования общественных отношений [4. С. 180]. Из анализа текста законопроекта следует, что законодатель, изначально исходя из разграничения понятий «контроль» и «надзор», не всегда последователен в своей позиции (например, даже в п. 3 ст. 1 и п. п. 1-4 ст. 2 Проекта обнаруживаются противоречия). Представляется необходимым взять за основу разграничения единый критерий: подчиненности и вид объекта проверки и следовать ему во всех соответствующих нормативных правовых актах. Таким образом, например, будет следовать, что в отношении органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления со стороны вышестоящих органов проводятся мероприятия по надзору за их деятельностью; а в отношении хозяйствующих субъектов со стороны государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления - мероприятия по контролю за их деятельностью.

Практическое значение разграничения указанных понятий заключается в том, что необходимо предусмотреть различные процедуры для проведения соответствующих контрольных и надзорных мероприятий для повышения их качества и эффективности.

Одним из ключевых и принципиально новых направлений в данной сфере является переход на систему управления рисками, которая основывается на том, что контролирующие органы должны предпринимать все зависящие от них меры, чтобы минимизировать нарушения со стороны подконтрольных субъектов хозяйственной деятельности. Сама система управления рисками, как основа

осуществления государственного контроля (надзора), уже используется в ряде отраслей, поэтому у законодателя есть опыт её внедрения. Например, данная система предусмотрена Таможенным Кодексом Таможенного союза и успешно функционирует на протяжении почти 10 лет. Федеральным законом от 21 июля 1997 г. №116-ФЗ «О промышленной безопасности» также предусмотрена система управления рисками с установлением закрытого перечня классов опасности промышленных объектов.

Основная проблема данного законопроекта относительно предложенной системы заключается в том, что общая модель оценки рисков не учитывает индивидуальные характеристики субъекта и условия его деятельности. Нельзя установить единый унифицированный перечень классов опасности для всех подконтрольных субъектов, соответственно, введение системы управления рисками в подобном виде потребует дополнительного принятия большого количества нормативных правовых актов, которые будут отражать особенности проверки в различных сферах. В юридической литературе предлагаются разнообразные пути решения данной проблемы, в частности, некоторые авторы указывают на необходимость разработки единого Кодекса об основах осуществления государственного и муниципального контроля (надзора) на территории РФ [5], но, представляется, что данная кодификация займет еще более длительное время, чем внедрение и апробация нового Федерального закона в случае его принятия.

Еще одним важным упущением законопроекта представляется вопрос оценки эффективности деятельности органов государственного и муниципального контроля (надзора), который остался без должной регламентации. В гл. 10 Законопроекта оценка эффективности и результативности органов привязана к количеству проведенных проверок, штрафам, издержкам и т.д., но данная система давно потеряла свою актуальность и не отражает реальное положение дел. В настоящее время в ряде сфер, например, при осуществлении государственными органами полномочий по лицензированию в сфере здравоохранения [6], при расчете эффективности учитываются такие показатели, как количество фактически проведенных проверок, количество запланированных проверок,

размер израсходованных средств федерального бюджета на реализацию переданного полномочия и др. То есть идет смещение целей контрольно-надзорных мероприятий. Контролирующие органы стремятся к чистым показателям, забывая при этом о главной – превентивной цели своей деятельности. Необходимо разработать иные критерии, которые, в первую очередь, будут исходить из результатов проверочных мероприятий [7. С. 2753-2758.]. Следует оценивать не по конечному показателю в процентах, а по данным, вложенным в основу этого расчета. Ведь эффективным по показателю может быть деятельность органа, проводившего одну проверку в год, а деятельность органа, у которого проведено около тысячи проверок будет менее эффективной исходя из того, что по нескольким проверкам были поданы жалобы. Также необходимо отталкиваться от специфики отрасли.

Проблемой является и обязательный уведомительный характер при проведении проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в той форме, в которой он существует на практике и закреплен в законопроекте. Недобросовестные субъекты могут создать ситуацию, при которой должностные лица не вправе осуществлять как плановые, так и внеплановые выездные проверки. Поэтому представляется необходимым ввести в законодательство нормы, устанавливающие иные формы и порядок уведомления субъекта о проведения проверки, например, признать юридическую силу за уведомлением посредством электронной почты либо иным подобным способом, ввести презумпцию уведомления субъекта в случае направления заказного письма, подтвержденного соответствующей квитанцией и т.п., который бы мог взаимосоответствовать уже имеющемуся принципу презумпции добросовестности проверяемого лица.

Несмотря на имеющиеся недостатки, в целом законопроект достаточно прогрессивен, содержит ряд позитивных моментов, в частности, распространение сферы его действия практически на все виды государственного контроля и надзора, превентивную направленность осуществления данных мероприятий и др.

При этом научное сообщество оправданно полагает, что в случае принятия законопроекта его основная цель – улучшение осуществления контрольно-надзорной деятельности, может быть и

не достигнута, ввиду чего требуется дальнейшая проработка положений законопроекта с учётом имеющихся недостатков.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Проект федерального закона «Об основах государственного и муниципального контроля и надзора в Российской Федерации» // [Электронный ресурс] Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 01.11.2017).

[2] Перечень поручений Президента РФ от 4 января 2015 г. № Пр-13 // [Электронный ресурс] Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 01.11.2017).

[3] Перечень поручений Правительства РФ от 20 января 2015 г. № СП-П16-780 // [Электронный ресурс] Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 01.11.2017).

[4] *Карташов В.Н.* Теория правовой системы общества: учебное пособие. В 2-х т. Т. I / В.Н. Карташов. Ярославль: ЯрГУ, 2005.

[5] *Гречина Л.А., Закружная Е.А.* Дискуссионные вопросы проекта ФЗ «Об основах государственного и муниципального контроля и надзора в Российской Федерации» // Актуальные проблемы российского права. №1 (62). 2016.

[6] См.: Приказ Минздрава России от 29.10.2014 N 680н (ред. от 07.07.2017) «Об утверждении порядка осуществления оценки эффективности деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации по осуществлению переданных им полномочий Российской Федерации в сфере охраны здоровья» // [Электронный ресурс] Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 03.11.2017).

[7] *Тхабисимова Л.А.* Правовой аспект эффективности деятельности органов власти и управления субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2014. №12.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВОТИРОВАНИЯ РАБОЧИХ МЕСТ

Соян Идамчап Маркович

Уральский государственный юридический университет
Институт прокуратуры
ул. Комсомольская, 21, Екатеринбург, Россия, 620137
idamchap@mail.ru

Научный руководитель: А.В. Крузе, к.ю.н., старший преподаватель
кафедры трудового права УрГЮУ

В статье рассматриваются проблемы квотирования рабочих мест в Российской Федерации, а также вопросы совершенствования законодательства и политики, направленные на институт квотирования в целом. Проанализирована каждая категория работников, для которой должны создаваться или выделяться места в счет установленной квоты.

Ключевые слова: квотирование рабочих мест в Российской Федерации, совершенствование законодательства, специализированные рабочие места, практика судов, работодатель, несовершеннолетние, инвалиды, иностранцы.

На сегодняшний день, в научной литературе больше внимания уделяется проблемам квотирования рабочих мест для инвалидов, так как и в правовом и в правоприменительном аспекте данная проблема носит наиболее острый характер. Однако институт квотирования охватывает и другие группы граждан: несовершеннолетних, иностранной рабочей силы, осужденных. Проблема квотирования рабочих мест является актуальной и значимой, так как практическая реализация данного института имеет определенные отличия, как в социальном статусе граждан, которым предоставляются квоты, так и в рамках регионального регулирования рынка труда того или иного субъекта РФ в зависимости от специфики, потребностей.

Обращение к понятию квотирования показывает, что существуют различные точки зрения. Так, например, В. Митрофанова считает, что под квотированием стоит понимать

«обязанность работодателя создавать или выделять рабочие места для отдельных категорий граждан в определенном количестве» [6. С. 67.] По мнению Е.В. Масловой квотирование выступает одним из элементов социальной политики государства, нацеленным на социальную помощь конкретным гражданам в трудоустройстве [7. С. 64.]. По мнению Н.М. Саликовой квотирование – это «определение минимальной численности лиц, подлежащих трудоустройству на конкретном предприятии (в учреждении, организации)» [8. С. 47.] Рассматривая различные определения, стоит отметить, что квотирование – это законодательно установленная обязанность в отношении работодателей по выделению определенного количества мест на своем предприятии для отдельных категорий граждан.

Одним из актуальных вопросов квотирования является квотирование рабочих мест для инвалидов. Данный институт для лиц с ограниченными возможностями появился еще в 1995 г. с принятием соответствующего закона, который стал регламентировать необходимость квот [1]. В ранее действовавшем законодательстве как на федеральном уровне - ч. 4 ст. 21 Закона о защите инвалидов, так и на региональном - п.3 ст. 2 Закона г. Москвы от 22.12.04 № 90 «О квотировании рабочих мест», устанавливались ежемесячные платежи работодателей в бюджет субъектов РФ, если последние не выполняли или не могли в силу характера работы установить квоту для приема на работу инвалидов. Данная норма также предусматривала размер и порядок внесения обязательной платы. Но в последствии данная идея была признана противоречащей политике гарантий занятости населения. В связи с этим принятие Федерального закона от 22.08.2004 № 122-ФЗ ознаменовало утрату силы ч. 4 ст. 21, а Верховный Суд в своём Определении от 10.08.05 № N 5-Г05-45 отменил норму Закона г. Москвы.

Размер квоты согласно действующему законодательству зависит от численности работников предприятия. С одной стороны, государство на нормативно-правовом уровне регулирует институт квотирования как обязанность. С другой стороны, на практике работодатели все чаще неохотно принимают решение о квотировании, чему свидетельство судебная практика о привлечении работодателей по ст. 5.42, 19.7 КоАП РФ. Анализ

судебной практики показывает, что в большинстве случаев работодатели просто не предусматривают квоту на своем предприятии для инвалидов [2]. Отсюда можно убедиться, что законодатель поставил перед работодателем неразрешимую задачу - создать определенное количество специализированных рабочих мест до обращения конкретных инвалидов, под которых они и должны быть оборудованы. В противном случае работодатель может, например, создать специализированное рабочее место для инвалидов по зрению, которое не подойдет трудоустраивающимся инвалидам с проблемами опорно-двигательной системы.

Все это свидетельствует о неэффективности политики трудоустройства инвалидов.

Несовершеннолетние в отличие от других субъектов квотирования имеют особый правовой статус, который связан как с запретами привлечения несовершеннолетних на определенные виды работ, так и с тем, что несовершеннолетние являются учащимися, соответственно выполнение трудовых обязанностей возможно в свободное от учебы время. Для многих предпринимателей – это существенное препятствие для работы, поскольку несовершеннолетний может работать лишь несколько часов, что не выгодно той или иной компании. Работодатели неохотно выделяют квоты и для данной группы граждан. При этом стоит учитывать, что в большей степени в данных рабочих местах нуждаются дети-сироты, несовершеннолетние, находящиеся в трудной жизненной ситуации. Так, например, прокурор Нижегородской области обратилась к ООО «Экологический инвестор – Норси» о возложении обязанности о выделении рабочих мест несовершеннолетним на основании законодательства Нижегородской области. Однако организация не предоставила двух мест для несовершеннолетних, что было возложено судом [5].

Одной из острых проблем современности является и проблема квотирования рабочих мест для иностранных рабочих. Здесь ситуация обратная, когда целями квотирования выступает необходимость регулирования рынка иностранной рабочей силы, но это касается не всех субъектов РФ, а в основном городов мегаполисов. Однако стоит отметить, что существуют регионы, которые нуждаются в рабочей силе, особенно по рабочим специальностям, поэтому квотирование выступает как способ

«повышение территориальной и профессиональной мобильности трудоспособного населения и привлечение квалифицированного персонала» [9. С. 41.]

На сегодняшний день, институт квотирования реализуется не только посредством нормативно-правового регулирования федерального уровня, но и региональными актами в которых четко устанавливается размер квоты. В зарубежных странах соблюдение требований квотирования выступает элементом высокой репутации и позиционирования той или иной компании на рынке. Работодатель – это субъект, который должен содействовать занятости, он не только выступает локальным субъектом регулирования трудовых правоотношений в своей компании, а является субъектом регулирования процессов занятости в том или ином регионе, находится в зависимости от процессов. Поэтому в институте квотирования рабочих мест, работодатель имеет ключевую роль, именно от его управленческого решения будет зависеть трудоустройство тех или иных групп граждан, в данном случае речь идет о незащищенных слоях общества.

В современных условиях существующих проблем в области квотирования рабочих мест требуется новый подход, который будет связан не только с контролем за работодателями и привлечением их к ответственности, но и созданием механизмов пропаганды и агитации компаний для выделения квот. Необходимо вести не только разъяснительную работу, которая на практике в основном ведется только через суд, но и принять методические рекомендации для работодателей о необходимости квотирования, законодательных разъяснений в данных рекомендациях о существующих законах и размерах квот в той или ином регионе.

Возможно, следует также рассмотреть вопрос о возвращении института налогообложения на региональном уровне для работодателей, специфика производства которых не позволяет выполнять квотирование рабочих мест (следовательно, потребуются закрепить законодательно исключительные основания для реализации данного права).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 № 181-ФЗ (в ред. 01.06.2017) // СЗ РФ 1995. № 48, ст. 4563.

[2] Апелляционное определение Свердловского областного суда от 11.11.2016 по делу № 33-19785/2016 // СПС Консультант плюс 2017

[3] Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 04.02.2016 № 33-1304/2016// СПС Консультант плюс 2017

[4] Постановление Верховного суда Республики Хакасия от 01.07.2014 по делу № 7н-69/2014 // СПС Консультант плюс 2017

[5] Кассационное определение Нижегородского областного суда от 06.12.2011 по делу № 33-12158// СПС Консультант плюс 2017

[6] *Митрофанова В.* Квотирование рабочих мест // [Электронный ресурс]: <https://hr.superjob.ru/hr-novosti/kvotirovanie-rabochih-mest-4274/> (дата обращения 10.10.2017)

[7] *Маслова Е.В.* Использование нестандартных форм занятости как инструмент повышения эффективности трудоустройства инвалидов // В сборнике: Актуальные вопросы формирования доступной среды для инвалидов в социальной и трудовой сферах деятельности: интегрированный подход. Материалы научно-практической конференции. 2016.

[8] *Саликова Н.М.* Участие работодателей в содействии занятости населения // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 3 (99).

[9] *Парамонова Ю.В.* От квот на иностранную рабочую силу к привлечению высококвалифицированных специалистов // В книге: Молодые профессионалы Евразии Тезисы работ финалистов Международного конкурса. VII Евразийский экономический форум молодежи. Ответственные за выпуск Я.П. Силин, М.С. Марамыгин, А.Ю. Коковихин. 2016.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Стародумова Юлия Алексеевна,
Стромова Татьяна Андреевна

Финансовый университет при Правительстве РФ
Факультет Финансовых рынков
ул.Кибальчича,4, Москва
Julya_star@mail.ru

Научный руководитель: М.А. Лапина, д.ю.н., профессор
департамента правового регулирования экономической
деятельности Финансовый университет при Правительстве РФ

Аннотация: В данной статье рассмотрен вопрос регулирования защиты прав потребителей финансовых услуг в связи с нарастанием недовольства граждан по поводу защиты их прав. В настоящее время Правительство РФ стремится передать полномочия по регулированию данного вопроса Банку России, однако не известно, будет ли новый закон соответствовать всем стандартам и реалиям современности.

Ключевые слова: права потребителей, Банк России, финансовые услуги, банковская сфера.

Обеспечение защиты прав потребителей финансовых услуг в настоящий момент осуществляется на базе закона РФ «О защите прав потребителей». Его принятие датируется 1992 годом, и этот закон первый в своем роде. [1] Изучив документ, можно заметить, что в нормативно-правовых актах не выделяются вопросы защиты прав потребителей именно финансовых услуг, они рассматриваются в общем контексте защиты прав потребителей. Тогда насколько корректно применение закона «О защите прав потребителей» относительно именно финансовых услуг?

В настоящий момент данный закон не способен в полной мере регулировать вопросы, касающиеся защиты прав потребителей именно финансовых услуг, так как многие пункты закона не

соответствуют реалиям современного мира и уровня развития банковских услуг.

Многие финансовые сообщества не раз призывали к созданию отдельного нормативно-правового акта, регулирующего отношения в сфере финансовых услуг. [2]

Рациональным решением представляется уполномочить Банк России в качестве регулятора и надзорного органа в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг. Ведь профессиональная экспертиза, знание и опыт Центрального Банка может помочь всем участникам в безопасном и сбалансированном развитии рынка. [3.С.32]

Кроме того, необходимо совершенствование законодательства и регулирования посредством принятия отдельного закона о защите прав потребителей финансовых услуг. Он должен содержать новые полномочия Банка России, точное определение финансовых услуг, а также такие моменты, как детальное описание механизма разрешения проблем по каждому финансовому продукту, услуге, нормы предоставления информации потребителю, бизнес-этика, организация процесса рассмотрения обращений.

Создание и утверждение подобного закона даст возможность:

- потребителям финансовых услуг – получить необходимую защиту их прав и интересов, которая будет осуществляться с учетом изменений, происходящих в связи с развитием цифровых технологий и т.д.;
- профессиональным участникам – развивать существующие услуги и условия их предоставления, а также создавать новые услуги в условиях полной правовой определенности;
- регулятору и контролирующему органу – гарантировать соответствующую защиту прав и интересов потребителей финансовых услуг на базе новейших конфигураций надзора. [5]

Следует также задуматься о развитии использования процедур досудебного урегулирования споров (финансовый уполномоченный). Данный институт весьма значим с точки зрения защиты прав покупателей, ведь если учесть международную практику, можно увидеть, что, по статистике, около 80–90% жалоб того или иного участника финансовых отношений возможно упорядочить в досудебной период. [4.С. 4]

В случае успешного создания финансового уполномоченного, отталкиваясь от конкретных основ (практичность с целью извлечения услуг общественностью, бесплатность консультации в экономических вопросах, высокая скорость рассмотрения жалоб, присутствие элементов, которые обеспечивают осуществимость заключений финансового уполномоченного), в таком случае, результатом видится снижение числа тех, кто не доверяет отечественным финансовым учреждениям и российскому финансовому рынку в целом, поспособствует развитию практики ответственного финансирования, снизит нагрузки на судебную систему, упростит процедуры разрешения споров.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 01.05.2017) "О защите прав потребителей".

[2] Постановление Правительства РФ от 30 июня 2004 г. N 322 "Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека" (с изменениями и дополнениями)

[3] Доклад Роспотребнадзора «О состоянии защиты прав потребителей в финансовой сфере в 2016 году» / Министерство финансов Российской Федерации - 344 с.

[4] *Ефремова М.Д. и др.* Защита прав потребителей: проблемы и решения. М.: Проспект, 2016. - 368 с.

[5] Государственный доклад «Защита прав потребителей в РФ 2016» // Роспотребнадзор URL: http://01.rospotrebnadzor.ru/c/document_library/get_file?uuid=485e87b6-bc95-4695-9a53-7bc1e396ad71&groupId=11786 (дата обращения: 07.11.2011).

РАЗВИТИЕ И РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Стратюк Анастасия Альбертовна

Институт законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации
аспирант

Б. Харитоньевский пер., 22/24 стр. 1А, Москва, Россия
snastia.93@mail.ru

В современном мире распространение информации происходит в разы быстрее, при этом все сложнее подвергать ее анализу, с учетом возрастающих объемов и скорости распространения. В статье рассматривается необходимость защиты информации о частной жизни человека в эпоху информационных технологий. Поднимается вопрос возможности распределения и фильтрации информации, в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации.

Ключевые слова: конституция, право, информация, человек, защита прав, частная жизнь.

В современном мире все большее значение приобретает информация. Благодаря технологиям, люди из разных стран свободно общаются в режиме реального времени, обмениваются фото, видеозаписями, обсуждают насущные вопросы, решают деловые задачи. Сегодня, не осталось ни одной отрасли, где бы ни были задействованы информационные технологии: в промышленности, в транспорте, в науке, в образовании, в государственном управлении, в экономике, социальных и других сферах внедряются и действуют информационные технологии, и их количество будет только расти.

Безусловно, право должно способствовать развитию информационных технологий, становлению информационного общества, однако не стоит забывать об ограничениях неразрывно связанных с внедрением технологий.

При всех положительных сторонах использования информационных технологий, перед юристами ставятся новые

задачи, возникающие в результате их применения. В Конституции Российской Федерации [1], в главе 2 - права и свободы человека и гражданина, в ст. 23, 24 и 29 содержатся нормы, провозглашающие основные права, касающиеся частной жизни. В них закреплено право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Запрещается сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия. Органы государственной власти обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом. Что входит в объем понятия «частная жизнь» еще в 2012 году разъяснил Конституционный Суд Российской Федерации. В Определении от 28.06.2012 № 1253-О Конституционный Суд указал, что: право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера; в понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит непротивоправный характер [2].

Формирование современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры, предоставление на ее основе качественных услуг и обеспечение высокого уровня доступности для населения информации и технологий потребовало принятие специальных законов. В Российской Федерации существуют механизмы, защищающие информацию о человеке и человека от информации. Например, согласно п.7 ст. 3 Федерального закона «Об информации, информатизации и защите информации» признается неприкосновенность частной жизни, недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия, а также ответственность за распространение новостной информации о частной жизни гражданина с нарушением гражданского законодательства [3]. Статья 152.2 ГК РФ закрепляет недопустимость использования, сбора, хранения, распространения

любой информации частной жизни, в частности сведений о происхождении, о месте пребывания или жительства лица, о личной и семейной жизни без согласия гражданина, если иное не предусмотрено законом, а также если данная информация не была раскрыта ранее самим гражданином [4]. Законодательство направлено и на контроль информации, а именно, в ст. 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» закреплена ответственность за распространение экстремистских материалов и размещение на сайте Минюста списка указанных материалов [5], так же с 1 ноября 2012 года ведется Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

Однако достаточно ли этого для эффективной защиты прав человека? Можно ли говорить о том, что необходимо определить и возможно контролировать вектор развития информации, объемы поступающей информации, степень ее правдивости и обоснованности, при этом, не нарушая ч.5 ст. 29 Конституции Российской Федерации о запрете цензуры? Полезен ли такой массив информации, доступ к которой мы имеем сейчас?

В демократическом государстве основным способом противодействию злоупотреблениям свободой массовой информации служит привлечение к ответственности за противоправное поведение в судебном порядке. В то же время при рассмотрении способов противодействия информационным правонарушениям необходимо учитывать их большую общественную опасность, связанную с тем, что вред может быть нанесен неопределенному кругу лиц. Кроме того, в эпоху информационных технологий распространение информации происходит в разы быстрее, при этом степень ее надежности снижется. В результате возможно быстрое распространение информации, сведения в которой являются не правдоподобными, клеветой или носят запрещенный характер, при этом защита прав человека происходит в обычном судебном порядке. Следовательно, даже после удаления информации, полностью устранить нанесенный ущерб вряд ли возможно. В связи с этим важно не только привлечь к ответственности виновных субъектов, сохранить

честь и достоинство тех, чьи права были нарушены, но и остановить распространение вредной информации. Проблематичным представляется также проверка и фильтрация информации, которая не нарушает права, но искажает факты.

В заключение следует отметить, что информационные права и свободы являются важнейшим элементом в части прав и свобод человека и гражданина, как на международном уровне, так внутри государства. Учитывая особую значимость и необходимость в получении обществом достоверной информации, необходимо более подробное и точное осмысление значения информации, ее количества и регулирования. Исходя из принятых и действующих принципов, необходима дальнейшая проработка системы защиты и обеспечения информационных прав и свобод человека.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993).

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации».

[3] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

[4] Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.

[5] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ И КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ XXI ВЕКА: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Сытько Ксения Олеговна

Нижегородский государственный педагогический университет
им Козьмы Минина

ул. Ульянова, 1, Нижний Новгород, Нижегородская обл., 603002

*Научный руководитель: С.В. Булганина к.т.н., доцент
кафедра инновационных технологий менеджмента НГПУ*

В статье рассматривается основной закон Российской Федерации. История становления и развития Конституции РФ. Рассмотрение основных конституционных положений. Представление как положительных, так и негативных сторон Конституции. Основные моменты перспектив развития конституционализма в Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция, развитие, достижения, недостатки

На сегодняшний день в современном мире, развивается абсолютно всё. Затрагиваются политические, экономические, социальные и многие другие сферы общества. Грамотное и правильное регулирование порядка в стране – это и есть залог успешного развития государства во всех его проявлениях.

Основной закон Российской Федерации по сей день остаётся Конституция, которая в своё время принималась в достаточно жёстких и противоречивых политических условиях. Но и сегодня, можно сказать, Конституция имеет большой резонанс, и вызывает не мало споров, а также предложений и мнений о внесении корректировок, для устранения ряда имеющихся дефектов и несогласованностей.

Конституции XXI века основывается на общечеловеческих ценностях прошлого, поднимают их на новый уровень, а также формулируют новые приоритеты гражданского общества, в котором созданы все условия для достойной жизни гражданина.

В основе Конституции Российской Федерации 1993 года - собственный российский исторический опыт, а также

приобретённый опыт конституционализма зарубежных стран с развитой демократией. Основной закон опирается на общепризнанные в мире стандарты обеспечения прав граждан и управления человеческим сообществом.

Конституция РФ способствовала стабилизировать общества в 1993 году, поставила на первый план демократические преобразования, способствовала развитию российского права. Существенно изменилось и отношение к роли конституции в жизни отдельного человека, всего общества и соответственно в механизме правового регулирования общественных отношений.

Главная идея и ценность Конституции РФ – это власть народа и народный суверенитет. Эту идею мы можем проследить в конституционных положениях, она – отправная точка конституционного и муниципального строительства. Без этой идеи невозможно совершенствование государственной политической системы, институционализация политических партий, объединений и институтов, реформирование федеративного устройства.

Во второй статье Конституции РФ права и свободы человека признаются высшей ценностью. Кроме них закрепляются народовластие, демократия, правовое, социальное государство. Именно перечисленные выше идеалы и ценности гражданского государства легли в основу конституционного закрепления задач, целей, функция Российского государства.

К основным достижениям Конституции 1993 года можно отнести:

1) Установление элементарного порядка в осуществлении публичной власти, ограничение политического противоборства исполнительной и законодательной власти, сохранение целостности России.

2) Вторым достижением Конституции России следует признать сохраняющийся до настоящего времени программный потенциал.

3) Более детальное урегулирование процедур осуществления публичной власти на различных уровнях (по сравнению с Конституцией 1978 года), а также регламентация процедур решения конфликтов между различными должностными лицами и органами государственной власти.

Наряду с достижениями у Конституции РФ имеются и недостатки.

1) Противоречивость Конституции. С одной стороны, это провозглашенные принципы общественно государственного устройства, приоритет свободы человека и его прав, а с другой сильный государственный аппарат, на котором основывается публичная власть. В Конституции не прописана ответственность органов власти и должностных лиц за несоблюдение этой нормы.

2) Программный характер Конституции наряду с положительными моментами имеет негативные последствия. Во многом Конституционные положения, с неизбежностью породили ее рамочный характер, поскольку такое свойство позволяет адаптировать содержание Конституции к изменяющимся политическим условиям и обеспечивать создание сферы общественно-политического согласия.

3) Разногласия и противоречивое содержание норм Конституции и практикой их реализации. Недостаток проявляется в том, что Конституция, последовательно реализуя идею максимально возможного усиления власти Президента, одновременно не смогла в достаточной степени создать препятствия для появления и развития олигархических тенденций в осуществлении публичной власти. Этот недостаток особенно проявился в конце 90-х годов XX века, однако и в настоящее время мы можем увидеть его проявление.

Перспективы развития конституционализма в России, можно выделить, отмечая во внимание следующие точки зрения:

1) На сегодняшний день Конституция действует на достаточно высоком уровне. У Конституции есть потенциал, необходимости в принятии нового. Основного закона нет. Федеральные законы позволят преодолеть имеющиеся недостатки.

2) Введения и разработка новой Конституции РФ. Основываясь на многих факторах противоречий и разногласий и сведения их к минимуму. Возможная доработка отдельных пунктов. Стоит отметить, необходимость учитывать, современные политические, экономические и правовые реалии создают отрицательные условия для конституционного реформирования.

3) Более реальное конституционное развитие – в действующую Конституцию внесение изменений. При этом должно

сохранятся содержание основы сути Конституции, которые устраивает большинство населения и в немалой степени властвующую элиту. В ходе поправок будет происходить частичное изменение механизма государственного аппарата не радикального характера, и Конституция не станет причиной серьезных перемен в обществе и государстве. [1. С. 346]

Таким образом, России необходима такая система государственной власти, которая будет

- основываться на принципах демократизма,
- продолжать развивать демократический режим,
- своевременный и эффективно устроенный контроль за ситуацией в стране,
- борьба с терроризмом и иными опасностями,
- укреплять российскую государственность, стимулируя хозяйственную и общественную инициативу граждан.

Для функционирования государства необходимо формирование политической и конституционной культуры, гарантирование верховенства права с помощью демократических институтов, формирование необходимой среды общественного согласия, плюрализма и толерантности, последовательное обеспечение общественного согласия. [1. С. 346].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Советов И.К.* Конституция России: достижения, противоречия, перспективы. / Открытая наука / [Электронный ресурс] URL: <http://open-science.ru/about>

ДВУСТОРОННИЕ ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ И АЛЬТЕРНАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Титова Анна Валерьевна

Московский государственный университет

имени М. В. Ломоносова

Юридический факультет

ул. Ленинские Горы, 1, к. 13-14, Москва, Россия, 119234

office@law.msu.su

Научный руководитель: А.В. Белицкая., к. ю. н., доцент кафедры
предпринимательского права МГУ имени М. В. Ломоносова

Основным правовым документом для регулирования международных инвестиционных отношений с середины 20-го века были двусторонние инвестиционные соглашения. В настоящее время происходит переход в регулировании иностранных инвестиций от двусторонних инвестиционных соглашений к региональным интеграционным соглашениям. Характерной особенностью региональной интеграции в сфере взаимных инвестиций является проведение либерализации, основанной на устранении или существенном снижении барьеров для доступа и функционирования взаимных инвестиций.

Ключевые слова: инвестиции, двусторонние инвестиционные соглашения, интеграционные объединения, ЕАЭС.

Главным правовым средством регулирования международных инвестиционных отношений, начиная с середины 20 века, являлись двусторонние инвестиционные соглашения (ДИС). По статистике ЮНКТАД на 2017 год заключено 958 двусторонних соглашений о защите капиталовложений, из которых действующими являются 2 366, и 368 соглашений, содержащих положения, касающиеся режима, предоставляемого иностранным инвесторам, из которых действующими являются 302. [1] Но на данный момент тенденция изменилась в сторону их пересмотра, и около половины развивающихся стран воздерживаются от

заключения ДИС, что является показателем их недостаточно эффективного урегулирования. Статистический анализ не показывает прямой связи между заключением ДИС и притоком иностранных капиталов. На это имеется ряд причин. Как правило, ДИС не заключаются между экономически равными странами, что приводит к закреплению дискриминирующего положению стороны-реципиента. В качестве подтверждения можно указать на то, что ДИС обычно не содержат обязательство экономически более развитого государства обеспечить капиталовложение в заранее определенном объеме. Наоборот, стороне, заинтересованной в привлечении инвестиционного капитала, приходится вносить ограничения, противоречащие её интересам, в том числе и в национальное законодательство. Проблемным аспектом, например, является широкое толкование понятия «инвестиции», которое включает в себя максимальное количество видов капиталовложений: движимое и недвижимое имущество, различные имущественные права, акции, облигации, виды интеллектуальной собственности и т.д., и их перечень далеко не всегда исчерпывающий. Дело ЮКОСа стало следствием отсутствия четких требований в регулировании, например, о подтверждении реального вложения капитала или получения позитивного эффекта от такого вложения [2]. А закрепленное в российском законодательстве понятие «инвестиции», которое не противоречило изложенному в Договоре к Энергетической хартии, позволило отчасти применить его положения без ратификации. Некую ясность и определенность попыталась внести индийская модель ДИС, включающая в себя четкие критерии к определению инвестиций. Среди таких можно назвать требования о продолжительном сроке использования в качестве капитала на территории государства-реципиента, о позитивном вкладе в экономическое развитие принимающего государства и о соответствии законам государства-реципиента.

Но данный подход так и не получил своего заслуженного распространения при отсутствии поддержки со стороны экономически развитых государств, так как это бы вносило существенные ограничения в их инвестиционную деятельность.

Таким образом, ДИС по-прежнему остается моделью инвестиционного регулирования, целью которого является не

получение совместной выгоды и создание свободного передвижения капитала на равных условиях, а закрепление донором дискриминирующих положений по отношению к реципиенту. Попытки преодоления проблемы в российском законодательстве на данный момент выражены в Регламенте заключения международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций, который хоть и вводит материальный критерий взаимности, но на практике пока не оказывает существенного влияния. [6]

Актуальным является переход от двустороннего регулирования к формированию региональных объединений. Инвестиционное регулирование в рамках интеграции предполагает создание зон свободной торговли. Характерной особенностью является проведение либерализации, основанной на устранении или значительном снижении барьеров на пути доступа и функционирования взаимных инвестиций. Это способствует как улучшению инвестиционного климата внутри объединения, так и повышению инвестиционной привлекательности со стороны стран, не являющихся его участниками.

В аспекте международно-правового обеспечения режима иностранных инвестиций в России наиболее актуальным и материально существенным является не столько дальнейшее развитие на путях традиционных ДИС, сколько урегулирование инвестиционных отношений в рамках ЕАЭС. На данный момент оно закреплено в 3 протоколах: о мерах, направленных на проведение согласованной валютной политики (приложение N 15 к Договору о ЕАЭС); о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (приложение N 16 к Договору о ЕАЭС); по финансовым услугам (приложение N 17 к Договору о ЕАЭС). Но для создания общего рынка инвестиций необходимо решить ряд проблем. Во-первых, выработать как на национальном, так и на региональном уровне общие критерии и механизмы защиты. Во-вторых, следует попытаться сформулировать типовое соглашение о защите капиталовложений для государств ЕАЭС и разработать формы и методы проведения согласованной политики в области привлечения капиталовложений для создания более привлекательных для государств условий. В-третьих, необходимо углубление сотрудничества государств-членов в валютно-

финансовой сфере путем проведения согласованной валютной политики, формирования единого биржевого пространства и гармонизации законодательства в сфере финансового рынка.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Доронина Н.Г., Казанцев Н.М., Семилютин Н.Г.* Правовое регулирование экономических отношений: глобальное, национальное, региональное: монография. М.: ИЗиСП, НОРМА, ИНФРА-М, 2017

[2] *Гавриленко Д., Скоробогатов С.* Как победить ЮКОС // Эксперт. 2015. N 28. 6 - 12 июня.

[3] *Луиц Л.А.* Международное частное право. М., 1949

[4] *Богатырев А.Г.* Инвестиционное право. М., 1992.

[5] *Вознесенская Н.Н.* Правовое регулирование и защита иностранных инвестиций в России. М., 2011

[6] Постановление Правительства РФ от 30.09.2016 N 992 "О заключении международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций» (вместе с "Регламентом заключения международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций")

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ В США И ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Труш Дария Евгеньевна, Турукин Иван Сергеевич
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
daria.imper@gmail.com

Научный руководитель: С.П. Посохов, к.ю.н., старший преподаватель кафедры гражданского права, гражданского процесса и международного частного права юридического института РУДН

В статье рассматривается взаимодействие правового регулирования коммерческой тайны в Европейском Союзе и США, а также проблемы его реализации. Проанализированы нормативно-правовые акты США и Европейского Союза. Предложено перенять опыт «западных» партнёров и внедрить его в законодательство России и других стран СНГ.

Ключевые слова: защита коммерческой тайны, интеллектуальная собственность, Закон об охране коммерческой тайны (DTSA), Директиву 2016/943 о защите нераскрытых секретов производства (ноу-хау) и коммерческой информации (коммерческой тайны) против их незаконного приобретения, использования и раскрытия.

В XXI веке риски, связанные с раскрытием коммерческой тайны, нарушением прав интеллектуальной собственности растут ежегодно по всему миру в первую очередь из-за модификации и развития цифровых технологий, интернета в рамках информационной глобализации. Рассматривая европейские страны, можно сказать, что, не исключая сотрудничество с третьими субъектами, они заботятся о сохранении и доступности информации, постоянно её оцифровывают. При этом, чрезвычайно

важно следить, чтобы в открытый доступ в процессе Web сохранения, кроме материалов, хранящихся в библиотеках, архивах, музеях, не попадала секретная информация от нарушителей коммерческой тайны [1. С. 35-41].

При сравнении защиты интеллектуальной собственности в США и Европе, выделяются особенности тех и других, но также и определённая связь, которая образована прежде всего для сотрудничества. Прогрессом в согласованной борьбе с раскрытием коммерческой тайны стал подписанный президентом США Барак Обамой Закон об охране коммерческой тайны (*DTSA*) от 11 мая 2016 года (далее – Закон), после чего Европейский парламент и Совет ЕС, осознав необходимость противодействия нарушениям в этой сфере, принял Директиву 2016/943 о защите нераскрытых секретов производства (*ноу-хау*) и коммерческой информации (коммерческой тайны) против их незаконного приобретения, использования и раскрытия, от 8 июня 2016 года (далее Директива) [2. С. 2-11]. Данная Директива должна внедряться в национальное законодательство стран Европы в течении 2017 и 2018 годов. Таким образом Европейский Союз и США действуют согласованно на основе стандартов охраны как патентного и авторского права, так и коммерческой тайны. Совместные действия осуществляются для обеспечения добросовестной конкуренции и против несанкционированного распространения коммерческой тайны без ведома и согласия её владельцев на базе честных деловых отношений [3. С. 1-18].

Вышеперечисленные законодательные акты обладают схожими определениями коммерческой тайны и защищают информацию с учётом всех мер принятых хозяином для её сохранения. Рассматривается законное приобретение коммерческой тайны с помощью реконструирования, наследования и др. Также учитывается необходимая защита коммерческой тайны в процессе судебного разбирательства, включающая в себя ограниченный доступ к документации. Суд не имеет права раскрывать какую-либо информацию, обозначенную собственником в качестве тайны, при заявлении, где должным

образом описывается ценность данной информации, если она несёт коммерческий тайный характер. Закон и Директива обладают подобными средствами правовой защиты, включающими меры по возмещению убытков, связанных с потерей коммерческой тайны [4. С. 1-2].

Однако, несмотря на то, что основы Закона и Директивы ЕС схожи, есть различия, которые непосредственно влияют как на совместную борьбу, так и на развитие законодательства в этом направлении в Европе и США, а также по всему миру. Например, Закон ввёл новшество, заключающееся в праве суда конфисковать имущество, которое приводит к раскрытию коммерческой тайны, что необходимо для предотвращения её распространения. Этот механизм используется при чрезвычайных обстоятельствах и с тщательной проверкой поступившего прошения. Мера можно назвать вполне оправданной, так как на фоне глобализации и развития технологий, стоимость коммерческих тайн различных компаний в США постоянно растёт. Директива ЕС оставляет этот вопрос национальному законодательству, но утверждает базовые стандарты для защиты коммерческой тайны, основанные на принципах справедливости и беспристрастности. Они фиксируют право на помощь предотвращению, а также возмещение убытков от нелегального приобретения, реализации и раскрытия коммерческой тайны, доступность гражданского иска в плане его стоимости, и ликвидацию излишних задержек в проведении дел [5. С. 1-2]. Также Директива возложила ответственности на судебные органы по: предупреждению нарушителя, предварительному запрету на раскрытие коммерческой тайны, на действия, связанные с контрафакцией. Несмотря на то, что европейские страны могут внедрять новые меры защиты, не предусмотренные Директивой, уголовная ответственность в этой сфере не предусмотрена, тогда как в США установлена потенциальная уголовная ответственность за нелегальное приобретение, раскрытие и использование коммерческой тайны. Но, при этом не точно толкуется понятие незаконного присвоения, так как оно включает в себя и

использование и изначальное приобретение. Данную проблему предстоит решать судам [6. С. 1-2].

Закон и Директива ЕС имеют различные сроки исковой давности: по Закону он составляет три года с даты, когда владелец узнал, или должен был знать о присвоении своей тайны, аналогичный период в Европе составляет шесть лет, но с особенностью, которая заключается в том, что члены ЕС способны сами определять начало действия данного срока и при каких обстоятельствах он может быть приостановлен. Хочется добавить, что в США процедура подачи исков довольно дорогостоящая и не каждая мелкая фирма, предприятие, индивидуальный предприниматель может позволить себе правовую защиту, особенно в состоянии конкуренции с монополиями [7. С. 2-4].

Опираясь на вышесказанное можно сказать, что страны ЕС и США за 2016 - 2017 годы значительно продвинулись во взаимодействии против незаконного раскрытия коммерческой тайны, хотя оценить этот союз можно будет только с внедрения положений Директивы в национальное законодательство всех стран. Возможно, что это приведёт к правовому расхождению в странах Евросоюза и в зоне сотрудничества ЕС-США. Что касается борьбы с нарушением интеллектуального права в России, в сфере коммерческой тайны, то она защищается Федеральным законом № 98 от 29.07.2004 (ред. от 12.03.2014) «О коммерческой тайне» и трудно сказать, как он направлен на глобальную защиту в рамках сотрудничества стран СНГ [8. С. 2-7]. Можно, учитывая опыт «западных коллег», считать необходимым расширить диапазон действия данного Федерального Закона и учесть развитие информационных технологий, важность доступности информации в интернете в оцифрованных архивах для развития как экономики, так и науки в мире.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Оксана Макаревич, Марина Денисенко.* Юридическая защита всемирного культурного наследия: международный и

национальный аспекты. Журнал международного права и международных отношений. 2017. № 1-2 (80-81). С. 35—41.

[2] DEFEND TRADE SECRETS ACT OF 2016, Public Law No: 114-153 (05/11/2016), <https://www.congress.gov/114/plaws/publ153/PLAW-114publ153.pdf> (дата обращения: 08.11.2017).

[3] Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/943 от 8 июня 2016 г. о защите конфиденциальных ноу-хау и деловой информации (коммерческой тайны) от незаконного приобретения, использования и раскрытия. <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016L0943&from=EN> (дата обращения: 09.11.2017)

[4] *Демина Виктория Александровна*. Европейский Союз: Директива о защите коммерческой тайны. «Евразийский Научный Журнал №11 2016» (ноябрь).

[5] *John Richards*. TRADE SECRETS: CHANGES IN THE LAW ON PROTECTION OF TRADE SECRETS IN THE UNITED STATES AND EUROPEAN UNION 21 SEP 2016. <https://ladas.com/education-center/trade-secrets-changes-law-protection-trade-secrets-united-states-european-union/> (дата обращения: 07.11.2017).

[6] Правовой режим и защита коммерческой тайны в странах Европы и Азии // URL; <http://sec4all.net/modules/myarticles/article.php?storyid=211> (дата обращения: 10.11.2017).

[7] Trade Secrets: Changes In The Law On Protection Of Trade Secrets In The United States And European Union // URL: <https://ladas.com/education-center/trade-secrets-changes-law-protection-trade-secrets-united-states-european-union/> (дата обращения: 06.11.2017).

[8] Федеральный закон от 29.07.2004 N 98-ФЗ (ред. от 12.03.2014) "О коммерческой тайне". http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48699/ (дата обращения: 18.11.2017).

РЕОРГАНИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ: СУДЬБА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федотова Анна Евгеньевна

Российский университет дружбы народов

Юридический институт

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

anifedev@mail.ru

Научный руководитель: П.В. Ульянищев, к.ю.н., доцент кафедры конституционного права и конституционного судопроизводства

В статье рассматриваются аргументы за и против в отношении проведения возможной дальнейшей реорганизации судебной системы в России, а именно, речь пойдёт об упразднении Конституционного Суда Российской Федерации с последующим его слиянием с Верховным Судом РФ. Проанализированы такие правовые явления, как объединение Высшего Арбитражного и Верховного судов РФ в 2014 году; с целью предвидения возможных путей выхода в связи с представленной нами ситуацией сделаны выводы по поводу деятельности Конституционного Суда за 25 лет его существования.

Ключевые слова: судебная система, Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, специализация судов, принципы правосудия.

Известные российские СМИ и иные источники все чаще заявляют о том, что реорганизация судебной системы, представленная нам в виде объединения Высшего арбитражного суда с Верховным судом Российской Федерации в 2014 году и передачей функций Высшего Арбитражного Суда Судебной коллегии Верховного Суда по экономическим спорам, ещё не завершена. Речь идёт о дальнейшем укрупнении Верховного Суда РФ в виде объединения его с Конституционным Судом Российской Федерации.

Идея создания такой судебной системы, где будет функционировать единый высший судебный орган, не нова.

Предлагалось образовать Высшее судебное присутствие РФ, состоящее из председателей трёх высших судов, их первых заместителей и трёх федеральных судей ещё при разработке проекта Конституции РФ 1993 года [1. С. 8 – 20]. Кроме того, В.В. Ершовым было также предложено создать на определённом этапе так называемой «судебной реформы» Верховный Федеральный суд Российской Федерации путём преобразования Конституционного и Верховного Судов [2]. Взгляды иных учёных также были обращены в сторону возможного слияния судебных органов в один, например, С.В. Бородина, В.Н. Кудрявцева, А.Д. Бойкова.

6 декабря 2016 года на IX Всероссийском Съезде Судей Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин высказал несколько тезисов, отражающих его хоть и заинтересованную, но позицию о невозможности проведения данного этапа реорганизации судебной системы в Российской Федерации. Например, в своём выступлении он обратил внимание на особую роль конституционной юстиции в России и не только, о которой говорил ещё «отец конституционного правосудия» Ганс Кельзен, в частности, что Конституционный Суд – это «негативный законодатель», он осуществляет правосудие «не над людьми, а над самими законами»; он не решает конкретных дел, а проверяет конституционность нормативно-правовых актов. Валерий Дмитриевич указывает нам в качестве одной из возможных причин объединения Высшего Арбитражного суда с Верховным в правотворческое начало в деятельности Высшего Арбитражного Суда РФ. В то же время сам он положительно отзываясь на законодательную инициативу Президента Российской Федерации по установлению дополнительных гарантии для надлежащего исполнения решений Конституционного Суда. Данное положение хоть и является, по мнению Зорькина, условием сохранения в стране законности и правопорядка, но говорит нам о повышении роли того самого «правотворческого начала» в деятельности и Конституционного Суда РФ [3].

Если же говорить о такой форме организации судебной системы, как специализация ее институтов, то объединение судов, соответственно, лишит возможности осуществления в полной мере независимого правосудия в рамках конституционного, арбитражного, административного и иного судопроизводства. Тем

временем, специализация судов есть характерная черта организации судебных систем во многих странах мира. Обеспечение единства подходов в отправлении правосудия, к которому так стремятся законодатель и властные структуры, проводящие реорганизацию судебной системы в России, на наш взгляд, достигается путём подчинения принципам правосудия, в частности, принципу законности; подготовки высококвалифицированных и компетентных кадров; формирования таких процессуальных правовых основ, которые соответствуют всем признакам, вызовам и тенденциям развития общества и государства в части осуществления своих функций судебной властью.

Представляется, что при функционировании одного судебного органа увеличивается количество инстанций, которые нужно пройти обратившемуся за помощью в суд, а также значительно возрастает нагрузка не только на отправителей правосудия, но и на всю бюрократическую составляющую судебной системы. Здесь и представляется возможным говорить о качестве правосудия и сроках, в рамках которых оно производится. Этим мы коснёмся некоторых принципов правосудия, таких как законность и компетентность суда, доступность правосудия. Нельзя не затронуть аспект о предполагаемом сокращении затрат на финансирование отдельной инстанции по конституционному контролю.

Если говорить о перспективах существования конституционных (уставных) судов субъектов РФ после федеральной реформы, то в условиях централизации судебной системы возможно законодатель сочтет реальным упразднение данного института судебной власти на региональном уровне. Как известно, малое количество субъектов Российской Федерации воспользовалось правом создания конституционного (уставного) суда.

Подводя итог вышесказанному, ставится вопрос, а стоит ли реформировать то, что было организовано таким приемлемым образом в период становления современного российского государства, вобрав в себя положительные примеры функционирования судебной системы в других странах? Важно отметить, что судопроизводство в России в начале 1990-х годов

было вынуждено подстраиваться под ту политическую, экономическую, социальную обстановку в стране, когда она, собственно, начинала свой путь развития [4. С. 104 – 107]. Все попытки реорганизации судебного устройства сейчас приведут к значительным потрясениям не только в правовой, но и в других сферах жизни общества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. Т. П. М., 1996.

[2] Ершов В.В. Суд в системе органов государственной власти // Государство и право. 1992. N 8.

[3] «Зорькин выступает против объединения Конституционного Суда с Верховным» // URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/12/06/668391-predsedatel-konstitutsionnogo> (дата обращения 23.11.2017)

[4] Федотова А.Е. Специфика российской модели конституционной юстиции // Право, общество, государство: проблемы теории и истории. Сборник статей Всероссийской студенческой научной конференции. 2017.

ФИНАНСИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО КОММЕРЧЕСКОГО АРБИТРАЖА ТРЕТЬЕЙ СТОРОНОЙ (THIRD-PARTY FUNDING)

Яшин Игорь Олегович

Российский университет дружбы народов

Юридический институт

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

i_yashin97@mail.ru

Научный руководитель: Н.В. Бадаева, к.ю.н., доцент-исследователь кафедры гражданского права и процесса и международного частного права РУДН

В статье рассматривается развивающийся институт международного частного права - финансирование международного коммерческого арбитража третьей стороной. Проанализированы преимущества и недостатки данного института, оценены выгоды и издержки от получения финансовой помощи для целей коммерческого арбитража.

Ключевые слова: международное частное право, финансирование международного коммерческого арбитража третьей стороной, финансовая помощь.

Международный коммерческий арбитраж является одним из альтернативных методов урегулирования споров, который обладает рядом преимуществ перед государственными судами. Среди них выделяют более высокий уровень конфиденциальности, меньшее время разрешения спора и, как следствие, меньшие затраты на процессуальные издержки. Несмотря на короткий срок разбирательства (средняя продолжительность арбитражного процесса занимает от 60 до 90 дней), международный коммерческий арбитраж может обойтись для сторон очень дорого, если велика сумма взыскиваемых убытков и сам спор является сложным с юридической точки зрения. Часто стороны не располагают достаточными средствами для ведения разбирательства, даже не смотря на высокие шансы выиграть дело. Одним из способов решить данную проблему может быть

заключение договора о финансировании со специализированными коммерческими организациями, которые могут покрыть процессуальные издержки в обмен на получение части выигранной компенсации при благоприятном исходе дела для финансируемой стороны. Такое экономико-правовое явление получило название финансирование коммерческого арбитража третьей стороной (third-party funding).

Финансирование коммерческого арбитража третьей стороной - это альтернативный метод финансирования процесса, при котором спонсор, не участвуя в процессе, покрывает полностью или часть процессуальных расходов взамен на получение определённой суммы, присуждённой победившей спонсируемой стороне [1]. Практика финансирования арбитражного процесса спонсорами зародилась в странах общего права (Австралия, США, Великобритания) и только в последнее время получает распространение в континентальных странах.

Достоинства такого института заключается в том, что сторона, не обладающая достаточными средствами для ведения арбитражного процесса, может покрыть все расходы, связанные с разбирательством, и сверх того получить прибыль. В то же время финансируемая сторона может разделить процессуальные риски со своим спонсором.

Для лиц, загруженных большим количеством судебных процессов, такая финансовая помощь поможет наиболее эффективно и уверенно участвовать сразу в нескольких разбирательствах и, как отмечает Е. Рубинина, «с точки зрения баланса компании ей не надо продавать активы, выпускать акции или собирать дополнительные средства на иск» [2].

Сам факт заинтересованности спонсорской организации в предоставлении стороне финансовой помощи может говорить о хороших шансах выиграть дело. Как правило, такие организации проводят тщательное изучение обстоятельств спора, по которым можно судить о дальнейших перспективах на победу. Истец может использовать такую процедуру как своеобразную юридическую консультацию, после которой не обязательно заключать соглашение со спонсором [2].

Вместе с тем в науке часто поднимается вопрос о том, насколько спонсор может влиять на конечный исход дела. А.А.

Башкова указывает, что целью участия спонсора в процессе является получение конечной прибыли в виде присуждённой компенсации, в то время как стороны могут быть заинтересованы в заключении мирового соглашения, разрешении спора взаимовыгодным способом [3 С. 137].

Другим недостатком является отсутствие чёткого правового регулирования данного института, что на практике порождает много споров по поводу необходимости раскрытия факта получения стороной финансовой помощи по данному делу, а также самого спонсора перед арбитрами и своим оппонентом. Так, п. 6 (b) Пояснений к общему стандарту 6 Руководящих принципов Международной Ассоциации Юристов относительно конфликта интересов в международном арбитраже определяет финансовую организацию спонсирующую арбитраж как имеющую прямую экономическую заинтересованность в арбитраже [4].

Конфликт интересов может иметь место в том случае, если «арбитр является партнером юридической фирмы, с которой финансирующая организация имеет договорные отношения» [3 С. 142]. В том случае, если факт экономической заинтересованности будет доказан, это может привести к отводу арбитра или даже отмене вынесенного решения с участием такого арбитра.

Таким образом, при принятии решения о привлечении финансовой помощи от третьего лица для покрытия расходов на международный коммерческий арбитраж, необходимо учитывать все достоинства и недостатки данной практики. Стороне, собирающейся прибегать к помощи финансовой организации, нужно правильно оценивать все выгоды и издержки, которые могут быть получены от участия в деле данного субъекта, чтобы арбитражное разбирательство в конечном итоге отвечало интересам финансируемой стороны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Pannone, part of Slater and Gordon Lawyers*. Third party funding. URL: <http://www.pannone.com/solicitors-for-business/dispute-resolution/third-party-funding> (дата обращения - 27.11.2017).

[2] *Рубина Е.* Финансирование арбитражных расходов третьей стороной. URL: <http://eedrf.com/wp->

content/uploads/2016/06/Евгения-Рубинина.pdf (дата обращения - 27.11.2017).

[3] *Башкова А.А.* Финансирование международного третейского разбирательства третьей стороной (third-party funding): преимущества и недостатки, процессуальные риски на примере новейшей практики // Вестник международного коммерческого арбитража. – М., 2014. – № 1 (8). – С. 134 – 148.

[4] 6 (b) Explanation to General Standard 6. IBA Guidelines on Conflicts of Interest in International Arbitration. 2014.

**СЕКЦИЯ #2:
ИНТЕРНЕТ-ПРАВО:
ВЗАИМОСВЯЗЬ
ЮРИСПРУДЕНЦИИ
И ИНФОРМАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ**

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ КИБЕРВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ JUS IN BELLO

Автаева Анастасия Олеговна

Казанский (Приволжский) Федеральный университет

Юридический факультет

Ул. Кремлевская, 18, Казань, Россия, 420008

nastia.avtaeva90210@yandex.ru

*Научный руководитель: У.Ю. Маммадов, доцент, к.ю.н. кафедры
международного и европейского права КФУ*

В статье рассматриваются проблемы применимости МГП к кибервойне. Проанализированы уже существующие международно-правовые документы, регламентирующие вопросы кибервойны. Предложены возможные пути решения некоторых проблем.

Ключевые слова: кибервойна, кибератака, международное гуманитарное право, вооруженный конфликт, правовое регулирование.

Одно из определяющих направлений развития технологий в последнее десятилетие – это технологические разработки в сфере информатики и коммуникации. Совершенствование данных технологий происходит столь стремительно вследствие того, что они дают различные преимущества в социальной и экономической сферах жизни. Однако развитие таких технологий может привести к неисправимым последствиям для международного мира и безопасности, если рассматривать информационные и коммуникационные технологии в контексте вооруженных конфликтов. Бесперывное распространение всемирной компьютерной сети, связывающей в киберпространстве физических и юридических лиц с военным сектором государства, является одной из самых значимых технологических революций. Именно связь компьютерных устройств между собой делает военные операции в киберпространстве простыми и «привлекательными» для исполнения в рамках вооруженных конфликтов в традиционном понимании или же в кибервойне.

Кибервойна – это противостояние в сети Интернет, направленное, в первую очередь, на выведение из строя компьютерных систем государственных органов страны-противника, а также систем ее критических отраслей инфраструктуры. [1] Учитывая специфику использования кибератак, правовой анализ может затрагивать различные аспекты данной проблемы, например, вопросы *jus ad bellum* при кибератаках или проблемы регулирования сотрудничества государств по борьбе с киберпреступностью. В данной работе мы рассмотрим проблемы применимости *jus in bello* при использовании кибератак во время и в связи с вооруженными конфликтами.

Первая и, на наш взгляд, самая главная проблема – это недостаточное правовое регулирование кибервойн и всего, что с ними связано. Недостаточность регулирования проявляется как на международном, так и на национальном уровне. В настоящий момент наиболее полным документом, регламентирующим ведение кибервойны, является Таллинское руководство по ведению кибервойн. Однако этот документ не несет обязательный юридический характер, а является, по своей сути, рекомендацией и инструкцией по ведению войны в киберпространстве. В условиях постоянного развития технологий государствам необходимо прийти к консенсусу относительно вопроса правового регулирования кибервойн. Крайне важно создать универсальный, юридически обязывающий документ, который будет регулировать вопросы, касающиеся ведения военных действий в киберпространстве. Таллинское руководство может быть подходящей основой для такого документа. Тем не менее, регулирование проблем кибервойн не должно ограничиваться международным документом, необходимо регулировать данное явление также принципами и нормами МГП посредством их толкования.

Следующая проблема заключается в неопределенности степени регулирования международным гуманитарным правом (МГП) кибервойн. Позиции стран в этом вопросе неоднозначны: Соединенные Штаты Америки и Соединенное Королевство, к примеру, считают, что МГП в достаточной степени регулирует ведение военных действий в киберпространстве. Однако преобладающее мнение состоит в том, что МГП не полностью

регулирует кибервойну в силу того, что на время составления Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним вопрос кибервойн не являлся актуальным и, как следствие, не затронут в этих документах. [2] Однако это не значит, что конвенции и протоколы не могут быть применены к кибервойне в целом. Проблема состоит в том, что МГП распространяется на те кибероперации, которые по своей сути не относятся к ситуациям вооруженного конфликта, тогда как понятие кибератак включает себя как деяния, попадающие под действие МГП, так и те, что направлены на коммерческие корпорации или правительство. [3] [4]. Из этого возникает необходимость определить в соответствующих документах те обстоятельства, при которых операции в киберпространстве могут рассматриваться как возникающие в процессе вооруженного конфликта или те, что служат источником возникновения вооруженного конфликта и, соответственно, как ситуации, к которым применимо МГП.

Еще один проблемный аспект, который представляется важным затронуть – это сфера правового регулирования кибервойны. В настоящее время кибератаки учащаются, и очень часто они не имеют прямого отношения к вооруженным конфликтам. [5] Таллинское руководство предлагает применять к возникающим кибервойнам уже существующие нормы МГП. Однако мы считаем, что сужение сферы регулирования до фактического объявления состояния кибервойны будет не совсем эффективным, ведь часто совершающиеся кибератаки не являются фактическим началом военных действий по смыслу, заложенному в Женевских конвенциях и Дополнительных протоколах к ним.

Для того, чтобы полноценно понять правовую природу кибервойны, необходимо понять природу самого этого явления. Только поняв ее природу, мы сможем создать достаточную базу для правового регулирования и подчинить кибервойну гуманитарным ценностям, и в полной мере найти решение правовым проблемам кибервойны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] «Таллинское руководство по применению международного права к кибероперациям», 2013

- 2011
- [2] Нильс Мельцер «Кибервойна и международное право»,
 - [3] Женевские конвенции, 1949
 - [4] Дополнительный протокол 1
 - [5] Нильс Мельцер «Кибероперации и jus in bello»

СМАРТ-КОНТРАКТ ДЛЯ ГОСУДАРСТВА: ДРУГ ИЛИ ВРАГ?

Автонова Екатерина Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034
eavtonova@gmail.com

Научный руководитель: В.В. Архипов, к.ю.н., доцент
кафедры теории и истории государства и права СПбГУ

Статья рассматривает характерные черты смарт-контрактов, которые могут быть выгодны для государства, но в то же время могут повлечь отрицательные последствия из-за ряда технологических и юридических факторов. В статье анализируется применимость положений законодательства к инструменту умных договоров и поднимается вопрос необходимости преобразований, проблема роли государства в механизме исполнения договоров и возможном регулировании феномена смарт-контрактов.

Ключевые слова: смарт-контракт, умный договор, гарантированное исполнение.

В настоящее время неумолимо продвигаются новые технологические решения, что заставляет и юридическое сообщество задуматься над правовым регулированием разработок программистов. Государство не может игнорировать новые вызовы. Лучший способ войти в число технологических лидеров — осмысление предлагаемых конструкций и их скорейшая имплементация в оборот. Запреты и бездействие приведут к развитию технологий вне правового поля, что породит проблемы для благополучия государства. Идея смарт-контрактов появилась в отрыве от права, не создавалась как искусственный правовой инструмент, но может стать полезной в экономическом смысле. При попытке наложить юридическую материю на сферу технологий, возникает извечный вопрос: должно ли право подстраиваться под технологии, или же последние следует корректировать под существующее регулирование? Такая проблема возникает и со смарт-контрактами.

Для смарт-контракта, выраженного в коде, неприменимы условия, описываемые оценочными категориями, оставляющими дискрецию сторон (разумный срок, соразмерность, добросовестность, инструмент «до востребования»). Отсекается немалая часть норм ГК РФ, основанная на таких категориях, устраняется субъективный элемент, оставляя в сухом остатке объективные машиночитаемые данные. Смарт-контракт удивительным образом спаивает два элемента: волю и волеизъявление.

Важная черта, привлекающая участников оборота — гарантированность исполнения (*guaranteed performance*), что не следует путать с возможностью принудительного исполнения (*enforceability*) [10]. Последнее обеспечивается легальным монополизированным принуждением со стороны государства, которое тратит на него немалые средства. Умный договор исключает влияние внешних факторов на исполнимость. Такое преимущество уберегает субъектов гражданского оборота от риска выбора неудачного контрагента по договору, сохраняет средства и время как участников оборота, так и государства.

Есть мнение, что смарт-контракт представляет собой гибрид из *ex ante* исполнения и *ex post* принуждения [16]. После введения в действие такого договора предусмотренные им обязанности не могут быть не исполнены или ненадлежаще исполнены. Понятие умного договора выхолащивает значение концепта обязательственных отношений при условии связанности платформы с активами сторон – обязанность должника и коррелирующее право требования кредитора из ст. 307 ГК РФ [2] теряют смысл: за стороны всё сделает автоматизированная система, заменяя государственное принуждение.

Действующее законодательство по всему миру не препятствует функционированию умных контрактов: нет ни прямых, ни косвенных ограничителей [4], [10], [16]. Более того, смарт-контракты используют уже давно известные механизмы. Например, инструментарий замораживания релевантных активов сторон договора до наступления определённых условий с целью гарантированного исполнения напоминает механизм эскроу-счёта [3]. Также иногда само исполнение трактуют как самозащиту прав, обеспеченную платформой [2]. Однако такое толкование можно

принять только с допущениями, ведь исключение неисполнения происходит с помощью архитектурных свойств системы, а не права.

Не заменят ли смарт-контракты классические договоры, если они сберегают средства на исполнение и обеспечение принудительности правоохранительными органами? Пока что массовое внедрение не представляется реальным по ряду причин.

При использовании смарт-контрактов стороны не смогут ни модифицировать условия, ни расторгнуть договор в одностороннем порядке, ни признать его недействительным полностью, а что ещё сложнее – в части. Кроме того, «свободное плавание» смарт-контрактов в децентрализованной системе ставит под вопрос и публичные интересы, поскольку государство не будет иметь доступ к стадиям жизненного цикла умного договора: налоговые, бухгалтерские и другие вопросы побуждают государство относиться настороженно к таким механизмам. Феномен смарт-контрактов связан и с системными проблемами регулирования отношений в сети Интернет, которые постепенно решаются государством: вопросам идентификации пользователей, определения юрисдикции, привлечения к ответственности посредников [1, С. 48].

Из-за политико-правовых несоответствий пока что можно предположить функционирование смарт-контрактов при выполнении нескольких условий. Во-первых, умные договоры могут существовать на закрытых площадках, чтобы обеспечить идентификацию участников и не допустить появления ненадлежащего субъекта. Во-вторых, такая площадка должна администрироваться (возможно, государственными органами), чтобы устранить нереверсивный характер смарт-контрактов и случаи неправомерного использования. В-третьих, лучше допускать такой оборот только среди профессиональных участников, чтобы со временем выработать в профессиональной среде образцы и шаблоны, которые впоследствии могут быть распространены на непрофессиональные субъекты оборота, чтобы исключить ошибки в реализации намерений в коде. В дальнейшем умные договоры могут быть распространены более массово, когда стабильное функционирование будет обеспечено технологиями, которые тесно «свяжут» реальный мир с виртуальными площадками.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Архипов, В. В.* Интернет-право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / В. В. Архипов. — М.: Издательство Юрайт, 2016. — 249 с.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2017) // СПС «КонсультантПлюс»

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // СПС «КонсультантПлюс»

[4] *Савельев, А. И.* Договорное право 2.0: "Умные " контракты как начало конца классического договорного права. // Вестник гражданского права № 3 2016. С. 32-59.

[5] *Савельев, А. И.* Некоторые правовые аспекты использования Смарт-контрактов и Блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. Т. 5. № 5. С. 94-117.

[6] *Смирнов, Ф. А.* Трансформация мировой финансовой системы: блокчейн, «умные контракты» и внебиржевые деривативы // Аудитор. 2017. Т. 3. №6. С. 49-54

[7] *Koulu, Riikka*, Blockchains and Online Dispute Resolution: Smart Contracts as an Alternative to Enforcement, 2016; <https://script-ed.org/?p=2669>

[8] *Lawrence, Lessig*, Code Is Law: On Liberty in Cyberspace, Harvard Magazine, 1 January 2000; <http://harvardmagazine.com/2000/01/code-is-law-html>.

[9] *Magazzeni, D., McBurney, P. and Nash, W.*, Validation and Verification of Smart Contracts: A Research Agenda, in Computer, vol. 50, no. 9, pp. 50-57, 2017; <http://ieeexplore.ieee.org/stamp/stamp.jsp?tp=&arnumber=8048663&isnumber=8048614>.

[10] *Mik, Eliza*, Smart Contracts: Terminology, Technical Limitations and Real World Complexity (August 17, 2017). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3038406>.

[11] *Murphy, S. and Cooper C.*, Can Smart Contracts Be Legally Binding Contracts?, white paper, R3cev and Norton Rose Fulbright, 2016;

www.nortonrosefulbright.com/knowledge/publications/144559/can-smart-contracts-be-legally-binding-contracts.

[12] *Raskin, Max*, The Law and Legality of Smart Contracts (September 22, 2016). 1 Georgetown Law Technology Review 304 (2017). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2959166> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2842258>.

[13] *Sklaroff, Jeremy M.*, Smart Contracts and the Cost of Inflexibility (September 18, 2017). University of Pennsylvania Law Review, Forthcoming. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3008899>.

[14] *Szabo, N.*, Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets, Extropy, 1996; www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart_contracts_2.html.

[15] *Szabo, N.*, The Idea of Smart Contracts, 1997; <http://szabo.best.vwh.net/idea.html>.

[16] *Werbach, Kevin D. and Cornell, Nicolas*, Contracts Ex Machina (March 18, 2017). 67 Duke Law Journal, Forthcoming. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2936294>.

КИБЕРСКВОТТИНГ: ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Андикхоу Анаита Аббасовна

Российский университет дружбы народов

Юридический институт

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

annaita1234@gmail.com

Научный руководитель: О.В. Протопопова, к.ю.н., доцент кафедры гражданского права, гражданского процесса и международного частного права РУДН

В статье рассматривается сущность киберсквоттинга, его виды и конфликтные ситуации, связанные с осуществлением авторских прав при захвате доменного имени. Сделаны обобщения о необходимости совершенствования текущего гражданского законодательства в данной сфере с целью предотвращения киберсквоттинга и привлечения лиц, осуществляющих данную деятельность, к ответственности.

Ключевые слова: киберсквоттинг, доменное имя, товарный знак, средства индивидуализации, авторские права.

Динамичное развитие информационных технологий и Интернета в современном обществе неизбежно порождает новые виды правовых конфликтов, разрешение которых в настоящий момент затруднено отсутствием специального законодательства и судебной практики по данным вопросам. Среди наиболее актуальных проблем в данной области можно выделить такое явление, как киберсквоттинг, связанный с соотношением прав владельцев средств индивидуализации и администраторов доменных имён.

Актуальность проблемы киберсквоттинга заключается в отсутствии конкретных нормативно-правовых ориентиров, способных обеспечить защиту авторских прав в Интернете, связанных с таким уникальным условным обозначением, как доменное имя. Оно служит для индивидуализации информационных ресурсов, выраженных в качества адреса веб-

сайта. Доменные имена фактически трансформируются в новый уникальный объект интеллектуальной собственности, превращаясь в своеобразный товар. Он обладает определёнными коммерческими преимуществами, так как доменные имена привлекают интернет-трафик и могут иметь стоимость, значительно превышающую стоимость их приобретения.

В настоящее время российские и иностранные компании всё чаще сталкиваются с проблемой захвата интересующего их домена, который является средством индивидуализации фирмы и её продукции. Наиболее типичной ситуацией является регистрация домена, аналогичного уже используемому иным лицом средству индивидуализации, что и обозначается термином киберсквоттинг. Истинный владелец товарного знака лишается возможности использовать свои исключительные права при регистрации доменного имени. Данная ситуация вступает в противоречие с гражданским законодательством РФ. Согласно п.1 ст.10 ГК РФ не допускаются действия граждан, направленные на причинение вреда другому лицу, злоупотребление правом [1. С.10].

Киберсквоттеры могут преследовать различные цели, среди которых следующие:

- получение дохода благодаря использованию чужой репутации, связанной с товарным знаком;
- получение дохода от продажи домена;
- лишение владельца товарного знака возможности вести бизнес через Интернет в данной доменной зоне;
- распространение негативной информации о деятельности обладателя товарного знака [2. С.134].

Существуют несколько видов киберсквоттинга, среди которых можно выделить следующие:

1. Тайпсквоттинг – регистрация доменных имён, близких по написанию с названиями известных сайтов. В данном случае роль играет субъективный фактор, когда некоторый процент пользователей ошибается с написанием оригинального адреса веб-сайта. Например, «meduza.ru» (вместо «medusa.io»), «ilibrary.ru» (вместо «elibrary.ru»). Благодаря такому механизму тайпсквоттер может получить доход за счёт демонстрации рекламы на сайте [3. С.207].

2. Брендовый киберсквоттинг – регистрация доменных имён, содержащих популярные товарные знаки, фирменные наименования. Также возможна регистрация «на перспективу». Например, создатель фильма регистрирует домен «red.com», а киберсквоттер регистрирует домены «red2.com» и т.д.

3. Отраслевой киберсквоттинг – регистрация доменных имён, называющих отрасли экономики, определённые товары, услуги. Например, «okna.ru», «knigi.ru» и пр. Преследуется цель продажи домена занимающейся данным видом деятельности компании.

4. Именной киберсквоттинг – регистрация доменов, созвучных с именами знаменитых личностей.

5. Географический киберсквоттинг – регистрация доменов, совпадающих с названиями топонимов [4. С.101].

6. Защитный киберсквоттинг – регистрация легальным обладателем товарного знака доменных имён, близких по написанию с его собственным доменом. Преследуется цель превентивной защиты от действий киберсквоттеров. Например, владелец сайта «bank.ru» регистрирует домены «bank.org», «bank-msk.ru» и т.д.

Можно выделить два вида захвата домена: простой и обратный. Простой захват заключается в регистрации доменного имени, совпадающего с существующим товарным знаком или фирменным наименованием иного лица. О нарушении прав правообладателя можно говорить исходя из п.5 ст.1484 ГК РФ, в которой закрепляется исключительное право на товарный знак для индивидуализации товаров, работ и услуг, путём размещения этого товарного знака в доменном имени. Аналогичные выводы можно сделать, исходя из п.4 ст.1519 ГК РФ, в которой указывается на исключительное право на наименование по месту нахождения товара в доменном имени. Из п.3. ст.1484 возникает возможность отобрать домен у киберсквоттера, что и будет являться обратным захватом [5. С.555].

По факту, действующее российское законодательство содержит пробел по поводу данного явления, тем самым способствуя уходу киберсквоттеров от ответственности и нарушая интересы правообладателя [6. С.58]. Иным образом ситуация отражена в зарубежном опыте. Решение данного вопроса отражено

в процедуре UDRP (Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy), применяемая Всемирной организацией интеллектуальной собственности, где обязательным условием для удовлетворения жалобы правообладателя является наличие злоупотребления со стороны администратора домена [7. С.49].

Такие конфликтные ситуации чаще всего заканчиваются не обращением в суд за защитой прав истинного правообладателя, а предпочтением выкупить свой же собственный товарный знак в виде доменного имени. Данная ситуация связана с отсутствием в нашей стране специального законодательства, регулирующего данный вопрос. Этот факт предполагает, как введение соответствующих изменений в текущее законодательство, так и совершенствование правоприменительной практики. Необходимо найти такой механизм, который позволил бы сохранить баланс между интересами правообладателей средств индивидуализации и администраторов доменов. Причём важным является исключение возможности злоупотреблений с обеих сторон.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ. М., 2017.

[2] *А.А. Александров* «Правовая регламентация защиты доменов от неправомерных захватов» // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2010. №4. С. 133-135.

[3] *Н.Б. Ельчанинова* «Правовое регулирование споров о доменных именах в сети интернет» // Известия южного федерального университета. Технические науки. 2006. №10 том 65. С.206-211.

[4] *Н.А. Рябченко* «Топонимика сетевого ландшафта online-пространства» // Человек. Сообщество. Управление. 2016. №4. С. 98-115.

[5] Гражданский кодекс РФ (часть четвёртая) от 18.12.2006 года №230-ФЗ. М., 2017.

[6] *С.Я. Казанцев, О.Э. Згадзай* «Авторские права и их защита в сети интернет» // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 1. С. 57-64.

[7] *Д.В. Кожемякин* «Принцип добросовестности как правовая основа разрешения доменных споров» // *Legal Concept. Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция*. 2013. №1 (18). С. 47-50.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА «ВИРТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ» КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Батыршин Тагир Эдуардович

Башкирский институт социальных технологий (филиал)
Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования
«Академия труда и социальных отношений»

просп. Октября, 74/2, Уфа, Респ. Башкортостан, 450054

batyrshin.t@mail.ru

Научный руководитель: И.А. Кузнецов, к.ю.н., доцент
кафедры истории государства и права и конституционного права

В статье рассматривается положение виртуальной собственности по отношению к объектам гражданских прав. Высказано о существовании виртуальной собственности, проанализированы существующие проблемы, связанные с её регулированием, а также выдвинуты возможные решения по устранению данных проблем.

Ключевые слова: информатизация, информационный ресурс, виртуальная собственность, объекты гражданских прав

Одним из важнейших свершений человечества было создание первой электронной вычислительной машины в прошлом веке. Начиная с этого момента, всё стремительней начала происходить информатизация общества. Под информатизацией стоит понимать глобальный процесс активного формирования и широкомасштабного использования информационных ресурсов, а также организованный социально-экономический и научно-технический процесс создания оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений на основе формирования и использования информационных ресурсов [3]. Следуя совету, что, сталкиваясь с новой информацией, человек должен зафиксировать внимание на ней, проанализировать и

оценить её, а после, исходя из ее содержания и ценности, определить программу действий, настроиться на нужное поведение [5. С. 175], со временем человек начал определять информации свою цену и положение в экономической среде. Всё чаще начало фигурировать понятие «виртуальной собственности», как продукта информационный среды. Однако, что такое «виртуальная собственность», какие проблемы возникают с её регулированием, а также имеются ли возможные способы решения данных проблем на данный момент?

Прежде всего необходимо установить, что, согласно статье 128 ГК РФ, «виртуальная собственность» не причислена к объектам гражданских прав [2]. Хотя и обладает необходимыми характеристиками, которые присущи традиционным объектам права собственности, а именно она может приобретаться, отчуждаться, а также обладает потребительской ценностью [6. С. 139]. Однако, несмотря на это имеется реальный рынок, который с данным видом собственности взаимодействует, а именно рынок интернет-услуг, связанных с предоставлением доступа к онлайн-ролевым играм, а также различных игровых преимуществ [8. С. 336]. По состоянию на 2013 год 49% игроков в Российской Федерации, тратящих реальные деньги на онлайн-игры, относится на сегмент многопользовательских онлайн-игр [4]. В качестве экономической оценки, реальной стоимости и правовой значимости указанных объектов можно указать то что внутриигровые объекты очень часто продаются за вполне реальные деньги, иногда превышающие миллион рублей [7], кроме того некоторые люди зарабатывают на конвертации внутриигровой валюты в реальные деньги [1]. То есть, имеется сегмент правоотношений, который в существе подпадает под урегулирование через гражданское законодательство, однако самим законодательством не признается. Усугубляя ситуацию, имеется статья 1062 ГК РФ, которая лишает судебной защиты людей, которые вступают в подобные отношения [2].

Подводя итог, необходимо сказать, что «виртуальная собственность» должна регулироваться законодательством в полном объёме, так, как только тогда право будет выполнять перед собой поставленную задачу по урегулированию общественных отношений, только так права субъектов гражданских

правоотношений, складывающихся по поводу «виртуальной собственности», будут защищены законом, и лишь вследствие этого российское законодательство будет развиваться, а не топтаться на месте с устоявшимися догмами. В качестве возможного промежуточного шага предлагается внести понятие виртуальной собственности в перечень объектов гражданских прав, предусмотренных статьей 128 ГК РФ. Кроме того, предлагаем ввести отдельную главу, посвященную виртуальной собственности, ее содержание, а также регулировать вопросы, связанные с ее защитой и участием в гражданском обороте.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Восканян М.О.* Экономика мнимой реальности. [Электронный ресурс] URL: <http://www.odnako.org/almanac/material/ekonomika-mnimoy-realnosti/> (дата обращения 07.11.2017 г.)

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 22.06.2017) / СПС Консультант Плюс. 2017

[3] Информатизация общества. Развитие вычислительной техники // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.infosgs.narod.ru/27> (Дата обращения 07.11.2017)

[4] Исследование Insight ONE: Игровая индустрия в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://siliconrus.com/2014/06/game> (Дата обращения 07.11.2017)

[5] *Русинов Р.К.* Формирование критического мышления у студентов юридических вузов // Рос. юрид. журнал. - 2013. N 5. С. 173-177

[6] *Савельев А.И.* Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. – 2014. С. 127-150

[7] *Савельев А.И.* Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М.: Статут, 2014 // СПС «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс»

[8] *Шарапова Р.А., Губайдуллина Э.Х.* «Виртуальная собственность» как объект гражданских прав // Чебоксары: ЦНС «Интерактив Плюс», 2017. С. 335-338

КИБЕРСУИЦИД И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЕМУ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Букалеров Александр Александрович
Российский университет дружбы народов
Юридический институт
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
bukalerovsasha@gmail.com

*Научный руководитель: А.В. Остроушко, к.ю.н., доцент,
доцент департамента правового регулирования экономической
деятельности Финансового университета при Правительстве РФ*

Ключевые слова: киберсуицид, суицид, интернет, самоубийство.

В Указе Президента РФ от 01.06.2012 N 761 "О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы" говорится, что развитие высоких технологий, открытость страны мировому сообществу привели к незащищенности детей от противоправного контента в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", значительное число сайтов, посвященных суицидам, доступно подросткам в любое время. По распространенности суицидов среди подростков Россия занимает одно из ведущих мест в мире, уровень смертности детей значительно выше, чем в других европейских странах.

Современный период развития общества характеризуется стремительным совершенствованием информационных технологий и формированием нового информационного пространства, как следствие этого увеличивается влияние сети «Интернет» на социальную сферу государства, общества, личности. Следует констатировать, что модернизация общественных отношений в информационном пространстве порождает новые способы обхода законодательных предписаний.

По данным Росстата России смертность детского населения от самоубийств в 2014 году составила на 100000 человек 1,3 в возрастной группе от 10 до 14 лет и 5,9 - в возрастной группе от 15 до 19 лет [1].

Проблема увеличения числа самоубийств, инициированных

через сеть «Интернет», известна ученым во всем мире и даже получила собственный термин для обозначения - киберсуицид (cybersuicide), за рубежом достаточно подробно изучены формы проявления данного негативного явления. Однако вопросы правового противодействия киберсуициду мало исследованы. *Киберсуицид* (англ. cybersuicide или net-suicide) (от рус. кибер-, что означает причастность к компьютеру, Интернету (гр. κῦβερνητική – искусство управления, κῦβερνάω – вес ти, управлять), лат. sui – себя + caedo – убивать) – разновидность группового или индивидуального самоубийства, совершаемого в результате общения с использованием интернет-ресурсов.

Различают 4 вида К. (Бугаева, 2005): коммуникативный киберсуицид (или флешмоб-киберсуицид – flashmob cybersuicide), информационный киберсуицид (information cybersuicide), аддиктивный киберсуицид (addiction cybersuicide), онлайн-киберсуицид (on-line cybersuicide) [2].

Общение в чатах с суицидально настроенными собеседниками, нередко является катализатором принятия решения о самоубийстве лицами с неустойчивой психикой или находящимися в кризисной ситуации. (Психология общения. Энциклопедический словарь) [3]. Проблема в том, что такое общение сейчас происходит в киберпространстве где нет четких границ. Действие внутреннего права в информационном пространстве часто не приводит к результатам. Поэтому требуются более совершенные инструменты правого регулирования.

Наиболее подвержены киберсуициду несовершеннолетние. Очень популярен киберсуицид в социальных сетях. В России получила распространение печально известная игра «Синий кит», имеющая множество вариаций и альтернативных названий, но все они действуют по единым принципам. Игра построена на основе ARG – Alternative Reality Gaming, когда для элементов сетевой игры, в качестве платформы используется реальный мир, кураторы доводят подростков до самоубийства [4. С. 33-39].

Эта игра вышла за пределы России и с аналогичными проявлениями пришлось бороться правоохранительным органам Индии, Болгарии, Венгрии, Румынии и Польши.

Первые законодательные акты по противодействию киберсуицида были приняты в Австралии в 2006 году, где закон

запретил такие сайты. Эта инициатива вызвала жаркие споры в мировом сообществе, т.к. некоторые правозащитники считают, что право на смерть, является таким же правом человека, как и право на жизнь [5 С. 190-193].

Многие специалисты считают, что все внимание надо сосредоточить на разработке защитных механизмов с целью ограничить ребенка от кибербуллинга (травли через Интернет и социальные сети), однако это не входит в компетенции права, так как чаще всего кибербуллингом занимаются ровесники, не всегда достигшие возраста ответственности, и решение проблемы интернет-травли детей отдается на откуп педагогам и психологам.

Однако Киберсуицид – это противоправные действия, оказывающие влияние на сознание ребенка и мотивацию его поведения, и, по нашему мнению, они должны быть запрещены уголовным правом. Российская Федерация криминализовала деяния по склонению к совершению самоубийства или содействию совершению самоубийства, а также организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства. Аналогичным способом поступили и ряд других стран, в частности, содействие совершению суицида и пропаганда самоубийства запрещены уголовными законами в Австрии, Дании, Нидерландах, Норвегии, Франции, Швейцарии и еще ряде других стран [6 с.60-66].

В настоящее время необходимо этот запрет распространить глобально, ведь в соответствии со *статьей 17* Конвенции по правам ребенка от 20 ноября 1989 г Государства-участники признают важную роль средств массовой информации и обеспечивают, чтобы ребенок имел доступ к информации и материалам из различных национальных и международных источников, особенно к такой информации и материалам, которые направлены на содействие социальному, духовному и моральному благополучию, а также здоровому физическому и психическому развитию ребенка. А в статье 4 указано, что государства-участники принимают все необходимые законодательные, административные и другие меры для осуществления прав, признанных в настоящей Конвенции в рамках международного сотрудничества.

Рекомендация N 2013/112/ЕС Комиссии Европейских сообществ "Инвестиции в детей: меня неблагоприятное

положение" (Вместе с "Системой контроля, основанной на использовании индикаторов"), принятая в г. Брюсселе 20.02.2013, одним из индикаторов доступа к качественным услугам назван суицид как причина смерти молодых людей. Необходимо проводить мониторинг причин детских суицидов, оценивать его причины и выработать серьезные правовые, организационные меры для их предотвращения, так как последний Государственный доклад Минтруда России "О положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации» был в 2014 году.

Все имеющиеся законодательные, технические, организационные меры противодействия детскому суициду в России будут бессильны, если мы не объединимся с зарубежными странами, в том числе, путем принятия специального международного акта.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Государственный доклад Минтруда России «О положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации. 2014 год»

[2] Проблема компьютерной зависимости и её роль в развитии суицидального поведения // Актуальные проблемы психологии. Психологическая теория и технология обучения. Киев: Millennium, 2005. Том. VIII. Выпуск.1.

[3] Psychology of Communication, Encyclopedic dictionary.

[4] Кобзева С.В. Защита прав несовершеннолетних от угроз в сети Интернет (// Информационное право, 2017, № 2

[5] Pirkis, J., Neal, L., Dare, A., Blood, R.W., Studdert, D. Legal bans on pro-suicide web sites: An early retrospective from Australia (Short Survey) // Suicide and Life-Threatening Behavior. Volume 39, Issue 2, April 2009

[6] Определение понятия и общественно-опасной природы киберсуицида // Адвокат. 2016. № 10.

ИТ-ТЕХНОЛОГИИ СОВРЕМЕННОСТИ: ГОТОВЫ ЛИ ЮРИСТЫ? ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ

Вербицкая Кристина Вячеславовна

Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Институт частного права

ул. Садовая-Кудринская, 9, Москва, Россия, 125993

verbickaya2597@gmail.com

В статье рассматриваются место и роль информационных технологий в деятельности юридических департаментов не только в России, но и в зарубежных странах. Приведен краткий обзор и проанализированы технологии, сервисы, используемые юристами для осуществления своей деятельности, а также опыт их внедрения.

Ключевые слова: ИТ-технологии, юридическая деятельность, информационное право, юриспруденция, справочно-правовые системы, робот – юрист.

Начало 21-го века ознаменовано стремительным развитием информационных технологий в различных областях деятельности, в том числе и юридической. На сегодняшний день информационные технологии позволяют юристам передавать, хранить, быстрее обработать огромный массив информации, к примеру, оперативно провести анализ судебной практики в той или иной области, провести необходимый анализ для решения правовых вопросов. Сейчас применяется огромное количество различных информационных технологий и систем. Если обратиться к п. 3 ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», то информационную систему можно определить как совокупность содержащихся в базах данных информации и обеспечивающих её обработку информационных технологий и технических средств [1, С. 195].

Информационные технологии помогают юристам проводить справочно-аналитическую работу и подготовку юридических

документов. Посредством развития технологий у нас появилась возможность их применения в работе с большими массивами текстов, включающих законодательные и судебные акты [2]. Всем нам известны такие справочно-правовые системы, как Консультант Плюс, Гарант, Право.ру, но IT-специалисты стремятся создавать новые технологии. Многие слышали такое модное слово, как блокчейн. Это база данных, главным преимуществом которой является безопасность и достоверность. Никто не может осуществить подмену зафиксированной информации. Сатоши Накамото является основателем этой программы и несомненными достоинствами также выделяет: децентрализованность, публичность, консенсус участников, отсутствие посредников. Недавно председатель Московской государственной думы, Алексей Шапошников заявил, что система блокчейн позволит заменить избирательные комиссии в скором времени. В данный момент власти столицы стараются идти в ногу со временем и нынешними технологиями путём направления усилий на усовершенствование системы предоставления электронных услуг и вводят систему блокчейн в сферу ЖКХ.

Свое развитие получает сервис «Casebook» [3]. Она позволяет осуществлять контроль над делами, в числе первых узнавать о банкротстве, оценивать факторы риска и исковую нагрузку потенциальных контрагентов. «Case.pro» [4] позволяет также систематизировать дела компании. Несомненным плюсом этого сервиса является экономия времени на однотипные задачи, например, подготовка исков, доверенностей по готовым шаблонам.

Многие в новостях слышали о «Big Data». Это программа, позволяющая провести анализ документов в начальном состоянии для анализа огромного количества информации. Сегодня активными пользователями IT-технологий в юридической деятельности является США. Как следствие – экономия времени и денежных средств и, безусловно, преимущество перед оппонентами. Многие юристы, предполагая внедрять Big Data в российские юрфирмы, отзываются скорее отрицательно, нежели положительно по причине наличия ограничений в системе электронного правосудия.

Сервис Platforma – еще один сервис, позволяющий финансировать судебные процессы [5]. Суть заключается в том, что

инвестор выдает денежные средства на уплату судебных издержек истца взамен на процент от выигрышной суммы, а сервис выступает в роли посредника между сторонами. Найти инвестора для всех дел не всегда представляется возможным, однако, дела, где сумма иска внушительная, а ответчик является платежеспособным, позиция истца обоснована и подтверждена рядом доказательств, то шанс на выигрыш в деле налично. Прецедент существует зарубежом, именно в Англии. Суть заключалась в том, что Высокий суд удовлетворил требования инвестора, сославшись на свободу заключения договора между сторонами.

Софт «Donotpay», созданный в США, позволяет оспорить квитанции о выплатах за парковку в неполюженном месте. Для того, чтобы понять есть ли вообще необходимость в подаче жалобы, система задает ряд несложных вопросов, затем записывает полученные ответы и при наличии оснований и создает текст заявления. Это позволяет сохранить денежные средства на обращение к юристу, второе – время и нервы. За время действия заявителем удалось обжаловать выписанные им штрафы.

Появление новых IT-технологий и их внедрение в юридическую деятельность имеет двойное значение. С одной стороны, это позволит юристам работать уже с готовым материалом, что, несомненно, облегчит им работу. С другой стороны, дальнейшее развитие технологий способно оставить юридические фирмы без прибыли, следовательно, надобность в юристах отпадет, так как появится «робот-юрист», сделав работу быстро и качественно. В этой связи можно сделать вывод о том, что нынешним учащимся и выпускникам необходимо развиваться в этой сфере и совершенствоваться.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1]. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 29.07.2017) "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.11.2017) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс».

[2]. Геращенко М.М., Печенкина В.Н., Храпов В.Н. Информационные технологии в юридической деятельности:

учебное пособие / Под науч. Ред. С.В. Кузнецова. СибАГС: Новосибирск, 2012.

[3]. Сервис «Casebook» <https://casebook.ru/> [Электронный ресурс].

[4]. Сервис «Case.pro» <http://casepro.pro/> [Электронный ресурс].

[5]. Сервис «Platforma» <https://platforma-online.ru/> [Электронный ресурс].

ДОСУДЕБНЫЙ ПОРЯДОК РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАБВЕНИЕ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Владимиров Александр Валерьевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики» (Нижний Новгород))

ул. Большая Печерская, д.25/12, г. Нижний Новгород, 603005

vladimiroff.alexandr2015@yandex.ru

Научный руководитель: К.С. Кочкурова, магистр права, старший
преподаватель кафедры гражданского права и гражданского
процесса НИУ ВШЭ - НН

В статье произведен анализ актуальной правоприменительной практики, сложившейся в Российской Федерации, относительно досудебного порядка реализации «права на забвение», которое является интересным с точки зрения перспектив глобализации информационных процессов в сети «Интернет». По результатам исследования существующий на сегодняшний момент порядок урегулирования таких споров был охарактеризован как неэффективный, были предложены некоторые изменения в законодательство.

Ключевые слова: право на забвение, досудебный порядок

Информационное общество в условиях глобализации информационных процессов на законодательном уровне предъявляет определенные требования к информации и её распространению. Правовое значение приобретают такие характеристики информации как «актуальность», «достоверность». Любая информация, не соответствующая данным требованиям, нарушает права лиц, в отношении которых распространена такая информация. Соответственно, чем дольше данная информация будет находиться в открытом доступе, тем больше нарушаются интересы выше названных лиц.

Защищая права лиц, в отношении которых в сети «Интернет» распространена «неактуальная», «недостоверная» информация, законодатель в ст.10.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-

ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1] (далее – ФЗ № 149-ФЗ) закрепил за данными лицами право на забвение. Право на забвение в сети «Интернет» означает, что любое лицо, в отношении которого осуществлен сбор, хранение, обработка данных вправе требовать прекращения выдачи ссылок, позволяющих получить доступ к такой информации, при условии, что данные распространяются с нарушением законодательства, являются недостоверными, а также неактуальными.

Произведенный анализ отечественной судебной практики показал, что досудебный порядок реализации права на забвение в сети «Интернет», закрепленный в пп. 2 – 4 ст. 10.3 ФЗ № 149-ФЗ, является неэффективным, то есть не в полной мере соответствует интересам лица, в отношении которого распространена неактуальная, недостоверная информация.

В соответствии с пп.4 п.2 ст. ст.10.3 ФЗ № 149 – ФЗ заявитель в требовании о прекращении выдачи ссылок должен доказать, что указанная страница сайта содержит недостоверные, неактуальные, утратившие значение для лица сведения. Часто лицу при этом приходится доказывать негативные факты, что само по себе затруднительно, ведь по общему правилу отрицание фактов не требует доказательств (*Factum negantis nulla probatio*). Однако судебная практика исходит из того, что прекращение выдачи ссылок осуществляется оператором поисковой системы исключительно на информацию, в отношении которой на момент рассмотрения заявления уже установлен факт ее недостоверности, незаконности, неактуальности и т.п. В противном случае отказ оператора поисковой системы признается законным [2]. Таким образом, уже на досудебном этапе урегулирования споров о реализации права на забвение лицо, в отношении которого распространена недостоверная, неактуальная информация, должно предоставить оператору поисковой системы неопровержимые доказательства неактуальности, недостоверности такой информации, то есть доказательства, позволяющие сделать однозначный вывод о том, что информация, распространяемая на указанных страницах, является недостоверной или неактуальной. Такими доказательствами признаются только справки, выданные

органами исполнительной власти (например, справка о погашении, о снятии судимости [3]), или решения суда о признании распространенной информации недостоверной, порочащей честь, достоинство и деловую репутацию истца [4].

То есть на сегодняшний момент не имеется юридической возможности в одном судебном процессе признать распространенную информацию порочащей честь, достоинство и деловую репутацию и потребовать прекратить выдачу ссылок, позволяющих получить доступ к данной информации. Дело в том, что в рамках судебных споров о реализации права на забвение в сети «Интернет» по факту оспаривается мотивированный отказ оператора поисковой системы в удовлетворении требований заявителя о прекращении выдачи ссылок, позволяющих получить доступ к недостоверной, неактуальной информации о заявителе, а доводы истцов о том, что суд первой инстанции мог самостоятельно установить недостоверность, неактуальность информации об истце с учетом представленных документов, которые имеются в материалах дела, но ранее не направлялись в адрес оператора поисковой системы на досудебном этапе урегулирования спора, являются несостоятельными[5].

Подводя общий итог, отметим, что в условиях глобализации информационных процессов любая недостоверная, неактуальная информация, распространенная в сети «Интернет», нарушает интересы лица, в отношении которого такая информация распространена. Соответственно, подобные недобросовестные действия необходимо пресекать предельно быстро. На сегодняшний момент, существующий досудебный порядок урегулирования споров о праве на забвение вынуждает лиц доказывать негативные факты путем предоставления оператору поисковой системы справок об отсутствии факта либо вступивших в законную силу решений суда о признании распространенной информации недостоверной, порочащей честь, достоинство и деловую репутацию истца. Последнее не является оперативным с точки зрения сроков получения таких актов, что нарушает интересы лиц, в отношении которых распространена подобная информация. На основании вышеизложенного считаем возможным упразднить досудебный порядок урегулирования споров о праве на забвение.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»// Российская газета. № 165. 29.07.2006

[2] Решение Московского районного суда г. Чебоксары от 15.08.2017 по делу № 2-7072/2016//Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»

Решение Одинцовского городского суда от 06 апреля 2017 года по делу № 2-2715/2017// Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»

[3] Решение Привокзального районного суда г. Тулы от 21.09.2016 года по делу № 2-1479/2016// Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»

[4] Апелляционное определение Московского городского суда от 22.05.2017 по делу № 33-14853/2017// Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»

[5] Апелляционное определение Московского городского суда от 08.02.2017 по делу № 33-5031/2017//Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»

НАСЛЕДОВАНИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: РЕАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ «НЕСУЩЕСТВУЮЩИХ» ОБЪЕКТОВ

Волковская Елена Анатольевна
Финансовый университет при Правительстве РФ
4-й Вешняковский проезд, Москва, Россия
elena.volkovskaia@gmail.com

Научный руководитель: Н.И. Беседкина, кандидат юридических наук, доцент ФУ при Правительстве РФ

Необходимость эффективного осуществления охраны прав и законных интересов физических и юридических востребовала институт наследования виртуальной собственности. В статье анализируются отечественных и зарубежный подход к определению статуса данного института, а также рассматриваются пробелы законодательства, существующие в данной сфере.

Ключевые слова: виртуальная собственность, наследование, цифровые технологии, Интернет, законодательное регулирование.

Феномен виртуальной собственности в настоящее время требует всестороннего и глубокого исследования. К сожалению, до сих пор отсутствуют признаки, позволяющие четко идентифицировать виртуальную собственность как объект права собственности: с одной стороны, она обладает качествами, присущими интеллектуальной собственности, с другой - материальной, поэтому анализ действующего законодательства позволяет говорить о том, что, вскоре общество столкнется с серьезными проблемами правового характера, т.к. современный пользователь оставляет после себя огромное количество информации в сети, которая может служить источником дохода.

Наиболее развитое в вопросах цифрового имущества – американское законодательство. Один из первых законодательных актов, регулирующих вопрос использования информации пользователя сервиса после его смерти, – Акт о доступе к учетным записям электронной почты умерших, принятый в штате Коннектикут 24 июня 2005 года [1].

В документе предусмотрено право уполномоченным лицам получать доступ к учетной записи пользователя после его смерти или требовать предоставления копии информации соответствующей учетной записи. Чтобы получить доступ или копии информации, необходимо письменное заявление и документы, подтверждающие права заявителя.

В связи с этим юридическое сообщество предлагает разработать четкие инструкции, которые позволили бы распоряжаться виртуальным имуществом погибшего. Инструкции должны включать список наиболее часто используемых учетных записей в Интернете, которые содержали бы ценные материалы и личные данные.

Однако основная проблема в том, что в некоторых странах завещание является публичным документом, который может быть обнародован, а значит, в нем нельзя писать свои пароли. Кроме того, многие люди сталкиваются с частой необходимостью изменения паролей ввиду атак на виртуальные ресурсы или взлома аккаунта.

Следующий проблемный вопрос - это доступ к аккаунтам в социальных сетях и почтах. Особенно актуален вопрос для работодателей, т.к. сегодня законодательно не определено право собственности на рабочий аккаунт, созданный сотрудником компании и имеющий тысячи подписчиков и может ли сотрудник, увольняясь, «забрать» его с собой [2, С.95].

Что касается наследственных прав граждан, то логично предположить, что информацию должны получать наследники, однако российские интернет-компании придерживаются другой практики.

Например, Общество с ограниченной ответственностью «Яндекс» ссылается на то что: «Логин и пароль являются идентифицирующей пользователя информацией и не относятся к имуществу, в связи с чем не подлежат включению в наследственную массу [3, ст. 128].

В последнее время тема развития и использования криптовалют в России и других странах вызывает огромное количество споров, в 2015 году Европейский суд постановил, что bitcoin в части налогообложения необходимо считать именно валютой, а не товаром [5]. Отчасти их можно сравнить с

банковскими счетами, однако завещать такую валюту – невозможно.

Таким образом, законодательство существенно отстает от развития цифровых технологий – справедливо это практически для всех стран. Существование виртуальных объектов, имеющих порою немалую стоимость, вызывает немало споров [6, С. 402].

Представляется необходимым принять соответствующее постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации с целью определения статуса объектов виртуальной собственности и особенностей их наследования.

В любом случае, дальнейшее игнорирование указанной проблемы в условиях столь молниеносно развивающихся информационных технологий и Интернета невозможно, поэтому практики и теоретики уже сейчас должны задуматься о проблемах виртуального мира.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Act concerning access to decedents' electronic mail accounts [Electronic resource]: Senate Bill № 262 Public Act, June 24, 2005, № 05-136. – Mode of access: <http://www.cga.ct.gov/2005/act/Pa/2005PA-00136-R00SB-00262-PA.htm>. – Date of access: 20.11.2017.

[2] *Бондарь В. В.* Виртуальное наследство. Эпоха всемирной сети // Право: история, теория, практика: материалы Междунар. науч. конф. - СПб.: Реноме, 2011. — С. 95. URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/39/847/>

[3] «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2017) // Российская газета. - № 238-239. - 08.12.1994.

[4] Judgment of the Court (Fifth Chamber) 22 October 2015 [Electronic resource]: Senate Bill № 262 Public Act, June 24, 2005, № 05-136. – Mode of access: <http://curia.europa.eu>– Date of access: 21.11.2017.

[5] *Вириц И.Е., Губайдуллина Э.Х.* Виртуальная собственность: проблемы правового регулирования // Форум молодых ученых. 2017. № 5 (9). - С. 401-404.

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Волокитина Анна Евгеньевна

Российский университет дружбы народов

Юридический институт

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

anehkaaa@mail.ru

Научный руководитель: Е.Н. Трикоз, доцент кафедры истории государства и права РУДН, к.ю.н.

В статье рассматривается активное развитие информационных технологий, широкий рост такой современной формы обучения как дистанционное образование, выявлены и проанализированы проблемы осуществления такой формы обучения.

Ключевые слова: дистанционное обучение, образование, образовательные технологии.

На сегодняшний день, многие организации России и зарубежных стран осуществляющих образовательную деятельность через обход непосредственного взаимодействия преподавателя и обучающегося. Динамичное внедрение в образовательный процесс дистанционных программных технологий становится важной частичкой образования, которое может считаться современным [5]. Кроме того, в концепции модернизации российского образования заявлен принцип равного доступа всех людей к полноценному качественному образованию ориентированного на их интересы и склонности, независимо от материального достатка семей, места проживания и состояния здоровья. Развитие дистанционного образования и является одним из направлений реализации этого требования [1].

Современные технологические знания все быстрее устаревают (уже через 2-3 года что-то не находит применения в жизни, раньше считавшиеся удобной новинкой или эксклюзивным знанием), исходя из этого, если будут сохранены прежние образовательные технологии, то к окончанию обучения в высших

учебных заведениях знания выпускников не будут считаться в достаточной мере столь актуальными и нужными. Новейшие информационные технологии, а именно, опосредованное, с применением электронных гаджетов обучение, открывает ранее не известные пути развития дабы повысить эффективность процесса образования. Всемирный рынок обучения с помощью электронных носителей на 2015 г. оценивался специалистами в сто семь млрд. долларов. Главными «лидерами» в этой сфере представлены разнообразные Виртуальные, Дистанционные, Электронные, Сетевые, а также Кибер- Smart- университеты, отмечая что их преимущественный успех пришелся на последний десяток лет. Широта практики деятельности данных организаций впечатляет: университет Phoenix в Соединённых Штатах имеет более 500 тысяч студентов. Сеть обучения Государственного университета в Нью-Йорке и сеть обучения Огайонского университета имеет более ста тысяч обучающихся каждый.

Важный шаг в нормативно-правовом регулировании образовательных технологий, осуществляющихся дистанционно - вступивший в силу Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации [3], который регламентировал порядок использования дистанционных образовательных технологий. Но этот документ по существу не затрагивал такие важные аспекты реализации дистанционного образования, как: организационную структуру порядка дистанционного обучения; особенности осуществления процесса обучения; обеспечение различного вида ресурсами программ обучения; гарантию контроля качества процесса образования ;права применения российскими школами и университетами дистанционных технологий образования за границей и, соответственно, условия осуществления образовательной деятельности зарубежными образовательными учреждениями в России;

Проблема разработки адекватных требований к уровню освоения необходимых знаний, умений и навыков, обеспечивающих формирование у обучающихся необходимых компетенций при практико-ориентированной подготовке специалистов и систем оценивания знаний учеников при электронном обучении в значительной степени взаимосвязана не только с подготовкой и практической реализацией процесса оценки

знаний, связанного с разработкой содержания и форм тестовых заданий, но и с проблемами стандартизации образовательных процессов.

Современная стадия становления законодательства была ознаменована вступлением в силу Федерального Закона "Об образовании..." [2], согласно ему образование может быть получено в образовательных организациях, с любой формой обучения. При получении лицензии на образовательную деятельность ставится акцент именно на очную форму обучения, именно к ней применяются строгие правила и необходимость проведения многочисленных экзаменов, в отличие от форм дистанционного обучения, из-за чего страдает качество самого образования обучающихся и соответственно их уровень будущих профессиональных навыков.

Очевидно, что качество подготовки специалистов также немаловажно при осуществлении дистанционного образования и это тоже является одной из проблем электронного обучения.

В связи с этим необходимо позаботиться и к ним следует отнести уточнение способов унифицированного описания целей обучения. Одним из перспективных способов разработки образовательных стандартов на сегодняшний день является реализация компетентностного подхода к описанию модели специалиста и осуществления учебного процесса. Поэтому все педагоги должны иметь документ установленного образца об освоении курса повышения квалификации или профессиональной переподготовки, которые направлены на изучение специальных методов обучения в новой информационно-образовательной среде [4].

По существу, главным дополнительным требованием к различным категориям преподавательского состава является условие владения современными информационными и коммуникационными технологиями для работы в информационно-образовательной среде.

Таким образом, обучение с применением современных технологий должно развиваться, применяться в большем числе образовательных организаций, но в то же время, необходимо и важно поддерживать контроль качества новой формы обучения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1]. *Эккерт Н.В., Алламярова Н.В., Гараева А.С.* Проблемы развития российской законодательной базы и нормативно-правового регулирования в области дистанционных образовательных технологий в системе высшего медицинского образования.

[2]. Федеральный закон N 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации"

[3]. Приказ Минобрнауки России от 9 января 2014 г. № 2 «Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ»

[4]. Приказ Минобрнауки России от 17 марта 2014 г. № «О проведении мониторинга эффективности образовательных организаций профессионального образования»

[5]. *Бочков В.Е., Краснова Г.А., Филиппов В.М.* Состояние, тенденции, проблемы и роль дистанционного обучения в трансграничном образовании: Учеб. пособие. – М.: РУДН, 2008. С.28

ЗАЩИТА ВИРТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ КАК ОБЪЕКТА ПРАВА

Гудков Николай Валерьевич

Самарский национальный исследовательский университет

им. академика С.П. Королева

Юридический факультет

ул. XXII партсъезда, д.28, кв.19, 443066

nikolay_gudkoff@mail.ru

Научный руководитель: В.Э. Волков, к.ю.н., доцент кафедры
государственного и административного права Самарского
университета

В статье рассматривается вопрос о правовом статусе объектов виртуального пространства, анализируются проблемы их определения в законодательстве. Автор предлагает анализ методов, предложенных юридической доктриной, применительно к отечественной и зарубежной практике правоприменения.

Ключевые слова: виртуальная собственность, виртуальный объект, интернет, аккаунт в сети, защита виртуальной собственности.

Одной из важных проблем, попадающих в юридически незащищенную сферу отношений в Сети, является вопрос о «виртуальной собственности», в частности, о возможном признании её объектом гражданских прав. Оснований для актуализации данной темы много, так как на современном этапе трудно найти человека, который никогда бы не платил деньги за доступ к определенному интернет-контенту, продвижение своей страницы в социальной сети или развитие своего персонажа в ролевой онлайн-игре. Но поскольку никто не застрахован от блокировки своего аккаунта, существует риск безвозвратной потери денежных сумм, поэтому данная проблема безусловно требует юридического вмешательства.

Специальным законом, регулирующим отношения в сфере интернет-коммуникации, является Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите

информации», но он не оперирует понятием «виртуальная собственность» или схожим с ним по содержанию термином. Однако в доктрине существует понятие «виртуальный объект», под которым понимается объект, не имеющий иного выражения в реальном мире, кроме изображения с помощью компьютерного устройства. Такая формулировка не отражает качественной сути определяемого понятия, поэтому при использовании его в практической деятельности ее можно трансформировать в своих интересах так, что в определенных ситуациях под нее попадет весь виртуальный мир, а в иных случаях – ни одного объекта из него. Поэтому такое толкование виртуальной собственности не может считаться исчерпывающим, поскольку создает двусмысленность данной юридической конструкции [1, С. 229-234].

Важно отметить, что институт виртуальной собственности до конца не развит и в других странах, из-за чего невозможна рецепция права. Однако правовые системы стран Азии, развивающих ИТ-технологии в наиболее быстрых темпах, признают виртуальные объекты, как объекты преступного посягательства в уголовном праве. Такие новеллы позволяют сделать вывод, что в данных государствах такая собственность признается за гражданином наряду с классическими видами. Но этот подход еще не получил распространения в частном праве, поэтому говорить о нем, как о методе решения существующей проблемы, пока невозможно. Американская доктрина предполагает создание отдельной группы норм общего права наряду с интеллектуальной собственностью и классическими объектами права. Такая позиция выглядит более практически применимой, но даже гибкая система рассмотрения дел судами в США не доверяется ей полностью, поскольку, обладая фактической законной монополией на регулирование виртуальных отношений, индустрия компьютерных технологий не заинтересована в предоставлении расширенного набора прав пользователям.

Отечественная юридическая наука рассматривает 3 подхода правового регулирования объектов виртуальной собственности: применение аналогии закона и включение таких объектов в категорию иного имущества гражданского законодательства; регулирование с помощью пользовательского или иного

соглашения между пользователем и оператором; распространение правил об играх и пари на отношения, касающиеся онлайн-игр [2].

Первый названный подход выглядит достаточно привлекательно для законодателя, поскольку формулировка ст. 128 ГК РФ позволяет внедрить понятие виртуального объекта в термин «иное имущество» без внесения специальных изменений, однако дальнейшее правоприменение будет затрудненным, поскольку не решатся вопросы дальнейшего содержания правового статуса некоторых объектов, например, «виртуальной недвижимости» (применять ли к ней правила о государственной регистрации сделок). Поэтому, такой вариант возможен при комплексном реформировании гражданского законодательства, что невозможно осуществить в кратчайшие сроки.

Наиболее интересным представляется второй подход, заключающийся в договорном регулировании отношений по поводу виртуальных объектов. В настоящий момент именно такой вариант и применяется на практике: после заключения лицензионного или пользовательского соглашения лицензиат вносит платеж, в обмен на который получает привилегированное право от оператора-правообладателя. Однако проблема данного подхода заключается в том, что пользователю при заключении соглашения не предоставляется фактическое право изменения условий договора. В таком случае перед ним открываются 2 пути: либо согласиться с предложенным вариантом соглашения, либо отказаться от него совсем и, соответственно, не получить никакого повышения статуса виртуального объекта. Приняв первый вариант, лицензиат может добровольно ограничить свои права, касающиеся его виртуальной собственности, передав их оператору. По такому пути строится большинство лицензионных соглашений пользователя, поскольку правообладателю не выгодно наделять их большими возможностями. Тем не менее, при разработке проекта нового соглашения (которое может быть и единым) данный вариант станет самым успешным из ныне предлагаемых.

В рамках этого подхода можно рассмотреть еще одну проблему, которая затрагивает «право собственности» на так называемые «рабочие» аккаунты – страницы организации на различных Интернет-ресурсах. Созданная сотрудником страница в сети в наиболее широком смысле всегда будет принадлежать ему, а

не фирме, в которой он работает, поскольку все инструменты управления ею находятся в руках создателя [3]. При договорном методе определения правового статуса данного аккаунта вопросы о принадлежности страницы будут урегулированы.

Предложение, касающееся распространения правил об играх и пари на онлайн-игры, считаем концептуально неверным, поскольку виртуальные развлечения лишены главного критерия игры – основанного на риске соглашения о выигрыше. Специфика онлайн-игр заключается в том, что для данной деятельности не важен результат в форме победы в ней, потому что в большинстве игр не предусмотрено конца, - важен сам процесс игры. Поэтому лишать «виртуальную собственность» судебной защиты по критериям ст. 1062 ГК РФ невозможно [4, С. 51-52].

Подводя итог, стоит сказать, что с развитием компьютерных технологий вопрос о правовом статусе виртуальных объектов будет принимать большие масштабы, нежели те, которые он имеет сейчас. Поэтому важно разработать наиболее практически применимый механизм обеспечения защиты данных объектов, причем как в национальном праве, так и в международном, так как вопрос об использовании Интернет-пространства не может быть разрешен усилиями одного государства в условиях глобализации.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Виноградов П.А.*, Понятие виртуального объекта и оборотоспособность виртуальных объектов в системе современного отечественного законодательства на примере интернет-сайта // Молодой ученый. 2017. №15 (149) / 2017.

[2] *Савельев А.И.*, Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // URL: <http://of-law.ru/stati/pravovaya-priroda-virtualnykh-ob-ektov-priobretaemykh-za-realnye-dengi-v-mnogopolzovatel'skikh-igrakh.html>, дата обращения: 10.11.2017 г.

[3] *Кондратьева И.* Право на виртуальную собственность: все, что останется после меня // URL: <https://pda.pravo.ru/review/view/126933/>, дата обращения: 11.11.2017 г.

[4] *Кулезин М.А.*, Реальные проблемы виртуальных объектов // Евразийская адвокатура. 2015. №5 (18).

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СМАРТ-ДОГОВОРОВ

Джумагулов Даниил Дмитриевич
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Факультета права
ул. Мясницкая, д. 20, Москва, Россия, 101000
3rezloy@gmail.com

Научный руководитель: И.Ю. Пешина,
старший преподаватель НИУ ВШЭ

В статье рассматривается определение смарт-договора, положительные и отрицательные моменты при использовании смарт-договоров, правовая природа и их соотношение с развитием форм совершения сделки.

Ключевые слова: смарт-договор, самоисполняемый договор, положительные и отрицательные моменты использования смарт-договоров, правовая природа смарт-договора.

Прежде всего необходимо определить, что подразумевается под смарт-договором. Итак, смарт-договор - это исполняемый с помощью автоматизированной системы договор, который отвечает требованиям закона о договорах и предполагает наличие возможности судебной защиты в случае возникновения спора.

Считаю необходимым пояснить некоторые возможные вопросы, вытекающие из данного определения:

1. Автоматизированная система предполагает наличие скрипта (ряда скриптов) с помощью которых выполняется необходимое условие. Такое условие можно представить следующим образом: если запись в ЕГРН изменяется с А на В, то пользователь В переводит 100 единиц пользователю А на ранее установленный счет.

2. Основное отличие смарт-договора от обычного соглашения сторон заключается в том, что такая форма соглашения соответствует законодательству. В ином случае такие соглашения нельзя назвать договором.

3. Наличие судебной защиты - основная гарантия на тот случай, если сторона договора будет вести себя недобросовестно. Безусловно, можно представить, что смарт-договоры могут избавить стороны от участия в судебных разбирательствах, однако на начальном уровне развития смарт-договоров говорить об этом преждевременно.

Решение каких проблем возможно с помощью смарт-договоров?

1. Основным преимуществом данного инструмента является то, что одно лицо не может обладать сразу двумя вещами: и деньгами, и предметом, в отношении которого был заключен договор. Это решает много правовых проблем, например, когда собственнику квартиры были перечислены деньги, при этом право собственности на квартиру остается все еще у него.

2. Необходимость в обеспечительных мерах значительным образом снижается. Например, для того чтобы заключить сделку стороны могут предусмотреть предварительным договором наличие определенной суммы на счету одной из сторон. В таком случае «замораживание» определенной денежной суммы предполагает возможность перевода денежных средств и исключает необходимость в залоге, неустойке и т.д.

3. Смарт-договоры уменьшают количество транзакционных издержек, связанных с формулированием условий, почтовой корреспонденцией, подписанием договора.

Какие недостатки имеют смарт-договоры?

1. Они применимы в ограниченном числе случаев. Например, большинство договоров оказания услуг не могут быть зафиксированы системой, поскольку результат услуг зачастую не может быть выражен в материальной форме.

2. На данный момент для подписания договора необходима как минимум простая электронная подпись, которая имеется не у всех граждан.

3. При наличии ошибок в системе возможны ситуации, когда пользователи могут понести значительные убытки.

4. Законность такой формы договора имеет множество вопросов и пока на законодательном уровне такие отношения не урегулированы возникновение больших сервисов (систем) ожидать не приходится.

Какова правовая природа смарт-договоров?

Первоначально договоры заключались устно, с помощью разных ритуалов, например, с помощью манципации. После этого возникла возможность заключать договоры письменно и постепенно такой вариант стал более предпочтительным: память человека несовершенна, бумага же не забывает и фиксирует условия дословно, на что не всегда способен свидетель. Представляется, что смарт-договоры являются одной из ступенек развития формы договора. Поскольку смарт-договоры не изменяют волю сторон, а лишь по-новому фиксируют волеизъявление и объективный результат, то такие договоры являются новой формой, а не новым содержанием. Они не определены на законодательном уровне (хотя судебная практика допускает заключение электронных сделок через переписку по электронной почте), однако правовая природа их такова: фиксация воли сторон и фиксация действий сторон. Безусловно, в такой форме значительное влияние приобретает автоматизированная система (куда большее влияние, чем бумага, на которой составлен договор), однако такая система выполняет волю договаривающихся сторон и по своей сути является продолжением электронной формы.

Таким образом, смарт-договоры являются важным этапом в развитии товарно-денежных отношений, упрощая процесс заключения договора, а также снижая возможные риски, вытекающие из договоров. Безусловно, такая форма договоров получит постепенное развитие в обществе, однако смарт-договоры не могут применяться во всех без исключения случаях, следовательно, письменная форма продолжит свое существование также, как продолжила свое существование устная форма после возникновения письменной.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Рыков А.Ю.* Гражданско-правовое регулирование сделок в глобальной компьютерной сети «Интернет»: Дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2009. — 201 с.

[2] *Савельев А.И.* Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3.

НАРУШЕНИЕ АВТОРСКОГО ПРАВА В ИНТЕРНЕТЕ И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Захаров Илья Владимирович

Российский университет дружбы народов

Юридический институт

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Ilyazaharov311298@yandex.ru

В статье рассматривается проблема авторского права в современную эпоху в отношении науки и Интернета, по отдельности и в совокупности. Проанализированы основные нормативно-правовые акты, регулирующие данную отрасль, а также показаны последствия попыток взять под контроль со стороны государства и издателей Интернет и науку, оправдываясь нормами авторского права.

Ключевые слова: авторское право в Интернете, пиратство в Интернете, научное пиратство, открытая наука, регулирование Интернета.

В современном мире Интернет стал играть значительную роль в большинстве, если не во всех сферах жизни общества. Всемирная сеть стала неотъемлемой частью не только научно-исследовательской деятельности, но и научно-технического процесса, в целом [7]. Следует помнить, что согласно закону [2], результаты научной деятельности попадают под определение «Интеллектуальная собственность», следовательно, эта собственность будет охраняться от посягательств на неё. Но в науке невозможно делать открытия, добиваться каких-либо выдающихся достижений и объективных результатов без опоры на предыдущие исследования и открытия. В связи с этим необходимо разобраться в трёх вопросах. Во-первых, как авторское право работает в отношении науки, во-вторых, как авторское право работает в Интернете, и, наконец, как всё это в совокупности влияет на современную науку.

Начнём с авторского права в науке. Современное российское законодательство сформулировало чёткую позицию по поводу

охраны интеллектуальной собственности в науке. В большинстве стран современного мира, в том числе и в России, отношения в области авторского права в науке, и не только, регулируется «Бернской конвенцией по охране литературных и художественных произведений» и «Договор ВОИС от 20.12.1996», в 90-ых года Россия присоединилась к обоим договорам [12]. Что в конвенции, что в договоре чётко оговорено о том, что авторское право охраняет исключительно форму, а не идею [1], [4]. Также в ст. 10 «Конвенции» и ст. 1274 ГК РФ говорится, о так называемом «цитировании в оправданном объёме», однако ни в каком нормативном акте не прописано где заканчивается оправданное цитирование и начинается нарушение авторских прав. В связи с этим может возникнуть ряд проблем при разбирательствах, связанных с вопросом о добросовестном цитировании в любой сфере творчества.

Отталкиваясь от этого, плавно перейдём к рассмотрению вопроса работы авторского права в Интернете. Основная проблема этого вопроса связана с общей работой и доступностью больших объёмов информации и результатов интеллектуальной деятельности, которая стала возможным благодаря быстрому научно-техническому прогрессу, который включает в себя быстрое развитие современных информационных технологий и Интернета [7].

Но перейдём непосредственно к нынешнему правовому регулированию обозначенного вопроса. В РФ, авторское право регулирует большое количество правовых норм, однако сконцентрируемся мы на следующих: ФЗ № 189 от 02.07.2013 г. "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях" («Антипиратский закон»), ФЗ № 139 от 28.07.2012 г. "О внесении изменений в Федеральный закон "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" и отдельные законодательные акты Российской Федерации" («Закон о чёрных списках»), так как они вызвали глубокое недовольство общественности. [15], [16].

Изменения, которые вносили вышеуказанные Федеральные законы, возмутили не самим фактом попыток ограничить доступ к

информации, которая либо считается неудобной, либо нарушает авторские права. Хотя сайтов заблокированных, из-за нарушения авторских прав значительно меньше, чем сайтов, заблокированных по иным причинам (экстремизм, пропаганда наркотиков и т.д.) [6]. Возмутили они предоставлением преимущества правообладателям, мало того, что вопросы по авторским правам мог решать один единственный Мосгорсуд, так и тем, кому направлялась жалоба не могли её апеллировать или обжаловать, хотя и уведомления от Роскомнадзора владельцам сайтов с контентом, нарушающим авторское право, приходят заблаговременно [14. С. 80], [15].

Что «Антипиратский», что «Закон о чёрных списках» вызвал массовое недовольство среди пользователей и крупных Интернет-ресурсов. В день одобрения Госдумой «Закона о чёрных списках» в знак протеста часть русскоязычных сайтов заблокировало доступ на день [11]. Хотя «Антипиратский закон» и вызвал недовольство, но не такое сильно, как предыдущие нововведения. Лаконичнее всех недовольство законопроектами выразил Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, он заявил, что «закон о защите детей...» фактически приведёт к цензуре в Интернете, отдаст преимущество лишь одной категории населения и никак не будет способствовать защите детей и экономическому развитию [5].

Но это законодательство в отношении авторских прав в Интернете продолжает действовать в России, хотя и в немного изменённом виде, так процедура внесудебного урегулирования по вопросам нарушения авторских прав в Интернете была введена лишь в конце 2014 года и др. [15].

Вкратце разобрав регулирование интеллектуальной собственности в Интернете перейдём к рассмотрению через авторское право науки и Интернета в комплексе.

До недавних пор проверенные научные знания распространялись через научные журналы за высокую цену, с современными способами распространения информации такой способ многими воспринимается, как архаизм, так как он сейчас, по сути, тормозит распространение знаний. Этим обусловлена популярность свободных энциклопедий и бесплатных онлайн-библиотек [3. С. 4], [9], [10]. Но издательства, стараются сохранить устоявшуюся систему, не прибегая к изменениям, а

распространителей знаний «пиратским» способом, таких, как Аарон Шварц, запугивать заключением в 35 лет и в итоге доводить до суицида [13]. Законотворцы и активные Интернет-пользователи стараются найти компромисс между всеми сторонами этих отношений, понимая, что мир изменился.

В заключении можно сказать, что классические методы регулирования авторского права уже неприменимы в современных реалиях, так как мир сильно изменился, а законодательство не всегда успевает за прогрессом. Безусловно, авторское право, как и любое право, нужно защищать, но между нынешним творцом и потребителем, а тем более, между учёными уже нет крупных преград, из-за этого, старые методы не работают. Поэтому неизвестно, что будет, если продолжать медлить с решением острого вопроса, с учётом всё более ускоряющегося прогресса. Но это уже тема для другого исследования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений (с изменениями на 28 сентября 1979 года)

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации

[3] *Грибанов Д.В.* Авторское право в науке, образовании и издательском бизнесе, 2009

[4] Договор ВОИС по авторскому праву

[5] Заявление членов Совета в отношении законопроекта № 89417-6 "О внесении изменений в Федеральный закон "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию"

[6] К 5-летию принятия закона о «чёрных списках сайтов»: статистика от Роскомнадзора и от Роскомсвободы // roskomsvoboda.org

[7] *Макарова М.* Авторское право и интернет // Наука и жизнь. 2017. № 4

[9] Наука под замком. Вторая часть // habrahabr.ru

[10] Наука под замком. Первая часть // habrahabr.ru

[11] Нецензурное лобби // Lenta.ru

[12] О присоединении Российской Федерации к Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений в редакции 1971 года

[13] Свободы сеятель пустынный // Lenta.ru

[14] ТРАНСФОРМАЦИЯ АВТОРСКОГО ПРАВА В ИНТЕРНЕТЕ. Зарубежные тенденции, бизнес-модели, рекомендации для России / / Под ред. И. Засурского и В. Харитоновой. М., 2013

[15] Федеральный закон от 2 июля 2013 г. N 187-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях" (с изменениями и дополнениями)

[16] Федеральный закон от 28 июля 2012 г. N 139-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" и отдельные законодательные акты Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями)

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

Ибрагимова София Ринатовна

Финансовый университет при Правительстве РФ
Юридический факультет
ул.Кибальчича,4, Москва
sofia_2709@mail.ru

Научный руководитель: А.В. Попова, д.ю.н, профессор
Департамента правового регулирования экономической
деятельности Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

В статье рассмотрена концепция электронного государства, его роль в борьбе с коррупцией и злоупотреблениями должностных лиц. Выявлены проблемы и перспективы включения информационных технологий в антикоррупционную практику.

Ключевые слова: противодействие коррупции, ИКТ, информационное общество, электронное государство.

На сегодняшний день процессы глобализации являются объективными и всеобъемлющими, в тесной связи с ними происходит формирование т. н. информационного общества. Информационное общество – результат грандиозного скачка науки и техники, основным ресурсом и движущей силой в нём является информация. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) оказывают значительное воздействие на все сферы общественной жизни, адаптируют их к новым реалиям. ИКТ рассматриваются как неотъемлемая часть демократического процесса, активно используются в политической, экономической и финансовой сферах.

Отдельного внимания заслуживает внедрение ИКТ в сферу правового регулирования, в рамках которого информационные технологии выступают эффективным антикоррупционным фактором. Социальный феномен коррупции, изменяя формы и проявления, остаётся одной из наиболее острых проблем российской действительности. Решение данной проблемы

возможно лишь посредством многоканального воздействия, а это, в свою очередь, требует всестороннего учёта специфики развития государства и права на современном этапе. Государственная программа «Информационное общество» (2011-2020) предусматривает создание целостной и эффективной системы использования информационных технологий, позволяющей повысить прозрачность и управляемость процессов взаимодействия общества и государства. В частности, Программа предусматривает развитие электронного правительства, совершенствование информационной инфраструктуры, расширение перечня электронных услуг [2]. Высокий антикоррупционный потенциал электронного правительства подтверждается позитивным опытом ряда зарубежных стран, ссылки на него содержатся в рекомендациях международных органов (ООН, Всемирный банк, Международный валютный фонд и т.п.).

В последние годы количество исследований о роли информационных систем в снижении уровня коррупционных проявлений неуклонно растёт, их результаты свидетельствуют о сокращении фактов коррупции при функционировании электронного правительства. Развитие электронного правительства, по мнению ряда исследователей, способствует повышению эффективности государственного управления, улучшит качество предоставляемых населению госуслуг, оптимизирует документооборот, а также повысит общую прозрачность деятельности органов государственной власти.

Помимо электронного правительства, непосредственное противодействие коррупционным проявлениям с помощью информационных систем окажет создание специализированных Интернет-сайтов. Граждане, столкнувшиеся со злоупотреблениями должностных лиц, получают возможность анонимного информирования правоохранительных органов, предоставления соответствующих доказательств в режиме реального времени [4, С. 25].

В долгосрочной перспективе широкое внедрение информационных технологий с социально-политические процессы будет способствовать формированию т. н. электронного государства. Традиционно концепция электронного государства связана с триадой электронного правосудия (что нашло воплощение

в автоматизированной системе «Правосудие»), электронного правительства и электронного парламента. Положительные аспекты внедрения информационных технологий очевидны: это быстрый и качественный доступ граждан к государственным и муниципальным услугам, возможность контролировать деятельность органов государственной власти, и самое главное – искоренение коррупции. Внедрение ИКТ призвано обеспечить деперсонализацию и стандартизацию основных административных процессов, тем самым лишив чиновников возможности принимать решения по собственному усмотрению, и, следовательно, ликвидировав саму возможность коррупции. Наряду с этим информационные системы выступают в качестве инструмента противодействия коррупционным сделкам, поскольку позволяют вести мониторинг действий сотрудников органов власти в режиме реального времени.

Вместе с тем антикоррупционная практика применения информационных технологий неминуемо сталкивается с рядом проблем, среди которых:

- необходимость обеспечения безопасности информационных систем, пресечение попыток постороннего вмешательства в их работу (подобная проблема была выявлена при испытании ГАС «Выборы»);
- повышение уровня IT-осведомлённости среди населения, обеспечения возможности доступа для граждан любого возраста и социальной принадлежности;
- обеспечение оперативной совместимости в целях недопущения противоречивых стандартов и дублирования полномочий [1, С. 124].

Рассмотрев проблемы и особенности развития государственно-правовых институтов в условиях киберпространства, необходимо отметить, что на сегодняшний момент меры по противодействию коррупции с использованием ИКТ представляются недостаточно эффективными. Так, федеральная целевая программа «Электронная Россия» (2002-2010 гг.) не привела к желаемым результатам, характер государственного управления, по оценкам экспертов, остался практически неизменным. Данный факт, с одной стороны, связан с

определёнными техническими трудностями внедрения, недостаточной распространённостью автоматизированных систем, а с другой стороны – с низкой правовой культурой населения, наличием ряда ментальных установок, ориентированных на поддержание режима закрытости и непрозрачности принимаемых решений [3].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Сейнароев А.Б.* Информационные технологии в реализации антикоррупционных практик на региональном уровне // Вестник экспертного совета. 2015. №3. С.123-129

[2] *Дьякова Е. Г.* Использование информационных технологий для борьбы с коррупцией и локальная административная традиция КНР // ИФиП УрО РАН. 2014

[3] *Дьякова Е. Г.* Переход к электронному правительству в России: нормативно-правовая база и социальный контекст // Совместные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. 2011. № 7. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/perehodk-elektronnomu-pravitelstvu-v-rossii-normativno-pravovaya-bazai-sotsialnyy-kontekst>

[4] *Булгакова Е. В., Булгаков В. Г., Акимов В. С.* Механизмы электронного государства по противодействию коррупции // Правовая информатика. 2014. №1. С.23-27

ОПЫТ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ В ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Кийко Елена Владимировна

Российский химико-технологический университет
имени Д.И. Менделеева

Юридическое отделение Института экономики и менеджмента
Миусская пл., 9, Москва, Россия, 125047
lenakiyko3012@gmail.com

Научный руководитель: Н.В. Попов, к.ю.н., доцент, заведующий
кафедрой государственно-правовых дисциплин
РХТУ им. Менделеева

В статье рассматриваются особенности урегулирования вопросов использования интеллектуальной собственности, размещенной в сети Интернет, в иностранных государствах. Проанализированы положения источников права Англии и США об использовании интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: урегулирование института интеллектуальной собственности, сеть Интернет, зарубежный опыт, авторское право.

С учётом изменений в российском законодательстве в указанной сфере [1] целесообразно рассмотрение иностранного регулирования данного института, а именно законодательства Великобритании и США.

В Англии особая законодательная роль отводится судебному прецеденту, что усложняет определение роли нормативно-правовых актов при урегулировании института интеллектуальной собственности. Основными судебными прецедентами вышеупомянутой сферы в Великобритании являются решения по таким делам, как Regina против Johnstone, Sabaf против MFI, Campbell против MNG Limited и др. Решения по указанным делам детализируют нормы статутов, упрощают практическое применение законодательных актов.

Нормативно-правовые акты Англии разрешают свободное использование интеллектуальной собственности библиотеками, архивами и учебными заведениями в электронном виде, а копирование разрешено только в рамках лицензии документа [2. Ст. 32, 38-43, 56].

Незаконное использование объектов интеллектуальной собственности может быть санкционировано наложением штрафа или тюремным заключением на срок до года [2. Ст. 198].

Не является нарушением создание временных копий текстов, музыки или фильмов для использования без коммерческих целей. Но исключением из этого является создание копий компьютерных программ, баз данных и источников в оригинальном виде (например, литература, живопись) [3. Ч. 2 ст. 8 п. 28А].

Данный подход был бы эффективен для права Российской Федерации, т.к. с его помощью удалось бы устранить споры о некоммерческом использовании и распространении в сети Интернет интеллектуальной собственности среди российских пользователей.

Иной подход представлен в американском праве. В США также допускается свободное создание копий документов интеллектуальной собственности в целях обучения и проведения научных исследований в образовательных организациях, в библиотеках, архивах [4. Ст. 107-108].

Отличительной особенностью права США является более детальная разработка вопроса о нарушении права интеллектуальной собственности [5. Ст. 202]. Согласно американским нормативно-правовым актам, охраняется только оригинальная (первоначальная) интеллектуальная собственность в сети Интернет, исключая фотоматериалы, части какого-либо текста.

Судебные прецеденты устанавливают, что объект, не соответствующий оригиналу, не может быть признан интеллектуальной собственностью [6].

В случае совершения правонарушения лицо должно быть уведомлено по почте или электронным письмом, предписывающим удалить объект в определенный срок. В случае неисполнения предписания к физическому лицу применяются санкции, установленные уголовным законодательством США. Но лицо освобождается от ответственности за незаконное использование

документов в случае непреднамеренного нарушения, т.е. незнания о нарушении интеллектуальных прав собственника.

Ранее ответственность за незаконное распространение объектов интеллектуальной собственности в сети Интернет возлагалась на провайдеров, но законодательно был предоставлен иммунитет для тех провайдеров, которые не обрабатывают и не хранят на своем сервере копию такого объекта. На сегодняшний день иммунитет распространяется на владельцев таких сайтов, как YouTube, Facebook. Но в обязанности провайдера входит уведомление пользователя о нарушении им авторского права с предписанием прекращения нелегальных действий, а при неисполнении указанного предписания провайдер обладает правом на снижение скорости и отключение пользователя от сети Интернет.

В случае, если дело о нарушении интеллектуальной собственности рассматривается в суде, судом учитываются такие критерии, как: цель использования объекта; значимость использования объекта; особенности интеллектуальных прав в сети Интернет; ущерб для правообладателя, нанесенный пользователем.

В 2010 [7] и 2011 [8] в Сенат США вносились законопроекты по ужесточению ответственности за незаконное использование объектов интеллектуальной собственности в сети Интернет, но эти попытки не увенчались успехом.

Таким образом, для Российской Федерации было бы полезным: применение норм о разрешении копирования, обмена, передачи и получения интеллектуальной собственности от пользователя к пользователю, за исключением оригинальных (первоначальных) объектов, к которым относятся компьютерные программы, базы данных, копии фильмов до премьерного показа, живопись и невидоизмененная литература; использование предупредительных мер о нарушении прав пользователем; исключение спора о юрисдикции (в случае нарушения права на интеллектуальную собственность зарубежного автора) путем заключения международных соглашений.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.11.2017) // РГ. № 165. 29.07.2006

[2] Copyright, Designs and Patents Act 15.10.1988 // The National Archives. URL: legislation.gov.uk

[3] The Copyright and Related Rights Regulation 27.09.2003 // The National Archives. URL: legislation.gov.uk

[4] Copyright Act of 19.10.1976 // U.S. Copyright Office. URL: www.copyright.gov

[5] Digital Millennium Copyright Act 28.10.1998 // U.S. Copyright Office. URL: www.copyright.gov

[6] Feist Publications v. Rural Telephone Service 499 U.S. 340 (09.01.1991) // Justia. U.S. Supreme court. URL: supreme.justia.com

[7] Combating Online Infringement and Counterfeits Act 20.09.2010 // GovTrack. URL: www.govtrack.us

[8] Stop Online Piracy Act 26.10.2011 // Library of Congress. URL: www.congress.gov

ПРОБЛЕМА ПРАВ НА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ, СОЗДАННУЮ ИЛИ РАЗМЕЩЕННУЮ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Коробов Александр Андреевич

Волжский Филиал Волгоградского Государственного
Университета

Юридический факультет

ул. 40 лет Победы, 11 Волгоградская обл., г. Волжский,

Россия, 404133

ob.otdel@vgi.volsu.ru

Научный руководитель: Г.Г. Егоров, к.ю.н., доцент кафедры
теории государства и права ВФ ВолГУ

В статье рассматриваются проблемы и пути их решения, касательно вопросов прав интеллектуальной собственности и авторского права в ключе размещения их объектов в социальных сетях. Дана оценка данному виду нарушений и приведены примеры решения этой проблемы.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, социальные сети, авторское право, интернет, правовая охрана, ответственность, правообладатель.

В последние три десятилетия мир значительно изменился в техническом плане. Появление и массовое распространение компьютеров, сотовых телефонов, а самое главное Интернета привело к тому, что какое - то время внедрение этих новшеств в нашу жизнь до сих пор слабо отражено в законодательстве.

На современный день социальные сети заняли большую нишу в нашей жизни. Известно, что большое количество трафика в России сейчас проходит по всем известным соц. сетям «ВКонтакте» и «Одноклассники». Основную массу контента там составляют записи (посты) содержащие ту или иные объекты интеллектуальной собственности (текстовые, визуальные, аудио-визуальные).

Понятие интеллектуальной собственности и проблемы в данной сфере многократно рассматривались многочисленными специалистами и исследователями, но до сих пор ряд вопросов

остаётся открытым, а, следовательно, отсутствуют четкие механизмы их решения. К числу таких наиболее проблемных моментов относится разработка механизмов защиты прав интеллектуальной собственности в глобальных сетях, в частности, в сети Интернет.

Согласно Гражданскому Кодексу РФ интеллектуальной собственностью является - результаты интеллектуальной деятельности и приравненными к ним средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана. [1] Согласно статистике, наибольшее количество нарушений прав на интеллектуальную собственность совершается сегодня именно в сети Интернет.

Наглядным примером является всем известная социальная сеть «ВКонтакте», где любой желающий может неоднократно зарегистрироваться под разными именами и неоднократно загружать, использовать и воспроизводить объекты авторского права. [2] Из-за этого повсеместно нарушаются авторские права создателей того или иного контента. Конечно в пользовательском соглашении указано, что Пользователь сайта несет личную ответственность за любой контент или информацию, которую он загружает, но так или иначе на просторах этой социальной сети встречается пиратский контент. [3]

Конкретно рассматривая вопрос аудио-контента, возникает вопрос, отслеживается ли загрузка отдельных файлов в базу данных социальной сети. Если пользователь на стороннем сайте скачивает ту или иную аудиозапись, а затем загрузит её в базу данных, то у системы не возникает вопроса подлинности и, что самое важное, принадлежности загружаемого файла самому Пользователю.

На основании вышеизложенного, было бы логично внедрить систему некой первичной верификации аудиофайла, чтобы, например, при загрузке файла, пользователь мог указать сайт, где он скачал его, указать автора и иную информацию, которая позволила бы иным пользователям найти правообладателя. Так же было бы целесообразно собрать некую базу данных аудиофайлов с присвоенными им именами правообладателей или авторов. То есть, первичная верификация аудиофайла проходила бы по данным, которые указал пользователь, вторичная же, уже сличала

аудиофайл, загружаемый пользователем с файлами, которые уже есть в базе. Возможно внедрение некоего аналога электронной подписи для аудиофайлов, основанного на подтвержденных данных (тегах). Настройка взаимодействия систем социальной сети и базой данных аудиофайлов является уже техническим вопросом.

Возможно стоит так же разработать определенный алгоритм, для того чтобы молодые исполнители, так же и молодые художники, и иные творцы цифровой эпохи, наравне с огромными медиа магнатами пользовались своими авторскими правами. Например, разработать некоторую систему регистрации как музыканта/художника/писателя, уже внутри социальной сети. И предоставить им возможность пользоваться своими исключительными и смежными правами, на то же распространение и продажу, и, например, возможное заключение лицензионных договоров уже внутри социальной сети.

С точки зрения права, данный механизм частично решил бы проблемы, связанные с размещением интеллектуальной собственности в социальных сетях и с многочисленными нарушениями авторского права. [4]

Подводя итог, можно сказать, что проблема указания авторства и использование результатов интеллектуальной деятельности, без уведомления непосредственного автора, очень часто встречается в русскоязычном сегменте Интернета. Стоит так же отметить, что за довольно большой отрезок времени, как и законодатель, так и непосредственные участники отношений, связанных с интеллектуальной собственностью, не создали каких-либо алгоритмов и способов предупредить подобные нарушения. Да, безусловно есть способы изымать или удалять тот или иной контент по запросу правообладателя, но это не является панацеей.

Вышеизложенные проблемы присутствуют так же в других соц. сетях со своей спецификой. Например, в Twitter и Facebook отсутствует возможность прослушивания аудиозаписей, для решения этой проблемы Пользователи используют сторонние сервисы, такие как Spotify и Pandora Radio, данные ресурсы специализируется на бесплатном потоковом прослушивании музыки, без скачивания и ущемления авторских прав.

На мой взгляд, необходимо разработать действенные способы предупреждения нарушений прав на интеллектуальную собственность, используя как мировой опыт, так и местный опыт русскоязычного сегмента Интернета. Сложно выделить какие-либо рекомендации с правовой точки зрения, тут необходим комплексный подход. В данном вопросе очень важна именно техническая реализация приведенных выше аспектов, что подразумевает плотную работу с непосредственными социальными сетями. Один из возможных вариантов, это создание НПА, который бы регулировал именно вопрос интеллектуальной собственности в сети Интернет.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)" от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 01.07.2017) Статья 1225. (Дата обращения 26.11.2017)

[2] *Кетова А.С.* «Защита интеллектуальной собственности в глобальной сети Интернет»

[3] Правила пользования Сайтом Вконтакте пункт 7.2.1. (доступно по ссылке <https://vk.com/terms>)

[4] *Алисова Е.В.* Актуальные проблемы защиты авторского права в сети Internet // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/07/69396> (дата обращения: 26.11.2017).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ АВТОРСКИХ ПРАВ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Кучмистый Василий Владимирович

Московский государственный юридический университет

им. О.Е. Кутафина

ул. Садовая-Кудринская, д. 9, Москва, Россия, 125993

msal@msal.ru

В статье рассматриваются проблемы защиты прав авторов кинопродукции и других результатов интеллектуальной деятельности в Интернете. Виртуальная сеть нуждается в правовом регулировании, так как результаты творческого труда необходимо охранять должным образом. Примеры решения предлагаются.

Ключевые слова: административная ответственность, защита авторских прав в сети Интернет, Интернет-пиратство, интеллектуальная собственность.

Переход в информационный век ознаменовал для человечества внедрение современных технологий во все сферы нашей жизни. Сейчас сложно представить мир без компьютеров, смартфонов или Интернета, потому что это всё является необходимым элементом функционирования общества. Появление Интернета преподнесло множество вопросов и проблем относительно защиты авторских прав в цифровую эпоху, которые ещё придётся решить мировому сообществу.

Не так давно в России приобрели популярность сервисы вроде Steam, Appstore, Netflix и другие, которые предлагают качественный и, самое главное, легальный продукт по невысоким ценам. Но, к сожалению, наряду с такими ресурсами есть нелегальные, которые либо предоставляют пиратский контент бесплатно с удовлетворительным качеством, либо за плату, вводя пользователей в заблуждение относительно легальности ресурса. Примером последних является портал «ogogo.tv», на котором администрация образовательного сайта выстроила грамотным образом видимость легального сервиса (она ссылается на принцип

«fair use» – в России статья 1274 ГК РФ), введя в заблуждение добросовестных пользователей. Чтобы не было неопределённости в плане легальности контента, стоит создать реестр легальных ресурсов. Помимо этого, необходимо ввести обязанность для легальных сервисов по размещению информации о контенте, сведения о котором административные органы могут проверить по представляемым контактам, а КоАП РФ следует дополнить соответствующим составом административного правонарушения для субъектов предпринимательской деятельности.

В качестве хороших тенденций можно отметить, что идёт продуктивное сотрудничество авторов с различными порталами, файлообменниками, социальными сетями для проработки и дальнейшего внедрения монетизации за пользование контентом [1. С. 56]. С каждым годом информации в Интернете становится всё больше, и регулировать её так, как раньше, уже не получается. Страны стремятся к унификации права, потому что в цифровую эпоху нарушения авторских прав идентичны по своей сути и не имеют территориального характера [2. С. 179]. Начиная внедрять технические средства защиты авторских прав в различные компании, порталы, поисковые системы. В ст. 11 договора ВОИС об авторском праве закреплены специальные обязательства в отношении такого рода средств защиты.

Можно обратиться и к другой стороне вопроса массовых нарушений авторских прав в рунете: почему происходят массовые правонарушения в русскоязычном сегменте Интернета? В основном из-за того, что наше национальное законодательство не предусматривает никаких санкций для граждан, которые скачивают нелегальный контент (видеофильмы, ПО, игры и другое). Ещё одна причина – малое количество легальных порталов, с помощью которых пользователям можно легко и удобно просматривать или скачивать нужные материалы. Кроме того, нельзя забывать и про высокие цены на медиaproдукцию. Если можно безнаказанно приобрести всё бесплатно, тогда неудивительно, что потребитель не платит правообладателям. Недостаточно применять санкции лишь к одной категории правонарушителей, что раздают контент, и совсем недавно в Правительстве Российской Федерации обсуждали возможность введения в России системы штрафов для

пользователей нелегального контента, введении персонафицированного штрафа [3].

Не только органы государственной власти, но и субъекты предпринимательской деятельности внедряют технические средства защиты результатов интеллектуальной деятельности в Интернете. Такие Интернет-гиганты как Youtube, Google, Yandex имеют онлайн-форму для обращения авторов и правообладателей, которые могут сообщить о нарушении авторских прав, что является действенными мерами, ибо такой подход обеспечивает снижение издержек (временных, денежных) для обратившегося.

Если обратиться к зарубежному опыту, например, США, то можно увидеть, что в этой стране уделяют большое внимание правовой охране интеллектуальной собственности. В случае нарушения пользователем авторских прав в Интернете к нему применяются различные санкции: сперва приходят предупредительные письма, затем – штраф, также могут снизить скорость Интернета. Более того, сам бизнес-сектор развивает систему потребления легального контента. Практически любой Интернет-сервис в сфере медиа имеет удобный, простой и приятный интерфейс, а сам контент в плане цен доступный. Большую роль в защите интеллектуальной деятельности авторов представляют поисковые системы: если поступила жалоба от правообладателя о наличии на каком-нибудь ресурсе пиратского контента, то поисковый сервис добавляет данный сайт в чёрный список на выдачу (либо весь ресурс, либо отдельные страницы) и перекрывает доступ к размещению на них рекламных объявлений, что становится для многих таких сайтов толчком на пути к эволюционному вымиранию [4. С. 57], [5].

В качестве выводов проведённого исследования необходимо выделить следующее.

1. Административно-правовые средства борьбы с нарушениями авторских прав представляют собой важный этап в правовом воспитании граждан. Подрастающему поколению должна прививаться культура потребления легального контента. Стоит тщательным образом рассмотреть вариант введения административной ответственности для пользователей

нелегального контента, как это имеет место в некоторых зарубежных государствах.

2. Наравне с административно-правовыми средствами борьбы с нарушениями авторских прав не стоит забывать и о частном секторе. Роскомнадзору необходимо развивать государственно-частное партнерство в данном секторе, заключая с субъектами Интернет-рынка административные договоры о принципах деятельности в Интернете в целях снижения уровня правонарушений в сфере авторских прав, а без эффективного взаимодействия государства и бизнеса в данной сфере защита авторских прав останется проблематичной.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Алисова Е.В.* Актуальные проблемы защиты авторского права в сети Internet // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 7. С. 54-61.

[2] *Иванова Е.П.* Серго А.Г. Борьба с пиратством в сети Интернет // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 3. С. 178-193.

[3] *Власти обсуждают введение штрафов за нелегальное скачивание российских фильмов* // RamblerNewsService. 2017. URL: <https://rns.online/internet/Vlasti-obsuzhdayut-vvedenie-shtrafov-zanelegalnoe-skachivanie-rossiiskih-filmov-2016-10-03/> (дата обращения: 25.11.2017).

[4] *Элио де Тульо.* Сотрудничество между информационными посредниками и правообладателями для защиты интеллектуальной собственности в Интернете // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2015. № 7. С. 55-60.

[5] *Кучмистый В.В.* Защита прав авторов кинопродукции // TheWallMagazine. 2016. URL: <http://thewallmagazine.ru/the-protect-of-the-rights-of-authors> (дата обращения: 25.11.2017).

РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ИНФОРМАЦИОННЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

Лавелина Влада Сергеевна

Финансовый университет при Правительстве РФ

Юридический факультет

Ленинградский проспект, 49, 125993

vlada.lavelina@yandex.ru

Научный руководитель: А.В. Остроушко доцент Департамента
ПРЭД, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются проблемы уголовно-правового противодействия информационным преступлениям. Проанализировано современное российское и зарубежное законодательство и предложены пути разрешения возникающих правовых вопросов.

Ключевые слова: информационные преступления, уголовное право, терроризм, экстремизм, угрозы в информационной сфере.

XXI век – время активного развития технологий и формирования нового информационного пространства, на что особое воздействие оказало развитие сети «Интернет». Инновации в социальной сфере представляют собой базу новых видов правоотношений между физическими и юридическими лицами. Учитывая психологические особенности личности, как отдельного звена общества, закономерным является появление индивидов с делинквентным поведением, нарушающих установленные порядки. Следовательно, должны появляться изменения в законодательстве, признающие такое поведение неправомерным и устанавливающие нормы для привлечения лиц к ответственности.

Современное государство и общество все больше сталкивается с преступлениями в Интернет-пространстве, мировая практика их называет киберпреступлениями, однако, пользуясь идеологией российского законодателя, в нашей стране наиболее

правильно говорить об «информационных преступлениях». Сеть «Интернет» представляет собой виртуальное пространство, которое воздействует на жизнь каждой личности в современности, создавая как положительные, так и отрицательные последствия.

Исходя из данных международной службы по обеспечению безопасности в области «киберугроз» Symantec Security, каждый год в мире совершается около 556 миллионов преступлений в сфере информации, ущерб от них приравнивается к 100 млрд. долларам США. Сложность таких преступлений заключается в том, что они несут транснациональный характер, то есть регулирование их только на территории одной страны невозможно. В 2005 году была ратифицирована Конвенция Совета Европы о киберпреступности (Распоряжение "О подписании Конвенции о киберпреступности" от 15 ноября 2005 года, подписанное В.В. Путиным), но в 2008 году из-за положений пункта «b» статьи 32 распоряжение «О подписании Конвенции о киберпреступности» от 15 ноября 2005 г. утратило силу.

По данным исследователя Д.Н. Карповой в списке стран с высоким уровнем совершаемых преступлений в сети «Интернет» Россия занимала 1 место (на 2014 год), также наша страна относилась к группе наименее защищенных государств от угроз в сфере информации [2. С. 46-50]. Об этом свидетельствует тот факт, что в российское законодательство изменения вносятся после появления проблемы в информационной сфере, то есть не предотвращает ее заранее. Примером чему являются статьи 110.1, 110.2, внесенные в Уголовный кодекс РФ Ф3 от 07.06. 2017 №120-ФЗ, предотвращающие возможность распространять информацию о способах совершения самоубийства или призывы к совершению самоубийства, которые были внесены после весеннего «бума», связанного с появлением в сети Интернет групп «Синий кит» [3. С. 48-57].

Проанализировав статьи Уголовного Кодекса, мы пришли к выводу, что значительное количество информационных преступлений в нем отсутствуют, по сравнению с мерами, рекомендованными для национального законодательства Европейской Конвенцией по киберпреступлениям. Следовательно, по сути своей, преступные деяния индивидов остаются порой безнаказанными. Действующий Уголовный кодекс включает в себя

главу «Преступления в сфере компьютерной информации», которая объединяет статьи о неправомерном доступе к компьютерной информации, создании, использовании и распространении вредоносных компьютерных программ, и нарушении правил эксплуатации, средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации, информационно-телекоммуникационных сетей. Вне этой главы также можно столкнуться с нормами, предусматривающими ответственность за деяния в сети «Интернет»: например, «Мошенничество в сфере компьютерной информации» и т.д. [1].

В современном мире законодателю необходимо прогнозировать возможные проблемы до их появления, так как некоторые из них представляют собой особую опасность для общества. Устрашающим является факт проникновения терроризма в интернет среду, который до сих пор не регулируется нормами российского уголовного права, это является существенным пробелом в законодательстве, регулирующем правоотношения в сфере информации. Исследователи выделяют четыре основных типа интернет-контента террористической направленности: 1 – противники: их запугивают, деморализовывают; 2 – международная общественность: у которой формируют мнение о террористической деятельности; 3 – сочувствующие: которых агитируют, вербуют, подготавливают к активным действиям и 4 – активные члены: с которыми осуществляют связь посредством интернета. Похожие деяния производят индивиды с целью совершения действий экстремистской направленности [4. С. 30-36]. Соответственно, в законе нет прямого указания на то, какие санкции грозят личностям, нарушающим общественную безопасность таким образом.

По нашему мнению, современное российское законодательство не может противодействовать информационным преступлениям в полном объеме. Право должно не только решать уже существующие проблемы, но и нести превентивную функцию. Для выявления возможных преступлений необходим анализ регулирования существующих преступлений в иностранных государствах: США, Германия и т.д. Также для создания эффективной базы правового регулирования преступлений в сфере информации необходимо учитывать мнения специалистов в данной области, так как она специфична и непростая. В РФ 5 декабря 2016

года была принята Доктрина информационной безопасности, утвержденная Указом Президента РФ, №646, в которой четко указывается рост компьютерных преступлений. Из чего следует, что проблеме уделяется внимание, но пассивное [5. С. 164-171]. Необходимо на основе вышеперечисленных методов вносить изменения в Уголовное законодательство, проводя при этом социальную анти-рекламу, тем самым оповещая граждан о существующих преступлениях и защищая от возможных покушений.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ // "Собрание законодательства РФ", 17.06.1996, N 25, ст. 2954

[2] *Д.Н. Карнова* Киберпреступность: глобальная проблема и ее решение // Власть: государство и право. Юридические науки, 2014. С. – 46-50

[3] *Л.А. Букалерева, В.С. Лавелина, А.В. Остроушко* Правовые, организационные, технические меры противодействия призывам к самоубийствам несовершеннолетних в сети «Интернет» // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата №3 (46), 2017. С. – 48-57

[4] *Т.В. Жаворонкова* Использование сети интернет террористическими и экстремистскими организациями // Вестник Оренбургского государственного университета, 2015. С. 30-36

[5] *Э.Н. Харина* Киберпреступления: уголовно-правовой и криминалистический аспект // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина: государство и право. Юридические науки, 2017. С. – 164-171

[6] Управление «К» МВД России // официальный сайт МВД России // URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Upravlenija/Upravlenie_K_MVD_Rossii

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ БОЛЬШИХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИХ ДАННЫХ

Мамонтова Маргарита Юрьевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Юридический факультет

ул. Ленинские Горы, 1, к. 13-14, Москва, 119234

ritamamontova28@yandex.com

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы определения больших пользовательских данных, их отличие от персональных данных, сферы применения и особенности правового регулирования.

Ключевые слова: информационное право, современные технологии, Big Data, большие пользовательские данные, юриспруденция.

«Большие Данные — быть одновременно в разных местах, собирать по частям цельную систему, видеть больше, чем это когда-либо представлялось возможным»

Двадцатое столетие – это век удивительных открытий и великих свершений, в том числе и появление первого персонального компьютера в далеком 1969 году, первых пользователей в конце 1980-тых годов и первого сайта в 1991 году. За такой большой срок в интернете появилось колоссальное количество данных, именуемых Big Data.

Данный термин впервые получил широкое распространение в среде журналистов. Сейчас он активно используется в различных сферах, однако точного (легального) определения Big Data до сих пор не существует.

Актуальных дефиниций на сегодняшний момент представлено большое количество, но наиболее правильным с точки зрения применения, в том числе и право применения, будут представлены ниже.

1. Дословный перевод – «Большие данные» говорит о наличии огромного массива информации, которую при этом нельзя

оценить отдельно, нельзя разложить на файлы, гигабайты и т.д., что в итоге и составляет единое целое, называемое Big Data.

2. Серия подходов, инструментов и методов обработки, структурированных и неструктурированных данных огромных объёмов и значительного многообразия для получения воспринимаемых человеком результатов, эффективных в условиях непрерывного прироста, распределения по многочисленным узлам вычислительной сети [1].

3. Это данные, собираемые в сети различными сервисами, устройствами и приложениями о поведении пользователей, понимаемых как пользовательские профили.

По мнению главы Роскомнадзора, к этой категории данных можно отнести практически всю информация о геолокации, биометрии, а также о пользовательском поведении на различных сайтах [2].

Большие пользовательские данные стоит отличать от персональных данных, которые не только регулируются на законодательном уровне, но и имеют правовое определение, которое соотносится с определением Big Data как общее и частное. Согласно Федеральному закону от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 29.07.2017) "О персональных данных" персональные данные - любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что существует ряд принципиально важных отличий, которые ограничивают предложенные для анализа институты.

- Первым отличием выступает субъектный состав: если персональные данные имеют конкретного субъекта регулирования, то Big Data – это совокупность обезличенных данных.

- Второе отличие выражается в том, что персональные данные собираются с согласия самого носителя персональных данных, который выражает волю на их обработку.

- Обработкой персональных данных занимается определённый субъект – оператор данных, в то время, как обрабатывать большие данные могут крупные компании, которые осуществляют свою деятельность в различных сферах.

Таким образом, персональные данные и большие пользовательские данные не стоит ставить в ряд синонимичных понятий, на основе тех различий, которые приведены выше.

Основные вопросы, которые возникают при определении регулирования больших пользовательских данных, ставятся в рамках юриспруденции довольно остро. Вот некоторые из них: необходимость правового регулирования данного вопроса в целом, защита от возможности неправомерного использования; необходимость введения отдельного пользовательского соглашения по вопросам обработки Big Data. На все эти вопросы будут даны ответы в рамках дальнейшего анализа поставленной проблемы.

В юридической среде на протяжении уже нескольких лет ведётся дискуссия по вопросу правового регулирования больших пользовательских данных, в том числе и создание отдельного федерального закона. Попытки для принятия такого закона были предприняты ФРИИ (Фондом развития интернет-инициатив), Министерством связи, а также идеи о создании не раз высказывались главой Роскомнадзора Алексея Жарова. Однако до сих пор мы не видим никаких законодательных нововведений и изменений, касающихся больших пользовательских данных.

Специалистами в области IT и юриспруденции выделяется ряд проблем, от решения которых зависит качество и эффективность регулирования данного института.

- Необходимо определить наиболее важные характеристики Big Data. Для этого необходимо сотрудничество юристов и специалистов в области IT, а также привлечение руководителей крупных компаний в области информационных технологий и телекоммуникационных связей.

- Необходимо определить сферу регулирования данного закона, круг субъектов, на которых он будет распространяться.

- Определить возможность использования, продажи и обработки этих данных для коммерческих целей. Ответственность за неправомерное использование Big Data; вид и степень ответственности.

- Разработка типового пользовательского соглашения, некоего стандарта/рекомендации по вопросу использования

пользовательских данных. Определить перечень целей и степень важности этих данных.

Федеральное регулирование данного вопроса стоит довольно остро, что делает его актуальным и первостепенным для решения. Причиной такого внимания к данному вопросу вызван не только развитием информационных технологий и повсеместном использовании Big Data уже сейчас, но и возможными рисками, которые уже видны в деятельности некоторых крупных компаний. Данные риски были отмечены IT специалистами еще в 2015 году.

Основными рисками на сегодняшний момент выступают:

- *Потеря конфиденциальности*

Если раньше кибератакам подвергались в основном единичные пользователи или компании, то сейчас, взломов сервера одной компании, вы можете похитить данные сотни миллионов людей. Не стоит забывать и о появлении такой услуги, как «облака сторонних лиц», где данные пользователей одной компании хранятся в специально нанятой другой компании.

- *Риск мошенничества*

Большие данные имеют не только положительные аспекты. Мошенничество в сфере больших данных получает широкое развитие во всем мире. Данные могут подделываться, искусственно генерироваться, а затем продаваться крупным компаниям по заоблачным ценам.

Таким образом, исходя из вышесказанного, хотелось бы отметить, что большие пользовательские данные – динамично развивающийся институт, цель и задачи которого для крупных компаний невозможно переоценить. Собирая большие пользовательские данные, они проводят анализ поведения, предпочтений в обществе. Однако Big Bata это не только использование информации для изучения и прогнозирования, но и способ манипуляции обществом, так как здесь выступает правило, «кто владеет информацией - тот владеет миром».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Большие данные. [Электронный ресурс] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Большие_данные (Дата обращения: 20.11.2017)

[2] Большие пользовательские данные [Электронный ресурс] URL: http://project.lektorium.tv/big_personal_data (Дата обращения 23.11.2017)

[3] «Закон о big data позволит россиянам запретить сбор данных о себе». [Электронный ресурс] URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/27/03/2017/58d551429a794719618a4245 (Дата обращения 21.11.2017)

[4] Big Data от А до Я. [Электронный ресурс] URL: <https://habrahabr.ru/company/dca/blog/267361/> (Дата обращения: 20.11.2017)

[5] Big Data — что такое системы больших данных? [Электронный ресурс] URL: <https://promdevelop.ru/big-data/> (Дата обращения 21.11.2017)

[6] Data россиян в интернете должны быть признаны собственностью государства. [Электронный ресурс] URL: <https://roem.ru/30-11-2016/237298/big-data-rossiyan/> (Дата обращения: 21.11.2017).

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ТАЙНУ ПЕРЕПИСКИ В ЭЛЕКТРОННЫХ ПОЧТОВЫХ СЕРВИСАХ

Михайлова Екатерина Сергеевна

Российский университет дружбы народов

Юридический институт

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

katya19982013@yandex.ru

*Научный руководитель: С.Б. Зинковский, к.ю.н., доцент
кафедры теории права и государства РУДН*

В статье рассматриваются препятствия для свободной реализации права на тайну на переписку. Проанализирована позиция судов по делам, связанным с перепиской по электронной почте, дана характеристика данной проблемы по реализации тайны переписки и определен возможный вариант её решения.

Ключевые слова: тайна переписки, электронный почтовый сервис, обладатель информации, политика конфиденциальности.

С развитием информационных технологий возникают проблемы с обеспечением конституционных прав и свобод человека и гражданина. В статье рассмотрен вопрос ограничения права на тайну переписки при использовании электронного почтового адреса на публичных почтовых сервисах, где каждый желающий может, заполнив несложную форму, получить в пользование адрес электронной почты.

Проблема реализации тайны электронной переписки начинается с определения собственника информации, которая передается через почтовый сервис. Постановление Конституционного Суда РФ по делу Александра Сушкова провозгласило собственником электронным писем почтовый сервис, в данном случае "Мэйл.ру"[2]. Доводы заявителя о «Мэйл.ру» как о представителе услуг связи были отклонены из-за содержания пользовательского соглашения между «Мэйл.ру» и клиентом: компания «может как ограничить, так и разрешить доступ к сведениям, содержащимся в электронных почтовых ящиках абонентов, что свидетельствует о разглашении

конфиденциальной информации третьему лицу». Конституционный Суд данным постановлением закрепил толкование нормы статьи 2 ФЗ «Об информации», обратив внимание на договор как основание получения права на владение информацией [1].

Широко известно дело компании «Google Inc.» и Антона Буркова. Он обсуждал в личной переписке через сервис Gmail предстоящую поездку в Страсбург; через некоторое время в окне контекстной рекламы ему стали предлагаться авиабилеты в этот город. Он отсудил у корпорации 50000 рублей, доказав, что она имела доступ к его личным перепискам, так как через их анализ она составляла контекстную рекламу [4]. Аргументация «Google Inc.» строилась на тексте Пользовательского соглашения, которое клиент принимает добровольно при регистрации на почтовом сервисе. Стоит заметить, что если он откажется от его условий, то в регистрации будет отказано [5]. Таким образом, «Google Inc.» заставляет пользователей принять такие условия, которые не всегда соответствует их интересам.

В законодательстве ограничения на тайну переписки с помощью электронной почты были закреплены еще в 2014 году в ФЗ «Об информации». Документ послужил основой создания Реестра распространителей информации, куда вошли помимо крупных почтовых сервисов, таких как «Яндекс», «Мэйл.ру», «Рамблер», любые сайты, на которых люди могли бы передавать друг другу информацию [3]. Цель Реестра – обязать сервисы, сайты, мессенджеры хранить данные о передачи информации и предоставлять их спецслужбам по требованию. В 2018 году планируется внесение изменений в ФЗ, которые определяют срок хранения информации о факте передачи сообщений 12 месяцев, а самих сообщений – 6 месяцев.

Google с сервисом электронной почты не внесен в данный реестр, однако продолжает свободно работать на территории страны. Видится, что отсутствие принуждения подачи данных в Реестр содержится в Политики конфиденциальности компании. Личная электронная почта не защищена ей, а категория информации, для предоставления которой третьим лицам нужно согласие пользователя, ограничена только вопросами расы, религии и здоровья.

Итак, реализация права на тайну переписки имеет множество препятствий, начинающихся с уровня Федерального законодательства. Закон позволяет сервисам электронной почты заключать такие договоры с пользователями, которые ограничивают их конституционное право на тайну переписки, и в случае непринятия подобного соглашения им будет отказано в предоставлении услуг связи. В связи с этим решение проблем при реализации права на тайну переписки по электронной почте следует начать с изменения правоприменительной практики судов и толкования статьи 2 ФЗ «Об информации», на основании которой обладателем информации признается в большей мере то лицо, которое её передало, а не то, которое её создало.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1]. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 29.07.2017) "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.11.2017) [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (Дата обращения: 20.11.2016)

[2]. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.10.2017 N 25-П "По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" в связи с жалобой гражданина А.И. Сушкова" [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_281568/ (Дата обращения: 20.11.2016)

[3]. Реестр организаторов распространителей информации в сети «Интернет» [Электронный ресурс] URL: <http://97-fz.rkn.gov.ru/> (Дата обращения: 20.11.2016)

[4]. Россиянин отсудил у Google 50 тыс. руб. за нарушение тайны переписки» [Электронный ресурс] URL: http://www.rbc.ru/technology_and_media/16/09/2015/55f967169a7947dfc3bac1b9 (Дата обращения: 20.11.2016)

[5]. Условия использования Google [Электронный ресурс]
<https://www.google.ru/intl/ru/policies/terms/regional.html> URL:
обращения: 20.11.2016) (Дата

**НАСКОЛЬКО РЕАЛЬНА
«ВИРТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ»: КРИТИКА
ВЕЩНО-ПРАВОВОГО ПОДХОДА**

Монченко Ольга Владимировна
РАНХиГС при Президенте РФ
Юридический факультет им. М.М. Сперанского
Проспект Вернадского, д. 84, Москва, Россия, 119571
omonchenko@gmail.com

Научный руководитель: Ш.Ш. Узденов, к.ю.н, заведующий
кафедрой финансового и банковского права ИПНБ РАНХиГС
при Президенте РФ

В статье рассматривается понятие «виртуальная собственность»: приводятся и критически осмысливаются точки зрения, высказываемые в зарубежной литературе относительно проблемы ее квалификации. Анализируется применимость вещно-правового подхода в современной России.

Ключевые слова: виртуальная собственность, вещное право, владение.

В XXI веке информационные технологии привели к созданию иной, т.н. «киберреальности», которая, однако, не так уж и отделена от привычной нам первой – человеческой. Так, в 2005 году суд Китая рассматривал дело об убийстве по мотивам кражи меча из виртуальной компьютерной игры, который жертва преступления продала за 850 долларов [1].

Единого подхода ни в российской, ни в зарубежной науке к определению понятия «виртуальная собственность» не существует. В целом можно выделить три основных точки зрения относительно наиболее верного правового регулирования «виртуальной собственности»:

- применение норм вещного права;
- применение норм договорного права;
- применение права интеллектуальной собственности.

Сложность выбора единого подхода обуславливается тем фактором, что в конечном итоге он должен удовлетворять всех участников процесса, задействованных в создании, реализации и использовании «виртуальной собственности»: разработчика, распространителя и конечного пользователя.

Отдельно следует акцентировать внимание на точке зрения, согласно которой к «виртуальной собственности» должны применяться нормы вещного права: сам применяемый для обозначения подобных «объектов» термин подталкивает нас к этому.

Необходимо отметить, что в зарубежной литературе не существует единства терминологии: есть подход, согласно которому термин «виртуальная собственность» является некорректным, предлагается его замена термином «виртуальные ресурсы» [2]. Ресурсы принимают различные формы: деньги, материал, обязательства и т.д. Персонажи, дома из виртуальной реальности и т.д., по мнению авторов, также подпадают под это понятие. Впрочем, на взгляд автора настоящей статьи, терминологические разногласия не имеют значения до того момента, пока не будет определена сущность явления. **Механическое, искусственное отнесение тех или иных предметов к одному понятию, без выделения отличительных признаков, недопустимо.**

Существует целая система аргументации, обосновывающая необходимость признания статуса вещи за объектами «виртуальной собственности». Так, многие авторы обращаются к трудовой теории: пользователи должны получать права на «virtual resources» на которые они тратят свое время, деньги и усилия [3]. Вторым аргументом состоит в том, что признание за «виртуальной собственностью» статуса вещи будет способствовать защите прав «обладателей» этих объектов, например, в случае кражи. Наконец, авторы апеллируют к критерию «полезности» для развития рынка этих «объектов».

Другие авторы обосновывают необходимость квалификации «виртуальной собственности» именно как вещи с точки зрения целой системы признаков:

- Объектом «виртуальной собственности» можно владеть, отстраняя от владения других лиц;

- Объективность существования;

- Вновь созданный «объект» может находиться во взаимодействии с другими объектами [4].

На наш взгляд, указанные признаки являются небесспорными. Прежде всего, такой подход перевернет всю систему вещных прав. Так, например, как указывает в своем фундаментальном труде К.И. Скловский, «согласно классическим взглядам владение определяется как достаточно длительное, укрепившееся, обеспеченное от постороннего вмешательства физическое, реальное господство над вещью, в единстве *corpus* и *animus*, т.е. фактического господства, соединенного с намерением владеть». **Фактическое господство, в свою очередь, не может быть осуществлено в отношении не существующих в реальном мире объектов.** Более того, признание за абстрактной «виртуальной собственностью» статус вещи, мы не сможем добиться того, к чему стремимся посредством такого признания: к защите владельца, ибо владельческая защита в российском гражданском праве является слабой и ограниченной [5].

Примечательно, что в отношении объектов интеллектуальной собственности также высказывались подобные замечания: «Произведение, как нематериальный объект, в отличие от материальной вещи не ограничено в пространстве. Следовательно, в отношении него не может существовать право владения, так как невозможно осуществить физическое господство над чем-то нематериальным» [6].

Не существует в иностранной литературе также единства относительно круга «объектов», в котором указанный термин будет применим: исключительно к предметам из виртуальных игр или также URL, Email адреса, онлайн-аккаунты, т.н. «chat rooms» и т.д.

На наш взгляд, термин «виртуальная собственность» должен применяться с значительной долей условности. Будь то электронный почтовый адрес, аккаунт на facebook.com или меч стоимостью 850 долларов - за всем этим стоит всего лишь цифровой код. Предоставленная каждому пользователю возможность ограничить определенную долю пространства (создать свой электронный почтовый адрес и установить пароль для входа в него, создать онлайн-аккаунт или даже изобрести новый

предмет в игре, который будет «принадлежать» одному игроку) – это всего лишь возможность создать, идентифицировать и ограничить использование определенного участка кода, который, в то же время, не может существовать в отрыве от целой системы (создать почту на сервисе google без существования самого сервиса, объективно, не было бы возможным).

С указанной точки зрения наиболее близким автору представляется следующее определение «виртуальной собственности»: **virtual property is persistent computer code stored on a remote service, where one or more persons are granted certain powers to control the computer code, to the exclusion of all other people** [7].

Развитие современных информационных технологий приводит к необходимости разрабатывать особую систему правового регулирования, но не через систему вещных прав. На настоящий момент наиболее верным вариантом представляется адаптация и применение права интеллектуальной собственности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Дело описывается в статье Савельев А.И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 127 - 150.

[2] *Nelson, John William*, The Virtual Property Problem: What Property Rights in Virtual Resources Might Look Like, How They Might Work, and Why They are a Bad Idea (September 6, 2009). *McGeorge Law Review*, Vol. 41, 2010. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1805853> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1805853>.

[3] *Christopher J. Cifrino*, Virtual Property, Virtual Rights: Why Contract Law, Not Property Law, Must be the Governing Paradigm in the Law of Virtual Worlds, 55 *B.C.L. Rev.* 235 (2014), <http://lawdigitalcommons.bc.edu/bclr/vol55/iss1/7>

[4] *Joshua A.T. Fairfield*, Virtual Property, 85 *Boston U. L. Rev.* 1017 (2009)

[5] *Скловский К.И.* Собственность в гражданском праве. 5-е изд, перераб. – М.: Статут, 2010. – с. 553.

[6] Право собственности: актуальные проблемы / Отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров. Институт законодательства и сравнительного правоведения. – М., Статут, 2008. – с. 211. Автор главы – Е.А. Павлова.

[7] *Charles Blazer*, Th Five Indicia of Virtual Property, 5 *Pierce L. Rev.* 137 (2006), available at http://scholars.unh.edu/unh_lr/vol5/iss1/8

ВОПРОСЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ И ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ И ОРГАНИЗАЦИЙ ПРОКУРАТУРЫ В РФ

Павленко Максим Сергеевич

Российский государственный гуманитарный университет
Институт экономики, управления и права
ул. Чаянова д. 15, Москва, Россия, 125047
prokion999@mail.ru

Научный руководитель: Я.В. Жданова, к.ю.н., доцент
кафедры уголовного права и процесса РГГУ

В статье рассматриваются перспективы, цели и задачи цифровой трансформации органов прокуратуры РФ, создание государственных информационных систем и необходимость внедрения информационных технологий в деятельность прокуратуры. Проанализированы положения Концепции цифровой трансформации органов прокуратуры РФ до 2025 года и представлены положительные и отрицательные аспекты такого перехода.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровая трансформация, информационные технологии, информатизация, автоматизированные системы, высокотехнологичный надзор.

Сегодня в мире активно обсуждаются вопросы технонаучного совершенствования и внедрения информационных технологий в разные сферы деятельности общества и государства. Также Президент РФ в рамках обращения к Федеральному собранию предложил запустить системную программу развития экономики обновленного технологического поколения, другими словами, запустить цифровую экономику. При этом необходимыми задачами назывались снятие всех административных и правовых барьеров, препятствующих формированию и развитию экономики, в том числе созданию высокотехнологических рынков [8]. Термин цифровая экономика был внедрен в 1995 году американским

информатиком Николасом Неграпонте [9]. Сейчас этим термином пользуются во всем мире не только информатики, но и политики, журналисты, государственные служащие.

Важно отметить, что в соответствии с государственной политикой по созданию необходимых условий для развития и формирования цифровой экономики в РФ параллельно будет осуществляться и цифровая трансформация органов прокуратуры, поэтому приказом Генерального прокурора была принята Концепция цифровой трансформации органов прокуратуры до 2025 года. [6, С. 1]. Уже давно функционируют государственные и информационные системы, непосредственно связанные с органами прокуратуры, но большинство эксплуатируемых ведомственных систем созданы более 10 лет назад, поэтому либо устарели и не соответствуют темпам развития, либо созданы на базе импортных технологий отличных друг от друга. [6, С. 7-8]. Также неоднократно обращалось внимание на то, что текущий порядок сбора статистической информации на федеральном уровне не представляет возможным получение данных о состоянии преступности в регионах и районах. При этом, действующие методы связаны со значительными затратами и не гарантируют достоверности запрошенных данных. [3, С. 14]. В частности, вопиющий случай произошел в Ставропольском крае, где в результате отсутствия должного контроля со стороны прокуратуры края в 2013 году в статистическую отчетность необоснованно включены преступления, уголовные дела о которых возбуждены еще в 1990-х годах. [3, С. 25]. Отсутствие единой концепции негативно сказывалось на эффективности и совершенствовании деятельности прокуратуры по обеспечению верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Также, несмотря на всеобъемлющие исследования прокурорского надзора и количество издаваемой правовой литературы, вопросы, связанные с информационно-аналитической работой прокуратуры именно городского и районного звена [2, С. 7], равно-таки создания единых каналов ускоренного взаимодействия, не нашли всестороннего освещения. Это привело к тому, что сегодня существует практика децентрализованного управления в сфере информатизации органов прокуратуры, а также

отсутствие единых стандартов эксплуатации информационных ресурсов и систем. Так, поэтапно была введена в действие Информационная система обеспечения надзора за исполнением законов в соответствии с приказом Генерального прокурора от 18.11.2004 [7], которая представляет собой ведомственную инфраструктуру, обеспечивающую функционирование автоматизированных информационных систем, но согласно статистическим данным на 2017 год пользователями указанных ведомственных информационных систем являются 1,7 тыс. работников, что составляет примерно 4,0 % от штатной численности прокуратуры. Это явно недостаточно для правильного и качественного функционирования органов прокуратуры, и лишь свидетельствует о том, что поставленные задачи не были достигнуты. Вследствие чего, Концепцией были поставлены цели реализации единого взаимодействия уже существующих и разрабатываемых информационных систем прокуратуры с единым хранилищем данных, развития устойчивого, бесперебойного, а главное безопасного взаимодействия как разных уровней органов прокуратур между собой, так и органов прокуратур с гражданами, организациями, органами государственной власти и местного самоуправления. Для воплощения поставленных целей будут разработаны программы повышения квалификации, переподготовки кадров с учетом требований цифровой экономики, и будет осуществляться постепенная переподготовка сотрудников органов прокуратуры [6, С. 14]. Согласно позиции, озвученной Я.Ю. Чайкой на совещании Генеральной прокуратуры и Минкомсвязи 6 октября 2017 года поставлены задачи внедрения безбумажного документооборота при разрешении электронных обращений граждан, внедрение технологий, позволяющих использовать электронную подпись в делопроизводстве. При этом, начальник управления взаимодействия со СМИ Генпрокуратуры А.И. Куренной заявил о возможности в будущем полного перехода к электронным обращениям.

С моей точки зрения, информационная революция в деятельности прокуратуры является необходимой, и оправданной, но трудно выполнимой в силу объективных причин, поскольку имеются граждане, которые не в состоянии направлять электронные обращения в силу возраста, состояния здоровья,

информационной неграмотности. Говоря же о переходе на полностью безбумажный документооборот, нужно сказать, что резкий переход не возможен. Одним из главных путей в этом случае будет реформирование информационного обеспечения органов отечественной прокуратуры, которая заключается в профессиональной оптимизации потоков данных и придании этому процессу максимальной оперативности и согласованности, позволяющей поэтапное внедрение новых информационных технологий. [1, С. 300].

Обратной стороной цифровой трансформации органов прокуратуры являются определенные риски, связанные с киберугрозами и сбоями в программном обеспечении, которые способны парализовать деятельность прокуратуры. В связи с этим, необходима высокая устойчивость всех элементов инфраструктуры, ведомственных систем. Кроме этого, новый подход к обработке и систематизации информации в деятельности прокуратуры может изменить кадровую политику, ибо может привести к сокращению штата и к увольнению многих возрастных сотрудников. При этом в погоне за современными технологиями прокуратура может лишиться профессиональных кадров, обеспечивающих эффективную работу прокуратуры.

Несмотря на вышеуказанные трудности и опасения, идея трансформации деятельности прокуратуры при сложившейся политической, экономической обстановке кажется единственно верным, революционным решением. Оно должно привести к улучшению эффективности работы прокуратуры, к получению доступа к необходимой информации граждан и повышению прозрачности работы [5,113], упрощению системы делопроизводства, повышению оперативности сотрудников прокуратуры. Более того, работа с данными при использовании автоматизированных систем сократит время поиска информации и позволит ускорить подготовку процессуальных документов. Необходимо отметить и то, что в будущем утвержденная и реализованная Концепция поможет скоординировать процесс информатизации органов прокуратуры РФ с аналогичными процессами других органов всех ветвей государственной власти.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Бессарабов В.Г.* Прокуратура в системе государственного контроля Российской Федерации: дис. ... докт. юрид. наук. - М., 2001. - С. 300.

[2] *Ивлев А.Ф., Потапова И. И., Сугаипова Э.А., Елисеева Ю.А.* Информационные технологии в организации прокурорского надзора // Вестник Российской академии естественных наук, 2015, № 19(1). С. 7–12.

[3] *Инсаров О.А.* «Актуальные проблемы внедрения ГАС правовой статистики в органах прокуратуры РФ». Сборник информационно-аналитических материалов и выступлений (под общ. ред. Буксмана А.Э.). - М.: 2014. – 271 с.

[4] *Паламарчук С.А.* Совершенствование конституционно-правового регулирования права на информацию в сети интернет // Северокавказский юридический вестник. – 2015, №4. С.-108-114.

[5] Приказ Генпрокуратуры России от 14.09.2017 № 627 "Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года"// СПС «КонсультантПлюс».

[6] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 18.11.2004 № 25-10 «О создании информационной системы органов прокуратуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[7] Послание Президента России Федеральному собранию Российской Федерации // Президент России. Официальный сайт. – 2016, 12 янв. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/copy/53379> (дата обращения: 07.11.2017).

[8] *Negroponte N.* Being Digital / N. Negroponte. – NY: Knopf, 1995. – 256 p.

ЭЛЕКТРОННАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ СЕРБИЯ

Покраяц Радмила

Российский университет дружбы народов
Юридический институт
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
pokrayats_r@pfur.ru

Научный руководитель: М.А. Штатина, к.ю.н., доцент кафедры
административного и финансового права РУДН

В статье представлены общие характеристики электронной администрации (е-управа), правовая основа функционирования и развитие данного сервиса с начала его работы в 2007 году в республике Сербия. Также представлен краткий обзор нормативных правовых актов, в области электронного правительства.

Ключевые слова: электронное правительство, электронные услуги, электронное управление, Сербия.

Электронное правительство подразумевает способ организации государственного сектора в целях повышения эффективности, прозрачности, облегчения доступа и удовлетворения запросов граждан, интенсивного и стратегического применения информационных и коммуникационных технологий в государственном секторе. Можно сказать, что электронное правительство является онлайн-обменом информацией и предоставлением услуг гражданам, юридическим лицам и другим организациям или агентствам [1.С.428].

Существует связь между электронной торговлей и электронным правительством в контексте того, что электронная администрация подразумевает форму бизнеса в области электронных услуг и относится к предоставлению электронных услуг различным целевым группам общественности.

Сервис электронного правительства направлен на обеспечение более простого, более дешевого и прозрачного

взаимодействия между правительством и гражданами, правительством и компаниями, а также самими государственными органами.

Концепция электронного правительства относится к трем основным целевым группам: администрации или администрации, деловому сектору и гражданам, которые включают в себя три наиболее важные модели электронного правительства: G2G (правительство правительству), G2B (правительство бизнесу) и G2C (правительство гражданину) [2].

Развитие электронного управления в дополнение к развитию информационной инфраструктуры и профессиональной подготовке персонала требует изменения правовой базы, регулирующей деятельность административного права. А именно, весь комплекс правовых норм, который в XX веке регулировал управление администрацией, административный порядок, служебные операции, работу и общение со сторонами, а также документацию в Сербии, основывается на письменной форме документа на бумаге, на личной подписи, печать и сухие штампы, на личную доставку почтовых писем и материалов и т. д. В таких правовых условиях электронное управление и, в частности, электронные административные услуги являются юридически необоснованными. Поэтому электронное управление требует принятия новых законов и других нормативных актов, которые гарантируют законность и юридическую силу электронных документов, проверку электронного документа, включая электронную подпись, а также электронную связь и электронную доставку [3.С.4].

За последние несколько лет административные органы в Республике Сербия осуществили значительную модернизацию информационных ресурсов, что в первую очередь связано с внутренними операциями в форме ИТ-поддержки рабочих процессов и электронных баз данных. Вот некоторые из важных примеров: электронная система создания и выдачи персональных карт и биометрических паспортов, уникальные электронные записи сертификаты, а также онлайн - бизнеса Правительства автономного края Воеводина «e-documentus» [4. ст.5].

На данный момент основными актами, содержащими нормы регулирования работы электронного правительства, являются:

Закон об электронной подписи и подзаконные акты на основе данного Закона, Закон о свободном доступе к общественной информации, Закон о регистрации хозяйствующих субъектов в 2004 году, Закон об организации и юрисдикции государственных органов по борьбе с киберпреступлениями, Уголовный кодекс, с Закон об информационной системе Республики Сербия, Закон об электронных документах.

Национальное собрание приняло закон об электронных документах только в 2009 году. Этот закон регулирует условия и порядок обращения с электронными документами в юридических сделках, административных, судебных и других процедурах, а также права, обязанности и ответственность компаний и других юридических лиц, предпринимателей, физических лиц, органов государственной власти, территориальной автономии и местных органов власти и в отношении этого документа.

Закон содержит понятие электронного документа. Согласно статье 1 электронный документ - это набор данных, состоящий из букв, цифр, символов, графики, аудио и видео, какого-либо акта, который сформирован в электронном виде, в цифровой форме, хранится в архиве или на электронных, магнитных, оптических или других носителях [6].

Вторым по важности законом, регулирующим электронное управление, является Закон об электронной подписи [7. ст.1]. Настоящий Закон регулирует использование электронных подписей в правовых сделках и иных юридических действиях, операциях, а также права, обязанности и ответственность, связанные с электронными сертификатами. Закон определяет понятие электронной подписи и квалифицированной электронной подписи. Электронная подпись представляет собой набор данных в электронной форме, которые прилагаются или логически связаны с электронным документом и служат для идентификации подписавших.

К сожалению, внешний аспект электронного правительства все еще недостаточно развит в Республике Сербия из-за, с одной стороны, отсталости информационного общества в стране, а с другой стороны, из-за задержки в адаптации администрации к новым возможностям, что отчасти объясняется скромными бюджетными ресурсами. Важным шагом в развитии электронного

правительства в Республике Сербии является создание проекта закона «Об электронном правительстве», который по состоянию на ноябрь 2017 рассматривается в Народной Скупштине республики Сербия и должен вступить в силу в начале 2018 годах [8].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *M.M. Brown*, "Electronic government", in *Encyclopedia of Public Administration and Public Policy*, Marcel Dekker, 2003, pp.427-443

[2] E-Government Benchmarking Reports URL:
http://ec.europa.eu/information_society/eeurope/i2010/benchmarking/index_en.html

[3] *N. Veljković, S. Bogdanović-Dinić, L. Stoimenov*, "Od E-uprave 1.0 do otvorene uprave: Aktuelne inicijative za dalji razvoj E-uprave" \ Yu Info, Kopaonik: Informaciono društvo Srbije, 2015, ss.3-4

[4] Poslovnik Vlade Autonomne pokrajine Vojvodine, Službeni list APV, br. 22/2010, član 41.

[5] *Marković N., Stoimenov L, Vojinović O., I Milentijević I.* E-Uprava u Srbiji: Pregled postojećeg stanja javnih servisa \ TELFOR. 2013. №16, s.25-27

[6] Zakon o elektronskom dokumentu, Službeni glasnik RS, br. 51/2009, cl.1

[7] Zakon o elektronskom potpisu, Sl. glasnik RS", br. 135/2004, cl.1

[8] Јавни позив за учешће у јавној расправи о нацрту закона о електронској управи, URL:
<http://javnerasprave.euprava.gov.rs/javna-rasprava/133>

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ВИРТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Самохина Анна Николаевна

Крымский филиал Российского государственного университета
правосудия

ул. Павленко, 5, г. Симферополь

annasan39@gmail.com

*Научный руководитель: Н.А. Аблятипова, к.ю.н., доцент
кафедры гражданско-правовых дисциплин Кф РГУП,
Заслуженный юрист Республики Крым*

Данная статья посвящена анализу правового регулирования гражданско-правовых отношений, которые складываются по поводу «виртуальной собственности». Раскрыта проблематика применения к данным правоотношениям гражданского законодательства России.

Ключевые слова: виртуальная собственность, объекты гражданских правоотношений, гражданское законодательство.

На сегодняшний день в свете развития технологий, информационно-телекоммуникационной сети Интернет и виртуального мира в целом возникает множество проблем, касаемых виртуальной собственности. Актуальность данного вопроса состоит в каждодневно увеличивающихся объемах оборота такими объектами гражданских правоотношений, как виртуальная собственность и существенных масштабах их экономической ценности. Проблемы таких правоотношений заключаются в том, что законодательное закрепление понятия «виртуальная собственность» отсутствует, как и судебная практика по данным правоотношениям. Встает вопрос, как субъекты гражданско-правовых отношений могут реализовать свои права по поводу виртуальной собственности и требовать выполнения от противоположной стороны обязанностей.

Еще одной проблемой является то, что зачастую невозможно точно определить, что можно отнести к виртуальной собственности. Ряд авторов определяет виртуальную собственность

в качестве информационных объектов, которые создаются техническими средствами и существующие в виртуальной реальности [2]. Данное понятие недостаточно полно определяет такую группу объектов собственности. Представляется, что понятие виртуальная собственность включает такие группы виртуальных объектов, на которые можно установить интеллектуальную собственность, и установление такого правового режима на которые невозможна. К первым объектам можно отнести Интернет-сайт с информацией, размещенной на нем; доменное имя. Вторая группа представлена более широким кругом объектом – виртуальные деньги, виртуальные товары (в т.ч. предоставляемые в Интернет-играх), виртуальные услуги.

Необходимо условно разграничивать «виртуальную собственность» и «реальную», т.е. закрепленную гражданским законодательством. Например, на разных интернет пространствах существуют свои платежные единицы, которые эквивалентны российской национальной валюте, но распространяют свое действие только в пределах данного Интернет-сайта. К ним можно отнести голоса на сайте Вконтакте, ОКи – одноклассники.ру. Встает вопрос о правовой природе данных объектов, являются ли они виртуальной собственностью, с какого момента происходит замена правовой природы объекта.

Несмотря на сходство функций отождествлять национальную валюту и виртуальные объекты, предназначенные для совершения платежей в Интернет пространстве нельзя. Следовательно, применение по аналогии закона к ним норм о купле-продаже возможно только при переводе денежных средств в такие «голоса» и «ОКи». Что касается приобретения за их счет других информационных объектов (виртуальные предметы, которые предоставляются на сайте), то правильнее применять здесь правила договора мены. Хотя необходимый по этому договору признак равноценности передаваемых товаров, при передаче виртуальных товаров теряет свой смысл.

Как уже отмечалась ранее, субъекты гражданского права могут обладать интеллектуальными правами по поводу определенной категории объектов. В таком случае, мы можем говорить о применении норм гражданского права по аналогии закона (п.1 ст.6 ГК РФ) [1]. Однако специфика данных объектов

вызывает ряд проблемных вопросов, если без исключений применять к ним нормы гражданского права об интеллектуальной собственности. Например, собственник Интернет-сайта может установить на него авторское право. Такое авторское право будет распространяться на объекты (литературные произведения, сценарии, музыкальные произведения, аудиовизуальные произведения), расположенные на данном Интернет-сайте.

Объекты виртуальной собственности зачастую используются собственником в коммерческих целях. Для увеличения прибыли, приносимой Интернет-сайтом, необходимо периодически загружать на него новые материалы и актуальную для читателей сайта информацию. Так как единолично обновлять информацию трудно, собственники таких объектов сдают часть Интернет-сайта для размещения там другими лицами своей информации, которая фактически также является виртуальной собственностью. Встает вопрос о том, как распорядиться денежными средствами, вырученными за размещение информации другим лицом, в чью собственность они перейдут и на каком основании. Гражданское законодательство не содержит специальных норм, регулирующих правоотношения, в которых объектами выступает виртуальная собственность.

Таким образом, под виртуальной собственностью можно понимать неовещественные объекты, созданные техническими средствами, которые существуют исключительно в виртуальном пространстве и используются для удовлетворения имущественных и личных неимущественных интересов.

Представляется необходимым внести дополнения в гражданское законодательство России, которые урегулируют правоотношения, связанные с гражданским оборотом таких объектов. Необходимо внести законодательное понятие виртуальной собственности, определить какие объекты и по каким критериям подпадают под виртуальную собственность. Также для защиты имущественных и связанных с ними личных неимущественных прав граждан необходимо закрепить правовое положение субъектов таких правоотношений, а также форму закрепления гражданских правоотношений по поводу виртуальной собственности или указать какие нормы договорного гражданского

права применимы к отношениям по поводу виртуальной собственности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. 29.07.2017) // Рос. газ. – 1994. – №238-239.

[2] *Бобровский К.А.* Споры о праве виртуальной собственности // Форум молодых ученых. – 2017. - № 6 (10). – С. 202-207. [Электрон. версия] // URL: <https://goo.gl/2Hj8js>.

ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ АНАЛИЗА «БОЛЬШИХ ДАННЫХ» (BIG DATA) НА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Соколова Алина Сергеевна

Самарский Национальный Исследовательский Университет
им. С.П. Королева»

Юридический факультет

ул. Академика Павлова 1а, Самара Россия, 443086

alisokolova@bk.ru

*Научный руководитель: В.Э. Волков, к.ю.н., доцент кафедры
государственного и административного права Самарского
национального исследовательского университета
имени академика С.П. Королева*

В статье рассматривается влияние технологий Big Data на современное законодательство о защите персональных данных. Анализируются важнейшие проблемы в данной сфере, описываются основные преимущества технологий Больших данных, а также приводятся примеры их реализации в различных областях.

Ключевые слова: персональные данные, Big Data, Большие данные, информационные системы

Современные информационные технологии играют одну из важнейших ролей на данном этапе развития общества и государства. Объемы личной информации, размещаемой и систематизируемой в сети Интернет возросли до беспрецедентных размеров. Данным процессам способствовало появление технологии «Больших данных», определяемой как совокупность инструментов для обработки структурированных и неструктурированных данных больших объемов информации, с целью их последующей систематизации [1, с.100]. «Big Data» чаще всего используется той группой операторов, которая нацелена на продвижение товаров и услуг, а именно теми, кто пользуется CRM-проектами, программами лояльности и финансовыми сервисами. Так, сингапурское отделение City Bank, анализируя предпочтения

клиента, исходя из совершенных им транзакций, направляло ему индивидуальные предложения [2, с.3].

Проблематика правового регулирования автоматизированной обработки персональных данных получила свое развитие еще в XX веке. 28 января 1981 года Советом Европы была принята Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных. Россия ратифицировала Конвенцию только в 2005 году. В целях реализации Конвенции был принят Федеральный Закон от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных», вступивший в силу 26 января 2007 г. Отмечается, что возможности технологии «Больших данных» прямо противоречат принципам, закрепленным в Законе, так как частная жизнь и «Big Data» в современных реалиях не вполне совместимы [3, с.70]. Согласно пункту 2 статьи 5 указанного федерального закона: обработка персональных данных должна ограничиваться достижением конкретных, заранее определенных и законных целей, а пункт 3 статьи 5 указывает на недопустимость объединения баз данных, содержащих персональные данные, обработка которых осуществляется в целях, несовместимых между собой. При использовании «Больших данных» ситуация складывается прямо противоположная. Данные собираются именно с той целью, чтобы посредством их объединения с иными базами извлечь новую информацию и применить ее. С учетом развития современных технологий, данные требования законодательства о персональных данных выполнить практически невозможно. Из данного положения вытекает и проблема согласия субъекта на обработку персональных данных, как единственное легитимирующее ее основание. В эпоху «Big Data» информированное согласие теряет свою эффективность в силу невозможности предоставления исчерпывающего объема информации о целях и способах ее дальнейшего применения. В США показательным примером является известный случай с компанией Target, которая определила беременность покупательницы, исходя из анализа совершенных ею покупок. Более того, большинство пользователей вообще не читают тексты пользовательских соглашений и политик конфиденциальности, ввиду огромного объема и сложности информации, для анализа и осмысления которой требуется высокий уровень юридических знаний. В то же время, простота и ясность

изложения подобной информации ведет к ее деформации и утрате важных деталей. Такая ситуация получила название «Парадокс прозрачности». По такому пути пошла и компания Google, которая в своей Политике конфиденциальности указывает, что посредством полученных данных она может поддерживать, защищать и развивать существующие сервисы, а также разрабатывать новые [4, с.1]. Помимо этого, в Правилах указано, что подобные данные могут использоваться и для персонализации контента. Таким образом, становится понятно, что, оперируя подобными формулировками, почти невозможно отследить дальнейшее использование персональных данных пользователя. Исходя из данных положений, можно с полной уверенностью говорить о том, что согласие пользователя на сегодняшний день если и не является фикцией, то вряд ли его можно считать в полной мере информированным.

Технологии «Больших данных» открывают огромные возможности и для организации избирательных кампаний. Так, сегодня представляется возможным прогнозировать поведение как каждого избирателя, так и всего электората в целом. Метод микротаргетирования получил широкое распространение в зарубежных странах, который подразумевает привлечения конкретных избирателей на основе данных о предыдущем электоральном поведении. В Российской Федерации особый интерес для исследования представляет система регистрации избирателей «Выборы», в которой также присутствует возможность уязвимости персональных данных [4, с. 240].

Таким образом, становится понятно, что при прогрессирующем научно-техническом прогрессе конфликтное состояние технологии «Больших данных» с законодательством о персональных данных будет только развиваться. Очевидным становится и тот факт, что законодательство, которое было сформулировано более десятилетия назад становится неактуальным и требует существенной переработки с учетом существующих реалий.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Uden L., Aho A. - М. Op. cit. P.100

[2] *Блинов Н.* Банки и большие данные – знать о клиенте больше, чем он знает о себе сам // *Future Banking*. 21.05.2014. URL: <http://futurebanking.ru/post/2511>

[3] *Lane J, Stodden V, Bender S, Nissenbaum H.* *Privacy, Big Data, and the Public Good: Framework for enagement*. Cambridge. Cambridge University Press. 2014. P.70

[4] Политика конфиденциальности Google. Редакция от 02.10.2017 г. URL: <https://www.google.ru/intl/ru/policies/privacy> (дата обращения: 24.10.2017)

[5] *Волков В.* Сведения об избирателях в системе электорально-информационных отношений: пределы конфиденциальности // X Международная научно-практическая конференция "Системно-структурные процессы в публичной власти: вопросы идеологии, политики, права". 28 мая - 1 июня 2014 г. Самара, Россия: Самарский университет, 2015. С. 239-246

РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В 2017 ГОДУ

Тигина Юлия Александровна
Российский университет дружбы народов
Юридический институт
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
tigina.u.a@mail.ru

Научный руководитель: О.А. Кузнецова, доцент кафедры
уголовного права, уголовного процесса и криминалистики РУДН

В статье рассматривается развитие российского уголовного законодательства в сфере борьбы с киберпреступлениями в 2017 году. Отмечено отсутствие единого определения термина «киберпреступность», а также большое несоответствие УК РФ уровню развивающейся киберпреступности. Предлагается организовать эффективную законотворческую работу «на опережение» в тесном союзе юристов и технических специалистов.

Ключевые слова: киберпреступность, киберпреступления, Уголовный Кодекс РФ.

Уголовное законодательство РФ состоит из УК РФ (УК РФ, ст.1). Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания (УК РФ, ст.14.1). Термины (слова, обозначающие понятия) «киберпреступление», «киберпреступность» применяются с начала 1960-х годов. Исследователями выполняются дефиниции. Явление киберпреступности технически и технологически сложное, пространственно не ограниченное, трансгранично в межгосударственном отношении, быстроразвивающееся во времени количественно и качественно. Единого определения понятия киберпреступности нет.

Киберпреступления – общественно опасные деяния, которые совершаются с использованием средств компьютерной техники в отношении информации, обрабатываемой и используемой в

Интернете [1. С.135]. На наш взгляд, для Российского законодательства, киберпреступления – виновно совершенные общественно опасные деяния, запрещённые УК РФ, которые совершены в отношении компьютеров, компьютерных программ, информационно-телекоммуникационных сетей, информации, а также с помощью компьютеров, компьютерных программ, информационно-телекоммуникационных сетей, информации. Отсутствие определения в УК РФ не способствует эффективному правоприменению и конструктивному диалогу между коллегами на международном уровне.

Внесение любого изменения в УК РФ производится только на основании принятия Государственной Думой РФ (ГД РФ) Федерального закона. Примером является Законопроект №228276-7, внесенный на рассмотрение ГД РФ 18.07.17, направленный на корректировки формулировок относительно понятий, касающихся киберпреступлений. Председатель ГД РФ направил Законопроект на доработку в Комитет ГД по государственному строительству и законодательству, где на 19.10.17 к нему присоединились ещё 15 авторов [2]. За 4 месяца дальнейших продвижений нет.

В то же время киберпреступность стремительно развивается количественно и качественно. На человечество обрушилась лавина киберпреступлений, характеризующихся новыми, подчас неизвестными техническими, технологическими, программными, организационными формами.

Законопроекты №76354-7 (на рассмотрении ГД РФ 12.01.17) [3] и №118634-7 (на рассмотрении ГД РФ 09.03.17) [4] в пояснительных записках акцентируют внимание на обширно распространенный в Интернет запрещенный контент, пропагандирующий опасные для здоровья и жизни действия и поведение, доводящий ребенка до суицида, или приводящий его к попытке суицида. Законопроект №118634-7 за 3 месяца рассмотрен всеми инстанциями, и 07.06.17 принят Федеральный закон №120-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и ст.51 УПК РФ в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению». В УК РФ введены новые статьи 110¹, 110², 151², противоправные деяния по которым могут быть признаны киберпреступлениями. Ужесточено наказание. 17.07.17 на

рассмотрение ГД РФ направлен Законопроект №227519-7 [5]. Принятый Федеральный закон №248-ФЗ от 29.07.17 вводит в УК РФ еще большее ужесточение наказаний за преступления по ст.110, 110¹, 110², которые могут быть киберпреступлениями.

В период 2014-2015 гг. в 6,7 раз возросло количество несанкционированных операций, совершенных с использованием систем дистанционного банковского обслуживания [6]. Законопроект №186266-7 о внесении изменений в УК РФ, направленных на регулирование этих киберпреступлений, поступил на рассмотрение в ГД РФ 26.05.2017, где за 6 месяцев прошел рассмотрение только в первом чтении.

Законопроект №202180-7 от 19.06.17 о внесении изменений в УК РФ, направленных на борьбу с незаконной торговлей алкоголем через Интернет, возвращён субъекту законодательной инициативы по причине нарушения требований к содержанию пакета документов [7].

Заслуживает внимания пояснительная записка к Законопроекту №315199-7 [8] от 15.11.17, направленному на внесение изменений в УК РФ, ужесточающих наказание за заведомо ложные сообщения об актах терроризма. в пояснительной записке неэффективная судебная практика объясняется тем, что преступники используют компьютеры, компьютерные программы, информационно-телекоммуникационные сети.

Общим для вышеперечисленных законодательных актов является то, что они затрагивают хорошо освоенные правоприменением области жизни общества, лишь уточняя нормы в связи конкретикой цифровой эпохи. Ответственность за радикально новые общественно опасные деяния остается не кодифицированной.

Один из важнейших законов, направленных на борьбу с киберпреступлениями, - Федеральный закон от 26.07.2017 №187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» вступит в силу с 01.01.2018 года [9]. С 01.01.2018 вступит в силу Федеральный закон от 26.07.2017 №194-ФЗ [10], который внес в УК РФ новую статью 274¹, квалифицирующую и определяющую киберпреступления против критической информационной инфраструктуры РФ.

Выводы. УК РФ развивается очень медленно по скорости, содержательно не охватывает всех форм киберпреступлений.

Среди 108 представителей Экспертного Совета [11] Комитета ГД РФ по информационной политике и связи много руководителей различных предприятий и организаций, призванных обеспечить техническую, технологическую, программную составляющие законотворчества.

Если руководство компетентных структур сможет организовать совместную работу юристов и профессионалов от IT, работу на опережение, то тогда, возможно, сократится отставание развития УК РФ от развития киберпреступности, повысится эффективность борьбы с киберпреступлениями, улучшится правоприменительная практика.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Рассолов И.М.* ПРАВО и ИНТЕРНЕТ. Москва, «Прогресс», 2009.

[2] Законопроект № 228276-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/228276-7> (дата обращения 26.11.2017).

[3] Законопроект № 76354-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/76354-7> (дата обращения 26.11.2017)

[4] Законопроект № 118632-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению». [Электронный ресурс]. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/118634-7> (дата обращения 27.11.2017)

[5] Законопроект № 227519-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/227519-7> (дата обращения 27.11.2017)

[6] Законопроект № 186266-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств)». [Электронный ресурс]. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/186266-7> (дата обращения 27.11.2017)

[7] Законопроект № 202180-7 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/202180-7> (дата обращения 27.11.2017)

[8] Законопроект № 315199-7 «О внесении изменений в статью 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в целях усиления ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма». [Электронный ресурс]. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/315199-7> (дата обращения 27.11.2017)

[9] Федеральный закон № 187-ФЗ от 12.07.2017 «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (дата обращения 25.11.2017)

[10] Федеральный закон № 194-ФЗ от 26.07.2017 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=220891&fld=134&dst=100008,0&rnd=0.4984378929053641#0> (дата обращения 26.11.2017)

[11] Комитет Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.komitet5.km.duma.gov.ru/Ekspertnye-Sovety> (дата обращения 24.11.2017)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОГО СПОРТА

ЧАСТЬ I: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ. СЛОЖНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНОГО СПОРТА ВНЕ ВИРТУАЛЬНОГО ИЗМЕРЕНИЯ

Хайрутдинов Альберт Маратович

Российский университет дружбы народов

Юридический институт

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

khayrutdinov.albert99@gmail.com

Жернаков Егор Борисович

Российский университет дружбы народов

Юридический институт

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

yegor-b-zh@gmail.com

*Научный руководитель: С.Б. Зинковский, к.ю.н., доцент кафедры
теории государства и права РУДН*

В статье рассматривается новый, возникших в конце 90-х годов XX века, вид спорта – компьютерный спорт. Рассмотрена история его развития и возникновения, а также изучены международные организации, занимающиеся регулированием отношений в сфере компьютерного спорта на сегодняшний день. Проанализированы прецеденты серьезных нарушений правил соревнований и санкции, наступившие за их нарушение.

Ключевые слова: компьютерный спорт, киберспорт, договорные матчи, Олимпийские игры, допинг.

Компьютерный спорт - вид спорта, в котором основные аспекты спорта обеспечиваются электронными системами [1].

Датой появления киберспорта принято считать 26 июня 1997. В этот день появилась первая профессиональная лига по компьютерному спорту - Cyberathlete Professional League. Целью данной организации была популяризация компьютерного спорта в массах. В 2008 году данная лига прекратила свое существование в связи с тем, что к тому моменту появилось множество других конкурентоспособных лиг (World Cyber Games, Electronic Sports World Cup, Electronic Sports League и др.)

В связи с тем, что организаторами киберспортивных соревнований, как правило, всегда являлись частные организации, случались случаи несоблюдения обязательств по выплате сумм, а также непредставления участникам необходимых условий для участия в соревнованиях. Для предотвращения подобных проблем в 2007 году была создана первая в своем роде ассоциация киберспортивных организаций G7 Federation. Данная организация ставила перед собой высокие цели: организация “чистых” трансферов, защиту коллективов от невыплаты призовых сумм, ведение рейтингов команд и стран в разных дисциплинах, а также сотрудничество с лигами и турнирами. Однако в связи с тем, что большая часть организаций-основателей перестали проявлять какую-либо активность, работа самой ассоциации была неэффективна, а из решений этой организации можно отметить только бойкот двух соревнований в связи с невыплатой призовых за предыдущие турниры от тех же организаторов. В 2010 году произошел контрактный спор между двумя крупнейшими организациями-участниками этой ассоциации в связи с чем организация распалась.

На сегодняшний день существует 3 крупные организации (1 федерация и 2 ассоциации), занимающиеся развитием компьютерного спорта: Международная федерация киберспорта (IeSF), Мировая киберспортивная ассоциация (WeSA) и Профессиональная киберспортивная организация (PEA).

Ассоциации представляют из себя объединения киберспортивных организаций, созданные для установления общих правил. В состав WeSA, в основном, входят европейские команды, а PEA состоит исключительно из американских организаций. Помимо унификации правил, организация занимается разрешением

конфликтов между игроками и организациями, организацией “чистых” трансферов и повышением зрелищности турниров [2].

Членами IeSF являются национальные федерации компьютерного спорта. Главной целью данной организации является признание компьютерного спорта олимпийским видом спорта. Так, 19 февраля 2016 года IeSF направила в Международный Олимпийский Комитет запрос, для получения информации о том, как получить признание в рамках Олимпийских Игр [3]. Однако, IeSF может столкнуться с проблемой, что компьютерный спорт не предполагает физическую нагрузку, ведь именно такие виды спорта предпочитает МОК. Также, признание МОКом компьютерного спорта может вызвать недовольство со стороны федераций прочих непризнанных видов спорта таких, как шахмат, бильярда и тем более со стороны федераций карате, ушу, кикбоксинга и других видов борьбы. Помимо этого, в случае включения нового вида спорта в олимпийскую программу, нужно будет исключить из списка один из включенных в него вид спорта, а также, нет определенности по вопросу того, является ли компьютерный спорт зимним или летним видом спорта. Из деятельности IeSF стоит отметить получение статуса участника Всемирного антидопингового агентства (WADA) в 2013 году, а также вступление в Международную ассоциацию содействия развитию массового спорта (TAFISA), а также проведение соревнований, в которых команды формируются по национальному признаку.

Сложность правового регулирования в сфере компьютерного спорта заключается в том, что оно должно проходить в двух измерениях: виртуальном и реальном. В случае, если компьютерный спорт станет олимпийским видом спорта, все участники должны будут следовать олимпийской хартии, 43 правило которой гласит, что “всемирный антидопинговый кодекс является обязательным для всего олимпийского движения”. Эффективность допинга в компьютерном спорте - тема дискуссионная, однако стоит понимать, что самым важным фактором в киберспортивных соревнованиях является реакция, а некоторые препараты способны ее повышать. В 2015 году игрок команды Cloud9 Кори Фризен после провального выступления на ESL One Katowice 2015 признался, что во время выступления на

турнире принимал Аддерол [4]. В 2015 году этот случай вызвал бурную реакцию общественности, однако никаких санкций против игрока не последовало.

Помимо допинга, еще одной важной проблемой являются договорные матчи. В “большом спорте” эта проблема не является столь существенной, поскольку профессиональный спортсмен, как правило, получает большую зарплату и он не хочет рисковать своей репутацией ради легкой наживы. В компьютерном спорте к “большим деньгам” причастны примерно 30 организаций, а игроки более мелких организаций для компенсации своих маленьких зарплат (а иногда и их отсутствия) вынуждены делать ставки против своей команды. Один из случаев договорных матчей произошел 17 сентября 2017 года в матче DX vs. Yellow Submarine, в котором два игрока DX сделали ставку против своей команды и намеренно поддавались по ходу матча. Виновные в инциденте были отстранены от матчей на турнирах от этого же организатора, при этом, на турнирах от всех остальных организаторов, они все еще имеют право участвовать.

В заключение, можно сказать о том, что правовое регулирование в сфере компьютерного спорта очень далеко от идеала: существует две Ассоциации, которые занимаются “перетягиванием каната”; нет единого мнения по применению допинга; борьбой с подставными матчами организаторы турниров занимаются по отдельности и возможно именно эти проблемы мешают признанию компьютерного спорта в мире и в качестве Олимпийской дисциплины.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Hamari J., Sjöblom M.* What is eSports and why do people watch it? Internet research, 27(2), 2017. [Электронный ресурс]. - https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2686182 (Дата обращения: 24.11.2017)

[2] *Campbell C.* The who, what and why of the World Esports Association. [Электронный ресурс]. - <https://www.polygon.com/2016/5/13/11668182/what-is-wesa> (Дата обращения: 24.11.2017)

[3] *Wolf J.* Esports in the Olympics by 2020? It could happen. [Электронный ресурс]. - http://www.espn.com/esports/story/_/id/15232682/esports-olympics-2020-happen (Дата обращения: 24.11.2017)

[4] *Куртанидзе Р.* Нечестная игра: допинг в киберспорте. [Электронный ресурс]. - https://matchtv.ru/cyber/matchtvnews_NI774084_Nechestnaja_igra_doping_v_kibersporte (Дата обращения: 24.11.2017)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОГО СПОРТА

ЧАСТЬ II: СЛОЖНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНОГО СПОРТА В ВИРТУАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Хайрутдинов Альберт Маратович

Российский университет дружбы народов
Юридический институт, кафедра международного права
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
khayrutdinov.albert99@gmail.com

Жернаков Егор Борисович

Российский университет дружбы народов
Юридический институт, кафедра международного права
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
yegor-b-zh@mail.ru

Научный руководитель: С.Б. Зинковский, к.ю.н., доцент кафедры
теории государства и права РУДН

В статье рассматриваются правонарушения компьютерного спорта в виртуальном измерении. Приводится сравнение нарушений правил компьютерного спорта и азартных игр. Проанализированы прецеденты серьезных нарушений правил соревнований и санкции, наступившие за их нарушение.

Ключевые слова: компьютерный спорт, жульничество, игра

В наше время нет общих правовых норм и органов, которые должны регулировать всю область компьютерного спорта. Это затруднено тем, что на сегодняшний день нет строгого определения компьютерного спорта к специальной отрасли права, информационного или спортивного права. Также проблема заключается, что нужно регулировать деятельность игроков сразу

в двух измерениях, например, принятие запрещённых препаратов улучшающих реакцию игроков и нарушение правил в виртуальном измерении. Ещё стоит отметить, то что присутствует очень большое количество дисциплин и отдельных серий турниров, которые регулируются правилами установленными разными организаторами.

В деле *Ivey v Genting Casinos (UK) Ltd 25 October 2017* [1] суды рассматривали иск профессионального игрока к казино. Игрок выиграл у казино почти 8 млн. фунтов, а казино отказалось платить, ссылаясь на то, что игрок жульничал. Верховный Суд Соединенного Королевства в итоге разрешил спор в пользу казино, для чего ему пришлось разобраться с тем, что, собственно, означает «жульничество» (cheating), что понимается, как сознанное действие, направленное на получение преимущества в игре, которое объективно является ненадлежащим с учетом правил соответствующей игры. Была применена техника распознавания карт, «сортировка по краю» (edge sorting) Узор, нанесенный на «рубашку» карты, не всегда симметричен. В следующих партиях, игрок безошибочно определял, в какую стопку попадают «счастливые» карты. В итоге игрок получил возможность переигрывать казино.

Если сравнивать этот прецедент, то можно провести параллели между карточными играми и компьютерным спортом. В данном прецеденте игрок пренебрёг основным принципом игры, (игра на вероятность) и искусственно увеличил свою вероятность на победу.

Казино является представителем поля и условий игры схожую роль, и выполняют разработчики игр. Неточность в рисунке обратной стороны карты является недоработкой этого самого казино, которое могло и должно было для собственных интересов и предоставления равных условий всем игрокам обеспечить. Казино можно сравнить с разработчиками игры, которые не учли неточности в интерфейсе игры, например, картой игры (игровое поле) или просчитываемыми комбинациями, которые выдаёт игра. Опытные игроки могут воспользоваться такими недоработками, что в виртуальном мире компьютерного спорта так и в материальном мире за карточным столом.

Нарушить правила игры Компьютерного спорта изначально невозможно без специального на того вмешательства из вне, так как игры изначально предоставляют выбор только тех действий, которые разрешены в игре. Тем самым задачей недобросовестный игроков является получение игрового преимущества, разница только в методах, одни находят недоработки в игре (баги) а другие насильно взламывают код игры используя читы (cheats). Оба действия можно квалифицировать противоправными.

Самым известным прецедентом использования читов является случай, произошедший в октябре 2014 года в матче Team Property vs. HellRaisers. В этом матче аккаунт Джоэля «Emilio» Мако, игрока команды Team Property, был заблокирован анти-чит программой прямо во время матча. В связи с этим в том матче его команда было засчитано техническое поражение, команда была исключена из турнира, в рамках которого проходил матч, а сам «Emilio» получил бессрочный запрет на участие во всех крупных турнирах [2]. Однако позже, марте 2017 года, была объявлена амнистия игрокам, получившим такой запрет ранее марта 2015 года [3].

Гораздо сложнее разрешать те ситуации, когда игроки используют баги: с одной стороны, это не справедливо по отношению к сопернику, но с другой команда, которая использует этот баг не нарушает никаких правил, так как наличие в игре бага – это вина разработчика, а не команды, которая его использует. Один из таких случаев произошел в матче FaZe Clan против команды BIG, в котором последняя пользовалась багом Counter-Strike: Global Offensive, который позволял игроку совершить манёвр для обозрения местности противника оставаясь незамеченным [4]. Этот прецедент является интересным с точки зрения разрешения этой конфликтной ситуации: сразу после случая использования бага, организаторы признали его использование «легальным», однако команды-участницы тем же вечером на неформальной встрече договорились не использовать эту недоработку разработчиков [5].

Таким образом у нас есть два варианта получения преимущества в виртуальном измерении. Оба они являются субъективными, их применение трудно устранить и, в случае с использованием багов, такие нарушения, как правило, не несут

никаких негативных санкций для команды, злоупотребившей недостатком компьютерного кода. Поскольку ценной использованием таких недостатков может быть крупный денежный выигрыш или титул, данные правонарушения должны быть истолкованы и прописаны в правовом акте, санкционированном международными организациями.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Будылин С.* Что такое «жульничество»? Дело об остроглазом картежнике [Электронный ресурс]. - https://zakon.ru/blog/2017/10/31/chto_takoe_zhulnichestvo%C2%A0_delo_ob_ostroglazom_kartezhnikе (Дата обращения: 24.11.2017)

[2] *Mira L.* Emilio VAC banned mid-matched [Электронный ресурс]. - <https://www.cybersport.ru/news/emilio-poluchil-vac-ban-ryamo-vo-vremya-matcha> (Дата обращения: 24.11.2017)

[3] *Burazin Z.* ESL One & EPL VAC rules changed [Электронный ресурс]. - <https://www.hltv.org/news/20051/esl-one-erl-vac-rules-changed> (Дата обращения: 24.11.2017)

[4] *Русаков К.* BIG использовала баг в матче против FaZe Clan [Электронный ресурс]. - <https://www.cybersport.ru/news/big-ispolzovala-bag-v-matche-protiv-faze-clan> (Дата обращения: 24.11.2017)

[5] *Burazin Z.* “Crouch jump” bug officially allowed at the Major [Электронный ресурс]. - <https://www.hltv.org/news/21053/crouch-jump-bug-officially-allowed-at-the-major> (Дата обращения: 24.11.2017)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БИЗНЕС-АГРЕГАТОРОВ

Хворостянова Александра Алексеевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
*ул. Ленинские горы, д. 1, строение 13 (4-й учебный корпус),
Москва, 119991*

khvr.alexandra@yandex.ru

Научный руководитель: А.Е. Молотников, к.ю.н., доцент
кафедры предпринимательского права МГУ им. М.В. Ломоносова

Век, в котором мы живем, не зря называют веком глобализации. Стираются границы между странами, языками, культурами, валютами. Это не было бы возможным без сети Интернет. Мнения специалистов расходятся. Одни считают, что мы только на пороге Четвертой промышленной революции, по мнению других - она уже началась и набирает обороты [1. С. 3]. Ясно одно: привычные нам формы отношений людей в различных сферах жизни претерпевают значительные изменения. Информационные технологии прочно смешались с реальностью и направляют вектор нашего развития.

В настоящее время сфера экономики интенсивно развивается. На первый план выходят бизнес-агрегаторы, как лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность в особой сфере. Главной их особенностью является то, что они получают доход, не имея в собственности имущества для осуществления этой деятельности.

На данный момент в нормативно-правовых актах Российской Федерации не существует определения термина «бизнес-агрегатор», однако его предлагает ввести Роспотребнадзор в своем законопроекте о поправках в законодательство о защите прав потребителей. В соответствии с ним: «агрегатор товаров (услуг) (далее – агрегатор) - организация независимо от её организационно-правовой формы, либо индивидуальный предприниматель, предоставляющие на своем сайте в сети «Интернет» в отношении определенного товара (услуги) возможность потребителю одновременно ознакомиться с информацией о товаре (услуге),

реализуемом (оказываемой) продавцом (исполнителем) по договору купли-продажи (договору возмездного оказания услуг), заключить с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг), а также произвести предварительную оплату данного товара (услуги) непосредственно на банковский счет такой организации (индивидуального предпринимателя)» [2. С. 1]. Следовательно, можно выстроить цепочку «предприниматель-агрегатор-потребитель». В связи с этим, возникают синналагматические договорные отношения бизнес-агрегатора с предпринимателем и бизнес-агрегатора с потребителем. Самой рациональной моделью таких отношений может выступить смешанная модель, которая сочетает в себе основной договор с потребителем и договор поручения с добавлением договора оказания услуг с предпринимателем [3. С. 153].

В связи с этим возникает множество проблем в силу недостаточной определенности их правового статуса. Рассмотрим некоторые из них:

1. Проблема неоднозначности субъекта ответственности в случае причинения ущерба потребителю. Главный критерий: определение исполнителя по обязательству. К примеру, в пункте 2 Условий пользования Uber закреплено, что ООО «Убер Текнолоджи» не является транспортной компанией, а также, что все перевозки осуществляются независимыми сторонними подрядчиками. Тем самым Uber ограничивает свою ответственность в случае причинения вреда во время поездки. Одновременно с этим Uber не предоставляет информацию о медицинском обследовании водителей и их лицензии на осуществление извоза. В связи с чем компания получила обращение о нарушении законодательства РФ о защите прав потребителей. По результатам дела Арбитражный суд города Москвы постановил, что «ООО «Убер Текнолоджи» вводит потребителей в заблуждение относительно качества и безопасности услуги по перевозке» [4. С. 1]. И даже несмотря на то, что в соответствии с этим решением Uber признается посредником, а не исполнителем, он все равно обязан

предоставлять полную информацию, как должен был бы сделать непосредственно исполнитель.

2. Проблема неуплаты налогов с доходов лиц, получающих денежные средства посредством бизнес-агрегаторов. Иванов Антон Александрович в своей статье «Бизнес-агрегаторы и Право» связывает данное явление с негативным отношением государства к этому процессу и попыток запретить предпринимательскую деятельность бизнес-агрегаторов. Попытка наложить на бизнес-агрегаторы обязанности налогового агента понижает такое свойство агрегаторов как мобильность (в связи с трудноисполнимой задачей по учету и уплате налогов с разовых сделок), которая в конечном счете приведет к убыткам компании. Но с другой стороны, убытки несут и сами налоговые органы, которые проводят проверку контрагентов бизнес-агрегаторов, так как недоимки по налогам несоразмерны с издержками процесса обнаружения задолженности.
3. Проблема установления четкого правового статуса бизнес-агрегаторов и характер их взаимоотношений с предпринимателями, которые посредством первых имеют возможность получать прибыль. Дело в том, что отношения, возникающие между бизнес-агрегатором и предпринимателем, являются на данный момент сугубо гражданско-правовыми. Это явно исходит от того, что у предпринимателей отсутствуют установленные часы работы, обязательные ежегодные отпуска и так далее. Между тем, агрегаторы не желают установления трудовых отношений с предпринимателями, так как это повлечет за собой расходы на оплату больничных и отпускных вместе с появлением ответственности за действия их работников, что опять же противоречит целям их создания. Как отмечает партнер адвокатского бюро *Buzko & Partners* Илья Кокорин - бизнес-агрегаторы все больше и больше расширяют зоны своего контроля над предпринимателями, ограничивая их свободу предпринимательской деятельности [5. С. 8]. Что ставит предпринимателей в заведомо незащищенное положение, когда их полная ответственность сочетается с полным отсутствием гарантий по защите своих интересов.

Подводя итог, я считаю, что экономическая и правовая действительность нуждаются в реформировании. Для решения проблем, описанных выше, я предлагаю дополнить Гражданский кодекс Российской Федерации главой о бизнес-агрегаторах, в которой закрепить:

1. Гражданскую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, а также за предоставление полной и достоверной информации о продукте или услуге должны нести предприниматели, которые осуществляют свою деятельность посредством бизнес-агрегаторов как независимые исполнители по гражданско-правовому договору. Бизнес-агрегаторы должны нести ответственность только в случае размещения заведомо ложной информации на своих платформах.
2. Установить, что у бизнес-агрегаторов не существует обязанности по учету и уплате налогов предпринимателей, которые осуществляют свою деятельность посредством бизнес-агрегаторов. А, следовательно, дополнить Налоговый кодекс Российской Федерации положениями о необходимости самостоятельной подачи налоговой декларации лицами, получающих постоянный или периодических доход от свободной предпринимательской деятельности.
3. Закрепить рамки дозволенного контроля со стороны бизнес-агрегаторов как способ защиты свободы предпринимательской деятельности. В противном же случае придать отношениям, возникающим между бизнес-агрегаторами и предпринимателями, обязывающий характер трудовых отношений.

Таким образом, я хотела бы сказать, что мы сейчас не можем точно определить, какой путь регулирования будет выбран государственными органами. Абсолютно точно перед юристами сейчас стоит сложная задача по выработке такого компромиссного решения, которое бы удовлетворяло и частные, и публичные интересы. Бизнес-агрегаторы за относительно небольшой промежуток времени смогли занять большой пласт в экономике. Но с учетом их особенной формы и характером тех отношений,

которые связывают агрегаторы с потребителями и предпринимателями, к этому вопросу нельзя подходить с установками и осмыслением предыдущих лет. Это качественно-новая форма бизнеса имеет огромные перспективы для развития в российском праве и правовой науке, так как право постоянно эволюционирует и никогда не стоит на одном месте.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Молотников А.Е.* Четвертая промышленная революция и современное осмысление корпоративной формы ведения бизнеса // *Предпринимательское право.* 2017. No 2. С. 3

[2] ФЗ о внесении изменений в Закон РФ «О защите прав потребителей» от 8 июля 2016 года // URL: <http://regulation.gov.ru/Projects/List/AdvancedSearch#npa=28846>. С. 1

[3] *Иванов А.А.* Бизнес-агрегаторы и Право // *Закон.* 2017. No 5. С. 153

[4] Решение Арбитражного суда города Москвы от 15 ноября 2016 года No А40-197721/16-120-1236. С. 1

[5] *Кокорин И.* Sharing economy: ответы на основные юридические вопросы экономики совместного потребления // URL: <https://vc.ru/p/share-economy-qa>. С. 8

БЛОКИРОВКА «ЗЕРКАЛ» ПИРАТСКИХ САЙТОВ КАК НОВЫЙ УРОВЕНЬ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ

Цыгановский Роман Германович

Саратовская государственная юридическая академия

Институт юстиции

ул. Чернышевского, 104, Саратов, Россия, 410056

k0567@outlook.com

*Научный руководитель: М.А. Буданова, к.ю.н., доцент
кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «СГЮА»*

В настоящей статье рассматриваются актуальные изменения, касающиеся порядка ограничения доступа к копиям заблокированных сайтов в сети «Интернет». В ней анализируются нормы, законодательно регулирующие указанную процедуру, и производится обобщение прогнозов касательного данного института.

Ключевые слова: Интернет, «пиратский» сайт, защита информации, ограничение доступа, авторские права.

Законодательная регламентация механизма ограничения доступа к интернет-ресурсам берет свое начало с июля-ноября 2012 г., когда в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [5] (далее – Закон об информации) была введена статья 15.1, закрепившая создание на территории Российской Федерации автоматизированной информационной системы «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети “Интернет” и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети “Интернет”, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено».

С указанного момента началась активная борьба законодателя с сайтами, распространяющими запрещенную информацию. Основными способами такой борьбы выступили блокировка веб-сайта по сетевому адресу (IP-адресу), через сервер доменных имен (DNS), а также блокировка конкретных страниц сайта по их указателям (URL).

Однако, как теоретиками, так и практиками неоднократно подчеркивалось, что все существующие способы блокировки веб-сайтов достаточно легко обходятся путем создания т.н. «зеркал» – копий заблокированного сайта на других доменах [3, с. 232].

Очередным шагом вперед в рассматриваемом направлении стало вступление в силу 1 октября 2017 года Федерального закона от № 156-ФЗ о внесении изменений в Закон об информации [4]. Нововведением, закрепленным ст. 15.6-1 указанного закона, стала возможность правообладателей обращаться за блокировкой копий «пиратских» сайтов, нарушающих их авторские права.

Введенная процедура позволяет в сжатые сроки ограничить доступ к «зеркалам» заблокированных сайтов. При этом такими копиями признаются сайты, сходные «до степени смешения с сайтом в сети «Интернет», доступ к которому ограничен по решению [суда]» за неоднократное и неправомерное размещение информации, содержащей объекты авторских, смежных прав [5]. Весь процесс блокировки «зеркала» должен занимать не более трех дней и проходить 3 следующих этапа.

Во-первых, Министерство связи и массовых коммуникаций РФ в течение суток с момента поступления информации об обнаружении в сети «Интернет» копии заблокированного сайта проводит следующие действия:

- 1.Принимает мотивированное решение о признании указанного сайта копией заблокированного.

- 2.Направляет указанное решение владельцу копии «пиратского» сайта, а также в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи (Роскомнадзор).

Следующим шагом является направление в течение суток лицу, обеспечивающему размещение в сети «Интернет» копии заблокированного сайта (провайдеру хостинга), требования об ограничении доступа к нему. Также Роскомнадзор потребует от операторов поисковых систем прекращения отражения «зеркала» и его страниц при поиске.

Еще одни сутки будут отводиться провайдерам и операторам поисковых систем на выполнение указанных требований Роскомнадзора.

Информация о копиях сайтов, заблокированных в установленном введенной статьей порядке, будет размещаться на официальном сайте Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций [2].

Рассмотренное положение, несомненно, является перспективным для всей системы защиты авторских и смежных прав в сети «Интернет». Однако реализация указанной возможности правообладателей станет возможной лишь тогда, когда будет утвержден порядок и критерии признания сайта копией заблокированного [1].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Правообладатели смогут обращаться в Минкомсвязь за блокировкой «зеркал» пиратских сайтов / обзор подготовлен специалистами АО Консультант Плюс // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=179582&div=LAW&dds=100007%2C23&rnd=0.7210008397413787> (дата обращения: 24.10.2017)

[2] Роскомнадзор [Электронный ресурс] // URL: <https://rkn.gov.ru> (дата обращения: 24.10.2017).

[3] *Савельев А.И.* Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (постатейный). М.: Статут, 2015. 320 с.

[4] Федеральный закон от 01.07.2017 № 156-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ, 03.07.2017, № 27, ст. 3953. Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 24.10.2017).

[5] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2017) // Российская газета, № 165, 29.07.2006. Документ в данной редакции опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 24.10.2017).

CLICK-WRAP СОГЛАШЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Штроо Илья Владимирович
Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Факультет права

*Большой Трехсвятительский пер., 3, Москва, Россия, 109028
ilya.stroh@mail.ru*

*Научный руководитель: С.Б. Кокина, к.ю.н., доцент кафедры
гражданского и предпринимательского права НИУ ВШЭ*

В статье рассматривается феномен так называемых click-wrap соглашений и их регулирование в российском праве. Click-wrap соглашения – это вид сделок, в которых согласие акцептанта дается посредством нажатия на кнопку «Я согласен с условиями соглашения» или подобных этому действий, обозначающих согласие с условиями оферты. Рассмотрены причины широкого распространения таких соглашений. Проведен анализ click-wrap соглашений на соответствие нормам российского права. Сделан обзор судебной практики по спорам, связанным с click-wrap соглашениями.

Ключевые слова: click-wrap соглашения, виртуальные сделки

На сегодняшний день, по данным фонда «Общественно мнение», в России Интернетом пользуются 70% россиян старше 18 лет [6]. В ходе работы с компьютером (в особенности, в Интернете) пользователей регулярно просят «принимать условия лицензионного соглашения» путем проставления галочки «я согласен» в специальном поле. Такой вид оферты получил в английском языке неофициальное название – click-wrap agreements. Количество ежедневных акцептов таких соглашений не поддается исчислению.

Причины массового распространения click-wrap соглашений.

В ходе исследования мы нашли две основных причины, по которым click-wrap соглашения обрели такую популярность.

Первая причина связана с простотой заключения таких соглашений. Стороны не тратят свои ресурсы на переговоры, распечатывание бумажных экземпляров, обмен подписями.

Такие соглашения привлекательны для оферента. Он экономит средства, поручая своим юристам создать лишь один типовой договор без изменения условий для каждого клиента. Благодаря этому, оферент получает возможность снизить цену на свои товары или услуги, вычтя из нее часть юридических издержек.

Такие соглашения привлекательны для акцептанта. Будучи, в большинстве случаев, далеким от юриспруденции человеком, он доволен тем, что для получения доступа к предмету договора он производит минимум действий. Вследствие этого, использование оферентом таких соглашений дает возможность заключить договоры с очень большим количеством людей.

Вторая причина связана с отсутствием у акцептанта возможности произвести встречную оферту, каким-либо образом изменив условия договора. В английском юридическом языке такая форма договора называется «take it or leave it» (англ. «принимай или уходи»). Российское право содержит свой аналог такого вида сделок – договор присоединения, описанный в статье 428 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) [1]. Важным преимуществом именно click-wrap соглашений на фоне других «take it or leave it» договоров является их электронная форма. Дело в том, что акцептант может изменить условия соглашений, которые на первый взгляд не предполагают такого. Например, в 2008 году житель Воронежа Дмитрий Агарков значительно смягчил условия кредитного договора с банком «Тинькофф», внося изменения в рассылемое по почте «take it or leave it» соглашение [7]. Изменить условия электронного соглашения так, чтобы этого не заметил оферент, значительно сложнее и требует технических навыков. Авторам не известны подобные случаи в судебной практике.

Соответствие click-wrap соглашений российскому законодательству.

Отечественное законодательство не содержит каких-либо нормативных правовых актов, регулирующих непосредственно

click-wrap соглашения. В то же время, мы считаем, что содержащиеся в ГК РФ нормы позволяют определить статус и сферу применения таких отношений в праве России.

Согласно ст. 158 ГК РФ:

«1. Сделки совершаются устно или в письменной форме (простой или нотариальной)» [1].

Ст. 434 ГК РФ, п. 3:

«Письменная форма договора считается соблюденной, если письменное предложение заключить договор принято в порядке, предусмотренном пунктом 3 статьи 438 настоящего Кодекса» [2].

Ст. 438 ГК РФ, п. 3:

«Совершение лицом, получившим оферту, в срок, установленный для ее акцепта, действий по выполнению указанных в ней условий договора (отгрузка товаров, предоставление услуг, выполнение работ, уплата соответствующей суммы и т.п.) считается акцептом, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или не указано в оферте» [2].

Исходя из представленных выше положений закона, можно сделать вывод о том, что click-wrap соглашения относятся к письменным сделкам, заключаемым путем совершения акцептантом конклюдентных (явно выражающих намерение заключить договор) действий.

Двадцатый пункт принятых постановлением Правительства РФ Правил продажи товаров дистанционным способом гласит:

«Договор считается заключенным с момента выдачи продавцом покупателю кассового или товарного чека либо иного документа, подтверждающего оплату товара, или с момента получения продавцом сообщения о намерении покупателя приобрести товар» [4].

Данная норма, по сути, дублирует положение рассмотренной выше ст. 438 ГК РФ, дополнительно легализуя ее для использования в договорах купли-продажи. Тем не менее, это является аргументом в пользу того, что click-wrap соглашения могут использоваться в качестве таких договоров.

Отметим также специальную норму из четвертой части ГК РФ.

Ст. 1286.1 ГК РФ, п. 1, абз. 2:

«Открытая лицензия является договором присоединения. Все ее условия должны быть доступны неопределенному кругу лиц и размещены таким образом, чтобы лицензиат ознакомился с ними перед началом использования соответствующего произведения. В открытой лицензии может содержаться указание на действия, совершение которых будет считаться акцептом ее условий (статья 438). В этом случае письменная форма договора считается соблюденной» [3].

Описываемый во втором абзаце способ присоединения к открытой лицензии фактически описывает click-wrap соглашение. Таким образом, ГК РФ легализует использование click-wrap соглашений в отношении открытых лицензий.

Click-wrap соглашения в судебной практике РФ.

Рассмотрим апелляционное определение Московского городского суда от 12.07.2016 по делу №33-27140/2016. Нам важно следующее заключение суда:

«Перед тем, как зарегистрировать электронный почтовый ящик и начать использовать Сервис пользователь обязан заполнить регистрационную форму и принять условия Пользовательского соглашения путем нажатия на кнопку «Зарегистрироваться», что по смыслу ст.ст. 435 и 438 Гражданского кодекса РФ является принятием (акцептом) оферты, а равно заключением договора, порождающего у пользователя обязанности соблюдать условия Пользовательского соглашения» [5].

Из этого можно сделать вывод, что российская судебная система признает click-wrap соглашения и защищает интересы их сторон.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Гражданский Кодекс Российской Федерации: часть первая [URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/]

[2] Гражданский Кодекс Российской Федерации: часть вторая [URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/]

[3] Гражданский Кодекс Российской Федерации: часть четвертая [URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/]

[4] Постановление Правительства РФ от 27.09.2007 N 612 (ред. от 04.10.2012) "Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом" [URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71418/cec011b240d930e3ba04a9e26bc38d7c4c5f2def/]

[5] Апелляционное определение Московского городского суда от 12.07.2016 по делу №33-27140/2016 [URL: <https://www.mosgorsud.ru/mgs/cases/docs/content/3d14fcf3-751c-494a-9f5f-b64f5848bc7a>]

[6] Интернет в России: динамика проникновения. Лето 2017 г. [URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/13783>]

[7] РИА: Воронежец требует с банка 24 миллиона рублей компенсации за нарушение пунктов кредитного договора, заключенного на его условиях [URL: <https://riavr.ru/news/voronezhets-trebuets-s-banka-24-milliona-rublej-kompensatsii-za-narushenie-punktov-kreditnogo-dogovor/>]

**СЕКЦИЯ #3:
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ В СФЕРЕ
ИННОВАЦИОННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

SMART-КОНТРАКТЫ В СИСТЕМЕ BLOCKCHAIN

Волков Григорий Геннадиевич

ВГУЮ (РПА Минюста России)

Большой Каретный пер., 10А, Москва, 127051

volccovgrisha@yandex.ru

*Научный руководитель: А.И. Некрасов, доцент кафедры
гражданского и предпринимательского права
ВГУЮ (РПА Минюста)*

В статье рассматриваются особенности заключения и применения smart-контрактов в рамках гражданско-правовых отношений. Были проанализированы достоинства и недостатки подобной формы взаимодействия сторон, а также возможные варианты использования smart-контрактов уже сегодня.

Ключевые слова: smart-контракт, блокчейн, криптовалюта, эволюция договорных отношений, краудфандинг, скрипт, протокол в блокчейн, децентрализованный реестр информации, шифрование и защита информации, гражданско-правовые правоотношения.

Отношения, основанные на договоре – являются распространенной формой взаимодействия сторон. Вместе с этим, договор закрепляет правовую связь участников оборота, являясь подтверждением существующих между ними прав и обязанностей. К данной форме взаимодействия обращаются ежедневно. За долгие годы были выработаны вполне уже привычные для нас правила их составления и оформления. В этом смысле занимательна сама эволюция развития договорных отношений.

В рамках темы научной работы я бы хотел рассмотреть еще одно из возможных направлений развития договорных отношений – smart-контракты.

Smart-контракт – это созданное на основе математических алгоритмов соглашение между сторонами, которое регистрируется в системе, и в последствии шифруется с помощью кода. Сама сделка наделяется индивидуальным

номером. Информация по сделкам структурируется в реестре [1. С. 12]. Все данные аккумулируются. Это позволяет обеспечить быстрый доступ к ним. После регистрация в системе данные кодируются и сохраняются на носителе. В децентрализованном реестре содержится информация об обязательствах, приятных сторонами, сроках исполнения договора, а также ответственности сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение.

Основная идея умных контрактов заключается в том, что многие типы условий контрактов - обязательства, конфиденциальность, раскрытие, спецификация прав собственности и т.п. - можно реализовать в оборудовании и программном обеспечении, с которым мы имеем дело. Пример из окружающей жизни - торговый автомат - примитивный предок умных контрактов [2].

Smart-контракты широко используются для обслуживания операций в системе блокчейн. Центральное место в этой системе занимают транзакции (transaction – сделка) между держателями криптовалюты. Любая операция по приобретению или отчуждению фиксируется в протоколе, который является по своей природе smart-контрактом. Каждый переход криптовалюты от одной стороны к другой сопровождается соответствующей записью в реестре. А smart-контракты играют в этих отношениях роль скрипта, который упорядочивает действия сторон и систематизирует их.

Smart-контракты позволяют автоматизировать исключительно формальные моменты при заключении договора: соблюдение требований, предъявляемых к сделке; однозначность факта заключенности. Это, безусловно, добавит стабильность обороту.

При помощи smart-контрактов можно совершать целый комплекс сделок по отчуждению и приобретению имущества, обмен валюты, отчуждение долей и акций юридических лиц. С собой они могут заменить практически все традиционные договорные отношения, существующие между сторонами сегодня. Осознавая сложность перехода на автоматизированную систему, smart-контракты можно использовать в дополнение к обычным контрактам. Мне

видится этот путь наиболее приемлемым при внедрении инноваций.

Одной из главных положительных характеристик smart-контрактов является заключение договоров без помощи посредников, что значительно упрощает оборот. Потребность в нотариальном удостоверении сделок отпадет. На мой взгляд, отсутствие вмешательства извне в отношения сторон, где без этого можно обойтись – положительная тенденция.

Основная концепция Smart-контракта заключается в том, что вы можете получить ответ на запрос в кратчайшие сроки при помощи компьютерного кода, на основе которого в системе выстраиваются отношения [3. С. 29].

Smart-контракты можно использовать при инвестировании в разные проекты по методу краудфандинга. Вся схема выглядит крайне прозрачно из-за систематизации всех операций. Более того, в контракте можно предусмотреть условие, в соответствии с которым, одна сторона, перечислив деньги, получает определенные ценные бумаги или какие-либо другие преференции: например, получение части прибыли после первого доходного месяца. Это на вооружение могу взять сегодняшние стартапы. Большим достижением этих контрактов является уровень защищенности информации от третьих лиц. Мошеннические действия при использовании smart-контрактов практически исключаются. Это во много определяется тем, что smart-контракт заключается на локальном уровне внутри определенной системы, доступ к которой зашифрован и ограничен.

Еще одной сферой применения smart-контрактов являются отношения, связанные с государственным или муниципальным заказом. Сегодня эта система выглядит далеко не прозрачно. Smart-контракты позволят отслеживать затраты, произведенные стороной, в самые кратчайшие сроки. Вся информация будет содержаться в системе, и недобросовестность в этих отношениях будет сведена к нулю.

Таким образом, на сегодняшний день имеется широкий круг отношений, которые smart-контракты могут обслуживать. Данный инструмент представляется мне крайне удачным и удобным во многих сферах. Особенностью smart-контрактов

является упорядоченность информации. Фактически исключается расхождение в толковании условий договора, и в целом отношения становятся максимально формализованными, что для стабильности гражданского оборота является положительным моментом. Smart-контракты позволяют избежать множества рисков, с которыми сегодня сталкиваются стороны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Oscar Flynt. Smart Contracts: How to Use Blockchain Smart Contracts for Cryptocurrency Exchange // ISBN: 9781537260747. August 23, 2016 Стр 12.

[2] URL: <http://old.computerra.ru/1998/266/194332/>

[3] Kindle Edition. Smart Contracts: The Essential Guide to Using Blockchain Smart Contracts for Cryptocurrency Exchange (Smart Contracts, Investing in Ethereum, Blockchain, Fintech) // 23 october 2016 г Стр – 29.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ В РФ

**Генералов Владислав Владимирович,
Князев Илья Андреевич**

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный

университет им. Н.И. Лобачевского

Юридический факультет

пр. Гагарина, 23, г. Нижний Новгород, Россия, 603950

unn@unn.ru

*Научный руководитель: Е.А. Плешаков, к.ю.н., старший
преподаватель гражданского права и процесса*

В статье рассматривается относительно новая категория «криптовалюта», затрагивается вопрос о необходимости конкретизации ее правового статуса. Проанализирована текущая ситуация вокруг статуса криптовалюты в РФ, судебная практика, правовая природа рассматриваемой категории. Сделаны обобщения по данной проблеме и выведены общие рекомендации для последующего нормативного заполнения правового пробела в определении статуса криптовалюты.

Ключевые слова: криптовалюта, биткоин, частные деньги, крипторубль.

Основной причиной неопределенности правового статуса криптовалюты является отсутствие законодательной воли и регулирование отечественным законодателем общественных отношения по принципу «латания дыр». Данный принцип отчетливо прослеживается на примере нормативного регулирования смежной с криптовалютой категории «электронных денег». Так, дефиниция «электронных денег» появилась лишь в 2011 году, в связи с принятием Федерального закона «О национальной платежной системе», в то время как одна из самых известных в России электронных платежных

систем «Яндекс.Деньги» эмитировала первые электронные деньги еще в 2002 году.

Знаковой в вопросе статуса биткоина можно назвать позицию Центрального Банка РФ, изложенную пресс-службой в «Информации об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, «биткойн» от 27 января 2014 года [1]. В данном сообщении Банк России занял весьма жесткую позицию по отношению к криптовалюте, отметив ее следующие особенности:

- 1) Отсутствие обеспечения и юридически обязанных субъектов;
- 2) Спекулятивный характер операций, высокий риск потери стоимости;
- 3) Анонимность выпуска, в связи с чем допускается возможность вовлечения граждан и юридических лиц в противоправную деятельность (в частности, легализация преступных доходов и финансирование терроризма).

Нам не представляется возможным согласиться с данной позицией. Думается, данные особенности, за исключением анонимности выпуска, в той или иной мере присущи любой современной национальной валюте, в том числе и рублю. Но данная позиция ЦБ РФ, отраженная пресс-службой, нашла отклик в отечественной судебной практике, где ей была придана «нормативность» [2]. Представляется, что сложившаяся ситуация является недопустимой, что еще раз подчеркивает необходимость конкретизации правового статуса криптовалюты.

Более того, в судебной практике встречаются прецеденты, когда, руководствуясь позицией Банка России, суд делает вывод, что распространение информации о криптовалюте является запрещенной на территории РФ и «противоречит интересам РФ и неопределенного круга лиц» [3].

На наш взгляд, криптовалюта это вид частных денег. Частные деньги – негосударственные фидуциарные деньги, выпускаемые в обращение частными организациями. Их можно считать антиподом государственных денег [4,30].

Глава Центрального Банка РФ, признавая криптовалюту частными деньгами, на форуме Finopolis-2017 заявила: «Мнение Банка России — не легализовывать использование криптовалют

как законного платежного средства. Второй вопрос - это национальная цифровая валюта, возможно, основанная на блокчейне. Мы этот вопрос обсуждаем. Еще раз повторю: это национальная валюта, не частная валюта, и многие центральные банки, мы знаем, обсуждают в мире» [5]. Несмотря на громкое заявление главы Банка России «не легализовывать криптовалюту», криптовалюта как разновидность частных денег не запрещена на территории РФ, как и частные деньги в целом, эффективно функционирующие уже не одно десятилетие, несмотря на отсутствие правового регулирования. В качестве примера можно привести различные «бонусные рубли», подарочные карты, топливные «баллы», «мили» авиакомпаний и др.

Думается, рационально обратиться к международному-правовому опыту. Так Германия видит свое будущее вместе с развитием криптовалюты: «Несколько недель назад немецкая финансовая инспекция BaFin внесла поправки в немецкий Банковский кодекс, утверждая биткойны в качестве «единиц стоимости», и, следовательно, они могут быть отнесены к финансовым инструментам [6].

Резюмируя, отметим, что отсутствие правового регулирования использования криптовалюты создает неопределенность в вопросе ее правового статуса, порождает разноречивую судебную практику и в целом негативно сказывается на развитии потенциально ценной технологии и ее роли в гражданском обороте. Полагаем, что в ближайшее время необходимо устранить данный пробел посредством четкого определения правового статуса криптовалюты в качестве частных денег.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Информация* об использовании при совершении сделок «виртуальных валют» [Электронный ресурс] URL: https://www.cbr.ru/press/PR/?file=27012014_1825052.htm (дата обращения: 20.10.2017)

[2] *Решение* Наримановского районного суда от 14.08.2017 по делу № 2а-704/2017г. [Электронный ресурс] URL:

<https://rospravosudie.com/court-narimanovskij-rajonnyj-sud-astrahanskaya-oblast-s/act-558427542/> (дата обращения: 20.10.2017)

[3] *Решение* Железнодорожного районного суда г. Красноярска по делу № 2-4283/2016 [Электронный ресурс] URL: <https://rospravosudie.com/court-zheleznodorozhnyj-rajonnyj-sud-g-krasnoyarska-krasnoyarskij-kraj-s/act-533846277/> (дата обращения: 20.10.2017)

[4] *Генкин А.С.* Частные деньги: Осмысление роли и места в современном мире// *Финансы и кредит*. – М.: Финансы и кредит. 2005. № 29. – С.29-33.

[5] *ЦБ* против легализации криптовалют как частных денег [Электронный ресурс] URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/92016> (дата обращения: 20.10.2017)

[6] *Германия* официально признает Bitcoin как «частные деньги» [Электронный ресурс] URL: <https://cryptochan.org/germaniya-oficialno-priznaet-bitcoin-kak-chastnye-dengi/> (дата обращения: 20.10.2017)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БИТКОИНОВ В РФ

Дадаева Диана Рихардовна,

Урядникова Анастасия Александровна

Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации

Волгоградский институт управления

400131, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8

viu@vlgr.ranepa.ru

Научный руководитель: С.М. Миронова, к. ю. н. и доцент,
доцент кафедры конституционного и административного права
ВИУ РАНХиГС

В статье рассматривается проблема правового регулирования криптовалюты «Биткоин». Проведен анализ планируемых изменений в нормативно-правовых актах. Сравнивается уголовная и административная ответственность за незаконный оборот биткоинов. Исследуются преимущества законодательного признания биткоина перед его запрещением.

Ключевые слова: криптовалюта, биткоин, майнинг, правовая природа биткоина, уголовная ответственность, административная ответственность, валюта, денежный суррогат, правовое регулирование криптовалюты.

На сегодняшний день существующая уже практически десять лет криптовалюта «Биткоин» пользуется огромной популярностью. Данный факт порождает серьезную проблему: валюта как средство платежа есть, а ее правового регулирования до сих пор нет. Получается, что криптовалюта - это экономический феномен, с которым столкнулись законодатели многих государств. Эта ситуация не обошла стороной и законодательную систему России.

Для того, чтобы законодателю создать правовые основания для регулирования такого явления как биткоин, необходимо разобраться в его правовой природе.

Если проанализировать Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [1], то видно,

что законодатель не дает ему никаких определений, а отнесение биткоина к понятию электронных денежных средств сомнительно, так как данная криптовалюта не обладает всеми необходимыми признаками денег (к примеру, биткоин не является средством обращения).

По итогам совещания по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере, состоявшегося 10 октября 2017 года, В.В. Путин утвердил перечень поручений, согласно которому Правительство РФ и Банк России должны вести дополнения в действующее законодательство в рамках реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Должны появиться определения таких понятий как: технологии распределенных реестров, цифровой аккредитив, цифровой закладная, криптовалюта, токен и смарт-контракт. Соответствующие изменения в законодательство должны быть внесены до 1 июля 2018 года [2]. Но все же главной для применения останется норма, указанная в ст. 27 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации» в которой говорится о рубле как о единственной официальной денежной валюте, и указывается на то, что «введение на территории России других денежных единиц и выпуск денежных суррогатов запрещается».

Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей Борис Титов, считает, что кроме определения в законодательстве понятия «крип토폰енов», урегулирование статуса «криптовалют» и «первого контура обмена», необходимо создать так называемые «законодательные песочницы» – временные схемы регулирования с отдельными компаниями, операциями, правилами, которые фиксируются только для определенного круга лиц и определенного сектора [4]. То есть, изначально осуществлять обмен криптовалют на национальную валюту будет только Центральный банк России. А обмен иных криптовалют сможет осуществляться в регуляторной песочнице. Так, например, в кафе и ресторане нельзя будет рассчитаться криптовалютой, но оплата может быть осуществлена при условии конвертации ее в рубли банком или биржей-посредником. При этом сделки с иностранными

резидентами (экспорт и импорт товаров) возможны без дополнительных процедур [4].

Так же в планах государства создание требований к организации и осуществлению майнинга – деятельности по генерированию новых криптовалют, регистрации субъектов такой деятельности, а также определение порядка ее налогообложения. Например, Министерство финансов предложило дать такую возможность только организациям и ИП. Нужно учитывать, что данная деятельность будет подлежать регистрации. Площадки, где криптовалюту обменивают на привычные деньги, как считает Минфин, должны получать лицензию [5].

Исходя из выше сказанного, можно сделать вывод, что Минфин готов к законодательному признанию такого платежного средства, но с оговоркой на детальный контроль связанной с ним деятельности.

Такой точки зрения придерживается сенатор Людмила Бокова, которая считает нужным придать биткоину законный статус в России, предложив «установить контрольные функции со стороны государства за данной криптовалютой» [6].

То есть, если в 2015 году криптовалюту хотели запретить, то на данный момент законодатель изменил свое видение данной ситуации. Так, С.М. Миронова предположила, что при установлении правовых рамок обращения биткоинов и других криптовалют в Европе, в России они не смогут быть признаны денежными суррогатами [7. С. 106]. А значит, не будут запрещены.

Такое положение дел подтверждает факт того, что ряд стран уже определился со статусом биткоина: Великобритания настроена дать возможность цифровым деньгам занять свое место в национальной экономике, В Финляндии биткоин-транзакции рассматриваются как финансовые операции, жителям швейцарского города Кьяссо разрешат платить налоги в биткоинах [8], а в Болгарии и Германии данная криптовалюта уже подлежит налогообложению. Наибольших успехов в отношении государственного регулирования криптовалюты достигли в Японии: биткоину и некоторым другим

криптовалютам с 1 апреля 2017 года присвоен статус платежного средства наравне с иенами [9].

Имеется правовая позиция, говорящая о том, что необходимо ввести уголовную и административную ответственность за выпуск и оборот криптовалют. Например, Министерством финансов был создан проект Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации", которым в названный нормативно-правовой акт вносится статья «оборот денежных суррогатов», вносящая наказание за изготовление, сбыт или приобретение в целях сбыта денежных суррогатов [10]. В Государственную Думу РФ вносился проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, который содержал в себе похожие нормы [11].

Возникает вопрос: какая ответственность более целесообразна к применению за изготовление и реализацию криптовалюты и возможно ли разделение ее на административную и уголовную в зависимости от степени тяжести противоправного деяния.

Более разумным представляется законодательное урегулирование круга лиц, имеющих право на изготовление и сбыт криптовалюты и создание норм, предусматривающих наказания за связанные с данной деятельностью правонарушения.

То, что в итоге государство все-таки примет решение о том, какой правовой статус придать биткоину и криптовалюте в целом – несомненно. Существующее противоречие мнений среди органов власти порождает множество вариантов решения данной проблемы: от разумной легализации данного экономического феномена до полного запрета его распространения. Более выгодным для государства видится законодательная легализация деятельности по производству и сбыту биткоина только определенными организациями, владеющими лицензией. Такое решение способствовало бы обогащению экономики России путем налогообложения связанных с биткоинами финансовых операций.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1]. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 18.07.2017) «О национальной платежной системе». // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 04.11.2017);

[2]. Перечень поручений по итогам совещания по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/55899>

[3]. Федеральный закон от 10.07.2002 N 86-ФЗ (ред. от 18.07.2017) "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)" // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 04.11.2017);

[4]. Борис Титов предлагает «пропесочить» законодательство в сфере оборота криптовалют. // <http://ombudsmanbiz.ru/2017/11/boris-titov-predlagaet-propesochit-zakonodatelstvo-v-sfere-oborota-kriptovaljut/#1> (Дата обращения 05.11.2017)

[5]. Майнинг разрешат только юрлицам и ИП // <http://taxpravo.ru/novosti/statya-397244-mayning-razreshat-tolko-yurlitsam-i-ip> (Дата обращения: 03.11.2017)

[6]. Сенатор Бокова предложила узаконить криптовалюту // <http://vmeste-rf.tv/news/143216/> (Дата обращения: 04.11.2017)

[7]. *Миронова С.М.* Финансово-правовые аспекты обращения криптовалюты (на примере биткоин) // Научные труды по финансовому праву. Актуальные проблемы правового режима денег и правовых основ денежной системы: Материалы Шестой международной научно-теоретической конференции «Худяковские чтения по финансовому праву» (Алматы, 11 декабря 2015 г). Вып. 6 / Под общ. ред. Е.В. Порохова. – Алматы: ТОО «Налоговый эксперт», 2016. 272 с. С. 100-108;

[8]. Жителям швейцарского города Кьяссо разрешат платить налоги в биткойнах // <http://www.interfax.ru/business/578653> (Дата обращения: 04.11.2017)

[9]. «Биткоин в законе»: как в России отрегулируют криптовалюты и ICO //

<https://www.rbc.ru/money/24/10/2017/59ef5def9a794713956b0b5d>
(Дата обращения: 04.11.2017);

[10]. Проект Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" (подготовлен Минфином России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 28.03.2016)// СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 04.11.2017)

[11]. Проект Федерального закона N 957581-6 "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 04.11.2017)

КРИПТОВАЛЮТА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Диба Елена Владимировна

Саратовская Государственная Юридическая Академия
Институт Юстиции
ул. Вольская, 1, Саратов, Россия, 410056
rector@sgap.ru

Научный руководитель: А.В. Устинова, преподаватель
кафедры финансового, банковского и таможенного права
СГЮА

В статье рассмотрены некоторые вопросы теоретического осмысления новой виртуальной валюты – криптовалюты. На сегодняшний день возрастает интерес к пониманию сущности такой валюты. Акцентируется внимание на отсутствие нормативного правового регулирования данных взаимоотношений между пользователями, в связи с этим существует необходимость не только в детальной регламентации и изучении криптовалют, но и в разработке институциональных норм.

Ключевые слова: криптовалюта, Bitcoin, финансовое реформирование, виртуальная валюта, Blockchain.

С недавнего времени в мире произошли существенные изменения. Все сферы жизнедеятельности человека были дополнены новыми преобразованиями. Однако существует феномен, который перевернул сознание всего человечества – криптовалюта. Первые упоминания о криптовалюте (Bitcoin) относятся к 2008 году благодаря разработчику из Японии Сатоши Накамото, который сгенерировал стартовый денежный блок, на основе усовершенствованной модели «Bit Gold» Ника Сабо. В настоящее время криптовалюта широко применяется в таких странах, как Япония, Австралия, США, Германия.

Несмотря на стремительный рост популярности криптовалют, их понятие отсутствует, которое бы в достаточной

мере раскрывало сущность и экономическую природу. Это определяется особым процессом выпуска (эмиссии) данных валют, а также процессом их реализации. Ученые экономической и финансовой сферы определяют криптовалюту как криптографически защищенную и децентрализованную цифровую валюту, сведения, о транзакции которой вносятся и хранятся в Blockchain [1]. Используя P2P технологию, Bitcoin функционирует без какого-либо контролирующего органа или центрального банка; обработка транзакций и эмиссия осуществляются коллективно участниками сети. Практические работники, в свою очередь, трактуют криптовалюту как виртуальную, электронную или цифровую монету, представляющую собой зашифрованную информацию, не поддающуюся копированию, создание и контроль которой строится на криптографических методах, являющейся децентрализованной [2].

Проанализировав имеющиеся определения, изучив экономическую природу данного феномена, целесообразно под «криптовалютой» понимать определенную разновидность виртуальных денег, функционирование которых основано на децентрализованной эмиссии и реализации, представляющую собой сложную систему информационных и технологических процессов, основанных на криптографических методах защиты, в то время как пользователи, осуществляющие транзакции, остаются анонимны.

Рынок криптовалют на сегодняшний день насчитывает различные их виды: Bitcoin, BTC (Биткойн); Litecoin, LTC (Лайткойн); Peercoin, PPC (Пиркойн); Feathercoin, FTC (Фезеркойн) и многие другие. Стоимость криптовалют варьируется в зависимости от вида (Bitcoin, Litecoin, Feathercoin) от 70 \$ USD – до 8200 \$ USD.

Однако быстрый темп развития и популярности криптовалют на мировом рынке вызывает ряд спорных моментов относительно правовой природы данного явления.

В январе 2014 года пресс-служба Центрального Банка Российской Федерации опубликовала информацию «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн» [3]. В данном документе пресс-

служба отметила, что «предоставление российскими юридическими лицами услуг по обмену «виртуальных валют» на рубли и иностранную валюту, а также на товары (работы, услуги) будет рассматриваться как потенциальная вовлеченность в осуществление сомнительных операций в соответствии с законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Представляется, что Центральный Банк Российской Федерации определил криптовалюту как суррогат, хотя прямо это не оговорено.

Позднее Федеральная служба по финансовому мониторингу в Информационном письме ««Об использовании криптовалют» [4] четко определил криптовалюту как денежный суррогат, который в соответствии с законодательством не может быть использован на территории Российской Федерации. Также в феврале 2014 года Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков сделала заявление об использовании платежей Bitcoin наркомафиями при реализации наркотиков [5]. В конце ноября 2016 года Федеральной налоговой службой было опубликовано письмо «О мерах по осуществлению контроля за обращением криптовалют» [6] определяющее правовой статус цифровых валют и сделок с ними.

Проанализировав позицию органов государственной власти, следует сказать, что отсутствие правового регулирования криптовалюты в Российской Федерации, операций, проводимых с ее использованием, а также невозможность защиты прав лиц, пострадавших при банкротстве бирж, занимающихся «добычей» Bitcoin, является существенным недостатком в развитии и благоприятном функционировании государственного аппарата, жизнедеятельности незащищённых слоев населения.

В существующей экономической ситуации Российской Федерации представляется необходимым опираться на опыт Японии, в которой достаточно прогрессивно функционирует Комиссия по цифровым активам Японии. После обвала криптовалютной биржи «MtGox» в феврале 2014 года Правительство отложило планы по регулированию криптовалютных отношений, сообщив о намерения

контролировать незаконные транзакции Bitcoin. Позднее Совет по финансовой системе Японии предложил законопроект о регулировании криптовалюты, одобренный Правительством он определил Bitcoin как ценность подобной финансовым активам и являющуюся законным средством обмена.

На сегодняшний день в Российской Федерации предприняты попытки правового регулирования криптовалютных отношений. В конце 2014 года на официальном портале Regulation.gov.ru прошли массовые обсуждения разработки законопроекта о запрете криптовалюты на территории Российской Федерации. Затем Министерством финансов Российской Федерации было внесено ряд изменений в действующие нормативные акты. Изменения касались наложения административных штрафов на выпуск (эмиссию) денежных суррогатов, на создание и распространение программного обеспечения для их «добычи». В 2016 году появилась информация о том, что Министерство финансов Российской Федерации готовит новый проект закона о запрете криптовалют, но уже с предусмотренной уголовной ответственностью за выпуск (эмиссию) и обращение цифровых денег [7].

Обобщая вышеизложенное следует сказать о необходимости внесения законопроекта в Государственную думу Российской Федерации, который бы не запрещал криптовалюту, а именно регулировал криптовалютные отношения. Сейчас существует понимание, что запрет криптовалютных отношений существенно затормозит развитие России и технологически отбросит на годы назад. В законопроекте должны содержаться термины необходимых понятий, содержание криптовалютных отношений, способы совершения криптовалютных транзакций, пользователи (майнеры), методы государственного регулирования, а также ответственность за нарушения прав пользователей криптовалютами, создать реестр для регистрации виртуальных бирж, с целью централизации данной сферы влияния.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Судебно-юридическая газета. Блог // URL: <http://sud.ua/ru/news/blog/110210-kriptovalyuty-pravovaya-priroda-i-regulirovanie> (дата обращения 18.11.2017).

[2] Официальный сайт Эфириум от А до Я // URL: <https://1ethereum.ru/mnenie-ekspertov-o-kriptovalyutah-i-blokchejn-tehnologii/> (дата обращения 18.11.2017).

[3] Официальный сайт Центрального Банка РФ // URL: www.cbr.ru (дата обращения: 17.11.2017).

[4] Официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу // URL: <http://www.fedsfm.ru/news/957> (дата обращения: 18.11.2017).

[5] Директор Федеральной службы по контролю за наркотиками: Российская наркомафия пользуется биткоинами // URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2014/02/25/direktor-fskn-rossijskaya-narkomafiya-polzuetsya> (дата обращения 18.11.2017).

[6] Консультант Плюс. Письмо Федеральной налоговой службы «О мерах по осуществлению контроля за обращением криптовалют» // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=QUEST&n=162766#0> (дата обращения 18.11.2017).

[7] Журнал ForkLog. Правительство РФ подготовит новый вариант законопроекта о запрете криптовалют // URL: <https://forklog.com/pravitelstvo-rf-podgotovit-novyy-variant-zakonoproekta-o-zaprete-kriptovalyut/> (дата обращения 18.11.2017)

BITCOIN В ПРАВОВОМ ПОЛЕ РФ

Журавлева Нелли Сергеевна

Московский государственный юридический университет

им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Международно-правовой институт

ул. Садовая-Кудринская, 9, Москва, Россия, 123286

nellizhuravleva2904@mail.ru

В статье рассматривается криптовалюта, в частности, bitcoin, как особое явление, к которому не сформирован единообразный подход ни в правовой теории, ни в практике. В работе анализируется сущность bitcoin, подходы к его пониманию и регулированию с точки зрения различных государственных органов и выдвигаемые ими инициативы, а также сложившаяся на данный момент судебная практика.

Ключевые слова: bitcoin, криптовалюта, виртуальная валюта, технологии.

В последнее время такие понятия как криптовалюта, цифровые деньги, Bitcoin - на слуху у каждого, кто интересуется новостями экономики и права нашей страны. В сентябре этого года, в Государственной Думе РФ был сформирован экспертный совет по цифровой экономике и блокчейн-технологиям. 22 сентября был объявлен конкурс на проведение исследования рынка криптовалют, блокчейна и связанных с ними рисков [11]. Часто мы сталкиваемся с самыми разнообразными комментариями в отношении статуса криптовалюты: одни проводят параллель между bitcoin и финансовой пирамидой Мавроди, другие открыто заявляют: «расчеты в bitcoin будут запрещены», кто-то же иронически комментирует: «Bitcoin? Мыльный пузырь». Так или иначе, следует отметить: на сегодняшний день проблема правового регулирования криптовалюты в РФ является актуальной, а потому требует анализа и изучения специалистами из различных сфер.

Стоит заметить, понятия «крипто-, цифровая, виртуальная» валюта не являются тождественными с понятием

«электронных денег» (цифрового выражения фиатных денег). В докладе межправительственной организации FATF определение виртуальных денег сформулировано так: цифровое выражение стоимости, которое находится в обороте в цифровой форме, выполняет функции средства обмена и накопления, меры стоимости и не имеет статуса законного платежного средства. По моему мнению, вышеуказанное определение не в полной мере отображает отличительные свойства криптовалюты, к которым, в частности, относятся: 1). независимость; 2). универсальность; 3). минимальный риск обесценивания – в алгоритме криптовалюты заложена «дефляционная составляющая»; 4). специфическая форма выражения; 5). анонимность; 6). удобство использования; 7). отсутствие единого эмиссионного центра и государственного контроля за выпуском и оборотом; 8). свобода воли участников системы – разработчики не имеют контроля над bitcoin - операциями, каждый субъект вправе создавать свои модификации на условиях open source лицензии MIT.

В докладе Европейского Центрального Банка (2013 год) была сформулирована классификация виртуальных денег на 3 группы: 1). системы виртуальных валют закрытого типа, используемые в онлайн-играх; 2). системы, где обмен возможен только в одну сторону (например, "мили", приобретаемые в рамках программ лояльности авиакомпаний); 3). системы с возможностью двустороннего обмена (в частности, bitcoin). В феврале 2015 года ЕЦБ, в своем докладе «Virtual Currency Schemes: Further Analysis», констатировал: "Виртуальные деньги - цифровое представление ценности, не эмитированное центральным банком, кредитным учреждением или эмитентом электронных денег, которое может при определенных обстоятельствах служить в качестве альтернативы деньгам" [12].

На сегодняшний день в РФ не сформулирована легальная дефиниция криптовалюты. Статус bitcoin частично описан в Информационном сообщении Росфинмониторинга «Об использовании криптовалют», Письме ФНС от 03.10.2016, Предостережении Банка России от 27.01.2014 года «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в

частности, Биткойн» [6][8]. На данном этапе введение Bitcoin в гражданский оборот практически невозможно. В силу отсутствия необходимой для качественного регулирования нормативной базы, вопрос о месте криптовалюты в системе объектов гражданских прав до сих пор не разрешен. Bitcoin определенно не относится к деньгам, поскольку не указан в ст. 140 ГК РФ и не соответствует ст. 27 Закона о Банке России [1][3]. Криптовалюта не названа в ст. 128 ГК РФ как объект гражданских прав, однако, по мнению Середы А.В., может рассматриваться как «иное имущество». При формулировке данного вывода автор ссылается на определение Арбитражного суда Вологодской области, где факт удовлетворения ходатайства о запросе справок об остатках ЭДС (в т.ч. криптовалют) рассматривается как попытка суда рассмотреть криптовалюты в качестве имущества должника [10].

Нельзя относить Bitcoin и к разновидностям имущественного права, в качестве которого можно рассматривать безналичные денежные средства и электронные деньги по Закону об НПС [5]. Ведь в данном случае отсутствуют какие-либо договорные отношения с оператором электронных денег по причине его отсутствия. Кроме того, Bitcoin нельзя признавать и бездокументарной ценной бумагой, так как ГК РФ и ФЗ «О рынке ценных бумаг» устанавливает их закрытый перечень.

В этой связи, представляется интересным упоминавшееся мною Письмо ФНС от 03.10.2016 г., положения которого констатируют: **«Законодательство РФ не содержит запрета на проведение российскими гражданами и организациями операций с использованием криптовалюты»**, «операции, связанные с приобретением или реализацией криптовалют с использованием валютных ценностей (иностранной валюты и внешних ценных бумаг) и (или) валюты Российской Федерации, являются валютными операциями и должны осуществляться через счета резидентов, открытые в уполномоченных банках». В то же время ФНС отмечает, что существующая система валютного контроля не предусматривает получение органами валютного контроля и агентами валютного контроля информации об операциях купли-продажи криптовалют [4].

Росфинмониторинг обозначает криптовалюту как инвестиционный инструмент, а также инструмент спекулятивной торговли, в связи с чем сделки, проведенные с использованием Bitcoin, рассматриваются как сомнительные, потенциально связанные с легализацией доходов и финансированием терроризма.

Некоторые исследователи определяют Bitcoin через призму денежного суррогата, легального определения которого в законодательстве РФ не предусмотрено. В июне 2015 года Минфин России внес в Правительство версию законопроекта об ответственности за использование денежных суррогатов, запрещающую такие криптовалюты, как bitcoin. Законопроект определяет денежные суррогаты как другие денежные единицы и выпуск объектов имущественных прав, в том числе в электронном виде, используемые в качестве средства платежа и (или) обмена и непосредственно не предусмотренные законом.

Правоприменительную практику РФ в отношении Bitcoin также нельзя назвать единообразной. 13 января 2015 года Роскомнадзором по решению Невьянского райсуда были заблокированы 7 сайтов, связанных с тематикой Bitcoin. В мае же Свердловский облсуд отменил решение Невьянского суда о признании информации на сайтах криптовалютной тематики запрещенной к распространению на территории России. Определенный интерес представляет Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда, в котором замена обязательства по возврату долга в иностранной валюте (сингапурских долларах) на обязательство по перечислению определенной суммы bitcoin была квалифицирована судом как новация долга [9]. В то же время арбитражной практике известны случаи, когда суды приходили к выводу о запрете оборота криптовалюты на территории Российской Федерации, определяя её как денежный суррогат.

Таким образом, я считаю, что несмотря на существующие риски использования Bitcoin, крайне важно изучить и грамотно урегулировать инновационно-технологический рынок. Принятие соответствующих нормативно-правовых актов, помогло бы избежать корреляции правовых режимов и сформировать единообразную судебную практику, а также

позволило бы своевременно и эффективно защитить права и интересы субъектов гражданского оборота.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1]. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. - 29.01.1996. - № 5

[2]. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 01.07.2017)

[3]. Федеральный закон от 10.07.2002 N 86-ФЗ (ред. от 18.07.2017) "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)" (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.09.2017)

[4]. Федеральный закон от 10.12.2003 N 173-ФЗ (ред. от 18.07.2017) "О валютном регулировании и валютном контроле"

[5]. Федеральный закон от 27.06.2011 N 161-ФЗ (ред. от 18.07.2017)
"О национальной платежной системе"

[6]. Письмо ФНС России от 03.10.2016 N ОА-18-17/1027

[7]. Информация Банка России от 27.01.2014 "Об использовании при совершении сделок "виртуальных валют", в частности, Биткойн"

[8]. Информационное сообщение Росфинмониторинга "Об использовании криптовалют"

[9]. Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 28.06.2016 N 06АП-2802/2016 по делу N А73-6112/2015

[10]. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11.09.2015 N Ф06-26179/2015 по делу N А12-43952/2014

[11]. <http://tass.ru/ekonomika/4604356>

[12]. <https://www.cryptocoinsnews.com/reality-check-bitcoin-plays-bit-role-terror-financing/>

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ БИТКОИНОВ

Козловская Дарья Игоревна

Финансовый университет при Правительстве РФ
Ленинградский просп., 49, Москва, Россия, 125993 (ГСП-3)
d.kozlovskaya@inbox.ru

Научный руководитель: Н.В. Вильская, старший преподаватель
департамента правового регулирования экономической
деятельности Финансового университета
при Правительстве РФ

В статье рассматриваются особенности правовой природы биткоинов в России и за рубежом. Проанализированы основные нормативно-правовые акты, регулирующие использование криптовалюты. Сделан вывод о том, что основными особенностями правовой природы биткоинов является их полная либо частичная анонимность, фиксированные правила и законы эмиссии, не зависящие от внешних или внутренних воздействий, а также полное отсутствие фактического их обеспечения, что значительно отличает их от ценных бумаг либо полноценных мировых национальных валют.

Ключевые слова: криптовалюта, биткоин, блокчейновая система, платёжные средства, денежные суррогат.

Криптовалюты являются относительно новым платёжным инструментом, который возник на мировом рынке лишь 2009 году. Соответственно, правовое и юридическое регулирование такого инструмента в законодательстве большинства стран мира просто не существовало, что породило множество правовых коллизий и спекуляций. На сегодняшний день полностью установленными законодательными нормами регулирования оборота криптовалют обладают лишь некоторые государства, в число которых пока ещё Российская Федерация не входит.

Первая покупка с использованием самой популярной и наиболее известной криптовалюты, а именно – Bitcoin, произошла в мае 2010 года [3. С. 168]. Именно с этого момента

отсчитывается история блокчейновых электронных валют в качестве платёжного средства. Основными особенностями таковых систем является их полная либо частичная анонимность, фиксированные правила и законы эмиссии, не зависящие от внешних или внутренних воздействий, а также полное отсутствие фактического их обеспечения, что значительно отличает их от ценных бумаг либо полноценных мировых национальных валют. Принципиальным отличием, важным для последующего определения правового статуса Биткоина и других криптовалют, является наличие определённых гарантий транзакций, позволяющих осуществлять торговые операции без услуг посредников [5. С. 27]. Все транзакции являются общедоступными и могут быть отслежены третьими лицами, что исключает возможность подделки таковых платёжных средств и отменяет необходимость привлечения гаранта в качестве третьей стороны сделки.

В целом, на сегодняшний день большинство государств определяют правовой статус лишь конкретных систем криптовалют, в первую очередь – Bitcoin, как наиболее распространённой блокчейновой системы. В частности, полностью регламентировано использование биткоинов как полноценных денег в Японии, частично – в Таиланде, Сингапуре, США, Китае и Швейцарии [2. С. 6]. Впервые российское законодательство обратило внимание на Биткоин в 2014 году. Отсутствие правовой базы для криптовалют и биткоинов в России негативно сказалось на судебной практике, связанной с их применением. Полная анонимность не могла обеспечить надёжную идентификацию лица, осуществляющего мошенническую или иную преступную деятельность, связанную с криптовалютами. Таким образом, при вынесении решений суды полагаются, в первую очередь, на отдельные статьи законодательства.

Несмотря на то, что биткоин часто относится к статусу виртуальной валюты или денежного суррогата, правового определения данных терминов в российском законодательстве нет. Единственным документом, в котором фиксируется понятие денежного суррогата, является Федеральный закон от

10.07.2002 N 86-ФЗ (ред. от 18.07.2017) "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)" (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.09.2017), в котором прямо запрещается выпуск денежных суррогатов или иных денежных единиц на территории Российской Федерации [4. С. 61]. Учитывая, что непосредственная эмиссия происходит при помощи майнинга с участием отдельных участников системы криптовалют, майнинг может признаваться нарушением существующего законодательства. Тем не менее, неопределённость статуса биткоина и других криптовалютных платежных средств освобождает от ответственности за нарушение вышеупомянутого ФЗ, а реальная судебная практика фактически не имеет подобных прецедентов, в которых майнинг был бы признан преступным или незаконным деянием [1. С. 157]. На июнь 2017 года Центробанк РФ заявил о максимально скором введении определённых нормативов использования биткоина и других криптовалютных блокчейновых платёжных средств.

Таким образом, правила ведения операций с биткоинами и прочими криптовалютами могут измениться в ближайшее время и потребовать дополнительных процедур и изменения статуса деятельности легальных предпринимателей, работающих с такими платёжными средствами.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Бакович И.С.* Тенденции развития денежных форм. криптовалюта биткоин и её роль в современной экономике // "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.) (Пенза). 2016. С. 155-160.

[2] *Ломовцев Д.А.* Сравнительная характеристика правового регулирования биткоина в разных странах // Фонд "Консалтинга и правовой защиты населения" (Москва). 2014. № 4. С. 5-9.

[3] *Моисеева Е.Ю., Рубан А.А.* Правовой режим валюты нового поколения // Общество с ограниченной ответственностью "Центр развития научного сотрудничества" (Новосибирск) 2015. №14. С. 168-173.

[4] *Рашева Н.Ю., Чиркова О.И.* Правовые основы электронной валюты (на примере bitcoin) // Южно-Уральский институт управления и экономики (Челябинск). 2017. № 1 (12). С. 60-68.

[5] *Романов И.Б., Вильская Н.В.* Специфика экономических факторов правообразования в россии с позиций структурно-функционального подхода // Редакция журнала "Представительная власть - XXI век: законодательство, комментарии, проблемы" (Москва). 2014. № 2-3 (129-130). С. 26-34.

[6] *Савостьянов С.В.* Биткоины - деньги или вымысел? // Издательская группа "Юрист" (Москва). 2016. №1. С. 28-29.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТ В РОССИИ

Криницына Анастасия

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
Юридический факультет
ул. Ленинские Горы, 1, к. 13-14, Москва, 119234
anastdmitrievnakrin@gmail.com

*Научный руководитель: С.А. Карелина, д.ю.н., профессор
кафедры предпринимательского права МГУ имени М.В.
Ломоносова*

Ключевые слова: криптовалюта, блокчейн, правовое регулирование криптовалют, государственный контроль.

Криптовалюта. Сегодня это слово практически у каждого на устах. Но по мере распространения и развития криптовалютной среды, усложнения экономических процессов, связанных с ее выпуском и обращением, появляются и проблемы, относящиеся не только к технической стороне данного явления, но и к ее правовой составляющей.

Что из себя представляет криптовалюта? Правового определения на сегодняшний день в российском праве не существует, но самостоятельно разобраться в сущности объекта моего интереса в общем-то можно. Думается, наиболее полно природа криптовалюты отражена в понятии, предложенном юристами фирмы Axon Partners и криптовалютной консалтинговой компанией ForkLog Research. Криптовалюта – это криптографически защищенная и децентрализованная цифровая валюта, сведения о транзакциях в которой вносятся и хранятся в Blockchain. Кратко раскроем признаки, выделенные в данном понятии. Криптографическая защищенность означает, что все операции с данной валютой обладают высокой степенью безопасности, они зашифрованы, следовательно, их содержание становится недоступным без предъявления ключа, который есть только у

осуществляющего транзакцию лица. Децентрализация выражается в том, что криптовалюта не относится ни к одной банковской системе и принадлежит лишь владельцам монет, все это делает ее независимой и наиболее стабильной, поскольку ее курс не чувствителен, например, к нефти. Цифровой характер криптовалюты заключается в том, что информация выражается с помощью цифр, указывает на техническую составляющую.

В определении упоминается о Блокчейне, без понимания сути которого невозможно и глубокое понимание природы криптовалюты. Итак, Блокчейн – это распределенная база данных о транзакциях, которая состоит из связанных между собой блоков данных, которые нельзя изменить. На сегодняшний день существует множество обладающих своей спецификой криптовалют, самыми известными из них являются биткойн, неймкойн, лайткойн, фезеркойн и эфир. Криптовалюта невероятно популярна: ее обменивают на товар, получают в виде зарплаты, инвестируют в стартап-проекты. Именно в этом проявляется актуальность выбранной мною темы.

Определив, что такое криптовалюта, мы не можем не заметить ее очевидных преимуществ. Риски же замечать гораздо сложнее, но они все-таки присутствуют. В ходе октябрьского совещания по новым технологиям в банковской сфере к числу таких рисков были отнесены «возможность отмывания капиталов, полученных преступным путем, уход от налогов и финансирование терроризма, распространение мошеннических схем, жертвами которых могут стать рядовые граждане»^[2].

Существуют и иные риски, лежащие в правовом поле. Например, невозможность обжалования сделки, совершенной посредством криптовалюты. Как уже отмечалось, криптовалюте присущ признак децентрализации, поэтому нет контролирующего центра, который может обеспечить безопасность и дать гарантию правильного исполнения сделки сторонами. Возникают и проблемы, связанные с тем, что в настоящее время в России криптовалюта не является законным средством платежа, хотя обладать ею не запрещено. Это

создает неблагоприятные последствия в виде потенциальной возможности распространения притворных сделок, когда лицо, намеревающееся приобрести определенный товар, переводит криптовалюту третьему лицу, а тот в свою очередь переводит эквивалентную сумму в фиатной валюте продавцу товара.

Эти и другие сложные вопросы, связанные с криптовалютой, возникают в связи с отсутствием четких механизмов нормативно-правового регулирования. Сейчас люди, так или иначе имеющие отношение к крипто-среде, совершают операции на свой страх и риск в условиях неопределенности. Но возрастающая популярность использования возможностей, которые предоставляет криптовалюта, увеличение количества транзакций, совершаемых с ее помощью, вынуждают государство предпринять попытки к урегулированию вопроса на законодательном уровне. Сейчас над законопроектом, который должен будет поместить криптовалюту и связанные с ней процессы в правовые рамки, трудятся Министерство финансов, Центральный Банк, а также рабочая группа в Государственной Думе. Самые жаркие дискуссии возникают в связи с отсутствием единого мнения по поводу дефиниции криптовалюты. Превалирующей точкой зрения, которую и планируется отразить в законопроекте, является определение криптовалюты как программного кода, представляющего набор определенных символов, букв и цифр. Она будет рассматриваться как объект права собственности, который будет облагаться налогом и сможет стать предметом обмена.

Помимо вопроса о сущности криптовалюты, в законопроекте планируется урегулировать иные аспекты, так или иначе связанные с ней. К примеру, безусловно, будут даны правовые дефиниции майнеров, майнинга, блокчейна, криптовалютной биржи. Государственный контроль за оборотом криптовалют и функционированием криптовалютных бирж предлагается сделать прерогативой Национального банка. Однако, как можно заметить, законодатель берет курс на довольно мягкое и снисходительное регулирование, поскольку излишний

контроль государства может обесценить очевидные преимущества криптовалюты, что исключит ее перспективность для российских компаний и организаций.

Конечно, легализация криптовалюты необходима, но возникают сомнения в возможности ее локального регулирования, ведь она слабо привязана к государственным границам и распространена во многих других странах, причем Россия – не первая в их числе. Не создаст ли это проблем во взаимодействии в будущем? Как будет работать механизм налогообложения? Какие рычаги контроля будут даны государственным органам? Думается, упомянутый в данной работе законопроект должен дать ответы на эти и иные вопросы, возникающие в связи с попыткой придать юридический статус этому неординарному и непохожему ни на что другое объекту, называемому криптовалютой.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Правовое регулирование криптовалютного бизнеса [с.10]: электрон. независимый отчет. 2017. URL: <http://axon.partners/wp-content/uploads/2017/02/Global-Issues-of-Bitcoin-Businesses-Regulation.pdf> (дата обращения: 14.10.2017).

[2] Государство возьмет под контроль эмиссию и обращение криптовалют. 14.10.2017// Ведомости: [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/10/11/737423> (дата обращения: 14.10.2017).

БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ С ПОМОЩЬЮ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК

Кузнецов Сергей Сергеевич, Морозов Илья Валерьевич
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
Литейный пр., д. 44, Санкт-Петербург, Россия, 191104
ilya.morozov.13@yandex.ru

Научный руководитель: Е.П. Грушечная, к.ю.н., профессор
кафедры гражданско-правовых дисциплин СПбЮИ (ф) АГПРФ

В статье рассмотрена технология блокчейн, её основные преимущества и недостатки. Рассказывается о возможностях использования компьютерной технологии в различных сферах правоотношений, в том числе как способ борьбы с коррупцией. Также выявляются определённые проблемы правового характера в использовании данной технологии.

Ключевые слова: блокчейн, коррупция, государственные закупки, гражданские правоотношения, таможенные платежи.

Вокруг темы блокчейна в современной России ведётся много дискуссий. Идея всеобщего перехода на платформу блокчейна высказывается не только специалистами IT-индустрии, но и руководителями исполнительных и надзорных органов государственной власти. В своём выступлении на Петербургском международном экономическом форуме в июне 2017 года первый заместитель председателя Правительства Российской Федерации Игорь Шувалов отметил, что на технологии блокчейн сконцентрировано основное внимание Правительства РФ и Президента РФ.

Блокчейн представляет собой базу данных, где единой цепью связаны определённые блоки данных. В каждом блоке есть соответствующая ссылка на предыдущий блок. Соответственно, изменить данные в ранее сформированных

блоках данных не представляется возможным, так как все они связаны между собой и содержат начальную информацию из предыдущих блоков [7, С. 159]. Блокчейн основывается на двух центральных принципах – открытой истории транзакций и взаимном согласии сторон. Смысл взаимного согласия сторон заключается, прежде всего, в том, что удостоверение сделок в определённом блокчейне происходит с помощью синхронизации согласия большинства его пользователей. По мнению старшего научного сотрудника НИУ ВШЭ Савельева А.И. сущность открытой истории транзакций состоит в том, что любой участник данного блокчейна может изучить всю историю сделок с самого начала его существования [4, С. 98]. Стороны сделок будут анонимны, не привязаны к определённым физическим или юридическим лицам. Участник платформы может создавать множество адресов, но доступом к определённому адресу будет обладать лишь тот пользователь, который имеет доступ к закодированному ключу для этого адреса. Чтобы совершить транзакцию, нужно подтвердить её данным ключом. Другой участник может проверить эту операцию, если у него имеется открытый ключ, но он никогда не сможет внести в неё изменения, так как для этого требуется знать закрытый ключ. Это означает, что такая защита гарантирует абсолютную целостность и сохранность данных блокчейна.

Операции в блокчейне проводятся самими участниками сделок без привлечения посредников. Соответственно, затраты на хранение информации и их централизованное управление будут крайне невелики. Все операции блокчейна являются безотзывными, а за ходом их проведения следят сами же участники сделок. Также преимущества блокчейна по мнению кандидата экономических наук Смирнова Ф.А. состоят в том, что он «даёт возможность автоматизировать обновления этих записей и передаёт «ценность», делая обновления этих записей» [6, С. 51].

Сфера применения блокчейна потенциально очень широка. В октябре 2017 года Внешэкономбанк и Новгородская область объявили о запуске экспериментального проекта по

созданию системы мониторинга поставки лекарств на основе технологии блокчейн [5].

На наш взгляд, перспективной сферой внедрения электронной платформы является государственные и муниципальные закупки. Система блокчейна позволит устранить риски, которые характерны для типичных торговых площадок: подделку информации об активах, изменение каких-либо лотов, истории аукционов, участники не смогут сговариваться, а также недобросовестных участников торгов станет значительно меньше. Это позволит отслеживать каналы движения бюджетных средств. В то же время неясно, в какой момент эта платформа сможет блокировать при необходимости перекачку средств в фирмы однодневки? Как с помощью этой платформы остановить «перекачку» денежных средств и вернуть их назад? Внедрение данной технологии всего лишь начальный этап в установлении прозрачности государственных и муниципальных закупок, в выявлении правонарушений и виновных лиц. Необходимо определить уполномоченный субъект и момент его вступления в процесс закупок для предупреждения преступлений в этой сфере. Таким органом может быть Центральный Банк Российской Федерации, у которого будет право блокирования процесса неправомерного перевода денежных средств. Он будет уделять особое внимание тем сделкам, где происходит нетипичное для такого рода сделок дробление направлений расходования денежных средств. В случае подтверждения коррупционного фактора Центральный Банк будет блокировать соответствующий процесс незаконного перевода денежных средств. Внедрять блокчейн в России нужно с изменениями законодательства в области контрактной системы в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также закона, регламентирующего деятельность контрольно-надзорного органа.

Можно использовать систему блокчейна и в сфере таможенных платежей. На его основе может быть создана книга учёта таможенных деклараций. Лицо могло бы зарегистрировать свою учётную запись, удостоверив себя в определённом государственном учреждении. Учётные записи

участников конкретной сделки обладали бы такими же характеристиками, как публичные ключи в сети биткойн: пользователи будут иметь полный доступ к истории соответствующего адреса, но у них не будет возможности вносить поправки во весь блокчейн. Пользователь сможет изменить какие-либо параметры только в том случае, если у него будет соответствующий частный ключ. [1, С. 16].

Успешная практика применения системы блокчейн при государственных закупках и аукционах уже имеется. 9 марта 2017 года на конференции в Таллине, на которой обсуждались проблемные вопросы блокчейна и биткойна, представили специальный сервис электронных аукционов. Данный проект украинских разработчиков заменил чиновников на «прозрачный» блокчейн. Проект показал, что проблемы субъективных решений можно устранить с помощью электронных кодов. Он был внедрён в ряде украинских городов и получил поддержку отдельных муниципальных образований.

Таким образом, без устойчивой юридической и технологической базы переход на блокчейн-технологии приведет лишь к финансовым убыткам и утрате доверия к этому эффективному инструменту. Но в тоже время блокчейн может выступить начальным этапом в борьбе с коррупционными факторами в сфере государственных и муниципальных закупок.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Бубель А.И.* Возможности использования блокчейна и виртуальных токенов в таможенных операциях // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2016. С. 14-22.

[2] *Булгаков И.Т.* Правовые вопросы использования технологии блокчейн // Закон. 2016. №12. С. 80-89.

[3] Обзор применения технологии блокчейн в государственном управлении [Электронный ресурс] URL: <http://fastsalftimes.com/sections/obzor/1503.html> (Дата обращения: 28.10.2017).

[4] *Савельев А.И.* Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. №5. С. 94-118.

[5] Система мониторинга поставки лекарств на основе технологии блокчейн [Электронный ресурс] URL: <http://medical-science.ru/?p=11052> (Дата обращения: 27.10.2017).

[6] *Смирнов Ф.А.* Трансформация мировой финансовой системы: блокчейн, «умные контракты» и внебиржевые деривативы // *Аудитор*. 2017. №6. С. 49-54.

[7] *Терещенко Л.К., Стародубова О.Е.* Загадки информационного права // *Журнал российского права*. 2017. С. 156-161.

[8] Федеральный закон от 10.07.2002 N 86-ФЗ (ред. от 18.07.2017) "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)" (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.09.2017).

[9] Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 29.07.2017) "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.07.2017).

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА БИТКОИНА

Людовских Артур Сергеевич

Костанайский филиал

Челябинского государственного университета

Кафедра права

ул. Бородина, 168А, Костанай,

Республика Казахстан, 110000

artysludvig@mail.ru

Научный руководитель: Р.В. Литвинов, преподаватель
кафедры права Костанайского филиала ЧелГУ

В статье рассматривается понятие биткоина, история его возникновения, а также проблемы его нормативного регулирования в Российской Федерации.

Ключевые слова: биткоин, блокчейн, криптовалюта, правовое регулирование, цифровая валюта.

Что такое биткоин? Одни утверждают, что это пузырь, который в любой момент может лопнуть, оставив тысячи и тысячи у разбитого корыта, другие же настаивают, что это революция в мире электронных платежей.

Автором биткоина принято считать некоего Сатоши Накомото, который создал протокол криптовалюты. В 2009 он опубликовал статью о первой в мире криптовалюте биткоин, выложил реализацию клиента, запустил сеть биткоин и бесследно исчез.

Появлению биткоина способствовал финансовый кризис 2008-го года, столкновение мира с этим кризисом подорвало доверие к финансовым и банковским системам, поскольку большинство стран предпочли выручить свои банки за счет обыкновенных граждан, и уже тогда многие захотели получить новое решение, которое покрывало бы все основные недостатки фиатных (бумажных) денег: инфляцию, подделки, высокие комиссии за переводы и конвертацию. И это решение появилось в виде новых цифровых денег – криптовалюты.

Криптовалюта - это следующий шаг в эволюции денег, который пришел к нам в виде неизбежности. Первая особенность криптовалют заключается в том, что они зашифрованы и, следовательно, не могут быть подделаны. Второе преимущество – они имеют ограниченную эмиссию, что устраняет проблему инфляции. Третье преимущество заключается в том, что транзакции с криптовалютами обычно занимают секунды и комиссии за транзакции очень низкие, даже мизерные [3, С. 164]. Они предназначены для людей и доступны в любой точке земного шара, так как могут быть использованы при помощи мобильных телефонов, тем самым устраняя зависимость от банков и других посредников по переводу денежных средств, которые взимают высокую комиссию, имеют ограниченное количество часов работы и небольшую сеть филиалов.

Биткоин, как и другие криптовалюты, основан на технологии блокчейн, что делает транзакции (переводы) быстрыми и безопасными, его называют вторым поколением интернет, потому что эта технология позволяет нам передавать любые ценности онлайн. Главное отличие биткоина от любой национальной валюты – децентрализация. У него нет своего центробанка, как у рубля, его никто не контролирует, его никто не может напечатать или подделать, биткоин ничем не подтвержден. Ценность любой криптовалюты зависит только от спроса на нее. Децентрализованность биткоина и анонимность транзакций - основная причина по которой большинство стран не могут принять биткоин как платежное или иное средство.

Правовое регулирование операции с криптовалютой в большинстве развитых стран проводится, но подходы к определению их юридической природы неоднозначны. В некоторых странах Скандинавии это – финансовый актив, немцы считают использование криптовалюты - услугой, англичане – расчетами с использованием частной валюты. В Австралии и Канаде прибыль, полученная от операции с криптовалютой, рассматривается как инструмент приращения капитала и облагается соответствующим налогом (Япония была первой страной, которая признала криптовалюту, в частности биткоин – платежным средством, и ввела налог 8% на операции

с криптовалютой, но сразу же правительству пришлось отказаться от этого налога, потому что он показал свою нецелесообразность). В США для ведения операций с криптовалютами требуется приобретения соответствующей лицензии [4].

Как мы видим, у российского законодательства огромное количество вариантов для подражания. Разрешение этого вопроса напрямую влияет на дальнейшую судьбу криптовалют в России - получают ли они признанный государством статус или будут запрещены, а также как будут вести себя налоговые органы, прокуратура и суды, регулируя дела с биткоинами.

При этом дискуссия в российских органах власти, похоже, близка к завершению. И сегодня можно с уверенностью сказать, что начался первый этап урегулирования криптовалют в России! Документ называется «Основные подходы к созданию «регулятивной песочницы» и урегулированию криптовалют в Российской Федерации», подготовлен при участии Института экономики роста им. П.А. Столыпина и Ассоциации электронных торговых площадок, презентован в Москве 3 ноября 2017 года. Юристы постарались прописать новые нормы так, чтобы не менять Гражданский кодекс. Так, предлагается внести ряд поправок в 149-ФЗ – прописать, что такое блокчейн, токен и майнинг. Регулирование же криптовалют предлагается организовать по следующей схеме: Обменивать можно, расплачиваться - нельзя.

На основании всего выше изложенного:

- Влияние криптовалюты на различные экономические и социальные процессы в современном мире с каждым днем становится все более значительным, поэтому запретить криптовалюты сегодня уже невозможно, как невозможно отменить интернет.

- Применение криптовалюты порождает круг вопросов налогообложения «выпуска в оборот» криптовалюты, её обмена.

- Как объект гражданских прав, криптовалюта трудно поддается к встройке в уже существующие классификации [1].

- Децентрализованные криптовалюты очень волатильны из-за отсутствия правовой базы и законов [2].

Несмотря на то, что многие государства не определились в своем отношении к криптовалютам – они шагают по планете, генерируя вокруг себя целые направления бизнеса, поэтому:

- Государственным регулятором необходимо определить свое отношение к криптовалютам.

- Внести изменения в банковский сектор, потому как, в таком виде, в каком он существует сейчас, при таком же дальнейшем развитии криптовалют, банковский сектор рухнет.

- Миру нужна единая цифровая валюта, которая не будет принадлежать ни одной стране, которая будет удовлетворять основным требованиям государственных регуляторов (Сегодня есть криптовалюта, которая удовлетворяют требованиям многих регуляторов, в частности России, а именно, централизованная добыча, KYC (Знай своего клиента), отсутствие анонимных транзакций, проходит ежемесячный аудит и ей уже сегодня пользуется огромное количество людей).

- Цифровая экономика пришла, и принятие и легализация биткоина и других криптовалют - вопрос больше экономический, чем юридический. Криптовалюта даёт нам механизм, чтобы перешагнуть все искусственные барьеры, правила и ограничения, и, перешагнув их, торговать между собой легко и свободно, как никогда раньше, принося экономике любой страны огромную пользу. Препятствовать их использованию в обороте - значит добровольно лишать себя полезных плодов технического прогресса, цепляться за прошлое в ущерб будущему.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Bitcoin: основные принципы и отдельные юридически значимые особенности [Электронный ресурс] // Zakon.Ru: первая социальная сеть для юристов. – URL: https://zakon.ru/blog/2014/1/13/bitcoin_osnovnye_principy_i_otdelnye_yuridicheskiznachimye_osobennosti

[2] Курс биткоина. Динамика с 2008 по 2017 годы [Электронный ресурс] // CoinNet.ru: портал о криптовалюте. – URL: <https://coinnet.ru/obzory/grafik-kursa-bitkoina.html>

[3] *Поппер, Н.* Цифровое Золото. Невероятная история биткойна или о том, как идеалисты и бизнесмены изобретают деньги заново [Текст] / Н. Поппер. – М: Вильямс, 2016. - 350 с.

[4] Правовой статус криптовалют [Электронный ресурс] // Википедия: свободная энциклопедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Правовой_статус_криптовалют

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОТАРИУСОВ: ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ СИСТЕМЫ «БЛОКЧЕЙН»

Мусина Камилла Салаватовна

Российский университет дружбы народов

Юридический институт

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

camillamusina2015@mail.ru

Научный руководитель: А.В. Бегичев, К.Ю.Н., Е.В. Виноградова, д.ю.н., профессор кафедры Судебной власти, прокурорского надзора, организации правоохранительной деятельности, адвокатуры и нотариата РУДН

В исследовании рассматриваются инновационные технологии в деятельности нотариусов и возможные перспективы использования электронной системы «Блокчейн». Предложены модернизированные пути избавления от бумажной волокиты в сфере нотариата. Подвергнуты анализу тенденции нововведений в нотариальной сфере, start-up которых запланирован в 2018 году.

Ключевые слова: Единая информационная система нотариата (ЕИС), Блокчейн, автоматизированный обмен данными, отсутствие человеческого фактора, IT-технологии, современный формат, заверение доверенности.

«Цифровые технологии набирают все большую популярность, де-факто мы в обществе информационной эпохи и технологий, меняющих мир. Новейшие технологии в социуме, логистике, бизнесе требуют активного преобразования правовой сферы и новелл, ускоряющих гражданский оборот, стабильный и защищающий права.

В современных условиях российский нотариат один из передовых правовых институтов, активно внедряющих в свою деятельность новые цифровые технологии. Благодаря межведомственному электронному взаимодействию стала

возможным работа нотариуса в самостоятельном режиме. Основой стало внедрение Единой информационной системы (ЕИС) нотариата, построенной Федеральной нотариальной палатой (далее ФНП). Благодаря последним модернизациям нотариат отвечает поставленным главой государства задачам, которые многократно формулировались с акцентированием на то, что цифровая экономика – это не отдельная отрасль, а основа, позволяющая создавать новые модели бизнеса, производства, логистики и торговли, изменяющая формат образования, госуправления, здравоохранения, коммуникаций и задающая новую парадигму развития государства, экономики и всего общества. ЕИС содержит сведения обо всех основных нотариальных действиях накопленные за три года с момента запуска: от сканов доверенностей до информации по удостоверенным нотариусами сделкам. [1]. Изначально согласно ФЗ № 379, определившему порядок работы, содержание и технические требования ЕИС включала 3 электронных реестра: нотариальных действий, уведомлений о залоге движимого имущества и реестр наследственных дел [2]. Однако, позднее с 1 июля 2017 г. в ЕИС был запущен й реестр участников ООО, право ведения списка участников ООО передано ФНП. Детали работы ЕИС в части порядка ведения электронных реестров были установлены приказом Минюста № 129 от 17 июня 2014 г. [3]. Правообладателем и оператором системы стала ФНП. Все нотариусы России получили доступ к сведениям ЕИС через усиленные электронные подписи, наличие которых стало обязательным в силу закона.

ЕИС обеспечивает оперативный обмен данными как между нотариусами и МВД РФ, Росреестром, ФНС, Центральным Банком России, «Сбербанком». Благодаря ЕИС стало возможным подводить итоги о востребованности нотариальных действий среди граждан РФ за последние три года. Стал доступен быстрый поиск информации о завещаниях, вне зависимости от того, когда, где и у какого нотариуса составлялись. Так же стало возможным оперативно получить данные о состояниях счетов по вкладам умерших граждан. Популярным стал и запущенный ФНП 1 января электронный сервис проверки доверенностей.

Внедрение технологии блокчейн в деятельность нотариусов остаётся острой дискуссионной темой. Блокчейн – это децентрализованная распределенная база данных, в основе, функционирования которой криптографические алгоритмы [4]. Плюсом блокчейна выступают: а) децентрализация, минимизирующая риски при отказе работы на случай выхода из строя системы; б) блокировка к изменению задним числом данных блокчейна; в) усиленная безопасность благодаря криптографии; г) быстрый обмен данными благодаря автоматизированности е) отсутствие человеческого фактора; ф) открытость и прозрачность - все действия в контексте блокчейна фиксируются документально, с доступом для ознакомления в дальнейшем [5, с.94]. Внедрение технологии блокчейн в нотариальную деятельность избавит от таких негативных факторов как: очереди, медлительность нотариусов, плюс их технологический вакуум и частое столкновение граждан с отказом в нотариальном удостоверении, когда нотариусы не могут понять специфики или любят лишь штамповать «доверенности» по шаблону.

С 2018 г. начнётся переход к дублированию в электронном виде всех нотариальных действий [6]. Рассматривается инициатива по расширению числа участников системы межведомственного электронного взаимодействия. На очереди — органы ЗАГС, в законопроекте, предусмотрен доступ нотариусов к Единому реестру ЗАГС, который запускается с 1 января 2018 г. он позволит нотариусам проверять подлинность свидетельств о браке, рождении, смерти. Нововведение повысит эффективность борьбы с мошенническими схемами. На сегодняшний день практикующие нотариусы жалуются на заполненность учётами архивных шкафов, заполнение, которых отнимает более 30 минут на каждого гражданина и необходимость в 5-6 помощниках нотариуса. Целесообразно в ближайшем будущем заменить такие действия нотариуса как, составление и заверение документов шаблонного типа (робототехникой). К примеру, ПАО «Сбербанк» заменил юристов, выполняющих формализованные функции - составление исков и иных однотипных заявлений нейронными сетями. С модернизацией

цифровых платформ - функции нотариусов по оформлению сделок неизбежно делегирует на себя блокчейн, в период start up нужны будут лишь «нотариусы-операторы». А подтверждение того, что клиент в момент совершения сделки вменяем и не находится под действием психотропных веществ или угроз и отдаёт о последствиях себе полный отчёт, осуществлять запись сделки на видео, проверкой состояния зрачков, забором крови в специальный прибор-анализатор, который определит наличие в организме наркотических веществ и количество промилле алкоголя. Решение этой задачи остаётся всего лишь вопросом времени в веке высоких технологий и инноваций. Робот-компьютер может знать все законы, блокчейн при этом записывать «без вмешательств», однако, в современном обществе существуют обстоятельства, которые часто интерпретируют и трактуют под разным «углом зрения». Проникновение IT-технологий во все сферы жизни обеспечит надёжную правовую защиту с максимальным комфортом, при этом поставив перспективы нотариусов в зону риска, поскольку с приходом новых технологий последует массовое сокращение и увольнение и 7 727 нотариусов в России станут избыточным количеством даже для совершения сложнейших нотариальных действий.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Электронный нотариат для цифровой экономики [электронный ресурс]. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/elektronnyj-notariat-dlya-cifrovoj-ekonomiki> (Дата обращения 7.11.2017 г.)

[2] Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Собрание законодательства Российской Федерации, 2013, № 51, ст. 6699 (Дата обращения 15.11.2017 г.)

[3] СПС Гарант [электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70679322/paragraph/14:0> (дата обращения 13.11.2017 г.)

[4] Новый вектор развития законодательства о государственной регистрации прав на недвижимость: от бумажных свидетельств до блокчейна [электронный ресурс]. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=17745> (Дата обращения 5.11.2017 г.)

[5] *Савельев А.И.* Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. - 2017. - № 5.- С. 94 - 117.

[6] *Ярков В.В.* Блокчейн и нотариат: опыт первой оценки - [электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30295487>. (Дата обращения - 9.11.2017 г.).

ПРЕСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ЗАКРЕПЛЕНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ

Назаров Никита Алексеевич

Тульский Государственный Университет
Институт права и управления
проспект Ленина, 92, Тула, Тульская обл., 300012
naznikitaal@gmail.com

Научный руководитель: С.Г. Гришин, к.ю.н., доцент кафедры
государственного и административного права ТулГУ

В данной статье рассматривается новый и совсем неизученный феномен как криптовалюта. Приводятся их положительные и отрицательные черты. А также, прогнозируется их дальнейшее влияние на мировую ситуацию и нашу жизнь.

Ключевые слова: криптовалюта, блокчейн, майнинг, пулл, ЭВМ, преступность, виртуальный мир, цифровая валюта.

Как не парадоксально было бы говорить, но наш информационный век очень сильно влияет на наши общественные отношения. Например, на типы мышления человека или всего общества, способы производства товаров и материалов и т.д. Также, не стоит отрицать, что общественные отношения, как и сам человек постепенно уходят в виртуальный мир. Этот процесс даже получил научное название “эскапизм” или “виртуализация общества”. Самым главным источником всего этого стал Интернет, который очень настойчиво продолжает пробираться в нашу жизнь и отношения постепенно переходят из реального мира в виртуальный.

В моей статье я попытаюсь взглянуть на специфическое явление, которое появилось благодаря интернету и набирает обороты по своей популярности и популяризации. Это самый известный и распространённый из всех криптовалют – Bitcoin [2. С. 121].

Но хотелось бы начать с определения, что такое вообще криптовалюта? Многие ученые считают, что данный термин

означает цифровую валюту, которая защищена с помощью криптографических технологий. Но физического аналога у этих так называемых денежных единиц нет, они существуют только в виртуальном пространстве.

Главное отличие биткойнов от настоящей валюты является тем, что они не выпускаются, а добываются самими пользователями в сети. Весь этот процесс называется “майнинг” (от английского mining – добыча ископаемых) [3. С. 60]. Он представляет собой поддержание и создание новых блоков с возможностью получить вознаграждение в виде эмитированной валюты – различных криптовалют, например, Bitcoin. Чтобы осуществить этот процесс нужен всего лишь компьютер и установленное на нем специальное приложение, в котором надо пройти простую регистрацию без указания своих персональных данных (полная анонимность пользователей) [6. С. 180]. При всем этом эмиссия происходит в виде вознаграждения майнерам, которые не только добывают новые биткойны, но и препятствуют повторному использованию их другими пользователями, т.е. предотвращают всякие манипуляции с эмиссией, эта технология называется blockchain и основана она на пиринговой сети, в ней все участники выступают равноправными пользователями, и она не запрещена законом [2. С. 130]. Также, стоит обратить, что при создании алгоритма криптовалюты был заложен предел добычи биткойнов, и он равняется 21 млн., которая в свою очередь должна быть сгенерирована к 2033 году. Можно предложить, что данная сумма равняется количеством золотых запасов, но это не означает, что они закреплены золотом. Но данную ограниченность можно компенсировать, тем что их можно дробить вплоть до 8-го знака после запятой. Хотя, многие эксперты и специалисты утверждают, что выполнять этот незамысловатый процесс можно и до бесконечности.

Также известно, что производительность современных компьютеров прогрессируют с высокой скоростью, и чтобы преодолеть маленькую мощность одного ЭВМ их объединяют в предварительно сформированные сети (или пулы) [1. С. 60]. Как уже было сказано выше, весь процесс “майнинга” образует определенный пулл, а в дальнейшем он вливается во всю сеть.

Это значит, что если какой – то пользователь, организация или государство будет диктовать свои правила эмиссии, издавая при этом законы, они не будут действовать, т.к. во – первых, они должны быть приняты всей сетью, где субъекты равноправны, а самое главное анонимны (их нельзя отследить), а во – вторых, изменение самих правил или ограничение добычи валюты, влечет изменение алгоритмов, что целиком и полностью подрывает существование самой валюты Bitcoin.

Также следует полагать, что такая большая анонимность и бесконтрольность может служить большой помощью в преступной деятельности, например, для отмыывания доходов, покупка вещей, которые ограничены в обороте и даже финансирования и поддержания терроризма в разных странах мира [5. С. 8]. С учетом того, что в данный момент многие физические и юридические лица очень мало осведомлены о криптовалюте, они могут быть вовлечены не по собственной воле в преступную деятельность. Приведу пример из практики, с 2011 по 2013 год существовала торговая интернет – площадка SilkRoad (Шелковый путь), на котором осуществлялось в большом количестве торговля наркотиками и другими вещами, которые изъяты или ограничены в обороте, и все этот процесс осуществлялся через криптовалюту [4. С. 85]. За все время существования данной площадки, на ней было совершено сделок на сумму более 1,5 млрд. долларов.

Из всего выше сказанного можно сделать вывод, что данная криптовалюта обладает большой экономической ценностью, которая, как многие предполагают, будет расти очень быстрыми темпами. Они также могут представлять очень большую опасность в будущем, а их правовое закрепление очень и очень проблематично, даже невозможно. Либо ты принимаешь эти правила и становишься равноправным пользователем или полностью ограничиваешь и убиваешь всю сеть в своей стране и выбываешь из гонки, а вследствие теряешь большое сокровище. По какому пойдет пути наше государство и многие другие решать только им. Но одно сказать можно точно, что с помощью криптовалют мы можем получить подлинное равенство субъектов в разных сферах нашей жизни, которое будет контролироваться такими же равными

субъектами. Это будет идеальная демократия, о которой много кто мечтал.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Дурдыева Д.А., Трапизонян А.А.* Состояние криптовалютного рынка и перспективы развития биткоин // *Инновационная наука.* 2017. №1-1. С.43-47пт. 2017. №S1. С.56-64

[2] *Кочергин Дмитрий Анатольевич* Место и роль виртуальных валют в современной платежной системе // *Вестник СПбГУ. Серия 5: Экономика.* 2017. №1. С.119-140

[3] *Щербик Евгений Ефимович* Феномен криптовалют: опыт системного описания // *Концепт.* 2017. №S1. С.56-64

[4] *Куприяновский В.П., Синягов С.А., Климов А.А., Петров А.В., Намиот Д.Е.* Цифровые цепи поставок и технологии на базе блокчейн в совместной экономике // *International Journal of Open Information Technologies.* 2017. №8. С.80-95

[5] *Масленников Владимир Владимирович, Федотова Марина Алексеевна, Сорокин Александр Николаевич* Новые финансовые технологии меняют наш мир // *Финансы: Теория и Практика.* 2017. №2 (98). С.6-11

[6] *Сидоренко Э.Л.* Стратегии регулирования криптовалюты в российском законодательстве: прогнозы на будущее // *Известия Юго-Западного государственного университета.* 2017. Т. 21, № 2(71). С. 176-182.

ВАРИАНТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТ В РОССИИ

Нечаев Александр Сергеевич

Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина
Институт Бизнес-права
Старокирочный переулок, 13, строение 1, Москва, Россия
anechaev23@mail.ru

Научный руководитель: А.В. Анисимов, к.ю.н., преподаватель
кафедры гражданского права МГЮА

В статье рассматриваются возможные способы определения правового статуса криптовалют в Российской Федерации. Обозначаются цели и задачи, стоящие перед государством в связи с развитием данных информационных технологий.

Ключевые слова: криптовалюта, блокчейн, подходы правового регулирования, валюта, ценные бумаги, имущество, объекты гражданских прав.

Цели и задачи правового регулирования криптовалюты

Появление технологии «криптовалют», а также тесно связанных с этим явлением таких понятий как «майнинг», «блокчейн», «криптоинвестирование», «ICO» вызвало настоящий ажиотаж в обществе. Прежде всего, это связано с новыми возможностями для инвестирования и приобретения новых высокодоходных активов. Экономическая привлекательность «криптовалюты», помимо активнейшего роста основной криптовалюты – «Биткоин» и общей капитализации криптоэкономики (300 млрд. долл. США) [1], обусловлена её доступностью для очень широкой аудитории простых граждан, способных быть вкладчиками.

Но технология криптовалют является очень рискованным и самым небезопасным на настоящий момент способом инвестиций. Показательным примером стал взлом хакерами

платформы Ethereum летом 2017 года [2]. Более того, на основе анонимной технологии блокчейн уже осуществляется финансирование терроризма и это представляет собой серьезнейшую угрозу. Таким образом, государство на данном этапе развития криптоэкономики не может игнорировать необходимость законодательного регулирования криптовалют и криптобирж. На настоящий момент деятельность по ограничению оборота криптовалют ведется на уровне подзаконных актов, например, Письмо ФНС России от 03.10.2016 N ОА-18-17/1027 «О контроле за обращением криптовалют (виртуальных валют)».

Государство в ходе выработки правового регулирования криптовалют должно выполнить две глобальные задачи: публично-правовую и частно-правовую. Публично-правовая задача регулирования криптовалют предопределяется множеством международных обязательств Российской Федерации (базовый уровень регулирования). Частно-правовая задача (продвинутый уровень) определяется необходимостью урегулирования общественных отношений, связанных с криптовалютой в гражданском законодательстве. Исходя из вышеизложенных задач, можно обозначить три актуальных цели для будущей легализации криптоэкономики:

- Ввести понятие криптовалют, определив правовую природу (как объекта гражданских правоотношений);
- Создать правила обращения криптовалют на уровне государства;
- Установить режим специальных субъектов, выпускающих криптовалюту, и определить правила их деятельности.

Основные подходы возможного регулирования криптовалюты в Российской Федерации

Первый и самый очевидный, по моему мнению, подход, считать криптовалюту валютой. Данный подход используется в иностранном законодательстве: в Люксембурге криптовалюта приравнена к иностранной валюте. На данный момент в

российском законодательстве существует несколько видов валют: рубль (законное платежное средство), иностранная валюта и валютная ценность (иностранная валюта и внешние ценные бумаги) [3]. Основная проблема данного подхода в том, что криптовалюта похожа на валюту по функционалу, как средство платежа, но совершенно не схожа с юридической точки зрения: у криптовалюты нет центрального эмитента, она конвертируется по всему миру, для криптовалют не существует банковских счетов, и, наверняка самое главное отличие от обыкновенной валюты – это необеспеченность криптовалюты реальными активами. Помимо этого, валюта может быть, как вещью (наличные деньги), так и правом требования (безналичные деньги), что неприменимо к криптовалюте.

Второй возможный подход – признание криптовалюты ценной бумагой. В поддержку данной позиции можно отметить проведение различными компаниями выпуска токенов (ICO) – процедуры схожей с первичным выпуском ценных бумаг (IPO). Но главной проблемой данного подхода является то, что ценная бумага дает определенное право ее держателю (право на получение дивидендов и т.п.) в отличие от криптовалюты и токена.

Третьим возможным вариантом регулирования криптовалюты является признание её имуществом. Одним из аргументов в пользу данного подхода является лазейка, содержащаяся в ГК РФ, где не определен конечный список возможного имущества, в соответствии с формулировкой «иное имущество». При применении на практике данного подхода можно столкнуться со сложными проблемами, как например, невозможностью виндикации криптовалюты (истребование имущества собственником из чужого незаконного владения) [4. С.136]

Еще один подход – это определение криптовалюты как совершенно новый объект гражданского права. Данный подход самый сложнореализуемый, затратный и требующий глубокого изучения, но, возможно, самый правильный, так как никто из цивилистов, на данный момент, не может дать точного ответа, что такое «криптовалюта»?

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Общая капитализация рынка криптовалют впервые превысила 300 млрд. долларов. URL: <http://www.profi-forex.org/birzhi/kriptoalyuty/entry1008311033.html> (дата обращения: 27.11.2017)

[2] Хакеры взломали Ethereum-клиент и украли криптовалюту на \$31,7 млн. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/59707b849a7947330c8d7fa3https://www.rbc.ru/rbcfreenews/59707b849a7947330c8d7fa3> (дата обращения: 27.11.2017)

[3] Федеральный закон от 10.12.2003 N 173-ФЗ (ред. от 18.07.2017) "О валютном регулировании и валютном контроле" п. 5 ч. 1 ст. 1

[4] Криптовалюты в системе объектов гражданских прав / А.И. Савельев // Закон. – 2017. - №8. – С. 136-153. – ISSN 0869-4400

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА БИТКОИНОВ И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСЬТЬ

Патрахина Ксения Борисовна

Вологодский институт права и экономики ФСИН России

Юридический институт

ул. Щетинина, 2а, Вологда, Россия, 670002

kseniapatrahina@gmail.com

*Научный руководитель: А.А. Житков, старший преподаватель
кафедры уголовного права и криминологии*

В статье рассматривается новый механизм транзакций – технология блокчейна, а также связанный напрямую с ним децентрализованный способ оплаты посредством криптовалюты. Проанализированы нормативные правовые акты, действующие в России в данной сфере, выявлены проблемы и разработаны рекомендации по их устранению.

Ключевые слова: блокчейн, криптовалюта, электронные платежные системы, цепочка блоков, транзакция, новые технологии, электронная база данных.

За последние несколько десятилетий информационные технологии стали неотъемлемой частью жизни общества, значительно повысили уровень жизни населения. Благодаря этому одновременно человечество вступает в реальные общественные отношения и виртуальные. В связи с этим все больше актуализируется потребность в информационной безопасности, в частности, требует повышенного внимания вопрос обеспечения защиты информации от кибератак.

По результатам исследования международной службы по обеспечению защиты пользователей и организаций от киберугроз и атак, «Symantec Security Response», общий ущерб экономики России за 2015 год превысил 1 миллиард долларов [1]. Более 93% предприятий малого, среднего бизнеса, больших коммерческих предприятий, а также госструктур стали участниками кибер-инцидентов. Но уже в 2017 году, по подсчетам специалистов, всемирный ущерб от деятельности киберпреступников составляет более 1 триллиона долларов [2,

С.56-59]. Целью атак таких преступников является похищение крупных сумм с электронных кошельков пользователей, с банковских счетов корпораций и государственных учреждений. Именно по этим причинам с возникновением новой платежной единицы - криптовалюты, представленной в виде определенного двадцатизначного программного кода, возникли не только проблемы правового регулирования и роста киберпреступности, но и ущерб как мировой экономике, так и внутренней экономической системе государств.

Криптовалютная система «Bitcoin» или ВТІ (от англ. bit — «бит» и coin — «монета») – это качественно новый вид денег или инновационная сеть платежей. Интересно, что изобретатель биткойна до сих пор остается неизвестным. Но по некоторым предположением имя этого человека - Крейг Райт, который работал под псевдонимом Сатоши Никомото. Однако официального подтверждения данной информации на сегодняшний день нет [3. С.135-143].

В основе криптовалюты ВТІ лежит уже распространенных по всему миру известная технология блокчейнч (англ. blockchain или block chain - «цепочка блоков») – особая технология хранения данных на множестве узлов компьютеров, объединенных в единую сеть или, как еще называют, распределенный реестр для хранения баз данных. Однако, по оценкам специалистов, ее возможности гораздо шире. Сегодня кроме финансовой сферы постепенно блокчейн пробуют использовать для документооборота в бизнесе, начинают применять нотариусы, также планируется с помощью этой системы сделать более прозрачным процесс голосования.

Если структурированно представить механизм блокчейнча, то он представляет собой связный список, состоящий из последовательных и объединенных в определенные блоки транзакций. В ее основе лежат четыре основных принципа: распределенная база данных, доступ к которой есть у всех участников (полная децентрализация управления); отсутствие иерархии; прозрачность платежей (каждая операция видна всем, кто имеет доступ к системе информации); неизменяемость записей (информация самостоятельно вносится в общий реестр непосредственно

самими участниками сети на разных узлах и после этого ее невозможно изменить). Сами участники не проходят систему регистрации. Достаточно скачать программное обеспечение на компьютер или телефон, чтобы завести онлайн кошелек. Такой кошелек конкретно не привязан к определенной личности пользователю, поэтому у одного участника такой системы может насчитываться неограниченное число реквизитов и кошельков. Естественно, что средством платежа в таких транзакциях является ВТІ. Вообще, впервые в качестве оплаты ВТІ был использован в 2009 году. Его сумма приравнялась примерно к 5 долларам (около 250 рублей). На сегодняшний же день стоимость одного биткоина составляет более 7500 долларов или 430000 рублей [4]. И его сумма уваливается в среднем каждые 10 минут, т.к. за это время участники сети регистрируют операции одного блока.

Следует вывод, что главной угрозой в механизме блокчейн для государственной политики представляет отсутствие централизованного управления и государственного контроля. Ставится под сомнение вопрос о дальнейшем функционировании всей банковской системы, если участники сети самостоятельно без посредника (банка) будут совершать и регистрировать финансовые операции, а также осуществлять контроль по защите информации. Также остро встает проблема совершения с помощью такой сети нелегальных сделок и продажи запрещенных товаров, которые напрямую могут финансировать террористическую, экстремистскую и иную опасную для общества и государства деятельность (продажа наркотических средств, оружия, механизмы отмывания денег и др.). Сегодня правовой статус системы «Bitcoin» совершенно различается в странах мира. К примеру, в Японии государство признало данный способ оплаты законным, однако установило налог на такие покупки, а в Китае оплата при помощи ВТІ официально разрешена только физическим лицам и строго запрещена банковскому сектору [5. С. 34-39].

Следует отметить, что в законодательстве Российской Федерации вопрос правового регулирования рассматриваемых отношений остается открытым, нет четкого определения и четких граней таких понятий, как «криптовалюта»,

«виртуальная валюта», «денежный суррогат». Однако и прямого запрета на использование ВТІ нет. Более того Федеральная налоговая служба данные операции по приобретению и продаже криптовалют относит к валютным операциям [6. С. 111-117].

Для обеспечения реализации единой государственной валютной политики, а также устойчивости валюты Российской Федерации и стабильности внутреннего валютного рынка Российской Федерации как факторов прогрессивного развития национальной экономики и международного экономического сотрудничества необходимы следующее.

Во-первых, внести дополнения в Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» о признании кибервалюты в качестве легального средства платежа и законными все совершаемые финансовые операции.

Во-вторых, в рамках указанного нормативного правового акта закрепить особую систему контроля за валютными операциями данного вида, а также создать единый реестр (базу данных) учета зарегистрированных пользователей и счетов такой сети. В системе биткоин все пользователи зашифрованы при помощи двадцатизначного кода, что препятствует идентификации владельца кошелька, установлению лиц, осуществляющих операции. По подсчетам программистов, каждые 10 минут осуществляется больше 20000 транзакций. С каждым разом на подтверждение операции время сокращается, а количество транзакций растет. Тем более, что как только транзакция была одобрена, она сразу же заносится в блок транзакций (совокупность операций) определенным участником и более к ней уже не возвращаются. Регистрирующий участник блоков или майнер получает за это определенное вознаграждение в количестве 25 биткоинов. Поэтому с помощью такого высокоскоростного механизма регистрации платежа и отсутствии специального незаинтересованного в личной выгоде лица не представляет труда осуществлять продажу запрещенных ресурсов. А в совокупности с фактом отсутствия государственного регулирования можно спрогнозировать значительный рост преступности сразу в нескольких общественных сферах.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Официальный сайт службы Security Response. URL: https://www.symantec.com/ru/ru/security_response/publications/threatreport.jsp (дата обращения: 05.11.2017).

[2] *Корчагин Д.А.* Место и роль виртуальных валют в современной платежной системе // Вестник СПбГУ. Серия 5: Экономика. 2017. №1.

[3] *Изотов Н.Н.* Воплощение концепта «деньги» в японской паремиологии // Litera. 2017. №1.

[4] Сайт CreditPower.ru. URL: <https://creditpower.ru/currency/crypto/> (дата обращения 05.11.2017).

[5] *Вахрушев Д.С., Железов О.В.* Криптовалюта как феномен современной информационной экономики: проблемы теоретического осмысления // Интернет-журнал Науковедение. 2014. №5 (24).

[6] *Левин Д.А.* Перспективы признания и развития криптовалют в Европейском Союзе и странах Европы // Управленческое консультирование. 2016. №9 (93).

ПЕРСПЕКТИВЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТ В РОССИИ

Третьяков Роман Вадимович

Волжский филиал

Волгоградского государственного университета

ул. 40 лет Победы, 11, Россия, 404133, Волгоградская обл., г.

Волжский

roman.tretyakov.97@mail.ru

Научный руководитель: Г.Г. Егоров, к.ю.н., доцент
кафедры теории и истории государства и права

В статье рассматриваются основные подходы к понятию виртуальной валюты (криптовалюты). Отражены позиции органов государственной власти по отношению к введению и дальнейшему использованию криптовалют в РФ. Предложены ряд нововведений, которые, по мнению автора, необходимо внести в законодательство.

Ключевые слова: виртуальные валюты (криптовалюты), биткойн, ведущие мировые валюты, Центральный Банк, Европейский Центральный Банк.

Во всем мире наблюдается реформирование в области электронных платежей, что обусловлено развитием информационных технологий. Инноваций, которые уже доказали свою эффективность, - многочисленны, при этом, они способствуют интенсивным изменениям в законодательстве различных государств. Но, по мнению автора, самым важным явлением в информационной сфере следует признать криптовалюты.

В российской юридической практике вопрос о применении криптографических средств платежей начал обсуждаться сравнительно недавно. Одним из первых актов, в котором шла речь о таких средствах, является апелляционное определение Белгородского областного суда от 07.08.2012 по

делу №33-2273, в котором содержится указание на то, что те же титульные знаки Webmoney нельзя рассматривать в качестве электронных денежных средств [4].

Криптовалюты – это относительно новое явление, в связи с чем оно до сих пор не урегулировано законодательством большинства государств, в том числе и России. Криптовалюты в последние годы получили неоднозначную оценку со стороны органов власти России. Так, Центральный Банк в информационном письме 2014 года предостерегал граждан и юридических лиц от применения в товарном обороте криптовалюты «Биткойн» [1]. При этом Президент РФ на молодежном форуме «Территория смыслов на Клязьме» в 2015 году отметил следующее: «они ничем не обеспечены, эти деньги, вот в чём все дело, это самая главная проблема. Но в целом, как единица расчета, как они там называются, «коины», ими можно пользоваться, они всё шире и шире распространяются. Как какой-то эквивалент в каких-то сегментах расчета, наверное, возможно».

На основе существующей информации можно выделить несколько подходов к понятию криптовалюты. Европейский Центральный Банк определяет ее как нерегулируемые цифровые денежные средства, которые эмитируются и контролируются их разработчиками, используются и принимаются членами определенного виртуального сообщества [3, С. 332]. Такого же подхода придерживается ФАТФ (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег). Второй подход связан с признанием криптовалют имущественным правом. Также существует мнение, что криптовалюты являются денежными суррогатами, которые не могут быть применяемыми гражданами и юридическими лицами [5].

Последний подход в целом разделяют и российские суды. Так, апелляционным определением Санкт-Петербургского суда отказано в удовлетворении жалобы Т. на решение Выборгского районного суда Санкт-Петербурга от 18 июля 2016 года по заявлению Прокурора Выборгского района Санкт-Петербурга в интересах неопределенного круга лиц о признании информации о криптовалютах запрещенной на основании Федерального

закона «О Центральном банке Российской Федерации», Федерального закона Российской Федерации от 27 июля 2006 года N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2].

Как видим, оценка государственных органов использования виртуальных валют в основном отрицательная. Однако стоит отметить, что на сегодняшний день их позиция стала меняться, например, Центробанк в феврале 2016 года ЦБ создал рабочую группу, возглавляемую заместителем председателя Центрального банка Скоробогатовой О.Н. для анализа и оценки возможностей применения новых финансовых технологий, в том числе технологии блокчейна на которой и основан биткойн и многие альткойны.

Таким образом, криптовалюта может сыграть большую роль не только в стабилизации курса национальной валюты, но и в формировании нового финансового рынка в России. Для того, чтобы криптовалюта свободно развивалась, необходимо ввести нужные законодательные поправки. Прежде всего, необходимо закрепить определение денежных суррогатов. При этом не стоит включать в перечень денежных суррогатов криптовалюты, поскольку это может привести в запрет их использования, что в дальнейшем может негативно сказаться на экономических отношениях в России. Кроме того, необходимо в часть 2 статьи 1 Федерального закона «О Валютном регулировании и валютном контроле» ввести пункт «с», который будет содержать в себе определение криптовалюты (или виртуальной валюты). Данная поправка не только отразится на всем законе, но и повлияет на информацию о курсах валют, которую выдают Центральный Банк. Другими словами, кроме курсов иностранных валют будет указан курс криптовалют.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Информация Банка России от 27.01.2014 «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн» // Вестник Банка России. – N№11. – 05.02.2014

[2] Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 13.02.2017 N 33-2537/2017 по делу N 2-10119/2016 // СПС КонсультантПлюс

[3] Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд. – М.: Статут, 2016. – 640 с.

[4] Апелляционное определение Белгородского областного суда от 07.08.2012 по делу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: №33-2273 <http://old.xn--90afdbaav0bd1afybeub5d.xn--p1ai/bsr/case/2034137>

[5] Совещание Генеральной прокуратуры 6 февраля 2014 года по вопросу правомерности использования анонимных платежных систем и криптовалют [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/smi/news/news-86432/>

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ BLOCKCHAIN

Федяков Владимир Андреевич

Российский государственный социальный университет

Юридический факультет

ул. Стромынка 18к3, Москва, Россия

fedyakov-official@mail.ru

В статье рассматриваются возможности и проблемы регулирования системы Blockchain с правовой стороны.

Ключевые слова: blockchain, децентрализация, транзакции.

В наше время, время мощного технологического прогресса, весьма актуален вопрос о развитии киберправовой отрасли юриспруденции. Если говорить о транзакционной системе, то интернет - это новый мир денег, без него невозможно совершение миллиона транзакций ежесекундно. Окружающая нас реальность такова, что сейчас они совершаются путем посредничества банков, провайдеров и так далее, но в мире уже достаточно продолжительное время успешно функционирует система, позволяющая значительно обезопасить, ускорить и перевести на новый уровень финансовые операции. Эта система называется Blockchain (Блокчейн).

В ходе моего исследования было изучено такое революционное явление в финансовой сфере, как blockchain, которое появилось 31 октября 2008 года на документальном уровне, а 3 января 2009 года началась его практическая реализация, которая в настоящее время приобрела огромный масштаб, создателем данной системы считается человек или команда людей, использовавшая псевдоним Сатоши Накомото [1.С.20-22].

Blockchain можно определить, как распределенную базу данных о событиях в цифровом мире. Эта система доступна множеству пользователей. Однажды записанная информация не может быть изменена или стерта. Blockchain содержит в себе

точную и достоверную информацию о всех когда-либо совершенных транзакциях, так же blockchain представляет собой полностью открытый для просмотра реестр всех операций в системе, но подключение к нему возможно только с помощью собственного кошелька или веб-интерфейса специальных сервисов мониторинга, без паролей и любой другой авторизации, данная система децентрализованная и анонимная. Все это позволяет нам говорить о необходимости её регулирования [1.С.163-165].

Систему Blockchain следует понять, изучить и урегулировать на официальном уровне, как говорил Владислав Мартынов на конференции Ethereum Russia: “важно понимать, что та страна, которая первой найдет наиболее эффективное применение этой технологии, вырвется в лидеры, потому что завтра может быть уже поздно”[3] Я соглашусь и полностью поддержу его слова, так как система blockchain сама по себе революционная в мире транзакций, с помощью нее возможно сделать транзакции практически моментальными. Blockchain-децентрализованная система и ее введение приведет к дезинтермедиации, но это только обезопасит все производимые транзакции, платежи и тд. Данная система максимально безопасна, ее уровень security очень высок, это объясняется тем, что каждый человек может стать хранителем реестра, если его device соответствует техническим запросам данной сети, таких хранителей называют Нодами. Так же существуют Майнеры, в свою очередь при каком-либо сбое в системе они практически моментально, за счет решения сложных криптографических и математических задач, высчитывают истинный хэш и возвращают систему к нормальной работе. Следуя из этого можно сказать, что данная система практически не уязвима, ведь в случае хакерской атаки на один Нод, остальные продолжают функционировать, держа при этом систему в рабочем состоянии, а Майнеры в свою очередь практически моментально возвращают к работе пострадавший Нод. Если продолжать говорить о безопасности системы blockchain, то это децентрализованная система, следовательно, невозможно заморозить какой-либо счет, никто не может изменить или отменить какую-либо транзакцию, и самое главное, что

транзакции защищены от вмешательства третьих лиц. На сегодняшний день мы имеем достаточные основания полагать, что введения системы Blockchain – это лишь вопрос времени, как говорилось на конференции Ethereum Russia, данная система революционным образом перевернет все банковские и транзакционные аспекты в лучшую сторону, необходимо лишь научиться правильно регулировать данное явление как с технической так и с с правовой стороны, но для этого регулирования необходимы стартапы, в свою очередь представитель регулятора, то есть Центрального Банка России, представители Минкомсвязи и остальных крупных фирм, говорили, что готовы оказать поддержку начинающим стартапам чтобы вместе понять, изучить и научиться регулировать данную систему, представители Сколково же поддерживали их и говорили, что готовы предоставить площадку для реализации идей. Регулятор уже определился с решением по внедрению данной системы, Заместитель директора департамента регулирования расчетов ЦБ Андрей Шамраев сказал на "круглом столе", посвященном вопросам криптовалют и связанных технологий, что регулятор выступает за блокчейн: "Позиция Центрального банка озвучивалась, мы за технологию всеми руками. Возможно блокчейн даст резерв, который позволит банковскую систему перевести на новое качество" [4]. Так же уже известно, что крупнейшие банки и IT-компании во главе с Центральным Банком России создают консорциум по внедрению новых технологий, по словам Скоробогатовой, в консорциум могут войти банки, небанковские финансовые организации и IT-компании. Свое участие подтвердили Qiwi, Accenture, Бинбанк и «МДМ банк», банк «ХМБ Открытие» и «Тинькофф банк», участниками будет создана площадка blockchain-прототипов, на которой и будут происходить все работы по изучению данной системы. Если эту технологию внедрить в крупный бизнес или же в государственные институты – это сможет освободить огромные ресурсы, которые можно будет направить в другие области, все это вместе, даст огромный толчок, который сейчас так необходим экономике нашей страны. Данная технология имеет огромный потенциал в госуслугах и ее внедрение в их структуру

– это всего лишь вопрос времени, как уже выразился председатель правления Сбербанка Герман Греф на встрече с Алексеем Кудриным: “То же самое — оплата налогов. Каждый плательщик налогов сможет отследить свой конкретный платеж. Вообще, они ведут речь о том, что налоговая система станет персональной, что ты сможешь платить налоги на конкретные нужды и отследить, куда пошел твой платеж. Это совсем другая концепция. Нужно, конечно, еще осмысливать, нужно поменять свое мышление полностью” [3].

Данные вопросы сейчас находятся на пике актуальности во всем мире, представители IBM сейчас тоже занимаются идеями реализации данной системы. Колоссальные успехи в развитии и внедрении системы blockchain делает компания Ethereum project, уже создавшая действующую модель, которая может работать. Уже сейчас идут разговоры о понимании blockchain не только как одной, децентрализованной сети, а о создании на ее базе других, ограниченных, оверлейных систем blockchain, что в свою очередь и необходимо банкам и бизнесам во всем мире. Учитывая с какой скоростью развивается данная, тенденция остро встает вопрос именно о правовом регулировании этого явления, я считаю, что оно необходимо и изучение данного вопроса должно начаться немедленно.

Автор данной статьи считает, что регулирование самой технологии – весьма сложный процесс, для начала следует научиться регулировать появляющиеся Use Case-ы, именно это позволит держать систему в рабочем и безопасном состоянии.

Резюмируя могу сказать следующее, система blockchain – революционное явление в мире транзакционных операций, которое требует незамедлительного изучения и регулирования как с технической стороны, так и с правовой, ведь ее внедрение подведет нас к стадии технологической сингулярности, а также переход всех госуслуг на эту систему, что сделает все транзакции или же отправку ценных документов безопасной и практически моментальной. Закончить я хочу словами президента и председателя правления Сбербанка России, бывшего министра экономического развития и торговли Российской Федерации Германа Грефа: “России важно “не прозевать” технологию blockchain, он перевернет все индустрии

без исключения от сельского хозяйства, заканчивая банками и, к несчастью... И государственные органы тоже” [3].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Пол Винья и Майкл Кейси*. Эпоха криптовалют, как биткоин и блокчейн меняют мировой экономический порядок. 2016

[2] *Натаниэль Поппер*. Цифровое золото. 2016

[3] <https://bits.media/>

[4] <http://ibcgx.com/>

ВНЕДРЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН В СИСТЕМУ ПРОВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДЛЯ СНИЖЕНИЯ КОРРУПЦИИ

Киринос Владимир Юрьевич

Национальный исследовательский университет «Высшая
школа экономики» МИЭМ
ул. Таллинская, 34, Москва, Россия, 123458
vladislav.kirnosov55@gmail.com

Чирагов Мирза Назим оглы

Национальный исследовательский университет «Высшая
школа экономики»
Факультет права
ул. Б. Трехсвятительский пер, 3, Москва, Россия, 109028
mchiragov@hse.ru

Научный руководитель: Д.Я. Примаков, к.ю.н., преподаватель
Всероссийской академии внешней торговли Министерства
экономического развития Российской Федерации

В статье предлагается внедрить технологию блокчейн для фиксации всех действий участников при проведении государственных закупок. Рассматриваются основные нарушения при проведении государственных закупок, проблемы для их выявления и, как итог, способ решения. Описан общий принцип технологии блокчейн и перечислены возможные преимущества и недостатки.

Ключевые слова: внедрение технологии блокчейн при проведении государственных закупок, блокчейн, государственные закупки, преступления коррупционной направленности.

Блокчейн – децентрализованная база данных, в которой каждый из узлов является устройством хранения данных. Текущая база данных хранит список упорядоченных записей, которые называются блоками. Каждый блок содержит в себе

метку времени и ссылку на предыдущий блок и при построении блоков используется односторонний метод шифрования данных - «хэширования». Основная концепция данного вида шифрования состоит в том, что есть входящие опорные данные, на основе которых идёт построение значения. Динамичность технологии блокчейн заключается в использовании разных методов «хэширования» (существует возможность использования разных алгоритмов шифрования). Хэширование – преобразование входных данных любой длины в битовую строку фиксированной длины с помощью ряда алгоритмов. Еще одним важным моментом в использовании одностороннего метода шифрования является то, что зашифрованные данные практически никаким образом нельзя восстановить, что демонстрирует высокую степень защищенности информации. Помимо этого, преимуществом, которым обладает технология блокчейн, является хранение копий всех записей на всех узлах. Таким образом, в ситуации, когда один из узлов выходит из строя, в момент восстановления его дееспособности, данный узел легко синхронизируется с другими узлами и восстановит утерянные данные в хронологическом порядке.

Среди преимуществ внедрения технологии блокчейн выделяются следующие:

- информация хранится децентрализованно на каждом узле, что исключает факт подмены данных на одном из узлов;
- правильное ведение записей никак не зависит от количества задействованных узлов в цепочке;
- анонимность;
- целостность данных.

Среди недостатков выделяются следующие:

- «ошибка 51%» (в случае получения контрольного доступа к узлам возможно осуществить подмену, предоставив «альтернативный» журнал с записями);
- использование технологии в противоправных деяниях;
- высокое энергопотребление и дорогостоящее оборудование.

Для реализации технологии блокчейн потребуется оборудование с высокими вычислительными мощностями и

запоминающие устройства с большими объемами (хранение большого журнала с записями). С точки зрения реализации разработки существует возможность использовать готовый исходный код, который находится в открытом доступе.

Стоит отметить, что действующим законодательством о государственных закупках использование технологии блокчейна не предусмотрено. Однако сама технология сможет де факто существенно усилить работу принципов Федерального закона от 05.04.2013 N 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд", в частности, принцип открытости и прозрачности, указанный в ст. 7 [2]. На сегодняшний день государству (как следствие, - налогоплательщикам) из-за коррупционных схем в системе государственных закупок наносится ощутимый ущерб. Стоит отметить, что ущерб не только в финансовом эквиваленте, но также и посредством ухудшения качества закупаемых товаров и услуг. Так, например, по данным Счетной палаты в 2014 году ущерб от нарушений при проведении государственных закупок составил 39 млрд. рублей [4]. Но уже на 2016 год ущерб от нарушений законодательства о государственных закупках составил 53,1 млрд. рублей [5].

При этом стоит обратить на тот факт, что это данные по выявленным нарушениям, соответственно, к вышеупомянутым цифрам нужно прибавить и латентные нарушения в рассматриваемой сфере. Как можно проследить из тенденции, такие законодательные меры борьбы как: общий контроль, казначейский контроль, внутренний финансовый контроль, ведомственный контроль, контроль заказчика и общественный контроль должного эффекта не возымели.

Существует множество схем мошенничества на рынке государственных закупок. Подробное рассмотрение данных механизмов не является предметом нашего исследования, более актуален вопрос фиксации того поведения, которое говорит о признаках реализации данных схем [1. С. 28].

Среди примеров такого поведения выделяют следующие:

- Аффилированность участников (выявляется при изучении документации);

- Единый IP-адрес участников аукциона;
- Участники не подают полный комплект документов, а прикрепляют в составе второй части заявки копию действующей лицензии на осуществление необходимого вида деятельности;
- Допущение орфографических ошибок для снижения вероятности определения заявки.

При нынешних реалиях выявить данные нарушения добросовестными участниками или контролирующими органами после завершения процедуры закупки является весьма затруднительным, а вносимые изменения и вовсе сложно отследить. Также возникают сложности в последующем с доказательной базой для полноценного выявления нарушения законодательства.

Именно для фиксации и профилактики нарушений в области государственных закупок требуется внедрения технологии блокчейн. Данное новшество позволит даже с течением времени отследить всю цепочку действий участников и заказчика. Доступ предлагается предоставить и основным контролирующим органам: Федеральная антимонопольной службе, Прокуратуре, Следственному комитету.

Несмотря на относительную сложность внедрения технологии блокчейн в систему государственных закупок и повышения расходов в части оплаты электроэнергии, важно, что необходимая материальная база будет существенно ниже ущерба, который наносится государству от махинаций в государственных закупках. Как отмечалось выше, также является релевантным повышение качества товаров и услуг,купаемых для граждан. В связи с вышеизложенным, актуально внесение изменения в Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд", где законодатель обязал бы проведение процедуры государственных закупок осуществлять строго с применением технологии блокчейн.

ИСТОЧНИК И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Храмкин А.А.* Противодействие сговору в госзакупках по схеме «гаран» // Госзакупки. 2015. №3.

[2] Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" от 05.04.2013 № № 44-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013 г. № 14. с изм. и допол. в ред. от (ред. от 29.07.2017).

[3] Федеральный закон "Об электронной подписи" от 06.04.2011 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011 г. № 15. с изм. и допол. в ред. от 23.06.2016.

[4] Нарушений при госзакупках - на десятки миллиардов рублей // Счетная палата Российской Федерации URL: http://www.ach.gov.ru/press_center/publications-in-mass-media/22282?sphrase_id=5716566 (дата обращения: 26.11.2017).

[5] В 2016 г. Счетная палата выявила 898 нарушений законодательства в сфере закупок на общую сумму 53,1 млрд руб. // Счетная палата Российской Федерации URL: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/29982?sphrase_id=5716566 (дата обращения: 26.11.2017).

[6] *Ситнина В.* Поход за закупками // Власть. Аналитический еженедельник издательского дома «Коммерсантъ». 2015. № 12 (1117).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КРАУДФАНДИНГА

Ахмадиева Гюзель Ринатовна

Самарский национальный исследовательский университет
им. С.П. Королева»

Юридический факультет

ул. Академика Павлова 1, Самара Россия, 443086

giuzel.akhmadieva@yandex.ru

Научный руководитель: В.Э. Волков, к.ю.н., доцент
кафедры государственного и административного права
Самарского национального исследовательского университета
имени академика С.П.Королева

В статье рассматриваются виды и значение краудфандинга в настоящий период развития общества. Исследуется его правовое регулирование в Российской Федерации и зарубежных странах. А также анализируются способы дальнейшего усовершенствования правового регулирования данной деятельности в России.

Ключевые слова: краудфандинг, народное финансирование, краудфандинговая площадка, JOBS АСТ

В последнее время для реализации своих целей люди все чаще прибегают к помощи информационных технологий. Одним из средств, который появился в результате информационно-технологического прогресса и с помощью которого становится возможным решать определенные проблемы, является краудфандинг. Он представляет собой деятельность, направленную на привлечение денежных средств граждан, объединяющих свои ресурсы на специальных краудфандинговых площадках, для реализации проекта, оказания помощи, проведения мероприятий и иных целей. Однако в силу того, что такая деятельность лишь недавно приобрела значительную популярность, правовое регулирование этой сферы отношений нельзя назвать развитым, что составляет на сегодняшний день актуальную проблему.

Привлечение денежных средств на различные цели обусловило появление нескольких видов краудфандинга: благотворительный (когда денежные средства привлекаются для реализации некоммерческих проектов), условно-возвратный (в случае, если денежные средства собираются на коммерческие проекты для дальнейшего приобретения товара), краудвестнинг (сбор денежных средств в целях инвестирования) [1. С. 65]. В Российской Федерации наиболее часто денежные средства привлекаются для реализации безвозмездных и условно возвратных проектов. Однако в законодательстве Российской Федерации термин «краудфандинг» не встречается, поэтому регулирование общественных отношений, возникающих в процессе привлечения народных средств, значительно затрудняется. В данном случае можно лишь говорить об ограниченном регулировании отдельных аспектов краудфандинга. Поскольку при благотворительном краудфандинге лицо безвозмездно передает денежные средства, то с точки зрения российского законодательства такая деятельность схожа с дарением, регулируемого ст. 572 Гражданского кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2006 года №230-ФЗ (далее ГК РФ). При этом имеет большое значение вопрос о налогообложении тех средств, которые были получены с помощью краудфандинговой площадки от третьих лиц. Федеральная налоговая служба в Письме ФНС России от 25 ноября 2016 года № СД-4-3/22415@ по вопросу о налоговых последствиях, возникающих у юридического лица при сборе средств способом краудфандинга, установила, что такие денежные средства могут не учитываться при налогообложении прибыли только некоммерческими организациями, но при условии, что такие средства были получены и использованы на общепользные цели, закрепленные в Уставе некоммерческой организации.

Учитывая, что краудфандинговая площадка обычно является сайтом или страницей в сети «Интернет», она подпадает под действие Закона РФ от 27 декабря 1991 года №2124-1 «О средствах массовой информации», ФЗ от 27 июля 2006 года №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и других нормативных

актах, регулирующих данную сферу отношений. В частности, В Российской Федерации запрещено распространение некоторых видов информации, и в случае нарушения данного положения лицо будет подлежать ответственности. Так, ст. 20.29 «Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (далее КоАП РФ) содержит нормы, устанавливающие ответственность за распространение экстремистских материалов. Ст. 6.13. КоАП РФ устанавливает ответственность за пропаганду наркотических средств.

Наиболее развитое правовое регулирование краудфандинг получил в зарубежных странах, где были приняты либо законы, либо специальные правила, регулирующие данную деятельность. Так, 5 апреля 2012 года президент США, Барак Обама, подписал закон - Jumpstart Our Business Startups Act (JOBS Act) [2], который содержит в себе нормы, регулирующие порядок получения денежных средств со стороны граждан. В соответствии с данным законом компания вправе собирать денежные средства в размере до одного миллиона долларов в год. Инвесторы, имеющие чистый годовой доход меньше ста тысяч долларов, могут вложить лишь до двух тысяч долларов. Те инвесторы, чей чистый годовой доход больше ста тысяч долларов, вправе вложить до десяти тысяч долларов.

В Канаде многие были обеспокоены тем, что в связи с принятием JOBS Act в США, капитал может мигрировать в США. Поэтому в декабре 2012 года было предложено обсуждение законопроекта, аналогичного тому, что был подписан в США, но уже с планкой финансирования в полтора миллиона долларов [3. С. 142].

Малайзия в отношении регулирования краудфандинга стала первой страной, которая ввела лицензирование данной деятельности. Тем самым, Малайзия ввела довольно жесткий порядок регулирования краудфандинга [4. С. 73].

Таким образом, зарубежные страны, учитывая возрастающую роль краудфандинга, официально регулируют эту деятельность, принимая соответствующие законы или иные правовые акты, позволяющие осуществлять контроль за

краудфандингом. В Российской Федерации соответствующий закон до сих пор не был принят, в силу чего усиливаются возможности возникновения рисков при реализации данной деятельности. Чтобы избежать возникновения и распространения таких рисков, краудфандинг необходимо урегулировать на законодательном уровне. Такой закон должен установить субъектный состав, на который распространятся требования по осуществлению краудфандинга, контроль со стороны специально уполномоченных органов, механизмы осуществления электронных платежей, посредством которых будет осуществляться перевод средств от инвестора к инвестируемой компании, требования к максимальному объему привлекаемых денежных средств, ответственность за нарушение правил безопасности осуществления данного вида деятельности, а также обязанность предоставления информации об инвестируемой компании или лице и так далее.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Кузнецов В.А.* Краудфандинг: актуальные вопросы регулирования» // Деньги и кредит. 2017. №1. С. 65-73.

[2] *Jumpstart Our Business Startups Act.* Public law 112–106—APR. 5, 2012. URL: <https://www.congress.gov/112/plaws/publ106/PLAW-112publ106.pdf>

[3] *Котенко Д.А.* Краудфандинг – инновационный инструмент регулирования // Закон. 2014. №5. С. 140-145.

[4] *Кузнецов В.А.* Краудфандинг: актуальные вопросы регулирования» // Деньги и кредит. 2017. №1. С. 65-73.

ПОКОЛЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ПАСПОРТОВ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

**Богданова Александра Васильевна,
Камаева Наталья Вячеславовна**

Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина
Институт Бизнес права
ул. Садовая-Кудринская, 9, Москва, 123001
av.bogdanova777@gmail.com

В статье рассматриваются основные вопросы и проблемы правового регулирования электронного паспорта, как документа нового поколения удостоверяющего личность гражданина РФ. Анализ действующего законодательства, ряда законопроектов и научных статей на данную тему показал наличие пробелов в правовом регулировании применения электронного паспорта.

Ключевые слова: электронный паспорт, электронная карта, документ удостоверяющий личность, защита информации.

Впервые о понятии электронного паспорта и аспектах его правового регулирования упоминалось в 2013 году. Данное событие было ознаменовано изданием Правительством РФ распоряжения от 19 сентября 2013 г. N 1699-р «Об утверждении Концепции введения в РФ удостоверения личности гражданина РФ, оформляемого в виде пластиковой карты с электронным носителем информации, в качестве основного документа, удостоверяющего личность гражданина РФ на территории РФ и плана мероприятий по ее реализации» [1]. Данная Концепция наиболее точно отражает основные цели, задачи и принципы введения электронного паспорта, как документа, удостоверяющего личность граждан РФ.

Однако на сегодняшний день вопрос о правовом регулировании остается открытым, поскольку основополагающие нормативные акты все еще не приняты. В частности, речь идет о проекте ФЗ «Об основном документе,

удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации» [2] (далее - Закон), который содержит понятие электронного паспорта, его назначение, основания выдачи и замены электронного паспорта и иные положения. Кроме того, для реализации Концепции на практике требуется принятие подзаконного акта, регулирующего порядок выдачи электронных паспортов или как их, еще называет Закон - электронных карт. В настоящее время Указ Президента РФ «О выдаче и применении удостоверения личности гражданина Российской Федерации» [3] находится на завершающей стадии и готовится к официальному опубликованию.

Предполагается, что электронная карта будет содержать не только ту информацию, которую включает на сегодняшний день паспорт гражданина Российской Федерации, но и ряд других сведений, список которых довольно обширный. Электронный паспорт должен заменить все основные документы, в том числе СНИЛС, ИНН, полис ОМС и иные. Кроме того, сама электронная карта будет являться легальным средством платежа, иными словами банковской картой, как заявляют авторы проекта Закона. Высказываются также мнения, что данный паспорт может заменить и водительское удостоверение.

Кажется, данное нововведение позволит упростить жизнь гражданам и сотрудникам государственных органов, однако стоит серьезно задуматься о юридической стороне вопроса.

Как нами было сказано ранее, самой главной проблемой является отсутствие нормативных актов, регулирующих в полной мере данный вопрос.

Вторым и наиболее дискуссионным является вопрос о конституционности и законности введения электронного паспорта. Согласно статье 24 Конституции РФ сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются [4]. Таким образом введение электронных паспортов, позволит государственным органам осуществлять тотальный контроль над гражданами, в большинстве случаев даже излишний. При этом стоит заметить, что согласие на сбор, хранение, использование и обработка биометрических может осуществляться только при наличии

согласия в письменной форме субъекта персональных данных, за исключением некоторых случаев [5]. В соответствии с Законом у граждан РФ не остается никакого другого варианта как дать свое согласие на оформление электронного паспорта. Не ограничивает ли данное положение права граждан и соответствует ли оно Конституции РФ? Авторы законопроекта, в том числе не предусмотрели гарантий предоставления государственной услуги по выдаче электронного паспорта лицам, которые в силу возраста, физического состояния или своих убеждений не смогут использовать электронную карту. Иначе говоря, свободное принятие электронных документов не должно становится обязательным условием реализации гражданином принадлежащих ему от рождения законных прав и свобод.

Помимо этого, совсем неясно будет ли содержать электронный паспорт чип или нет, поскольку данный вопрос никак не урегулирован действующим законодательством и законопроектами. В случае размещения чипа на электронной карте - потребуется изменить ряд нормативных актов, в том числе ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" [6] и в корне пересмотреть так и не принятые на данный момент законопроекты.

Немаловажной является проблема безопасности, которая может рассматриваться в двух аспектах. Во-первых, в результате введения электронного паспорта полная информация о гражданине будет содержаться в одной единой базе данных. Это создаёт огромную проблему в области защиты информации. Здесь могут нарушаться права отдельно взятого человека, а также интересы и безопасность Российской Федерации в целом, в случае хакерских атак со стороны других государств. Также остается открытым вопрос о том, какие органы будут иметь доступ к данной базе и в какой части. Второй аспект проблемы безопасности – это подделка непосредственно пластиковой карты, являющейся электронным паспортом. Аргументация необходимости замены обычных паспортов электронными основывается, в том числе, на высоком уровне защиты. Но на деле это не так, например, в 2008 году Йерун Ван Бек по заказу газеты «The Times» сумел подделать биометрический паспорт [7].

Таким образом, в замене бумажного варианта паспорта на электронный можно найти довольно много плюсов, это удобно, инновационно и современно. Но вместе с этим существует немало проблем правового характера. Проблемы отсутствия норм права и безопасности данных, говорит о существенных законодательных пробелах, без устранения которых применение электронных паспортов вызывает массу вопросов и не представляется возможным.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Распоряжение Правительства РФ от 19 сентября 2013 г. № 1699-р «Об утверждении Концепции введения в РФ удостоверения личности гражданина РФ, оформляемого в виде пластиковой карты с электронным носителем информации, в качестве основного документа, удостоверяющего личность гражданина РФ на территории РФ и плана мероприятий по ее реализации» // СПС Гарант (Дата обращения 19.11.2017)

[2] Проект Федерального закона «Об основном документе, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (Дата обращения 16.11.2017)

[3] Проект Указа Президента РФ «О выдаче и применении удостоверения личности гражданина Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (Дата обращения 17.11.2017)

[4] Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СПС КонсультантПлюс (Дата обращения 16.11.2017)

[5] Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ "О персональных данных". Редакция от 29.07.2017 // СПС КонсультантПлюс (Дата обращения 15.11.2017)

[6] Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации". Редакция от 29.07.2017 // СПС КонсультантПлюс (Дата обращения 22.11.2017)

[7] Демецкая А. Статья: биометрические документы. 2013 г. // Электронный ресурс: <http://www.irbis-nbuv.gov.ua> (Дата обращения 20.11.2017)

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В СФЕРЕ ИННОВАЦИЙ

Елкибаева Лилия Гильмановна

Российский государственный университета правосудия

Отдел аспирантуры

ул. Новочеремушкинская, 69, Москва, Россия, 117418

aspirant18@yandex.ru

Научный руководитель: В.К. Андреев, д.ю.н., профессор
кафедры гражданского права РГУП.

В статье рассматривается правовое регулирование государственно-частного партнерства в сфере инновационной деятельности. Проанализирована возможность включения результатов интеллектуальной деятельности в качестве объекта государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: сотрудничество государства и бизнеса, государственно-частное партнерство, концессионное соглашение, инновации, информационные системы.

Сотрудничество государства и частного сектора, объединение их ресурсов и распределение рисков между ними способствует развитию инноваций. Такое сотрудничество возможно в рамках соглашения о государственно-частном партнерстве (далее – ГЧП), которое регулируется федеральным законом от 01 июня 2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1].

Целью ФЗ «О ГЧП» по ст. 1 ч. 1 является повышение качества товаров, работ, услуг, организация обеспечения которыми потребителей относится к вопросам ведения органов государственной власти, органов местного самоуправления.

Цель повышения качества товаров, работ и услуг соотносится с понятием инноваций – «введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый

организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях» [2. Ст.2].

По соглашению о ГЧП частный партнер осуществляет создание или реконструкцию объекта соглашения, его полное или частичное финансирование, а также его последующую эксплуатацию или техническое обслуживание. Таким образом, партнерство предусматривает долгосрочные отношения, где частный инвестор осуществляет управление на протяжении всего жизненного цикла объекта. Поэтому для достижения окупаемости проекта частный сектор заинтересован в эффективном управлении проектом, что побуждает его к привнесению новых технологий и способствует инновациям.

Сфера инновационной деятельности непосредственно не входит в объекты соглашения о ГЧП, однако объектами являются многие отрасли экономики, в которых применимы инновации. Так соглашение о создании, реконструкции и эксплуатации на основе ГЧП аэропорта «Пулково» признан одним из лучших проектов мира на основании его высокого инновационного уровня [5].

В 2017 г. в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект о включении в число объектов ГЧП информационные системы, охватывающие движимое имущество (технические средства) и результаты интеллектуальной деятельности (базы данных, программы для электронно-вычислительных машин) для возможности заключения соглашений о ГЧП по созданию, эксплуатации и совершенствованию государственных информационных систем [4]. Предполагается, что этим увеличится информатизация государственных и муниципальных услуг, так как частные инвесторы в лице компаний, работающих в сфере информационных технологий, смогут осуществлять эффективное управление этими системами. На данный момент законопроект рассматривается в первом чтении.

Представляется, что включение в объект ГЧП результатов интеллектуальной деятельности не отвечает правовой природе ГЧП, при котором осуществляется создание или реконструкция недвижимого объекта.

В тоже время необходимо отметить, что формы ГЧП применялись в сфере информатизации. Например, система «Платон», осуществляющая взимание платы с большегрузных автомобилей за пользование дорогами федерального значения, создана, содержится и эксплуатируется частным инвестором в рамках концессионного соглашения [3].

Таким образом, правовой механизм ГЧП является оптимальным способом развития инноваций, при котором используются средства, технологии, коммерческий опыт частных инвесторов, а также сохраняются публичные интересы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Федеральный закон от 01 июня 2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2015. № 29 (часть 1), ст. 4350.

[2] Федеральный закон от 23 августа 1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 35, ст. 4137.

[3] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 августа 2014 г. № 1662-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014 г. № 36, ст. 4887.

[4] Законопроект № 157778-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части признания информационных систем объектами соглашения)» // URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=157778-7&02> (дата обращения: 25.11.2017).

[5] Аэропорт «Пулков» признан одним из лучших ГЧП проектов мира. 2013 // URL: <http://www.pulkovoairport.ru/about/news/2013/1740/> (дата обращения: 23.11.2017).

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЦ, УПРАВЛЯЮЩИХ СИГВЕЯМИ И ГИРОСКУТЕРАМИ

Кичкинёв Владислав Николаевич

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
пр. Литейный, 44, Санкт-Петербург, Россия, 191104
kant1755@mail.ru

Научный руководитель: С.Л. Басов, к.ю.н., доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
СПБЮИ (ф) АГП РФ

В статье рассматриваются различные подходы к возможному правовому регулированию управления такими техническими средствами, как сигвеи и гироскутеры, правилами дорожного движения. Устанавливаются правовые положения лиц, управляющих сигвеями и гироскутерами.

Ключевые слова: правила дорожного движения, права и обязанности, сигвей, гироскутер, механическое транспортное средство, велосипед.

В конце октября Правительство Российской Федерации поручило МВД РФ и Минтрансу РФ ввести в правовое поле общественные отношения, связанные с управлением «современными техническими транспортными средствами» - сигвеями и гироскутерами. Актуальность данного вопроса заключается в том, что количество этих технических средств в России постоянно увеличивается, они активно участвуют в движении, особенно в крупных городах. Необходимо определить правовой статус граждан, которые их используют. Они могут остаться пешеходами, стать велосипедистами или водителями, т.е. три пути возможного урегулирования.

Начнем с того, что сигвеи и гироскутеры подпадают под определение транспортного средства, данное в Правилах дорожного движения Российской Федерации (далее – ПДД), т.к. они технически предназначены для передвижения людей по дорогам. Хотя это и транспортное средство, управление им на

тротуаре может создавать опасность для пешеходов, но на проезжей части они явно уступают автомобилям по техническим характеристикам.

Отнести лиц, которые используют современные технические транспортные средства передвижения к пешеходам нельзя, т.к. это лица, которое находится вне транспортного средства. Сама дефиниция пешехода данная в ПДД исключает это. Пешеходом можно признать лицо, которое несет гироскутер в рука или ведет рядом с собой сигвей.

Если рассматривать возможность приравнять современные технические транспортные средства к велосипедам, нужно исходить из того, что велосипедом признается транспортное средство, которое имеет по крайней мере два колеса и может иметь электродвигатель номинальной максимальной мощностью в режиме длительной нагрузки, не превышающей 0,25 кВт, автоматически отключающийся на скорости более 25 км/ч.

С учетом того, что велосипеды могут иметь электродвигатель и особенностей участия их в дорожном движении, сигвеи и гироскутеры должны быть приравнены именно к ним. В пользу такого подхода говорят и технические характеристики этих транспортных средств, как правило, их максимальная скорость не превышает 20 км/ч.

В иностранном законодательстве существуют различные подходы к определению правового статуса гироскутеров и сегвеев.

Великобритании сигвеи приравнены к автомобильному транспорту с 2011 года, но запрещены на дорогах, т.к. как они не регистрируются и не требуют прав на управление. Их также нельзя использовать на тротуарах и в иных общественных местах. Единственное место для использований – это частный земельный участок или дом [1].

В США правовое регулирование различается в зависимости от штата. В некоторых городах они запрещены. В большинстве случаев применяется правила, регулирующие поведение пешеходов или велосипедистов, но в некоторых штатах они рассматриваются как автотранспортное средство, требующее регистрации и страхования. Иногда их использование

запрещено в местах с большим скоплением людей, а также имеется ограничение по скорости. Кроме того, существует возможность приобретения дополнительной страховки на свое транспортное средство, в которую входит страхование от краж, столкновений с людьми и транспортными средствами [2].

В Германии сигвеи и гироскутеры являются электронными средствами передвижения, скорость которых ограничена 20 км/ч. Также есть требования в отношении световых и звуковых приборов и тормозов. Кроме этого, требуется действительный страховой номер, возраст и регистрация. В правилах дорожного движения они приравнены к велосипедам [3].

Но необходимо сказать и о моделях, которые могут развивать скорость выше 25 км\ч. Следует ли приравнивать их к мопедам и требовать водительские права? На наш взгляд, данный вопрос должен решаться путем ввода ограничений на продажу таких моделей сигвеев. Такое ограничение будет обеспечивать безопасность как самих пользователей данных транспортных средств, так и иных участников дорожного движения.

При этом возникает один вопрос, который необходимо решить: как поступить к сигвеями, которые имеют одно колесо? Мы считаем, что они также могут быть приравнены в правовом регулировании к велосипедам, т.к. технические показатели схожи с остальными моделями, несмотря на конструкторские особенности.

Приравнивать сигвеи и гироскуты к велосипедам можно с несколькими ограничениями. Во-первых, запретить применение на проезжей части и обочине дороги, так как в силу своих технических характеристик они не могут использоваться как автомобили. Из этого следует, что их применение нужно запретить на дорогах? за пределами населенных пунктов.

Во-вторых, необходимо ограничить возраст, с которого есть право управлять сигвеями и гироскутерами. Наличие двигателя и специфического управления предполагает возможность причинения вреда другим участникам дорожного движения и требует от водителя соответствующих навыков.

В-третьих, при управлении сигвеем или гироскутером, в целях обеспечения безопасности жизни и здоровью, водители обязаны быть в застегнутом мотошлеме.

В-четвертых, указанное транспортное средство должно обладать приборами освещения, чтобы его можно было легко увидеть в темноте.

Таким образом, на наш взгляд, лиц, управляющих сигвеями и гироскутерами по правовому статусу можно приравнять к велосипедистам с указанными выше ограничениями.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Hoverboard' scooters are illegal to ride in public due to Segway rules, police say [Электронный ресурс] URL: <http://www.telegraph.co.uk/technology/news/11926027/Hoverboard-scooters-are-illegal-to-ride-in-public-police-say.html>

[2] What Is the Legal Status of a Segway? Motor Vehicle? Electric Bike? Pedestrian? [Электронный ресурс] URL: <https://www.hg.org/article.asp?id=36294>

[3] Vorschriften für besondere Verkehrsmittel [Электронный ресурс] // URL: <https://www.adac.de/der-adac/rechtsberatung/verkehrsvorschriften/kleinfahrzeuge/segway/>

РАСПОЗНАВАНИЕ ПРЕСТУПНИКОВ ПРИ ПОМОЩИ НЕЙРОСЕТЕЙ

Козина Евгения Александровна

Высшая школа экономики
Национальный исследовательский институт
ул. Мясницкая, 20, Москва, Россия, 101000
ea_kozzina@mail.ru

Научный руководитель: И.Ю.Пешина, старший преподаватель
кафедры гражданского и предпринимательского права НИУ
ВШЭ

В статье рассматриваются различные способы и проблемы определения преступников с помощью нейронных сетей.

Ключевые слова: нейросеть, распознавание преступников, антропологическая теория.

В 70-х гг. XIX в. возникла антропологическая теория, основоположником которой являлся итальянский криминалист Чезаре Ломброзо. Он утверждал, что преступники обладают особыми анатомо-физиологическими чертами, их можно вычислить по внешнему виду. Однако впоследствии информация, связанная с физическими отклонениями преступников от законопослушных граждан, была проанализирована. Статистической закономерности обнаружено не было, поэтому особого внимания теории не уделялось.

В 2011 году группа психологов из Корнелльского университета выяснила, что люди способны отличать людей, совершивших преступления [1].

Ученые из Шанхайского университета транспорта использовали 1856 фотографий лиц китайцев-мужчин в возрасте от 18 до 55 лет, из которых 730 принадлежало осужденным. Затем ученые на 90% от всех фотографий обучили нейронную сеть распознавать разницу. Оставшиеся 10% изображений ушли на тесты. Обнаружилось, что нейронная сеть

смогла идентифицировать преступника с точностью до 89,5% по трем чертам лица (искривление верхней губы, расстояние от одного внутреннего уголка глаза до другого, угол между двумя линиями, проходящими от кончика носа к углам рта) [2].

Специалисты из Индии и Великобритании в августе 2017 года опубликовали доклад, в котором описали работу нейронной сети, которая распознает людей, не желающих быть узнаваемыми. Для тренировки нейросети использовалась тысяча фотографий мужчин и женщин от 18 до 30 лет, лица которых были замаскированы. Вначале нейросеть обнаруживает 14 лицевых ключевых точек, которые были определены как существенные для распознавания лица (10 точек для запоминания частей брови и области вокруг глаз, 1 для носа и 3 для губ). Затем обнаруженные точки образуют звездно-сетчатую структуру, по которой выполняется идентификация лица. fНо на точность разработанного алгоритма влияют различные факторы. Например, если на анализируемом снимке присутствуют здания, точность распознавания может снизиться с 85% до 56%. К тому же, чем больше закрыто лицо, тем сложнее его идентифицировать. В ходе тестирования точность распознавания лица, закрытого шляпой, шарфом и очками составила всего 43% [3][4].

Однако полностью нейросетям доверять не стоит, так как известно, что они подвержены стереотипам. Группа ученых из Принстона и Университета Бата решила научить нейросеть английскому языку, предложив системе стандартный текстовый корпус из 840 миллиардов английских слов. После этого ученые проверили ее на наличие скрытых стереотипов при помощи IAT-теста. По результатам теста выяснилось, что ИИ гораздо сильнее ассоциирует со словом «приятный» белокожих людей, а со словами, связанными с семьей, у машины сильнее ассоциации с женскими именами [5].

В 2016 году искусственному интеллекту предложили выступить судьей на конкурсе красоты. Из 6000 фотографий конкурсанток из 100 стран машина выбрала 44 победительниц. Из них только одна оказалась темнокожей. Проблема была в том, что в массиве данных, на которых обучался алгоритм, было слишком мало изображений темнокожих девушек. В итоге

машина стала сильнее ассоциировать привлекательность со светлой кожей.

С 2013 года Чикагский полицейский департамент сотрудничал с Иллинойским технологическим институтом для реализации Стратегического списка субъектов – «алгоритм для определения людей, способных совершить преступление, на основе данных (предыдущие аресты за наркотики, принадлежность к банде и возраст во время последнего ареста)».

По мере того как Американский союз гражданских свобод его критиковал, Чикагская полиция предоставляла меньше информации о том, кто попадает в список и как он используется. Исследование RAND Corporation показало, что определяемые алгоритмом люди просто чаще подвергались аресту.

Уголовные суды в США используют алгоритм Northpointe, который предназначен для прогнозирования вероятности правонарушителя совершить еще одно преступление в будущем. Gawker сообщил в мае 2016 года: «ProPublica опубликовала исследование эффективности Northpointe в прогнозировании рецидивизма и обнаружила, что черные люди на 77 процентов чаще прогнозируются для совершения насильственного преступления и на 45 процентов больше для совершения любого преступления. Также выяснилось, что Northpointe не является эффективным предсказателем в целом: только 20 процентов указанных людей совершили насильственное преступление» [6].

С сентября 2017 года московская городская сеть видеонаблюдения была подключена к нейросети. Она распознает лица прохожих и сравнивает их с базой данных МВД. За два месяца пилотного проекта нейросеть помогла поймать шестерых преступников [7].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Valla, J. M., Ceci, S. J., & Williams, W. M.* The accuracy of inferences about criminality based on facial appearance // *Journal of Social, Evolutionary, and Cultural Psychology*. 2011. P. 5(1), 66-91.

[2] Responses to Critiques on Machine Learning of Criminality Perceptions (Addendum of arXiv:1611.04135)

URL: <https://arxiv.org/abs/1611.04135>. Дата обращения: 26.11.2017

[3] Ученые научили нейросеть распознавать преступников с закрытыми лицами

URL: <https://www.securitylab.ru/news/488269.php>. Дата обращения: 26.11.2017

[4] Amarjot Singh, Devendra Patil, G Meghana Reddy, SN Omkar. Disguised Face Identification (DFI) with Facial KeyPoints using Spatial Fusion Convolutional Network. 2017. URL: <https://arxiv.org/pdf/1708.09317v1.pdf>. Дата обращения: 26.11.2017

[5] Мой смартфон — фашист: как нейросети подцепили от нас сексизм и ксенофобию. URL: <https://daily.afisha.ru/technology/5401-moy-smartfon-fashist-kak-neyroseti-podcepili-ot-nas-seksizm-i-ksenofobiyu/>. Дата обращения: 26.11.2017

[6] Stanford Researchers Warn U.S. — Cops Already Using AI to Stop Crimes BEFORE They Happen. URL: <http://thefreethoughtproject.com/pre-crime-cops-ai/>. Дата обращения: 26.11.2017

[7] Для слежки за прохожими в Москве внедрили нейросеть. URL: http://www.cnews.ru/news/top/2017-09-29_litsa_moskovskih_prohozhih_budet_raspoznavat_nejroset. Дата обращения: 26.11.2017

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ О ДОБЫЧЕ ИСКОПАЕМЫХ В КОСМОСЕ – ЭВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЛИ НАРУШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Комлева Александра Михайловна

Балтийский федеральный университет имени им. Канта

Магистрант, Юридический институт

ул. А. Невского, 14, г. Калининград, Россия, 236016

alexandra.m.komleva@gmail.com

Научный руководитель: И.В. Миронова, к.ю.н., доцент
кафедры международного и европейского права БФУ им.Канта

В статье рассматривается закон Великого Княжества Люксембург, вступивший в силу 01 августа 2017 года, предоставивший частным компаниям полные законные права на любые ресурсы, которые они извлекают из комических тел, в контексте закрепленного в основных нормативных актах международного космического права принципа национального неприсвоения космического пространства.

Ключевые слова: добыча полезных ископаемых в космосе, закон Люксембурга 2017 года, международное космическое право, принцип национального неприсвоения космического пространства.

Поиск и добыча полезных ископаемых на космических объектах становится реальностью, обусловленной революцией в космических технологиях и ускорением исследования космического пространства.

Небесные тела, включая Луну и астероиды, содержат богатое разнообразие металлов, газов и воду, которые могут использоваться в качестве источников энергии для поддержания человеческой жизни при устремлении в далекий космос. Коммерческое участие трансформирует экономику космоса, а значительная конкуренция и продолжающиеся научные открытия еще больше снижают затраты на освоение космоса.

Основные международные договоры об освоении космоса принимались задолго до того, как использование космических ресурсов стало реалистичной идеей, и в их основе лежал запрет на присвоение государствами космических тел. Основой статуса космического пространства, включая Луну и небесные тела, обозначен в них в качестве «достояния всего человечества» (ст. 1 Договор о космосе 1967 г. [1]), а Луна и ее природные ресурсы объявлены общим наследием человечества (ст. 11 Соглашении о Луне 1979 г. [3]).

Главным недостатком международных правовых актов в сфере космического права является полное отсутствие механизмов контроля, что поощряет стремление отдельных государств вести самостоятельную «игру». Процесс освоения космоса превращается в конфликт экономических интересов.

До сих пор вопрос о праве собственности на добытые в космосе ресурсы не был актуальным, поскольку большинство миссий осуществлялись в научных целях. Чтобы разработка ресурсов на космических объектах стала экономически жизнеспособной, исследующие и добывающие компании хотят прав на извлечение, потребление и коммерциализацию добытых материалов.

Частные компании планируют инвестировать в разведку космических ресурсов миллионы долларов. Однако инвесторы хотят иметь правовое подтверждение, что их инновационные усилия сегодня принесут им экономическую прибыль через несколько лет.

США и Люксембург стали первыми странами, стремящимися на уровне национального законодательства обозначить свои коммерческие интересы в космосе. В середине 2017 года палата депутатов Люксембурга почти единогласно проголосовала в пользу закона о космических ресурсах 13 июля 2017 г. [2] (далее - закон), который вступил в силу 1 августа 2017 г. и предоставил частным компаниям полные законные права на любые ресурсы, которые они извлекают из космических тел, подчеркивая абсолютную поддержку любых инициатив в области космической добычи.

«Космические ресурсы могут быть объектом собственности», - гласит первая статья закона, согласно английскому переводу, предоставленному правительством Люксембурга.

Этот закон устанавливает положение о разрешении и контроле частных миссий по разведке и использованию космических ресурсов. Законом создается система, позволяющая правительству санкционировать и контролировать добычу ресурсов и смежную космическую деятельность.

Представители Люксембурга заверяют, что закон соответствует основным принципам права собственности, а также международному праву. Закон Люксембурга разъясняет статус ресурсов небесных тел, и предоставляет право на них только после того, как они были извлечены.

Принятие этого закона было направлена на то, чтобы сделать страну ключевым игроком в развивающейся индустрии космических ресурсов. Люксембург обязался потратить около 200 млн. евро на инвестиции в добывающие на астероидах компании в обмен на открытие ими офисов в стране.

Формирование указанной нормативной базы является стратегическим действием правительства Люксембурга в целях поддержки долгосрочного экономического развития инновационных видов деятельности в космической отрасли и создания позитивного политического климата для компаний, занимающихся исследованием космической добычи ресурсов.

Однако, Акт США о добыче в космосе, принятый в ноябре 2015 года [4], неоднократно подвергался критике (что ожидает теперь и закон Люксембурга) со стороны многих стран, а также Комитета ООН по мирному использованию космического пространства.

Четко сформулированная официальная позиция Российской Федерации, в связи с принятием вышеуказанных законов, указывает что был скомпрометирован один из фундаментальных принципов международного космического права – принцип национального непризвещения космического пространства, включая Луну и другие небесные тела.

Для создания стабильной, международной, веземной экономики должны существовать не только правовые, но и оперативные рамки, облегчающие безопасное распределение, отслеживание и передачу веземных прав землепользования и добычи ресурсов. Они должны опираться на последовательную цепь международных решений о праве собственности на добытые ресурсы, контроле их добычи, передачи права землепользования между предприятиями коммерческой космической добычи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 19.12.1966 (резолюция 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН) // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (25.11.2017)

[2] Проект закона об исследовании и использовании космических ресурсов, от 13 июля 2017 г. // URL: <http://www.spaceresources.public.lu/content/dam/spaceresources/news/Translation%20Of%20The%20Draft%20Law.pdf> (25.11.2017)

[3] Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 05.12.1979 (принято резолюцией 34/68 Генеральной Ассамблеи ООН) // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/moon_agreement.shtml (25.11.2017)

[4] U.S. Commercial space launch competitiveness Act. Public Law No: 114-90 (11/25/2015) // URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2262/text> (25.11.2017)

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРАУДФАНДИНГА

Маланова Валерия Сергеевна

Казанский федеральный университет

Юридический факультет

ул. Кремлевская 18, Казань, Россия, 420111

leramalan16@gmail.com

*Научный руководитель: И.И Салихов, к.ю.н, доцент
кафедры гражданского права КФУ*

Статья рассматривает правовую природу краудфандинга, как один из способов финансирования бизнес-идей и стартапов. Рассмотрены проблемы законодательного регулирования краудфандинга, и предложены возможные пути решения этих проблем.

Ключевые слова: краудфандинг, краудинвестинг, бизнес-проект, народное финансирование.

В связи с бурным развитием информационных технологий, возникают новые, более удобные для простых граждан инструменты привлечения инвестиций. Одним из которых является краудфандинг или по-другому народное финансирование, (от англ. "crowdfunding", "crowd" – толпа, "funding" – финансирование) – коллективное сотрудничество людей, которые добровольно объединяют свои деньги или другие ресурсы вместе, как правило через Интернет, чтобы поддержать усилия, проекты других людей или организаций. [1. С. 288.] Людей, которые объединяют свои средства называют бэкерами (инвесторами), а тех, кто хочет привлечь средства для определенных целей, называют разработчиками (инициаторами). Все они встречаются на краудфандинговой платформе, где размещается информация о проектах разработчиков и бэкеры имеют возможность их поддержать.

Краудфандинг подразделяется на следующие типы:

- благотворительный краудфандинг — это сбор финансов на некоммерческие проекты (будь то благотворительность, помощь в лечении заболевания), социальные проекты по благоустройству или созданию предмета искусства, где отсутствует вознаграждение для перевододателей.

- условно-возвратный краудфандинг — сбор денежных средств для коммерческих проектов в целях приобретения какого-либо товара.

- краудинвестинг — предполагает сбор денежных средств в целях инвестирования, будущего участия в деятельности компании с правом владения акций или голосования на собрании акционеров.

- краудлендинг или P2P-кредитование — это сбор денежных средств для финансирования юридических и физических лиц.

Уникальность краудфандинга заключается в том, что для поиска и привлечения капитала используется интернет-платформы, которые помогают получать как небольшие, так и относительно существенные инвестиции от огромного числа людей для различных целей – будь то поддержка инновационных идей или благотворительность. Чаще всего такие цели имеют полезный для общества характер и позволяют развиваться экономике, поэтому необходима поддержка развития краудфандинга со стороны государства, в том числе и разработка специального регулирования данного явления.

Основные модели краудфандинга схожи по своей юридической природе с уже существующими институтами российского права, такими как дарение, договор займа или оказания услуг. Что порождает возможность использования уже имеющегося гражданского законодательства о договорах. Например, когда инвестор передает разработчику денежные средства и при определенных условиях вправе требовать от разработчика права на результат разработки, товар, можно использовать договор купли-продажи (ст. 582 гражданского кодекса РФ) [3]. Когда инвесторы предоставляют необходимое финансирование и получают права на часть конечного результата - инвестиционный договор (ст. 421 ГК РФ, [3] ст. 8

Федерального закона от 25.02.1999 N 39-ФЗ (ред. от 26.07.2017) "Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений") [4].

Однако прямое регулирование краудфандинга в действующем законодательстве отсутствует, что нередко создает трудности в данных правоотношениях, так как существует множество проблем, которые сложно урегулировать только договорами и пользовательскими соглашениями. Такими проблемами можно назвать –, во-первых, риск кражи идеи из-за полной информационной открытости разработчиков, тогда как в традиционной модели инвестиций предприниматели используют соглашения о неразглашении и другие способы защиты идей. Поэтому, представляется необходимым выработать меры защиты разработчиков, путем введения механизма регистрации и «депонирования» идей, предложенных на платформах. Можно предложить меры государственной защиты путем введения запрета на использование зарегистрированных проектов, на определенный платформой срок и возможности обращения в суд при использовании таких идей.

Во-вторых, отсутствие легального процесса проверки бизнес-планов проектов, что порождает риск мошенничества и обмана. Далеко не все индивидуальные инвесторы имеют соответствующее образование, а также необходимый опыт, поэтому они легко могут быть обмануты и потерять все свои сбережения на рискованных проектах. Чтобы это не произошло, необходимо разработать определенные законодательные акты, которые будут регулировать величину индивидуальных инвестиций. В мировой практике уже существуют законы, регулирующие краудфандинг. Например, в США, в апреле 2012 года Барак Обама подписал новый закон JOBS Act (Jumpstart Our Business Startups Act). Закон позволял стартап-компаниям собирать до \$1 млн посредством краудфандинга, от обычных граждан. Инвесторы, годовой доход которых меньше 100 000 долларов, могут инвестировать не более 2 000 долларов или 5% от их дохода в развитие проектов, инвесторы, годовой доход которых превосходит 100 000 долларов, имеют право

вкладывать 10% от их годового дохода в качестве инвестиций в проекты. [2. С. 301-306]

Думается, что установление единого правового регулирования, не противоречащего природе краудфандинга и не создающего ненужных барьеров для его использования, способно привести к росту популярности этого института в России, а также повысить доверие граждан к инвестициям на краудфандинговых платформах.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Джефф Хау*. Краудсорсинг. Коллективный разум как инструмент развития бизнеса = Crowdsourcing: Why the Power of the Crowd is Driving the Future of Business. - М.: «АльпинаПаблицер», 2012.

[2] *Санин М.К., Безуглова Е.Ю.* Краудсорсинг в инновационной деятельности // Труды гуманитарного факультета. Сборник научных статей НИУ ИТМО. 2014.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации [электронный ресурс]: от 26 января 1996 года N 14-ФЗ Часть вторая: (ред. от 29.06.2015 N 185-ФЗ, от 29.06.2015 N 210-ФЗ, от 23.05.2016 N 146-ФЗ, 28.03.2017 N 39-ФЗ) // Консультант Плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

[4] Федеральный закон [электронный ресурс]: от 25 февраля 1999 (ред. от 26.07.2017) N 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений». // Собрание законодательства Российской Федерации.

ТРЕХМЕРНАЯ ПЕЧАТЬ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Мирзоева Лейла Сардаровна

Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ

Юридический факультет им. М.М.Сперанского
Проспект Вернадского, д.84, Москва, Россия, 119571
mirzoeva.leila.s@gmail.com

Научный руководитель: М.В. Радецкая, к.ю.н., доцент
кафедры гражданского права и процесса Юридического
факультета РАНХиГС, старший преподаватель кафедры
интеллектуальных прав Исследовательского центра частного
права имени С.С.Алексеева

В связи с развитием технологии 3D-печати особо остро встает вопрос о правовой природе файлов с цифровыми 3D-моделями. Автор описывает уникальность, а также перспективу и угрозы дальнейшего развития аддитивных технологий. Статья раскрывает соотношение 3D-моделей с разными институтами интеллектуальной собственности. Анализируется вопрос правовой охраны самих трехмерных моделей, а также использование в них объектов интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: аддитивные технологии, трехмерная печать, 3D-принтер, трехмерные модели, авторское право, патентное право, товарные знаки.

В современном мире высоких технологий уже несколько лет активно начинают развиваться технологии трехмерной печати. Трехмерная печать позволяет «печатать» - создавать объекты материального мира на основании 3d-моделей, введенных в сам принтер. Если раньше печать была возможна только двухмерная, то с помощью 3d-печати передовые технологии позволяют человеку создавать трехмерные объекты даже с движущимися элементами.

Быстрое развитие и распространение трехмерной печати стало возможно благодаря появлению рынка частных 3d-принтеров, цена которых приблизительно равна цене профессиональных фотокамер, а также появлению на рынке высоких технологии компаний, которые предоставляют услуги по трехмерной печати. Именно низкая цена и доступность позволили миру понять, насколько широк спектр применения аддитивных технологий. В настоящее время 3d-печать применяется в медицине, производстве, строительстве, ракетостроении, дизайне и других отраслях. Более того, трехмерная печать не только уменьшает издержки при производстве, но и сокращает время самого производства объектов. По расчетам, приведенным в одном консалтинговом отчете, экономия затрат в результате использования трехмерной печати при производстве запасных частей для техобслуживания, ремонта и эксплуатации летательных аппаратов в масштабе мировой авиакосмической отрасли могла бы составить 3,4 млрд долларов США (В случае изготовления 50% запчастей методами трехмерной печати - PwC, M Institute, 2014) [1 С. 97].

Однако именно в последние годы с усложнением и одновременным удешевлением аддитивных технологий стала расти значимость трехмерных моделей как самостоятельных объектов гражданского оборота [2].

С точки зрения авторского права трехмерные модели могут охраняться как самостоятельные произведения, создание которых требовало творческого труда, а также как копии или производные объекты других произведений, охраняемых авторским правом. В соответствии со статьей 1259 ГК РФ список объектов авторского права является открытым, а значит, охрана авторским правом 3d-моделей возможна, но только при соблюдении условий выражения в объективной форме и наличия творческого труда. 3-d модель соответствует этим критериям, соответственно, может охраняться данным институтом права интеллектуальной собственности.

Развитие 3d-печати является прямой угрозой для патентного права, так как 3d-модели объектов с

запатентованными решениями фактически могут быть свободно распространены. Наличие самой трехмерной модели дает возможность воссоздать объект в неограниченном количестве. Такое распространение возможно не только через сеть Интернет, а также через обычную передачу файла на носитель (например, флеш-карта). Существует мнение, что в действительности следует квалифицировать использование запатентованного решения и трехмерной модели, предназначенной для печати на трехмерном принтере, использованием соответствующего объекта патентного права [2]. Однако данный вопрос всё еще остается дискуссионным [3].

Более того, точно такие же угрозы можно наблюдать и в институте товарных знаков. В сети Интернет уже сегодня в открытом доступе находятся трехмерные модели, которые представляют собой товарные знаки или маркированы товарными знаками третьих лиц. Важным критерием нарушения исключительных прав на товарные знаки является «однородность» - распространение 3d-модели с товарным знаком является нарушением исключительных прав, только если трехмерная модель однородна тем товарам и услугам, для которых был зарегистрирован сам товарный знак.

В заключение, можно сделать вывод о том, что трехмерные модели тесно связаны с основными институтами интеллектуальной собственности. Большое количество угроз, которые возникают одновременно с развитием аддитивных технологий, требует законодательного регулирования трехмерной печати. Необходим тщательный анализ современной технологии 3d-печати для того, чтобы защитить правообладателей как товарных знаков и патентных прав, так и правообладателей прав на сами трехмерные модели.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Breakthrough Innovation and Economic Growth. World Intellectual Property Report (WIPO Economics & Statistics Series. 2015)

[2] *Р.А. Ахобекова, А.А. Загородная, В.Б. Наумов.* Проблемы правового регулирования трехмерной печати (журнал «Закон», №4, апрель 2017г.)

[3] *А. Гурко.* 3D-печать и право интеллектуальной собственности: взгляд в будущее (журнал «ИС. Авторское право и смежные права», №5, май 2016г.)

[4] *А.Гурко.* Соотношение 3D-моделей и программ для ЭВМ (журнал «ИС. Авторское право и смежные права», №6, июнь 2016г.)

[5] *Stefan Bechtold.* Economic Research, working paper No.28. 3D printing and the intellectual property system. (WIPO Economics & Statistics Series. November 2015)

[6] *Elsa Malaty, Guilda Rostama.* 3D printing and IP law (WIPO magazine, February 2017.)

[7] *Catherine Jewell.* 3-D printing and the Future of Stuff (WIPO magazine, April 2013.)

ПЕРЕХОД НА ЭЛЕКТРОННЫЕ ПАСПОРТА: ВОЗМОЖНЫЕ ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Мититюк Валентина Михайловна

Российский университет дружбы народов

Юридический институт

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

daria.imper@gmail.com

Научный руководитель: Е.Н. Трикоз, к.ю.н., доцент
кафедры истории права и государства РУДН

В статье рассматривается процесс появления такого необходимого документа как паспорт, его историческое развитие и появления паспорта нового поколения – электронного паспорта. В статье выявляются правовые и другие проблемы, связанные с внедрением электронного паспорта.

Ключевые слова: паспорт, электронный паспорт, биометрический паспорт, права человека, кибермошенничество, чипизация.

Слово паспорт было известно людям ещё в Древнем мире. *Первые упоминания* об этом документе содержатся в священной книге христиан в *Библии в Ветхом завете в книге Неемии (ок. 443 г. до н.э.)*. В книге содержится описание просьбы служащего Неемии о выдаче письменного разрешения к персидскому царю, привившему в 465 – 424 гг. до нашей эры, Артаксерксу I. Данный «документ» позволял отправиться в путь через Персию в Иудею. В переводе с итальянского языка «паспорт» означает *«выход из порта»*. Действительно, появление необходимости в использовании письменного разрешения на выход или вход в порты было связано с развитием мореплавания. В то далёкое время *passaporto* удостоверял принадлежность к определённому государству (гражданство) во время пребывания за пределами своей Родины. России понятие о паспорте сложилось гораздо позже. Первоначально в соответствии с Соборным уложением 1649 г. существовала *«проезжая грамота»*, которую обязан был выдавать воевода тем лицам, которые отправлялись в иную

страну. В период правления Петра I в 1714 г. был издан указ, согласно которому в употребление вводились особые типы документов «проезжие письма» или «пашпорты», но только для свободных лиц, имеющих намерение отъезжать в другие местности страны: *«Его Царского Величества указами опубликовано, чтоб никто никуда без пашпортов или проезжих писем не ездили и не ходили, но каждый имел от своего начальника пашпорт или пропускное письмо»* [1]. За пользование подложными документами следовало суровое наказание в виде ссылки на каторгу. В 1933 г. был принят Указ ССР «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов», однако в сёлах паспорта не выдавали вплоть до 1974 г. 13 марта 1997 г. Указом Президента Б.С. Ельцина № 232 «Об основном документе, удостоверяющем личность гражданина РФ на территории РФ» был введён в действие паспорт гражданина РФ.

В настоящее время в мире появилась тенденция к электронным биометрическим паспортам. Одним из первых было государство Сингапур, которое ввело в пользование электронный паспорт в 2000 гг. В Эстонии, Украине, Казахстане, Кыргызстане, Индии, Великобритании, Латвии, Гане, Саудовской Аравии и т.д. уже применяются удостоверяющие личность ID-карты. В РФ принято Распоряжение Правительства РФ от 19.09.2013 г. № 1699-р «Об утверждении Концепции введения в РФ удостоверения личности гражданина РФ, оформляемого в виде пластиковой карты с электронным носителем информации, в качестве основного документа, удостоверяющего личность гражданина РФ на территории РФ и плана мероприятий по ее реализации» [2], однако в настоящее время данная инициатива приостановлена. В Постановлении Правительства РФ № 315 «О мерах по оказанию содействия избирательным комиссиям в реализации их полномочий при подготовке и проведении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ седьмого созыва» от 16.04.2016 г. в подп. «б» п. 23 содержится предписание для МВД РФ отложить мероприятия до 15 марта 2018 г., связанные с введением электронных паспортов. В настоящее время также прекращена выдача УЭК

(универсальных электронных карт). Первоначально предполагалось, что введение универсальной электронной карты подготовит граждан к более существенным изменениям в виде внедрения «электронного паспорта», однако, в результате исследования Экспертного центра электронного государства было выявлено, что УЭК не является востребованным [3]. По состоянию на 2015 г. всего было выдано около 469 тысяч универсальных карт.

В 2013-2014 гг. были разработаны проекты Федеральной миграционной службой о внедрении электронного паспорта в повседневную жизнь [4]. Предполагается, что данный документ будет оснащён специальным чипом и будет содержать всю информацию о гражданине, включая СНИЛС, номер страхового полиса, группу крови, отпечатки пальцев, электронная подпись, банковский чип, данные о родителях, имеющих детей, о расторжении заключении брака, отношении к воинской обязанности, индивидуальный номер налогоплательщика и т.д. Потеря или иное отчуждение такой карты чрезвычайно опасно и может привести к человеческой трагедии, т.к. в век информационных технологий процветает кибермошенничество. В США хакер Крис Паджетт на расстоянии 300 метров считывал и копировал метки RFID-паспортов, таким образом, он наглядным образом в результате проведённого эксперимента показал всем незащищённость таких данных. В связи с этим учащаются случаи кражи средств с электронных счетов, подделка электронных подписей, возрастёт количество преступлений и правонарушений. Под угрозой окажется право населения на неприкосновенность частной жизни (защиту персональных данных, тайну связи и усыновления). По мнению РПЦ, обязательное внедрение карт, которые содержат электронные идентификаторы, влечёт тотальный контроль и полную «чипизацию граждан», не учитывая их согласие [5]. Это в конечном итоге может привести к глобальному контролю «Большого брата». Согласно электронной петиции, выдвинутой гражданами РФ, электронная карта является первым этапом на пути к «электронному концлагерю» [6].

Таким образом, введение электронного паспорта может привести к нежелательным последствиям, т.к. при потере такого

документа человек теряет все необходимые для жизни данные, которые будет проблематично восстанавливать.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Официальный сайт Управления ФМС по Чувашской Республике - http://gov.cap.ru/spec/SiteMap.aspx?gov_id=155&id=293938&title=Preobrazovanie_pasportnoj_sistemi_v_epohu_Petra_I // (11.11.2017)

[2] Официальный интернет-портал правовой информации - <http://pravo.gov.ru> // (11.11.2017)

[3] Официальный сайт «Экспертный центр электронного государства» - О состоянии проекта «Универсальная электронная карта» в регионах РФ, 2016 г. - http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2016/02/2016_ues_report.pdf // (11.11.2017)

[4] Проект ФЗ РФ «Об основном документе, удостоверяющем личность гражданина РФ» от 29.01.2013 г. - <https://rg.ru/2013/01/29/elektr-pasport-site-dok.html> // (11.11.2017)

[5] Официальный сайт «Российская газета» - <https://rg.ru/2013/02/06/chip.html> // (11.11.2017)

[6] Электронная петиция - <https://www.change.org/p/президент-рф-требуем-отменить-внедрение-электронных-паспортов> // (11.11.2017)

ГМО-ФОБИЯ ИЛИ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБОРОТА ГЕННО-МОДИФИЦИРОВАННЫХ ОРГАНИЗМОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Никишов Владислав Павлович

Саратовская государственная юридическая академия
Институт Юстиции
ул. Вольская, дом 1, Саратов, Россия, 410056
nikishovvladislav@yandex.ru

Научный руководитель: В. А. Попкова, преподаватель
кафедры земельного и экологического права «СГЮА»

В статье рассматривается условно новая категория в Российском законодательстве «генно-модифицированные организмы». Проанализированы научные исследования ГМО зарубежных и отечественных ученых, сделаны обобщения по системе правового регулирования ГМО в Российской Федерации.

Ключевые слова: рынок генно-модифицированных организмов, инновационный путь, влияние трансгенных продуктов, ГМО-фобия.

Совершенствование законодательства России всегда остается одной из центральных задач, как законодателя, так и юридической науки. Изменение правового регулирования той или иной отрасли мотивированно, в том числе и появлением новых общественных отношения, новых институтов, которые в свою очередь требуют их нормативного регулирования, для реализации субъектами экологических отношений своих прав и обязанностей.

Одним из важнейших факторов, определяющих в настоящее время развитие экономики и правовой системы, является научно-технический прогресс. Так, благодаря достижениям молекулярной биологии и генетики активно формируется рынок генно-модифицированных организмов (далее по тексту - ГМО). Расширение оборота товаров, содержащих ГМО по всему миру, вызывает необходимость по

регулированию соответствующих отношений, учитывающего специфику данных объектов гражданских прав. На этом этапе законодатель и столкнулся с проблемой решения вопроса о необходимости учета нравственных представлений общества относительно использования таких объектов [1. С. 25-29]. В рамках данной статьи нам хотелось бы обратить внимание на негативное отношение общества в России к ГМ продукции.

Клеточная и генная инженерия является одним из основных методов селекции наравне с отбором, гибридизацией и мутагенезом. Стоит сразу оговорить тот факт, что доказанной абсолютной безопасности любого из этих методов не существует, так, например, печально известный картофель «Ленапе» или «Борщевик Сосновского». А мутагенез в свою очередь это облучение семян растений радиацией или химикатами, в результате которого происходит неконтролируемое изменение генов, что чревато негативными последствиями, однако большинство современных продуктов выведены именно таким способом.

Определим генную модификацию – это операция на ДНК, изменение генов организма. Чаще всего используется способ пересадки генов из ДНК одного организма в ДНК другого, именно поэтому продукты, созданные таким способом, называются трансгенными. Цель – создание организма с улучшенными полезными свойствами, например, устойчивые к вредителям и более урожайные сорта. Раньше в генной инженерии проверяли, что получилось постфактум, т.е. получали генно-модифицированный организм, читали его геном и смотрели, куда попали вставки и все ли получилось, так как мы хотели, и оставляли из многих кандидатов нужный, сейчас есть современные технологии, которые позволяют очень точно указать место в ДНК где мы хотим осуществить разрезы ДНК и осуществить вставку, получить заранее продуманный, тот ГМО который хотим. Если сравнивать, то селекция – это двуручная пила по дереву, а генная модификация – хирургический скальпель, позволяющий с невероятной точностью вставить нужный ген, в нужное место.

Классическая «мантра» всех противников прогресса: «Эта область недостаточно изучена». Её же придерживаются и

противники ГМ культур. Однако на данный момент около 40% научных исследований и публикаций, связанных с ГМО направлены именно на изучение их безопасности, так, например, существует заключение всемирной организации здравоохранения, результат десятилетних исследований в разных странах мира, опубликованный еще в 2010 году, главный вывод которой: «не существует ни одного риска при потреблении ГМО пищи для человеческого организма, отличного от традиционных аналогов» [2]. Так же никакого негативного влияния трансгенных продуктов на животных за годы тестирования в НИИ питания не было обнаружено.

Российская Федерация шла по инновационному пути, однако путь этот длился не долго, так в сентябре 2013 года было принято Постановление Правительства РФ [3. С. 4991] указывающее на порядок регистрации генно-инженерно-модифицированных организмов, но это последнее действие, которое говорило о прогрессивной повестке на будущее и позиции законодателя. Затем срок вступления в силу данного постановления был перенесен с июля 2014-го на июль 2017 года.

В апреле 2014 года Общество научных работников направило в адрес Дмитрия Медведева открытое письмо в поддержку развития генной инженерии, которое подписали более 300 ученых, половина – с учеными степенями по биологии и медицине [4]. Однако в результате, в июне 2016 был принят ФЗ [5. С. 4291] запрещающий выращивание и разведение в России генетически и инженерно-модифицированных растений, и животных – исключение только для проведения экспертиз и научных исследований.

На данный момент в Сводном государственном реестре генно-инженерно-модифицированных организмов, включая указанную продукцию, ввозимую на территорию Российской Федерации, содержится 166 наименований, что говорит о том, что Россия в результате постепенного усиления контроля и по итогу запрета создания на территории РФ ГМО продукции не является зоной «Свободной от ГМО», как заявлялось при продвижении всех запрещающих законопроектов.

Подводя итог, мы можем сказать, что законодатель, находясь под властью ГМО-фобов и не слушая научное сообщество всего мира и в том числе ученых РАН, приведет к тому, что Россия будет среди последних развитых стран, которые перейдут на ГМО, со всеми неизбежными последствиями – необходимостью догонять, зависимостью от чужих передовых технологий. Мы за контроль, но разумный, а не основанный на субъективных чувствах и эмоциях, нравственных представлениях некоторых групп общества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Малофеев А.О.* Правовое регулирование оборота генно-модифицированных организмов в Российской Федерации // *Право и экономика*. 2015. № 4. С. 25 - 29

[2] European Commission Directorate General for Research and Innovation; Directorate E — Biotechnologies, Agriculture, Food; Unit E2 — Biotechnologies (2010).

[3] Постановление Правительства РФ от 23 сентября 2013 г. № 839 "О государственной регистрации генно-инженерно-модифицированных организмов, предназначенных для выпуска в окружающую среду, а также продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы" // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2013. № 39. Ст. 4991.

[4] Открытое письмо в поддержку развития генной инженерии в Российской Федерации // Интернет-ресурс: <http://onr-russia.ru/content/открытое-письмо-в-поддержку-развития-генной-инженерии-в-российской-федерации>. Дата обращения: 18.11.17

[5] Федеральный закон от 03.07.2016 № 358-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования государственного регулирования в области генно-инженерной деятельности" // "Собрание законодательства РФ", 04.07.2016, № 27 (часть II), ст. 4291.

АВТОРСТВО ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА, СОЗДАНЫХ НЕЙРОННЫМИ СЕТЯМИ

Оболонина Юлия Олеговна

Национальный исследовательский университет «Высшая
школа экономики»

Факультет права

ул. Мясницкая, 20, Москва, Россия, 101000

yobolonina@yandex.ru

Научный руководитель: И.Ю. Пешина, старший преподаватель
кафедры гражданского и предпринимательского
права НИУ ВШЭ

В статье рассматриваются варианты авторства произведений искусства, созданных нейронными сетями, связанные с этой проблемы, преимущества того или иного подхода, предлагается вариант решения проблемы.

Ключевые слова: нейронные сети, авторство, творческий вклад

Работа нейронной сети максимально приближена к тому, как функционирует человеческий мозг, благодаря чему нейронные сети самостоятельно начинают генерировать креативные идеи. Именно оторванность созданных произведений от творческих решений создателей программы и пользователей позволяет говорить о том, что нейронная сеть не может рассматриваться как инструмент, но как искусственный интеллект, который приобретает самостоятельность в создании произведений искусства.

Одним из наиболее распространенных подходов к определению авторства считают английский. Он так же встречается в Ирландии, Новой Зеландии, Индии, странах Африки [3. С. 43]. Норма s. 9(3) CDPA (Copyright, Designs and Patents Act. 1998) [6. С. 10] говорит о том, что автором произведений, созданных компьютером, т.е. без или с минимальным вмешательством человека, считается тот, кем были предприняты необходимые действия для получения

итогового объекта авторских прав. При этом такие действия предпринимает большое количество лиц, предложенных, например, в проекте доклада CLRC (Copyright Law Review Committee) [5. С. 10]. Чаще более всего усилий прилагает создатель программы. Например, в проекте «Next Rembrandt», где нейронной сетью был создан портрет, копирующий стиль Рембрандта, именно создателями проекта были заданы параметры будущего изображения (пол, возраст, цвет волос и т.д.) и подобраны картины для обработки и обучения нейронной сети. Но уникально то, что авторы программы не могут знать, какой результат получится в конце. Это наводит на мысль о том, подлежит ли авторской защите финальный результат.

Благодаря действиям пользователя созданная программа, деятельность нейронной сети обретает форму, конечный результат. Отчет CONTU 1979 [2.С. 7] приписывает авторство пользователю, однако в современных условиях дело обстоит иначе. Большое значение будет иметь степень творческого вклада пользователя в результат, который необходим для признания авторства (п. 1 ст. 1228 ГК РФ и международные нормы). Пользователь может, как воспользоваться различными опциями для, например, изменения изображения в приложении для обработки фото, так и нет. Поэтому затруднительно признать авторство пользователя. Например, в деле *Nova Productions Ltd v Mazooma Games Ltd. (UK)* акцент был сделан на том, что пользователь всего лишь играл в игру и не предпринимал каких-либо творческих действий для создания результата [2.С. 8].

Весьма естественным выходом кажется соавторство программиста и пользователя. Однако в этом случае все вопросы и сомнения, относительности авторства создателя программы и пользователя также становятся актуальными. Спорно здесь наличие непосредственно совместного труда и творческого характера такого труда. Также часто подчеркивается, что выгода, полученная создателем программы, от передачи пользователю прекращает участие создателя программы в конечном результате, иначе, если бы автор программы претендовал на результат, полученный всеми

пользователями, приобретшими программу, это не представлялось бы справедливым и разумным.

Еще в отчете ОТА (Office of Technology's Assessment of Intellectual Property Rights in the Age of Electronics and Information.1986) [2.С. 7] эксперты пришли к выводу, что возможно назвать автором произведения сам компьютер (искусственный интеллект). Авторство компьютера предполагает множество сложностей, в частности, невозможность искусственного интеллекта самостоятельно защищать свои права или монетизировать их, что невыгодно для рынка. Однако предлагается интересное решение рассматривать компьютер как работника, нанятого создателем программы [1. С. 617]. Вероятно, к такому выводу приходят из-за неоднократного упоминания в отчете CONTU того, что человек держит на службе (“employs”) компьютер. Но представляется маловероятным, что в модель работодатель-работник могут вписаться отношения человека и компьютера, из-за особой природы последнего. Также проблема возникает в том, что традиционно произведение неразрывно связано с человеческим фактором. В Австралии в решениях суда напрямую указывается, что результат неохраноспособен, потому что не имеет «человеческого автора» (Acohs vs Ucorp). В других такие положения закреплены нормативно (в РФ, в соответствии со ст. 1257 ГК РФ, автором является гражданин).

Несмотря на то, что сложно однозначно выбрать один из вариантов авторства, оставлять без защиты работы, созданные нейронными сетями, с политико-правовой точки зрения неправильно. Представляется, что лучшим решением был бы отказ от какой-либо презумпции авторства, индивидуальный подход к каждому случаю (программист или пользователь, в зависимости от степени и характера вклада каждого из них) [4.С. 9]. Важно делать различие между случаями, когда создатели предлагают пользоваться их продуктом, не претендуя на авторство (как, например, в проекте Deep Dream от Google), или, когда только создатель программы вносит вклад в обучение нейронной сети и конечный результат.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Colin R. Davies*. An evolutionary step in intellectual property rights e Artificial intelligence and intellectual property// Computer Law & Security Review. 2001. P. 601-619// URL: www.sciencedirect.com. Дата обращения: 25.11.2017

[2] Copyrights in Computer-Generated Works: Whom, If Anyone, Do We Reward. 2001. Duke L. & Tech. Rev. 0024 //URL: <https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.ru/&httpsredir=1&article=1023&context=dltr>. Дата обращения: 25.11.2017

[3] *Mc Cutcheon Jani*, The Vanishing Author in Computer-Generated Works: A Critical Analysis of Recent Australian Case Law//Melbourne Univeristy Law Review, Vol. 36, 2013// UWA Faculty of Law Research Paper No. 27 //URL: <https://ssrn.com/abstract=2297192>. Дата обращения: 25.11.2017

[4] *Guadamuz Andrés*. Do Androids Dream of Electric Copyright? Comparative Analysis of Originality in Artificial Intelligence Generated Works//Intellectual Property Quarterly. 2017 (2)//URL: <https://ssrn.com/abstract=2981304>. Дата обращения: 25.11.2017

[5] *Shruti Siya*. Intellectual Property Rights Protection in Computer Generated Works. 2014. Chanakya National Law University//URL: <https://ssrn.com/abstract=2397166>. Дата обращения: 25.11.2017

[6] Copyright Designs and Patent Act 1988 // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/contents>. Дата обращения: 25.11.2017

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ СИСТЕМОЙ БЕСПИЛОТНОГО ВОЖДЕНИЯ АВТОМОБИЛЕМ

Терехов Максим Геннадьевич,

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Факультет подготовки сотрудников полиции для
подразделений по охране общественного порядка
Маххх47@inbox.ru

Липатова Александра Игоревна,

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Факультет подготовки сотрудников полиции для
подразделений по охране общественного порядка

Научный руководитель: Е.С. Кученин, доцент кафедры
административной деятельности ОВД Московского
университета МВД России имени В. Я. Кикотя
кандидат юридических наук, полковник полиции

В статье рассматривается автоматизированная система беспилотного вождения автомобиля в настоящее время, является не урегулированным субъектом правоотношений, вопрос о том, кого признавать ответственным за правонарушения и преступления, совершенные при использовании данной системы на законодательном уровне в настоящее время не решен.

Ключевые слова: правонарушения, правила дорожного движения, кодекс об административных правонарушениях РФ, система беспилотного управления движением автомобиля.

В современных условиях жизни общества государство уделяет особое внимание инновационным технологиям, что подтверждается концепциями стратегического развития, которые принимают государства на ближайшие годы. В связи с этим государство особое внимание стало уделять тем ученым,

которые занимаются разработками в данной области. Ученые во всех областях жизнедеятельности создают научно-практические решения проблем общества, а также научно-практические решения улучшения повседневной жизни людей.

Новая разработка связана с автоматизированным управлением транспортным средством, а именно, человек не контролирует заданный программе процесс движения по указанному маршруту – фактически он является пассажиром. Эта разработка была призвана помогать водителям упростить их жизнь. А именно не затрудняться с парковкой в трудном месте, либо повседневной парковкой в одном и том же месте, где не требуется водительское мастерство и опыт. Это не надоедает повседневно водителю при использовании новых автоматизированных систем, внедренных сейчас на Российском авторынке [2.С. 35-39.].

У данной автоматизированной системы существует ряд плюсов относительно ее применения. Большой общественный резонанс к системе беспилотного вождения был вызван в настоящее время у правоохранительных органов России в лице ФСБ, ФСО, и МВД. Это связано с заинтересованностью правоохранительных органов в сохранении общественной безопасности при использовании данной автоматизированной системы беспилотного управления автомобилем.

Такое внимание объясняется рядом целей и задач, стоящих перед правоохранительными органами Российской Федерации. Так, обращаясь к правовой основе деятельности ФСБ России, которая закрепляется Федеральным законом от 03.04.1995 N 40-ФЗ (ред. от 18.06.2017) "О Федеральной службе безопасности" в котором положение статьи 1 определяет назначение Федеральной службы безопасности, как «осуществляющая решение в пределах своих полномочий задач по обеспечению безопасности Российской Федерации».

Следовательно, для данного правоохранительного органа встает один из острых вопросов о безопасности. Рассматривая деятельность МВД России, у полиции также существует ряд проблемных вопросов относительно данной автоматизированной системы, в аспектах безопасности дорожного движения. Данная автоматизированная система

несет угрозу общественной безопасности, которая на сегодняшний день является латентной. На наш взгляд, ее необходимо предупреждать путем издания нормативно-правовых актов, которые будут регулировать работу и использование автоматизированной системы беспилотного управления автомобилем [1.С.56].

Этого можно достичь путем введения в нормативные акты, такие как- Приказ МВД России от 24.11.2008 N 1001 (ред. от 20.03.2017) "О порядке регистрации транспортных средств", положений касательно процедуры технического осмотра транспортного средства, в котором присутствует данная автоматизированная система.

Возникает необходимость применять новейшее техническое оборудование, а также привлекать специалистов для диагностирования программного обеспечения данной автоматизированной системы, которая установлена в автомобиле. Она необходима для того, чтобы предупредить неисправность автомобиля прежде, чем он станет полноправным участником дорожного движения.

Данные вопросы к рассматриваемой автоматизированной системе во многом связаны у полиции с урегулированием правовых основ на административном уровне "Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ. В частности, следует обратить особое внимание на одну из наиболее нарушаемых статей КоАП РФ Главы 12. Статья 12.29. раскрывает сущность противоправного действия участников дорожного движения, которые участвуют в процессе дорожного движения являясь водителем транспортного средства, либо пешеходом - нарушают правила дорожного движения, определяемые Постановлением Правительства РФ от 23.10.1993 N 1090 (ред. от 12.07.2017) "О Правилах дорожного движения".

Субъектами в данном правонарушении выступают пешеходы и водители транспортных средств. Предлагается выделить в примечании для данной статьи принципиальные положения относительно автоматизированной системы беспилотного вождения автомобиля, которые будут распространяться на всю Главу 12, которая регулирует

административные правонарушения в области дорожного движения "Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ. А именно, закрепить то, что «работа автоматизированной системы беспилотного управления автомобилем, с момента ее запуска водителем, возлагает на водителя обязанность по контролю за работоспособностью данной системы. В случае возникновения технических проблем системы, водителю необходимо перевести управление транспортным средством в ручной режим, либо остановить транспортное средство имеющее существенные проблемы, связанные с механизмами управления транспортным средством. А именно, считать совершенные правонарушения в области дорожного движения, автоматизированной системой беспилотного управления автомобилем, следствием не должного контроля и осмотрительности самого водителя за данной автоматизированной системой, что образует субъекта административного правонарушения, предусмотренного главой 12 КоАП РФ, им будет являться водитель транспортного средства оборудованного автоматизированной системой беспилотного вождения автомобилем».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Сарвин А.А., Абакулина Л.И., Готшалк О.А.* «Диагностика и надежность автоматизированных систем» Письменные лекции 2017. С.56
- [2] *Селевцов Л.И.* «Автоматизация технологических процессов», Москва, 2016., С. 35-39.

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПОЛЕТОВ КВАДРОКОПТЕРОВ

Тихомирова Татьяна Ивановна

Коми Республиканская академия
государственной службы и управления
ул. Коммунистическая 11, Сыктывкар, Россия, 167982
tania.tikhomirova2017@yandex.ru

Научный руководитель: Ж. Б. Иванова, к.ю.н. кафедры
гражданского права и процесса Коми Республиканской
академии государственной службы и управления

В данной статье рассматривается сущность беспилотного воздушного судна, правила постановления на учет, законодательный опыт зарубежных стран. Авторы предлагают принять соответствующий законопроект, в котором урегулировать ряд ограничений на приобретение и управление радиоуправляемыми летательными аппаратами, связанными с установлением свободных от полетов территорий, установлением минимального возраста лица, управляющего таким аппаратом и др. Кроме того, авторы считают, что в целях разрешения вопроса оснований материальной ответственности за вред, причиненный с использованием радиоуправляемого летательного аппарата, последний можно отнести к источнику повышенной опасности.

Ключевые слова: квадрокоптер, зарубежный опыт, гражданское право.

На сегодняшний день героем массовых мероприятий является квадрокоптер, с его помощью легко охватить все масштабы мероприятия. А что это вообще такое? К какому классу его можно отнести? Существуют ли особые правила при управлении квадрокоптером (дроном), что об этом говорит закон?

Одно из определений гласит, что квадрокоптер – это аппарат, который состоит из четырех роторов, вращающихся в противоположных направлениях диагонально и

перемещающийся по воздуху [1]. Квадрокоптер относится к классу ОКОФ 15353100 Аппараты летательные воздушные и попадает под категорию транспортных средств.

Если, дрон попадает под категорию транспортных средств, то следуя логике, он должен проходить государственную регистрацию. Рассмотрим этот вопрос с точки зрения закона. Воздушный кодекс РФ гласит: государственной регистрации подлежат предназначенные для выполнения полетов беспилотные воздушные суда, за исключением беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой 30 кг и менее. Беспилотные гражданские воздушные суда с максимальной взлетной массой от 0,25 кг до 30 кг, ввезенные в РФ или произведенные в РФ, подлежат учету в порядке, установленном Правительством РФ [2].

Отсюда можно сделать вывод, что государственная регистрация квадрокоптеров предполагается не всегда, так как взлетная масса может быть менее определенной законодательством. Но если, любая из радиоуправляемых моделей, дронов превышает взлетную массу 250 грамм, то их обладателям необходимо зарегистрировать такой аппарат.

В странах зарубежья существуют некоторые правила об управлении квадрокоптером. Например, в Германии существует обязательное страхование ответственности владельцев квадрокоптеров, если их масса превышает разрешенный предел. Вместе с тем, некоторые виды квадрокоптеров можно использовать и без такой страховки, но со значительным ограничением мест – вдали от городов, людей. В США этот вопрос рассматривается более серьезнее. Там введена обязательная регистрация всех беспилотных летательных аппаратов.

В нормативной правовой базе автору удалось отыскать лишь один проект Постановления Правительства РФ «Об утверждении порядка учета гражданских беспилотных воздушных судов, ввезенных в РФ или произведенных в РФ» [3]. Вкратце если говорить о его содержании, то можно обозначить что, все беспилотные устройства, ввезенные в страну, учитываются в государственной базе данных о беспилотных воздушных судах, внесение в базу платное,

регистрация прекращается в случае списания, снятия с эксплуатации, перехода права собственности с вывозом за пределы страны, а также нарушение требований, установленных правилами государственной регистрации.

Безусловно, неограниченный оборот и неконтролируемое использование радиоуправляемых летательных аппаратов влияет на безопасность полетов воздушных судов, что противоречит принципам, закрепленным в преамбуле Воздушного кодекса РФ. Кроме того, дроны порой мешают тушить пожары из-за опасности аварий при работе пожарной безопасности, обрывают воздушные линии, используются для перевозки криминалистических товаров (наркотиков, оружия), для наблюдения в целях совершения преступления и т.д.

Изучив весь материал, можно сказать, что на сегодняшний день российское законодательство не совершенно в решении вопроса квадрокоптерах, не существует точного определения наказания за использования фото и видео материалов, снятых именно квадрокоптером, использование зафиксированных материалов в виде доказательств на судебных заседаниях.

На наш взгляд, необходимо принять соответствующий законопроект для определения порядка сбыта, приобретения, использования радиоуправляемых летательных аппаратов, а также для обеспечения безопасности в воздушном пространстве РФ.

В этом законопроекте можно предложить ряд ограничений на приобретение и управление радиоуправляемыми летательными аппаратами, связанными с установлением свободных от полетов территорий, установлением минимального возраста лица, управляющего таким аппаратом и др. Вместе с тем, в целях разрешения вопроса оснований материальной ответственности за вред, причиненный с использованием радиоуправляемого летательного аппарата, последний можно отнести к источнику повышенной опасности, что предполагает наступление гражданской ответственности без вины по ст. 1079 ГК РФ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Infocopter — портал о квадрокоптерах и дронах // URL: <http://infocopter.ru> (Дата обращения 25.08.2017)

[2] Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 N 60-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 24.03.1997. - №12. - Ст.1383.

[3] Портал ГАРАНТ.РУ // URL: <http://www.garant.ru> (Дата обращения 25.08.2017)

[4] Правовой центр «Человек и закон» // URL: <https://chelovekizakon.ru> (Дата обращения 25.08.17)

КОМУ ПРИНАДЛЕЖАТ ПРАВА НА СОЗДАННЫЕ НЕЙРОСЕТЯМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА?

Чертилин Василий Сергеевич

ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»

Юридический факультет

ул. Академика Павлова, 1, Самара, Россия, 443011

chertilin_official@mail.ru

Научный руководитель: В.Э. Волков, к.ю.н., доцент кафедры государственного и административного права Самарского университета

В статье рассматриваются вопросы, связанные с определением правообладателей произведениями искусства, созданными нейронными сетями. В частности, затрагивается проблема определения автора такого произведения и лица, имеющего исключительное право на него. Проанализированы существующие нормы гражданского права, а также предложены варианты их модернизации.

Ключевые слова: нейронная сеть, гражданское право, авторское право, исключительное право на произведение искусства, компьютерные технологии, блокчейн.

XXI век – век информационных технологий. Во многих сферах жизни на смену человеческому труду приходят машины. Роботы помогают людям на производстве, управляют транспортными средствами, ускоряют поиск необходимой информации, делают прогнозы и даже создают произведения искусства.

Одним из основных векторов развития компьютерных технологий сегодня является совершенствование нейросетей. У. Питтс и У. Мак-Каллок, введшие в 1943 году в науку понятие нейронной сети [1. С. 363-384], не могли себе представить каких высот достигнут разработчики спустя три четверти века.

Нейросеть – компьютерный алгоритм, построенный по образу и подобию нервной системы человека. С ее помощью,

компьютер в своей работе может использовать не только изначально заданные данные, но и полученные в процессе так называемого обучения – сбор и анализ информации, выявление закономерностей.

Сегодня существуют роботы, которые после анализа тысяч произведений способны создавать (генерировать) свои собственные. Так, например, есть нейронные сети, которые обрабатывают любое изображение в стиле известных художников, сочиняют музыку и пишут стихи.

С точки зрения юриспруденции важным представляется вопрос определения субъекта-правообладателя этими произведениями искусства.

В соответствии со статьей 1257 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] автором произведения искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано.

Так как в случае с нейронной сетью произведение создается фактически компьютерной программой, то логично предположить, что автором необходимо считать создателей данного программного обеспечения. Но правильно ли это? Ведь творческий вклад в само произведение внесен не был. Но и понятие «творчество» не относимо к деятельности роботов, а автор у произведения все же должен быть.

В этой связи, мы предлагаем считать авторами произведений искусства разработчиков программного обеспечения, но при этом обязательно указывать на то, что при его создании были использованы нейросети. Для удобства можно ввести использование нового знака – буква N, вписанная вокруг. Данный знак будет схож по своему значению со знаком `copyright` и будет означать, что данное произведение создано при помощи искусственных нейронных сетей.

Не менее важным является вопрос об исключительном праве на произведение. Так как ИНС (искусственная нейронная сеть) может быть использована юридическими или физическими лицами, не имеющими отношения к разработчикам, то возникает вопрос, кому принадлежит исключительное право на произведение, созданное такой программой: автору, правообладателю или пользователю?

Если исходить из положений ГК РФ [2], то в соответствии со статьей 1270 в первую очередь таким правом обладает автор произведения. В случае с нейронными сетями для того, чтобы юридическое или физическое лицо стало обладателем исключительного права необходимо заключить соответствующий договор с автором, то есть вместе с программой приобрести и исключительное право на произведения искусства, созданные с ее помощью.

Так как пользователями нейронных сетей может стать бесчисленное множество субъектов [3], то необходим механизм, при котором каждый из этого субъекта сможет получить исключительное право на произведение искусства, созданное компьютером специально для него. Это можно реализовать путем включения обязательного пункта в Пользовательские соглашения.

Для того чтобы можно было безошибочно определить, кому принадлежит авторское и исключительное право на произведение можно использовать блокчейн. Фиксация даты и времени создания произведения, ID программы или компьютера позволит не допустить плагиата и нарушения авторских и исключительных прав.

Таким образом, мы видим, что законодательство не успевает идти в ногу с современными технологиями. Необходима его модернизация в том числе и в части авторского права. Нужно учитывать новые реалии, стараться избегать возможных спорных толкований закона и применения его по аналогии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Мак-Каллок У. С., Питтс В.* Логическое исчисление идей, относящихся к нервной активности // Автоматы / Под ред. К. Э. Шеннона и Дж. Маккарти. — М.: Изд-во иностр. лит., 1956.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 22.06.2017) Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

[3] *Тамаров И.Е.* Творчество нейросетей сквозь PRISMA авторского права // zakon.ru

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ ИННОВАЦИОННОГО ЦЕНТРА «СКОЛКОВО» КАК ОСОБАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИЕЙ

Шепелева Ангелина Валерьевна

Московский государственный институт международных
отношений

Факультет управления и политики

Москва, проспект Вернадского, 76, 119454

ShepelevAngel@yandex.ru

Научный руководитель: С.Г. Камолов, к.э.н., доцент,
и.о. заведующего кафедрой государственного управления и
права

Московского государственного института международных
отношений, г. Москва.

В данной статье рассматриваются актуальные вопросы организации местного самоуправления на территории особого муниципального образования Российской Федерации – инновационного центра «Сколково». Проанализировано делегирование функций органов местного самоуправления управляющей компании. Выявлены основные достоинства и недостатки подобной модели организации местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, управляющая компания, инновационное развитие, принципы местного самоуправления, публично-властные полномочия, проект, делегирование полномочий, законные права и интересы населения.

Сегодня одной из ключевых задач нашего государства является переход российской экономики от сырьевого на инновационный путь развития. Важность этой модернизации уже давно подчеркивается в научной литературе и не обходится стороной на государственном уровне. Так, в 2009 году по

предложению Д.А. Медведева начал создаваться специальный научный центр, способствующий развитию национальной инновационной системы – Сколково. Основная цель деятельности фонда «Сколково» - создание самоуправляющейся и саморазвивающейся экосистемы, которая будет благоприятной для развития предпринимательства и исследований и будет способствовать созданию компаний, успешных на глобальном рынке [1].

Инновационный центр является особым муниципальным образованием РФ с точки зрения государственного и муниципального управления. Органы государственной власти и местного самоуправления (далее – МСУ) лишены большинства своих полномочий на данной территории, а власть находится в руках управляющей компании (ч.2 ст.20 закона о «Сколково»). Для объяснения этого феномена этого необходимо обратиться к ФЗ-244 «Об инновационном центре «Сколково». В статье 2 дается определение центра «Сколково» - земельные участки, которые находятся в границах территории, предназначенной для реализации проекта <...>, которые принадлежат на праве собственности или на праве аренды управляющей компании [2]. Это и определяет то, что на территории «Сколково» преимущественно управляющая компания обладает организационными полномочиями.

Обращает на себя внимание то, что, несмотря на свою организационно-правовую форму, а она является коммерческой организацией, управляющая компания наделяется законодателем публично-властными полномочиями, причем приоритетными по отношению к полномочиям органов местного самоуправления. Многим ученым представляется нецелесообразным очевидное смешение полномочий органов публичной власти различных уровней и хозяйствующего субъекта. Видимо, хозяйствующий субъект может и должен управлять производством, инвестициями, капиталовложениями, а управлять населенной территорией должны органы публичной власти. Безусловно, управление территорией должно учитывать специфические особенности каждой территории и ни в коем случае не препятствовать реализации права на осуществление МСУ [3]. А делегирование

полномочий управляющей компании в сфере МСУ – прямое нарушение данного тезиса. Во-первых, отсутствует выборность.

Во-вторых, вызывает сомнение целесообразность делегирования многих контрольных и финансовых функций частной компании. Эта управляющая компания, в свою очередь, является юридическим лицом, при этом она вправе принимать многие решения, не принимая во внимание мнение населения (в законе о «Сколково» ничего не говорится о правах местного населения на защиту своих интересов), а это прямо противоречит ФЗ-131 «об общих принципах организации местного самоуправления».

В-третьих, поскольку осуществление властных полномочий подразумевает вторжение в сферу реализации прав и свобод граждан и их объединений, это предполагает наличие особых условий и достаточно жестких пределов делегирования частным субъектам властных полномочий. В законе о «Сколково» пределы делегирования управляющей компании полномочий органов государственной власти и местного самоуправления не установлены. Также, любопытен тот факт, что непосредственно правовое регулирование осуществляет не только Фонд «Сколково», но и его дочерние организации, т.е. происходит увеличение субъектов нормотворческой деятельности, что не может быть признано ни целесообразным, ни допустимым для подготовки нормативных актов в сфере управления территорией. Кроме того, дочерние организации управляющей компании обладают статусом «хозяйственное общество», а, значит, они не являются публично-правовыми субъектами, в связи с чем они не могут обладать публичными нормотворческими полномочиями [4].

Вот такие аргументы приводят против модели организации МСУ в инновационном центре «Сколково». Однако, несмотря на все это, не просто же так законодатель решил установить на данной территории именно такую модель местного самоуправления. Несмотря на все дискуссии о неконституционности делегирования властных полномочий управляющей компании, у такой модели есть и плюсы. Во-первых, у коммерческой организации в обороте находятся большие финансы по сравнению с органами МСУ, поэтому и

возможностей на развитие больше. Во-вторых, управляющая компания была создана с целью - способствовать эффективному развитию как экономики, так и всего иннополиса, поэтому она сама заинтересована в максимально целесообразном решении тех или иных вопросов местного значения. Эта коммерческая организация не будет действовать вразрез интересам государства, народа и экономики страны в целом. В-третьих, не стоит забывать, что «Сколково» - проект, следовательно, и модель управления данной территории тоже экспериментальная.

Таким образом, данный опыт управления территорией характеризуется нарушением прав и законных интересов лиц. Ведь при создании инновационного центра «Сколково» государство делегировало полномочия, которые оно не правомочно было передавать частному субъекту, а также не выработало механизмов защиты нарушенных прав и законных интересов физических и юридических лиц. Однако в данной ситуации инновационный центр является проектом и то, как управляется его территория тоже эксперимент, поэтому еще неизвестно, эффективна ли данная модель или же все те недостатки возьмут верх и, действительно, окажется нецелесообразной.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] URL: <http://sk.ru/foundation/about/>

[2] См. Федеральный закон от 28.09.2010 N 244-ФЗ (ред. от 28.12.2016) "Об инновационном центре "Сколково" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017)

[3] Федорук Д.М. Актуальные вопросы самоуправления в инновационном центре «Сколково» // Научная сеть Современное право. 2016. С. 22-25

[4] Кабанова И.Е. Управляющая компания как способ управления территорией (на примере Сколково) // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2017.С.15-18

КОМУ ПРИНАДЛЕЖАТ ПРАВА НА СОЗДАННЫЕ НЕЙРОСЕТЯМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА?

Щукина Ангелина Андреевна

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Факультет права

Большой Трёхсвятительский пер., 3, Москва, Россия, 109028

aaschukina@edu.hse.ru

В настоящей статье рассматривается вопрос о принадлежности прав на произведения искусства, созданные с использованием нейронных сетей, по российскому законодательству.

Ключевые слова: нейронные сети, интеллектуальная собственность, авторское право.

Согласно российскому законодательству автором результата интеллектуальной деятельности, в том числе произведения искусства, является физическое лицо, творческим трудом которого создан такой результат (п. 1 ст. 1228 ГК РФ) [1]. При этом оказание автору только технического, организационного, материального содействия или помощи, а также осуществление контроля за выполнением соответствующих работ личным творческим вкладом не признаются. В связи с распространением набирающей популярность технологией машинного обучения вопрос о том, что считать «творческим вкладом» требует особого внимания.

Традиционно считается, что единственным существом, способным к творчеству, является человек. По мнению В. А. Дозорцева, из защиты именно творческой деятельности следует, что «результаты, полученные как итог функционирования технических средств, неохраноспособны» [2, С. 40]. Возникает вопрос о том, в какой мере данное утверждение может относиться к произведениям, созданным нейронными сетями.

Наиболее известным проектом, направленным на выявление «творческого» потенциала нейронных сетей,

является *Deep Dream* компании Google. Созданные с его помощью картины смогли собрать 97 тысяч долларов на благотворительном аукционе в прошлом году [3]. Преобразовать изображение с помощью *Deep Dream* может любой необладающий специальными знаниями человек, загрузив фотографию или рисунок и кликнув на «*Generate*» (сгенерировать, произвести); следовательно, творческая роль человека сводится выбору загружаемого изображения. Действия человека в данном случае сравнимы скорее с техническим или организационным содействием, или даже контролем, чем с созданием чего-то принципиально нового, то есть творчества в его обыденном понимании. Нейросети приобретают возможность преобразовывать в результате их обучения; если оно не закончено, результаты обработки введенных данных (будь то изображение, либо первые ноты мелодии, которую алгоритму предстоит создать) будут различаться, даже если введенные данные будут одинаковы. Фактически, это означает, что индивидуальный вклад вносит не человек, а нейросеть. Очевидно, однако, что признание авторства за нейронными сетями не сможет решить задач, которые стоят перед авторским правом, а признание авторства на произведения искусства за создателями нейронной сети, которые ее обучали, лишит пользователей стимула творить.

Так как специального регулирования в этой области российское законодательство не содержит, стоит обратиться к доктрине и правоприменительной практике. В научном сообществе распространено мнение, что в настоящее время на практике вопрос о творческом вкладе обычно сужен до вопроса о самостоятельности автора в процессе создания произведения: презюмируется, что любая деятельность, направленная на создание результата интеллектуальной деятельности, является творческой, если не доказано, что в ее результате были присвоены результаты интеллектуальной деятельности другого лица [4]. Презумпция создания результата интеллектуальной деятельности творческим путем выражена в пункте 28 Постановления Пленума ВС РФ N 5, Пленума ВАС РФ N 29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие

части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», в котором также отмечается, что даже при отсутствии новизны, уникальности и (или) оригинальности произведение может быть объектом авторского права [5].

Таким образом, существующее в науке и практике понимание творческого вклада не препятствует признанию авторства и охране прав на произведения искусства, созданные с помощью нейронных сетей. В научной литературе, рассматривающей данный вопрос с точки зрения целей авторского права, состоящих в вознаграждении и стимулировании создателей интеллектуальной собственности, признается значимость закрепления прав на произведения, созданные с помощью нейронных сетей, за пользователями [6, С. 19]. В тоже время в случаях, когда вводимые автором данные и возможность использования нейронной сети не влекут экономических издержек для автора, и при этом его участие в создании произведения минимально (например, если бы *Deep Dream* сам искал изображения, являющиеся общественным достоянием, и преобразовывал их), следует рассмотреть возможность непредоставления охраны произведениям, созданные нейронными сетями.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации от 18.12.2006 N 230-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[2] *Дозорцев В. А.* Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. Сборник статей/ Исследовательский центр частного права. М.: Статут, 2003. 416 с.

[3] *Rayner A.* Can Google's Deep Dream become an art machine? // *The Guardian*, 28 March 2016. URL: <https://www.theguardian.com/artanddesign/2016/mar/28/google-deep-dream-art> (дата обращения: 26.11.2017).

[4] *Богданова О.В.* Объекты авторских прав как предпосылка эффективности их защиты // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 5, Пленума ВАС РФ N 29 от 26.03.2009 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[6] *Guadamuz A.* Do Androids Dream of Electric Copyright? Comparative Analysis of Originality in Artificial Intelligence Generated Works // *Intellectual Property Quarterly*, 2017 (2). URL: <https://ssrn.com/abstract=2981304> (дата обращения: 26.11.2017)

НЕЙРОСЕТИ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ

**Ямович Дарья Олеговна, Шехмаметьева Татьяна
Ряуфовна**

Санкт-Петербургский Государственный Университет
Юридический факультет
*Университетская наб., д. 7-9, Санкт-Петербург, Россия,
199034*

yamovichd@gmail.com, wwuamc@yandex.ru

В статье разобраны вопросы профпригодности нейросетей в разных сферах деятельности юриста, проведено сравнение нейросети с юристами разного типа, выявлены плюсы и минусы нейросети для выполнения разнообразных функций.

Ключевые слова: нейросеть, юридическая сфера, естественный интеллект, искусственный интеллект.

Нейронные сети обладают способностью к запоминанию и применению уже загруженной информации в дальнейшем разрешении задач. Способность к обучению – одно из основных свойств, которое характерно для этой технологии. Они более адаптированы к разрешению наиболее трудных вопросов, путем обработки изображения или образов, поскольку «разум» нейросети наиболее расположен к запоминанию и хранению различного рода информации.

Одним из преимуществ нейронной сети способность отсеивать те данные, которые не отвечают заданным параметрам или же просто непригодны. Если в машине заложено, что она составляет определенный род заявлений, руководствуясь некоторыми статьями кодекса, поэтому если в пакете данных идет отсылка к актам, которые не подходят к существу рассматриваемого дела, нейросеть путем отсева просто уберет эти параметры и применит те, которые соответствуют и применимы к такой ситуации [4].

Нейросеть – это динамичная система, которая развивается путем обновления параметров в ней. Адаптация к внешним

факторам – тоже одно из значимых свойств нейросети. Но это не будет означать, что система стабильна: возможен и отрицательный результат. Если возможно какой-либо воздействие негативного характера, то потеря производительности не будет значительна ввиду того, что система обладает свойством повышенной отказоустойчивости. Рассматривается ситуация, когда на нейрон внедряется какой-то порок, тогда его приходится «обходить», чтобы придти к единому решению, и нейросеть расходует больше времени на извлечение, что затрудняет систему и снижает ее работоспособность.

Любая нейронная сеть будет основана на данных, которые будут введены в ее систему, и для наиболее полного использования сети в таком виде необходимо иметь наиболее квалифицированных юристов в своём штате.

Нейросети позволяют кардинально усовершенствовать работу юристов, сократить время для рассмотрения менее значимых дел, и которые сможет разрешить компьютер [1]. В профессии юриста значительный объём деятельности связан с определённой шаблонной работой [5]. Возможности нейросети позволяют самостоятельно по уже заданной программе «подгонять» определённый пакет документов под условия конкретного заявления и выдавать уже готовый результат.

Для того чтобы сравнивать работу нейросети и юриста нужно выявить критерии для сравнения. В статье используется стандартный набор критериев, актуальный на рынке труда, а именно стоимость, время обучения, затраты на «обслуживание», объём выполняемого функционала, продуктивность. Оценивать профессию юриста комплексно очень сложно, это весьма абстрактное понятие, поскольку эта специальность включает в себя множество возможных вариантов деятельности. Необходимо так же разобраться, какими качествами должен обладать, и обладает юрист в реалиях современности. Отталкиваясь от различных отраслей, фактически невозможно вывести идеальной формулы для юриста, поэтому мы берем за основу среднестатистического юриста.

Так или иначе даже самый плохой юрист может находить нестандартные выходы из сложных ситуаций, справляясь с этим без указания сверху, только по тому, что это подразумевают особенности человеческого сознания. В этом плане, хорошо «обученные» программы так же умеют самостоятельно справляться с казусами, однако вероятность того что программа справиться без дополнительных подсказок ниже, чем у человека, поэтому этот критерий остается за юристами [2].

Базовым критерием для сравнения этих двух несравнимых вещей, прежде всего для работодателей будет считаться стоимость обслуживания. На 2017 год средняя заработная плата юриста по России колеблется от 35 тысяч рублей до 38 тысяч рублей. Самой популярной и высокооплачиваемой оказалась профессия банковского юриста и юриста-международника, а самыми низкооплачиваемыми работниками юридической сферы стали адвокаты [6]. Сколько обходится нейросеть работодателю? Что необходимо для того, чтобы внедрить нейросеть в рабочий процесс? Пока что нейросети явление достаточно редкое и их разработкой занимается узкий круг специалистов. Нейросеть необходимо обучить, провести необходимые тесты, исправить ошибки в программе, то есть заточить под конкретные задачи работодателя. Этот процесс весьма трудоемкий, поскольку дорогостоящий, требующий времени и на данный момент такими возможностями обладают лишь крупные компании.

Проанализировав предложения о разработке нейросетей на нашем рынке, то можно сказать, что текущие возможности не позволяют создать качественную сеть: все предложения о продаже нейросетей сводятся к созданию только простейших сетей, которые сводятся к выборке. Такие программы нельзя в полной мере назвать нейросетями, потому что они не оправдывают функции искусственного интеллекта и не отличаются от стандартных аналоговых программ, которые давно применяются почти каждой компанией. Внедрение технологий всегда связано с выделением большой статьи расходов на это дорогое «удовольствие».

Современная юриспруденция переживает апогей, что связано с популярностью этой профессии и высокой

конкуренцией на рынке труда. Чтобы удержаться в этой среде, не достаточно просто выполнять механическую работу, необходимо иметь знания в различных комплементарных областях и иметь ориентацию на будущее, знать языки, разбираться в новых технологиях, которые потом смогут заменить их младших коллег [3].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] РБК Новости [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.rbc.ru/newspaper/2017/06/27> (дата обращения 29.09.2017)

[2] Сайт Российской Газеты [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://rg.ru/2017/07/25/barshchevskij-skoree-roboty-otnimut-rabotu-u-notariusov-chem-u-iuristov.html> (дата обращения 22.10.2017)

[3] Хайтек [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://hightech.fm/2016/04/04/the_top_jobs_in_2025 (дата обращения 10.10.2017)

[4] Право Ру [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://pravo.ru/story/view/125603/124329/> (дата обращения 26.10.2017)

[5] РИА Новости [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://ria.ru/society/20080616/110636515.html> (дата обращения 05.10.2017)

[6]

Обзор зарплат профессии юриста в России [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://russia.trud.com/salary/692/5339.html#chart-avgSalaryByYear> (дата обращения 18.10.2017)

**ФОРСАЙТ СЕССИЯ:
ИСКУССТВЕННЫЙ
ИНТЕЛЛЕКТ:
ОБЪЕКТ ИЛИ СУБЪЕКТ
ПРАВА**

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИЗНАНИЯ РОБОТОВ СУБЪЕКТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Акулинина Инесса Александровна
Российский университет дружбы народов
Юридический институт
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
akulinina.inessa@yandex.ru

Научный руководитель: Н.В. Бадаева, к.ю.н.,
доцент-исследователь кафедры гражданского права и процесса
и международного частного права РУДН

В статье рассматриваются изменения, которые могут произойти в скором будущем, по причине внедрения робототехники в жизнь и законодательного регулирования этих отношений не только в отдельных государствах, но и во всем мире. Проанализировав работы многих ученых, сделаны выводы о возможности внедрения «умных машин» во все аспекты жизни человека и необходимости правового регулирования отношений в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: робототехника, роботы, интеллект, субъект права, Гражданский кодекс РФ, правосубъектность.

Последние десятилетия в нашу жизнь все больше стали внедряться роботизированные агенты или как чаще их называют роботы. Как показывает время, отсутствие правового регулирования на первом этапе позволило участникам рынка взять быстрый старт.

Возникает вопрос - как должна регулироваться деятельность роботов? Возможно ли такое, что роботы могут стать субъектом права? В начале 2017 года Дмитрий Гришин совместно с юристом Виктором Наумовым разработали положение закона о робототехнике. Это первый документ, который может в будущем регулировать отношения в этой сфере.

Однако еще в 1999 г. появился первый прецедент защиты прав роботов, в результате чего было создано Американское общество за предотвращение жесткости по отношению к роботам.

Миссия – гарантировать права всех искусственно созданных разумных существ. По мнению ASPCR, любое разумное существо (искусственно созданное или нет) имеет права, обеспеченные его Созданием, - право на существование, независимость и стремление к знаниям. Не исключено, что подобные организации будут появляться по всему свету [1].

У многих возникает вопрос, можно ли продолжать основываться на римском праве с его понятием правосубъектности? Может ли «умная машина» стать субъектом права, хотя субъектом социальных отношений уже давно стала? Можно обратиться к истории и вспомнить, что примерно такой же вопрос был в Древнем Риме по поводу признания раба воодушевленной вещью или товаром производства.

Как и многие другие профессиональные сферы, юриспруденция оказывается под ударом роботизации, и не только по причине автоматизации юридических консультаций. На повестке стоит вопрос и о возможности создания роботизированного судьи, автоматизации вынесения судебных решений, автоматическом их прогнозировании. Это не может не беспокоить самих юристов, которые поневоле с позиции беспристрастных судей и экспертов переходят к роли заинтересованных участников процессов. Между тем, мнения юристов-экспертов расходятся по многим принципиальным позициям.

А.Ф. Коммисаров, являющийся руководителем коллегии адвокатов "Коммисаров и партнеры", считает, что идея конкретизации роботов как специфических объектов прав видится не более чем как интересный пиар-ход со стороны его автора. Ее можно сопоставить с предложениями Милонова о наделении гражданскими правами эмбрионов и запрете абортот.

Все люди – личности, но не все личности – люди. Линда Макдональд-Шленн, специалист по биоэтике Калифорнийского университета Монтерей-Бэй утверждает, что в законе уже наблюдаются прецеденты, когда субъектов, не принадлежащих к человеческому роду, рассматривают в качестве субъектов права. И это, по ее мнению, очень большое достижение, так как мы тем самым создаем почву для открытия возможности наделения ИИ в

будущем собственными правами, эквивалентными человеческим [2].

Киборга следует рассматривать как источник повышенной опасности, потому необходимо создать реестр аналогичный ЕГРЮЛ и соответственно внести крупные дополнения в Гражданский кодекс или принять специальный закон «О робототехнике». Почему требуются изменения именно в Гражданский кодекс? По мнению многих ученых, роботы в будущем - это интеллектуальные, осознающие себя как личность, свободномыслящие субъекты, которые смогут развиваться, мыслить, видеть и руководить собственными действиями. Как известно, этими признаками обладают дееспособные лица. Это значит, что если появится хоть один представитель робототехники с данными признаками, то мы будем вынуждены признать, что имеем дело с личностью, не отличающейся по правам и свободам от человека, и в отношении него должны распространяться законы, регулирующие деятельность человека в первую очередь.

Итак, в соответствии с Федеральным Законом «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники»[3] , который вступает в силу с 1 марта 2018 года, вносится в первую часть Гражданского кодекса изменения, в которых говорится о том, что роботизированный агент может иметь обособленное имущество и отвечать им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. В соответствии с данным проектом, роботы должны вноситься в особый реестр, в случае если это не предусмотрено, то за действия робота должен отвечать его владелец. В соответствии с этим законом, роботизированный агент может быть представителем лица. Это означает, что происходит уравнивание правового статуса человека как субъекта права и робота.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что 21 век является «новаторским» в области робототехники. В то же время развитие данной сферы только набирает обороты. А из этого следует, что еще будет огромное количество законодательных изменений в области регулирования «умных машин». Очевидно, что роботы будут

менять не только экономику, законодательство, но и самих нас. А что Вы думаете по поводу внедрения в правовую систему искусственного интеллекта? Будут ли роботы разделять с нами мир?

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Болотов К.*, «Американское общество уже защищает права роботов», //MEMBRANA, 2003.

[2] *Хель И.*, Права роботов: когда разумную машину можно считать «личностью»? 2017.

[3] *Гришин Д.С.*, Проект ФЗ «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники», 2016.

МОЖЕТ ЛИ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ЗАМЕНИТЬ СУДЬЮ-ЧЕЛОВЕКА?

Ахмеджанова Резеда Рушановна

Российский университет дружбы народов

Юридический институт

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

fbihoma@gmail.com

*Научный руководитель: С.Б. Зинковский, к.ю.н., доцент
кафедры теории права и государства РУДН*

В статье определены факторы, препятствующие внедрению искусственного интеллекта в отправлении правосудия. Проведено сопоставление алгоритмов принятия решения человеком-судьей и искусственным интеллектом, выявлена специфика вопросов, подлежащих разрешению в судебном процессе и в силу своей природы объективно требующая участия в нем человека-судьи.

Ключевые слова: искусственный интеллект, отправление правосудия, беспристрастность судьи, алгоритм принятия судебного решения, сознание и воля.

Введение

Интеллект – это способность рационального познания и концептуализации (оценки и преобразования в специфические для соответствующей области понятия) действительности. Впервые понятие «искусственный интеллект» (далее – ИИ) было сформулировано Д. Маккарти [8]. Акцент им ставился на способности компьютера, контролируемого им механизма или программы мыслить рационально. Цели ИИ – создание машин, способных мыслить и вести себя, как человек и формирование экспертных систем в различных сферах общественной жизни, например, в юриспруденции. Идея – сделать юридические услуги, в том числе и публичные (например, судебное разрешение споров) понятнее, доступнее и дешевле.

О степени проникновения ИИ в юридическую сферу говорят примеры 2016 г.: а) в России ПАО «Сбербанк» стал использовать

робота-юриста для оформления типовых исковых заявлений; б) на Украине юристы компании «LEXNET.IO» начали использовать бота для регистрации бизнеса: бот может проверить название компании, помочь выбрать систему налогообложения и запросить фото или сканы документов клиента; в) в США юридическая фирма Baker & Hostetler наняла робота-юриста (на базе компьютера Watson) как главу отдела по делам о банкротстве; еще в США был создан алгоритм, предсказывающий решения Верховного суда США с 70% точностью [9].

Цель статьи – определить, существуют ли факторы, препятствующие внедрению ИИ в отправление правосудия или ставящие под сомнение оправданность подобных инициатив.

Дискуссия

Ключевым принципом при разрешении судебных споров, является беспристрастность, то есть способность лица к справедливой оценке фактов, независимо, не обусловленному личными склонностями, давлением, угрозами или любым иным вмешательством суждению. Он «способствует эффективности и качеству познания истины ... Значение принципа беспристрастности судебной власти состоит ... в ограничении искажающего влияния различных отрицательных факторов, в определенной нейтрализации предубеждения судей в восприятии и оценке информации, неблагоприятного воздействия на состав суда общественного мнения» [5. С.7-8].

Внедрение ИИ в процесс разрешения судебных споров способно решить эти проблемы – отсутствие у него эмоций, заинтересованности говорит о его беспристрастности. Однако при глубоком рассмотрении ситуация оказывается сложнее.

Первая проблема: может ли адекватно анализировать и концептуализировать вопросы, связанные с человеческими волей и сознанием, субъект, таковыми не обладающий?

Алгоритмы, определяющие действия человека и ИИ различны. У человека действие есть следствие осознания потребностей, ИИ действует, исходя из целей, включенных в программу.

В первом случае это сознательное действие человека, во втором – автоматический выбор приоритетов из заданных создателем установок.

Человек ставит цель на основе рациональных и иррациональных факторов. ИИ при формировании мотива не может учитывать иррационализм, продиктованный человеческой волей и сознанием в силу их отсутствия у него.

Отличаются действия человека и ИИ при принятии решений. В человеке происходит борьба мотивов и допустимых способов достижения цели, ИИ определяет оптимальный путь достижения цели, и он необязательно будет, например, гуманным, а между тем, гуманизм – не менее значимый принцип правосудия.

Как отмечает С.Л. Рубинштейн, «специфически человеческие действия... включают целеустремленность и регулирование хода действия в соответствии с целью» [6. С.52-81]. В случае с ИИ, действия которого не регулируются человеком, но осуществляются в соответствии с заданной целью, в юридическом контексте можно говорить лишь об определенной аналогии, но не о тождестве процесса.

В действиях судьи выражен феномен позитивной юридической ответственности – осознания социальной значимости определенного поведения, что предопределяет юридическую волю судьи и связано с его психикой, эмоциями, нравственными ориентирами. У ИИ нет эмоций, его деятельность с ними не связана, механистична.

Компьютерный вычислительный процесс не тождествен полностью психическому процессу естественного мышления, он лишь моделирует его отдельные характеристики. Подлинное сознание невозможно без существования субъективной реальности, отражающей, устанавливающей, и трансформирующей смыслы сознательного опыта. Проблема в том, что человеческое сознание оперирует не просто информационными массивами, как это делает компьютер, но и неуловимыми смыслами вещей и событий [1. С.58-64].

Вторая проблема – насколько механистичное беспристрастное лицо может оценить субъективные элементы предмета доказывания. Так, элемент субъективной стороны состава преступления – форма вины – разграничивает деяния, сходные по

объекту, влияет на индивидуализацию наказания, а в сочетании со степенью общественной опасности служит критерием классификации преступлений. Форма вины влияет на назначение вида исправительного учреждения для отбытия наказания в виде лишения свободы. Умышленная форма вины влияет на признание рецидива. За случайное причинение вреда при отсутствии вины лица оно не должно нести уголовную ответственность. Неучет этих факторов, которым ИИ не может дать правильной оценки, ведет к принятию несправедливого судебного решения.

Вина лица отражает внутреннее психическое отношение лица к своим действиям и их последствиям. Содержание вины образуется двумя элементами психической деятельности человека – человеческими сознанием и волей, которым – возвращаясь к первой проблеме – ИИ не в состоянии дать адекватную оценку [2. С.89-91].

Эти доводы подтверждают, что внедрение ИИ в процесс рассмотрения судебных споров и выключение из этого процесса человека-судьи как минимум преждевременно.

Выводы

В заключение вернемся к алгоритму, предсказывающему судебные решения с 70-процентной точностью – насколько это приемлемая статистика для судов?

Председателем Верховного Суда РФ В.М. Лебедевым на VII Всероссийском съезде судей в 2008 году была определена формула оценки деятельности судей: «Несмотря на возросший объем дел в судах, качество их работы остается неизменно высоким: стабильность решений областных и равных судов составляет по гражданским делам – 98%, по уголовным – 88%; решений районных судов по гражданским делам – 97%, по уголовным – 96%; решений мировых судей по гражданским делам – 97,7%, по уголовным – 99,6%». Таким образом, главное в качестве работы судейского корпуса страны – это стабильность принятых решений [7].

Немногом отличается судебная статистика за 2010 и 2013 годы. Так, Председатель Иркутского областного суда Н.П. Дубовик отметил, что «если в 2010 году стабильность вынесенных судебных решений составляла 85% – по уголовным делам и 89% – по

гражданским делам, то по итогам 2013 года показатели апелляционной практики по уголовному и гражданскому направлениям выросли до 94% и 95% соответственно» [4].

В 2014 году судами России было «рассмотрено более 15 млн гражданских дел, в том числе 1 млн 300 тыс. дел в арбитражном судопроизводстве. При этом стабильность судебных решений превысила 97%» [3].

При таких показателях, 70% правильных решений – это неприемлемый вариант для судебной системы, в связи с чем предположения о скором внедрении в судопроизводство ИИ вместо человека-судьи не вполне обоснованы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Аблеев С.Р.* Моделирование сознания и искусственный интеллект: пределы возможностей // Вестник экономической безопасности. 2015. №5.

[2] *Агачева А.В.* Проблема вины в уголовном праве России // Марийский юридический вестник. 2016. №2 (17).

[3] Доступ к правосудию должен быть абсолютным, а порядок рассмотрения дел — простым и понятным // <http://www.kommersant.ru/doc/2663932>

[4] *Кузнецов А.* Стабильность решений районных (городских) судов как показатель эффективности деятельности председателя областного суда https://zakon.ru/discussion/2014/8/14/stabilnost_reshenij_rajonnyx_gorodskix_sudov_kak_pokazatel_effektivnosti_deyatelnosti_predsdatelya

[5] *Морщакова Т.Г.* Психологические истоки судебных ошибок и внутреннее убеждение судей // Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок. - М., 1975.

[6] *Панов А.А.* К вопросу о категориях воли, волеизъявления и порока воли в теории юридической сделки // Вестник гражданского права. 2011. № 1.

[7] Портал адвокатской палаты Ставропольского края // <http://www.palatask.ru/article-all/traspov/influence.html>

[8] Портал искусственного интеллекта // <http://neuronus.com/stat/1281-cto-takoe-iskusstvennyj-intellekt.html>

[9] *Цветкова И.* Искусственный интеллект в суде, боты-юристы и краудфандинг правовых споров – как начинается LegalTech-революция // <https://rb.ru/opinion/legaltech/>

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО

Бутюгов Георгий Павлович, Зайцев Виктор Васильевич

Российский университет дружбы народов

Юридический институт

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

butyugov.gp@yandex.ru, viktor67rus555@gmail.com

*Научный руководитель: С.Б. Зинковский, к.ю.н., доцент кафедры
теории права и государства РУДН*

В статье рассматривается проблема законодательного закрепления правового статуса искусственному интеллекту. Задача – доказать, что наиболее приемлемым является наделение ИИ правовым статусом юридического лица. Статус физического лица не может быть присвоен искусственному интеллекту в силу отсутствия сознания и эмоций, а также таких вытекающих отсюда категорий, как правосознание и правопонимание. В то же время, создание нового правового статуса повлечет затрату большого количества государственных ресурсов без гарантии того, что это будет оправдано в дальнейшем. По мнению авторов, наделение искусственного интеллекта правовым статусом юридического лица наиболее удобно в силу применения к нему тех же подходов (обязательная регистрация в реестре, коммерческий/некоммерческий характер и т.д.).

Ключевые слова: искусственный интеллект, юридическое лицо, физическое лицо, новый правовой статус, Гришин, Наумов, Гражданский кодекс РФ, ЕГРЮЛ, робототехника.

С каждым шагом прогресса в робототехнике и разработке искусственного интеллекта мы приближаемся ко дню, когда возможности робота будут соответствовать возможностям человека в каждом отдельно взятом аспекте – интеллекте, свободе целеполагания и выборе инструментов решения поставленных задач. Когда это случится, перед нами встанет проблема неурегулированности правового статуса искусственного интеллекта. Эта проблема очень обширна, и ее решение необходимо

искать с самых разных точек зрения – этики, социологии, права, нейробиологии и теории искусственного интеллекта [5, С. 53].

Уже сейчас искусственный интеллект применяется в финансовой сфере, тяжелой промышленности, медицине, менеджменте, музыке и даже в транспорте (беспилотные автомобили). В условиях динамичного развития робототехники законодатель обязан работать на опережение, поэтому обсуждение вопросов правового регулирования деятельности искусственного интеллекта является правильным и своевременным.

Возможно ли присвоение искусственному интеллекту правового статуса физического лица? Согласно ГК РФ, физическими лицами являются граждане РФ, граждане иностранных государств и люди без гражданства. Соответственно, рассматривая вопрос о присвоении статуса физического лица искусственному интеллекту, мы автоматически рассматриваем вопрос о том, можно ли поставить знак равенства между искусственным интеллектом и человеком.

Люди или биологические организмы обладают определенными «особенностями», которые машина никогда не сможет обрести, потому что не сможет думать и ощущать себя так, как это делают люди. Робот как носитель искусственного интеллекта лишен сознания и, соответственно, не обладает всеми вытекающими из категории сознания понятиями: эмоциями, осознанием своих действий и своих поступков, инстинктами. Существующие законы, регулирующие жизнь людей, то есть физических лиц, предполагают наличие в них сознания: на этом и основывается законодательство. Искусственный интеллект – не человек, он не может обладать человеческими правами и свободами, соответственно, не может быть физическим лицом. Например, открыв главу 2 Конституции РФ «Права и свободы человека и гражданина», мы видим, что статьи в этой главе применимы только к человеку, и проецировать их на робота невозможно [1]. Относительно физических лиц Гражданский кодекс Российской Федерации оперирует такими понятиями, как возраст, имя, гражданство, что тоже не подходит для регулирования деятельности искусственного интеллекта.

В США последнее время в связи с широким применением роботов, наделенных искусственным интеллектом, активно

обсуждается возможность наделения ИИ новым правовым статусом, который предстоит разработать. Основными аргументами сторонников особого статуса у искусственного интеллекта является то, что это позволит максимально детально и подробно урегулировать деятельность роботов, не допустить правовых коллизий [4]. Возможно, со временем это и станет необходимостью. На данный же момент, мы обязаны исходить еще и из принципа рациональности. Разработка нового правового статуса искусственного интеллекта повлечет огромные затраты, что станет большой нагрузкой на государственный бюджет. Создание нового правового статуса, которое потребует еще и большого количества научно-человеческих ресурсов, приведет к необходимости изменения всего действующего законодательства в целом. Кроме того, потребуется создание целой системы регистрации и учета всех действующих роботов с искусственным интеллектом. Это колоссальные издержки, которые не будут оправданы в ближайшем будущем. Таким образом, создание нового правового статуса для искусственного интеллекта не рационально.

В мировой практике есть прецеденты наделения статусом юридического лица не организаций. Так, Высший суд Индии наделил реки Ганг и Ямуну статусом юридических лиц. Предложение авторов статьи – присвоение искусственному интеллекту статуса юридического лица. Это наиболее приемлемое решение, так как потребуются минимум изменений в действующем законодательстве, что является рационально правильным. Во-первых, действующее законодательство, регулирующее деятельность юридических лиц (глава 4 «Юридические лица» Гражданского кодекса РФ), можно проецировать и на искусственный интеллект [2]. Например, статья 50 ГК РФ, разделяющая все юридические лица на коммерческие и некоммерческие, подходит под деятельность роботов, так как последние могут создаваться с разными целями и функциями, которые могут быть направлены как на достижение прибыли или финансовую деятельность, так и на социально-ориентированную работу (ИИ-водитель, ИИ-социальный работник) [7, С. 365]. Потребуется всего лишь внести изменения в эту статью в пункты 2, 3, добавив искусственный интеллект в перечень организационно-правовых форм. Во-вторых, присвоение искусственному

интеллекту статуса юридического лица выгодно чисто технически. Государству не потребуются создавать отдельный реестр роботов с искусственным интеллектом, потому что достаточно будет добавить «вкладку» в уже существующий Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ) [6, С. 170].

Данная проблема была поднята основателем инвестиционного фонда Grishin Robotics и председателем совета директоров Mail.Ru Group Дмитрием Гришиным вместе с ИТ-юристом Виктором Наумовым в декабре 2016 года, которые разработали законопроект, о котором сам Гришин высказался следующим образом: «Мы долго спорили о том, чем может быть робот с точки зрения права, и придумали несколько концепций. Первая — „робот как человек“, к нему применимы все те же принципы. Вторая — „робот как домашнее животное“. В таком случае оно обладает своим интеллектом, у него обычно есть владелец, как и у кошки. Бывают, наверное, и бездомные роботы, но в целом идея такая.

Это интересный подход, и в мире наработано очень много соответствующей практики, но он нас тоже не устраивал. Тогда родилась третья мысль, которая сейчас кажется наиболее прогрессивной, — рассматривать роботов как своего рода юридическое лицо. (...) Мы пришли к выводу, что не стоит буквально понимать роботов как юридических лиц, но к ним удобно применять те же подходы. Юридическое лицо — чья-то собственность, но оно немножко отделено от производителя и владельца, это самостоятельный субъект права» [3].

Таким образом, опираясь на исследования современных ИТ-юристов и проведя собственный анализ, мы пришли к выводу, что в современных условиях наделение роботов-носителей искусственного интеллекта правовым статусом юридического лица является наиболее приемлемым и оптимальным.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Конституция Российской Федерации. Официальное издание. -Москва: Юридическая. литература., 2009. - 64 с.

[2] Гражданский кодекс РФ

[3] Когда роботы и ИИ заслужат человеческих прав? // URL: <https://hi-news.ru/technology/kogda-roboty-i-ii-zasluzhat-chelovecheskix-prav.html>

[4] Логинов Константин Кузьмич. О лодках водлозерья // Теория и практика исследований этнокультурных комплексов // Тезисы докладов научной конференции, посвященной 65-летию со дня рождения В.А.Козьмина. 2015. Издательство: Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28369165>

[5] *Нестеров А.В.* Возможны ли правоотношения и юридическими взаимодействия между людьми и роботами? // Юридический мир. 2017. № 9. С. 52-55.

[6] *Поповский М.Ю.* Перспективы развития законодательства в сфере авторского права и смежных прав в Российской Федерации // Экономика. Бизнес. Банки. 2017. Том 4. С. 163-173.

[7] *Мещеряков В.А.* Визуализация процесса доказывания на основе электронных интеллектуальных карт // Вестник Воронежского государственного университета. № 2. С. 363-367.

СУБЪЕКТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ НА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ «МАШИННОГО ТВОРЧЕСТВА»

Дубина Маргарита Николаевна
Российский университет дружбы народов
Юридический институт
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
dubinarita@yandex.ru

Научный руководитель: О.В. Протопопова, к.ю.н., доцент
кафедры гражданского права и процесса и международного
частного права РУДН

В статье рассматриваются особенности субъектного состава исключительных прав на созданное нейросетью литературное произведение (на примере создания ИИ текста на основе серии книг Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер»). Проанализированы основные положения гражданского законодательства России о праве интеллектуальной собственности и правоприменительная практика, даны прогнозы относительно перспектив правового регулирования.

Ключевые слова: машинное творчество, авторское право, творческий труд, производное произведение, искусственный интеллект, нейросеть.

В сети Интернет уже неоднократно появлялись сообщения о создании компьютерными программами произведений литературы. Свет увидело и продолжение книжной серии о «Гарри Поттере» [1]. Эти события ставят перед юридической наукой целый ряд вопросов относительно режима правовой охраны подобного рода объектов.

Макс Дойч выложил на сайте Deep Writing текст, синтезированный нейросетью на основе книг серии о Гарри Поттере [2]. Действие использованного им алгоритма заключается в анализе системой исходных текстовых данных на предмет частотности использования словосочетаний и в последующем применении полученных данных для подбора одного за другим слов, наиболее подходящих к начальному слову, указанному

пользователем, а затем к остальным, сгенерированным автоматически. Вмешательство человека сводится к определению момента завершения подбора финального слова и проведению редактуры [3].

Остро встаёт вопрос о принадлежности авторских прав на производный объект интеллектуальной собственности. Тут первоочередным является определение критериев авторства. В российском праве это приложение творческого труда к созданию охраняемого объекта интеллектуальной собственности [4. Ч. 1 ст. 1228]. Его сущность раскрыта в постановлении Суда по интеллектуальным правам [5], где основными признаками творчества именуется новизна и оригинальность созданного произведения. При прочтении текста, выложенного Дойчем, легко заметить, что, несмотря на использование идентичного с оригиналом словарного запаса и бессмысленность описываемого действия, сам по себе он представляет действительно уникальный образец литературного творчества.

Однако ни один из возможных вариантов субъектов приложения творческого труда не удовлетворяет требованиям современного законодательства. Пользователь, осуществляющий загрузку исходного текста и контроль объема производного, прилагает крайне мало усилий, к тому же не носящих творческий характер. Деятельность разработчика по написанию исходного программного кода напрямую не связана итоговым результатом взаимодействия пользователя с программой, так как он обучает машину распознавать состав текста, не участвуя в каждом случае создания с помощью его продукта нового произведения. По-настоящему творческий труд выполняет сама нейросеть. Но понятие творчества в российском законодательстве неразрывно связано с человеческим трудом [4. Ч. 1 ст. 1228] и говорить о введении норм, регулирующих «машинное творчество», на данный момент не приходится. Основное препятствие этому – отсутствие в субъектном составе гражданского права понятия «электронного лица», которое с недавних пор довольно активно обсуждается в научной среде [6].

Данный пробел в нормативно-правовом регулировании требует немедленного восполнения, так как дальнейшее развитие слабого ИИ и приближение его к искусственному интеллекту сильного типа возможны уже в обозримом будущем.

Алгоритм, созданный компанией Maluuba, способен осмысливать текст и отвечать на вопросы по его содержанию, сформулированные в формате теста. Эта нейросеть, переработав несколько фрагментов книги «Гарри Поттер и философский камень», смогла дать правильные ответы даже в случаях, когда в тексте не имелось прямого указания на правильный ответ [7].

Таким образом, вполне возможным представляется объединение этих систем, которые вместе смогут анализировать не только стилевую, но и смысловую составляющие текста и создавать гораздо более натуралистичные произведения. Такие объекты закономерным образом станут интересны не только фанатам оригинальной книги, но и издателям. В этой ситуации споры о нарушении права интеллектуальной собственности будут неизбежны и потребуют создания для них нормативной базы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Dormehl L.* A neural network tried to write a 9th Harry Potter book, with hilarious results // Web portal “Digital Trends”, 2016. URL: <https://goo.gl/9YR68k> (дата обращения: 11.11.2017 г.)

[2] *Deutsch M.* Harry Potter: Written by Artificial Intelligence // Web portal “Deep writing”, 2016. URL: <https://goo.gl/bLU2Mg> (дата обращения: 11.11.2017 г.)

[3] *Deutsch M.* How to write with artificial intelligence // Web portal “Deep writing”, 2016. URL: <https://goo.gl/7h3sRQ> (дата обращения: 11.11.2017 г.)

[4] Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30.11.1994. (ред. от 07.02.2017) // Российская газета – №289, 22.12.2006

[5] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 21.03.2014 № С01-57/2014 по делу № А24-1669/2013 // Портал «Электронное правосудие» (дата обращения: 13.11.2017 г.)

[6] *Куликов В.* Робот со страховкой. Юристы решают, кто ответит за ошибки робототехники // Российская газета – Федеральный выпуск №7410 (244), 2017. URL: <https://goo.gl/2oKJ93> (дата обращения: 11.11.2017 г.)

[7] *Owano N.* Maluuba researchers try algorithm on Harry Potter text // Web portal “Tech Xplore”, 2016. URL: <https://goo.gl/z1Ngvp> (дата обращения: 11.11.2017 г.)

ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЯНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Лобастова Ульяна Анатольевна
Российский университет дружбы народов
Юридический институт
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
ulyanalo1999@gmail.com

Научный руководитель: С. Б. Зинковский, к.ю.н., доцент
кафедры теории права и государства РУДН

В данной статье ключевое место отдается вопросу определения лица, несущего ответственность за деяния роботов; проведен анализ возможных решений данной проблемы и их преимуществ и недостатков. Также в рамках данной проблемы затрагивается вопрос наличия как такового правового статуса искусственного интеллекта и его определения.

Ключевые слова: искусственный интеллект как субъект права, правовой статус робота, ответственность роботов, автономность роботов.

В современном мире научно-технический прогресс достиг небывалых масштабов. Однако достаточно консервативная юридическая наука не всегда своевременно реагирует на достижения науки и техники, решая вопросы права намного позже, чем этого требует современный мир. Ввиду этого, чрезмерно быстрое развитие искусственного интеллекта (ИИ) ведет к появлению пробелов в законодательстве. Особенно остро в рамках данной проблемы стоит вопрос определения субъекта ответственности за деяния ИИ.

Одним из основных аспектов выявления субъекта ответственности стало определение правового статуса робота. Стоит отметить, что рассматривать ИИ как субъект права можно только при условии определенной степени автономности. Согласно Резолюции [1], в которой получили свое выражение юридические аспекты проблемы ИИ, автономность – это способность робота

принимать решения и реализовывать их самостоятельно, без внешнего контроля или воздействия. Однако данное свойство является чисто технической характеристикой робота и зависит от качества программирования: благодаря развитию некоторого функционала (например, способность к самостоятельному обучению) роботы способны действовать автономно и принимать квазинезависимые решения. Возможно, в данном случае было бы целесообразно определять правовой статус робота в зависимости от степени его автономности. При этом необходимы гарантии, что человек сможет в любой момент вмешиваться в действия и решения ИИ. Также Резолюция закрепляет принцип прозрачности: каждое решение робота должно быть рационально и понятно для человека. Так, в рамках современной юридической науки идут споры о правовом статусе ИИ: физическое, юридическое лицо или животное.

За последние несколько лет уже произошло несколько прецедентов с участием беспилотных автомобилей. Например, в США в 2016 году по вине автомобиля, двигавшегося в режиме автопилота, произошло ДТП, в результате которого погиб человек [2]. Также известен случай аварии по вине беспилотного автомобиля Google [3]. Кто же будет нести ответственность в данном случае? Законодательство не дает однозначного ответа. Например, согласно ст.1095 ГК РФ [4] при наличии вреда, причиненного ввиду недостатков товара, ответственность несет продавец или изготовитель товара, а по общему правилу причинитель вреда сам отвечает за нанесенный вред [5]. Так кем же считать ИИ: причинителем вреда или товаром?

Для начала следует разобраться, кто может стать субъектом ответственности за деяния ИИ [6]. Во-первых, это может быть производитель, несущий ответственность за качество и безопасность товаров. Во-вторых, ответственным лицом может быть также пользователь, чье поведение повлекло за собой причинение вреда. В-третьих, продавец может нести ответственность при продаже заведомо неисправного товара. И, наконец, сам робот может быть наделен деликтоспособностью при невозможности определения иного субъекта ответственности.

Однако стоит ли устанавливать однозначного субъекта? Например, если этим лицом будет робот, иные субъекты права

смогут использовать это для ухода от ответственности: производители смогут программировать роботов на правонарушения, третьи лица – перепрограммировать, пользователи – эксплуатировать. А также непременно встанет вопрос: имеют ли роботы средства для возмещения ущерба? А значит, если наделять роботов деликтоспособностью, то необходимо предоставить и иные черты правового статуса. Если же закрепить ответственность за производителем, то упускается условие неправильной эксплуатации, т.е. пользователи будут меньше внимания уделять правилам пользования и количество инцидентов только возрастет, или же пользователи будут специально создавать условия для совершения правонарушения, чтобы производители возмещали ущерб. А также если ИИ обладает определенной автономностью, производитель может не иметь отношения к принятому им решению. Если же ответственность будет нести пользователь, не учитывается вероятное неправильное программирование, а значит, производители будут халатно относиться к созданию и программированию ИИ; также при причинении вреда пользователю, будет невозможно добиться возмещения вреда. Из всего вышесказанного следует, что однозначное определение субъекта ответственности имеет достаточное количество серьезных недостатков.

Возможно, следует выделить несколько характеристик, которые должны учитываться при определении субъекта ответственности за деяния ИИ. Например, степень автономности робота, наличие у субъекта умысла совершать правонарушения с помощью ИИ, а также имело ли место неправильное программирование/использование.

Исходя из вышеназванных положений, следует далее решать: создавать новое законодательство или реформировать уже существующее. В любом случае, это необходимо для восстановления нарушенных искусственным интеллектом прав и свобод человека, защиты прав собственности и результатов интеллектуального труда, а также возмещения материального ущерба.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года 2015/2013(INL) P8_TA-PROV (2017)0051

[2] Новостное издание «Газета.ru» [электронный ресурс] / Первая жертва автопилота // 2016, 1 июля. URL: https://www.gazeta.ru/auto/2016/07/01_a_8351963.shtml

[3] Новостное издание «РБК» [электронный ресурс] / Беспилотный автомобиль Google впервые стал виновником ДТП // 2016, 1 марта. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/01/03/2016/56d4c2759a79472fa6d325fb

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая, вторая, третья и четвертая. – Москва: Проспект, 2017. – 656 с.

[5] Шевченко А.С., Шевченко Г.Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве: учеб. пособие. М. : Статут, 2013. 133 с.

[6] *Е.Н. Ирискина, К.О. Беляков.* Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений / Гуманитарная информатика. 2016. Вып. 10. С. 63–72.

БУДУЩЕЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИИ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Логинава Елизавета Максимовна

Московский государственный юридический университет имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)

Международно-правовой институт
ул. Садовая-Кудринская, 9, Москва, Россия, 123995
elmloginova@gmail.com

Научный руководитель: И.З. Аюшеева, к.ю.н., доцент
кафедры гражданского права МГЮА имени О.Е. Кутафина

В статье рассматриваются перспективы развития внедрения технологии искусственного интеллекта в область юридической профессии. Приводятся данные об использовании самообучаемых ИИ-технологий на практике юридических компаний в зарубежных странах.

Ключевые слова: искусственный интеллект, машинное обучение, юридическая профессия, зарубежный опыт внедрения ИИ-технологий

«Новый дивный мир» развивается стремительно и те вещи, которые еще вчера казались нам невозможными, уже сегодня начинают воплощаться в реальность. «Невозможное сегодня станет возможным завтра», как говорил Циолковский К.Э. Изменения затрагивают все области нашей жизни, в том числе и профессиональную. Юридическая профессия, будучи одной из самых древних, также терпит серьёзные преобразования. Огромные массивы информации в условиях постоянного цейтнота нуждаются в мгновенной обработке, столь же быстро требуется найти оптимальное решение проблемы с учётом всей вариативности её последствий. В этих условиях главным объектом внимания становится искусственный интеллект, как продукт своего времени. Небезызвестный матч «AlphaGo — Ли Седоль» показал, что человек сегодня не имеет полного представления о возможностях нейросети. Го — одна из самых труднопредсказуемых логических

игр, дошедшая до нас со времен Древнего Китая, вариативность её древа решений превосходит всевозможные показатели. Стандартные алгоритмы здесь не работают, а игроки нередко используют интуицию. В результате победа AlphaGo в матче против профессионального игрока стала важным событием не только игрового сообщества, но и для развития ИИ в целом, так как достаточно убедительно проиллюстрировала возможности машинного обучения.

Теперь давайте представим, как такие саморазвивающиеся когнитивные системы смогут посредством анализа всего массива судебной практики и законодательства самостоятельно проецировать возможные варианты развития в правовом поле. Так, объединенная команда специалистов Пенсильванского и Шеффилдского университетов уже создали слабую форму искусственного интеллекта, которая способна предсказывать решения Европейского суда по правам человека, после ознакомления с материалами дела, с точностью в 79%.

Наибольший интерес, когда мы говорим об использовании ИИ в сфере правового регулирования, вызывает робот Ross разработки IBM, принятый на штатную должность в американском адвокатском агентстве Baker & Hostetler. На данный момент Ross специализируется на делах, связанных с банкротством. Он способен общаться с клиентами, воспринимая устную человеческую речь, на основе изложенных фактов он может осуществлять анализ большого массива информации в поисках правильного решения, используя, помимо нормативной базы, полезные цитаты, аргументы и ссылки на профессиональную литературу, с помощью которых он также может выстраивать гипотезы. Ross отслеживает не только изменения в законодательстве, но и анализирует существующую судебную практику, имеющую отношение к рассматриваемому делу. Чем больше дел он рассматривает, тем более компетентным он становится, поскольку Ross создан на базе самообучаемого компьютера. Таким образом, он постоянно увеличивает скорость своей работы, одновременно повышая качественную характеристику своих мотивированных ответов. Очевидно, что с такой скоростью поиска нужной информации и самообучения, Ross может заменить всех «джуниоров» данного отдела, а результаты его

деятельности будут требовать оценки исключительно опытных специалистов.

Анализ сделок M&A уже несколько лет успешно осуществляется Kira Systems, разработкой Ноа Вайсберга и Александра Хадека. Программа также использует машинное обучение для сканирования контрактов M&A и другой документации, для выявления данных в соответствии с критериями, заданными пользователем, таким образом, можно просто показать ей пример того, что нужно найти, и она подберет нужное по аналогии. Эффективность использования юридическими фирмами Kira Systems внушительна, компании не только экономят от 20 до 90% времени, но и повышают точность такого анализа [1].

Создатели данных программ убеждены, что избавление юристов от рутины, занимающей значительное количество рабочего времени, позволит им сфокусироваться на решении более сложных правовых вопросов. Но здесь возникает вопрос о профессиональном росте юриста. Дело в том, что выполнение начинающими специалистами рутинных операций традиционно является элементом их обучения, вследствие чего и появляется опыт. Опуская данную стадию в карьере юриста-будущего, у нас возникает закономерный вопрос: как в таком случае появятся высококвалифицированные юристы? Представляется, что данный вопрос нуждается в обсуждении при составлении программ обучения для предотвращения падения рынка трудоустройства молодых специалистов. Это нельзя оставлять без внимания для определения будущей стратегии развития профессиональных навыков юриста.

Таким образом, роботизация и искусственный интеллект давно заняли центральное место в нашей действительности наряду с концепцией экономики, открытой для талантов [2]. На основе этого можно сделать вывод о том, что юрист, как профессионал, никогда не утратит своей востребованности, кроме того утверждение о том, что вследствие механизации права юристы больше не будут нужны, просто не выдерживает критики. Зачастую применение и толкование права требует творческого усилия мысли, более того нельзя рассматривать право исключительно с позиции позитивистских начал. Кроме этого человек часто сталкивается с

нравственно-этическими категориями в праве, искусственный интеллект на данном этапе бесценен в определении таких понятий, как справедливость и добросовестность. Вследствие этого никак нельзя признать тот факт, что право может стать исключительной прерогативой роботов. Напротив, Эндрю Арруд заключает: «Искусственный интеллект не предвещает конец права. Он предвещает новое начало» [3].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Freshfields wins new business and improves efficiency by 20–40% with Kira // kira URL: <http://info.kirasystems.com/freshfields-success-story2017> (дата обращения: 14.11.2017).

[2] Новые правила игры в цифровую эпоху / Исследование «Делойта» «Международные тенденции в сфере управления персоналом» за 2017 год // Deloitte URL: <https://www2.deloitte.com> (дата обращения: 14.11.2017).

[3] Робот, а не человек: как искусственный интеллект перестроит работу юристов // Право.ру URL: <https://pravo.ru/story/view/131655/> (дата обращения: 14.11.2017).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВОСУДИИ.

Передня Максим Сергеевич

Российский университет дружбы народов

Юридический институт

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

brostito1953@yandex.ru

*Научный руководитель: С.Б. Зинковский, к.ю.н., доцент
кафедры теории права и государства РУДН*

В статье рассматривается целесообразность применения искусственного интеллекта в сфере правосудия. Анализируются современные тенденции развития использования искусственного интеллекта в данной сфере.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросеть, право, правосудие.

Искусственный интеллект проник во сферы жизни, сами порою того, не замечая мы сталкиваемся с ним каждый день. Для многих сфер он стал обыденностью, однако его присутствие в других сферах не привычно для нас, но тем не менее, ситуация неизбежна и сегодня искусственный интеллект начинает использоваться, даже, в такой консервативной сфере, как юриспруденция. В действительности, искусственный интеллект значительно упрощает работу юридических компаний, позволяя принимать и составлять уже готовые исковые заявления. Для примера можно привести российскую страховую компанию ГлавстрахКонтроль, использующую робота Autolawyer, для составления жалоб, на данную компанию, бот задает вопросы, с которыми может быть сопряжена жалоба, в свою очередь обыватель, отвечая на них формирует примерную жалобу, которая будет отправлена в компанию. Использование роботов значительно ускоряет работу самой компании, а также позволяет снизить издержки на персонал и к этому снизить издержки потребителей на составление исков, за которыми нередко приходится обращаться к профессиональным юристам.

В связи с успешным использованием ИИ в частной юридической практике, представляется интересным использование ИИ в сфере правосудия в РФ. Так как в случае успешного применения поможет решить или значительно приблизится к решению, таких проблем в сфере правосудия, как ускорение судебного разбирательства на ранних стадиях, снижение нагрузки на судебный корпус, за счет переноса части или большинства дел на ранних стадиях на рассмотрение искусственным интеллектом. В итоге мы можем получить значительное повышение эффективности всей судебной системы. Сейчас это звучит на грани научной фантастики, но уже были сделаны первые шаги к использованию искусственного интеллекта в сфере правосудия, в США и в Европе [1].

Одним из недавних примеров использования искусственного интеллекта в сфере правосудия, является деятельность группы программистов под руководством Николоса Алсетраса из Университетского колледжа Лондона. Группа специалистов создала алгоритм способный предсказывать решения ЕСПЧ на основании, только одного текста обращения [2].

Теперь следует кратко пояснить принцип работы искусственного интеллекта в общем, а вышеуказанный пример, послужит для нас формой её непосредственной реализации.

Искусственный интеллект- это свойство интеллектуальных систем выполнять функции (творческие), которые традиционно считаются прерогативой человека [3]. Такое свойство достигается за счет использования нейронных сетей в рамках данной системы. В свою очередь основной принцип работы нейронных сетей базируется на имитации работы нервной системы человека. На деле это выглядит, примерно так, вся, искусственно созданная нейронная сеть, состоит из трех частей: S-элементов, A-элементов и R-элементов.

S-элементы принимают данные из внешней среды. A-элементы анализируют эти данные, давая им оценку и определённый вес (степень соответствия тем необходимым условиям для принятия решения). R-элемент после, уже выдает само решение, стоящей перед ней задачей. Но чтобы эта система работала в самом начале её, задают первичные параметры (входные данные определённый вес, который должен быть у них, а также результат,

который должен выдаваться при наличии данного коэффициента, или не должен выдаваться, при его отсутствии), на основании входных данных система уже работает по аналогии. При этом чем больше было пробных вариантов, тем проще потом системе ориентироваться и самой находить решение данной задачи.

В нашем случае входными данными были тексты обращений в ЕСПЧ, а результатом было вынесение решения о наличии нарушения права или отсутствии нарушений. Но для начала системе дали проанализировать, уже готовые решения 584 постановления ЕСПЧ по нарушениям прав человека, положительных и отрицательных решений было примерно одинаковое количество. Затем уже сам искусственный интеллект определял, какое решение вынесет суд. Итогом такого анализа стало совпадение с решением настоящей судей в 79% случаев, что показывает довольно высокий результат, который, вполне, возможно повысить, улучшив техническую базу искусственного интеллекта, а также увеличив «количество пробного материала», для обучения ИИ. Необходимо отметить, что после пробных решений машина, анализировала обращения по уже разрешенным делам в ЕСПЧ.

Таким образом, мы сами можем убедиться в эффективности данной в практическом её применении. Безусловно, говорить о полной замене судей роботами, пока рано, но использование таких систем в сфере правосудия, особенно, на ранних этапах судопроизводства, при определении важности в очерёдности разрешения дел, а также наличия формального повода для самого обращения в суд. На сегодняшний день внедрение такой системы в Российскую правовую систему, является вполне возможным и реализуемым на практике, но опять же речь идет только про начальные этапы судопроизводства. Данная позиция обусловлена тем, что в РФ есть достаточный объем судебной практики, необходимой для обеспечения системы, к тому же созданы правовые предпосылки [4]. Помимо всего прочего уже и ведется определённая работа по данному направлению, не так давно в Правительстве РФ, обсуждался вопрос об использовании искусственного интеллекта в правовой сфере, в том числе и сфере правосудия [5]. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что использование искусственного интеллекта в осуществлении

правосудия, на сегодняшний день, уже представляет собой вопрос времени, а уже реальное его внедрение в данную сферу значительно улучшит, качество деятельности судов и повысит эффективность правосудия в РФ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Ирина Цветкова*. Искусственный интеллект в суде, боты-юристы и краудфандинг правовых споров – как начинается LegalTech-революция [электронный ресурс]. -2017. Режим доступа-<https://rb.ru/opinion/legaltech> – Дата доступа: 3.11.2017

[2] Искусственный интеллект по правам человека [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/science/2016/10/24_a_10267349.shtml – Дата доступа: 5.11.2017.

[3] *Аверкин А. Н., Гаазе-Рапопорт М. Г., Поспелов Д.А.* Толковый словарь по искусственному интеллекту. — М.: Радио и связь, 1992. — 256 с. [Электронный ресурс]- Режим доступа: <http://www.raai.org/library/tolk/>- Дата доступа: 5.11.2017

[4] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. N 1815-р г. Москва "О государственной программе Российской Федерации "Информационное общество (2011-2020 годы)". "Собрание законодательства РФ", 05.05.2014, N 18 (часть II), ст. 2159.

[5] Судебный процессор [Электронный ресурс]. 2017-Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3466185> - Дата доступа: 10.11.2017.

ДОПУСТИМОСТЬ ПРИЗНАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КАЧЕСТВЕ СУБЪЕКТА ПРАВА

Поздеев Денис Витальевич

НИУ «Высшая школа экономики»

Юридический факультет

ул. Союза Печатников, 16, Санкт-Петербург, 190121

p0zd@mail.ru

Научный руководитель: В.В. Таланов, преподаватель
кафедры финансового права НИУ ВШЭ СПб

В статье рассматривается возможность и необходимость признания искусственного интеллекта в качестве субъекта права. Анализируются подходы к установлению будущей потенциальной формы для искусственного интеллекта как субъекта права.

Ключевые слова: искусственный интеллект, субъект права, физическое лицо, юридическое лицо.

Признание элемента материального мира в качестве субъекта права зачастую представляет собой вопрос фикции. Очевидно, с точки зрения современного правосознания закрепление за определёнными «элементами» материального мира статуса субъекта права не вызывает дискуссии. Например, в XXI веке каждый человек – лицо, наделенное правосубъектностью, хотя недавно этот вопрос не был разрешаем так однозначно. Возможно, в XXII веке также не будет сложности в определении правового статуса искусственного интеллекта.

Признание «нечто» субъектом права вопрос не только юридического признания, но и фактического. Поэтому нужны реальные основания для закрепления за определённым «нечто» свойства правосубъектности. Такими основаниями могут быть объективная необходимость и объективная, обусловленная юридической, материальной стороной возможность подобного признания. Признание искусственного интеллекта субъектом права должно отвечать критериям объективной необходимости и реальной возможности.

В отечественной дореволюционной литературе одним из наиболее часто выделяемых учёными критериев для признания «нечто» субъектом права является способность обладать правами, – Г.Ф. Шершеневич [1], И.А. Кистяковский [2, С. 121-124]. Но критерий, предложенный В.И. Синайским [3], представляется более правильным: «Субъект права - тот, за кем правопорядок признает способность иметь права и обязанности». Этот критерий является первичным для остальных, ведь юридическая способность иметь права определяется в первую очередь юридической закреплённостью этой способности. Вопрос признания искусственного интеллекта субъектом права находится в дискреции законодателя.

Существование объективной необходимости для признания искусственного интеллекта в качестве субъекта права спорный вопрос, как и вопрос о том, искусственный интеллект – это субъект или объект общественных отношений. Объективная необходимость такого признания может быть обусловлена быстрым развитием информационных технологий, повсеместной технологизацией различных процессов, ранее совершаемых человеком. Но в то же время искусственный интеллект – это не есть интеллект, совпадающий с интеллектом человека. Это не есть интеллект в его обычном понимании. Называние искусственного интеллекта интеллектом представляет определенную научную фикцию. Искусственный интеллект сегодня представляет собой систему машинного обучения, основанную на глубоких нейронных сетях, что позволяет достичь успехов в различных сферах деятельности, решить отдельно взятые проблемы. Но не существует общего интеллекта. Так называемый искусственный интеллект всегда узкоспециализирован [4].

Центр правоспособности человека находится в его сознании: не обладая сознанием, невозможно иметь права и обязанности. Следовательно, критерий для признания искусственного интеллекта субъектом права по подобию человека – это наличие сознания. Но сознания у искусственного интеллекта отсутствует, ведь важной характеристикой сознания является здравый смысл, чего не достаёт искусственному интеллекту. Искусственный интеллект работает только потому, что ему предоставили данные. Искусственный интеллект только воспроизводит потенциальные

модели на основе данных, не «понимая» в сущности, что данные представляют собой в действительности. Искусственный интеллект в отличие от человеческого не является коллективным: одна компьютерная система не может «научить» другую чему-либо [5]. Поэтому искусственный интеллект не может быть субъектом права в форме физического лица.

Возможность существования искусственного интеллекта в форме юридического лица спорный вопрос. Все юридические лица, существующие сегодня, являются фиктивными – это продукт высокоинтеллектуального человеческого сознания. Цель образования юридического лица – объединение ресурсов людей или самих людей. Искусственный интеллект сегодня – это только инструмент для решения определенных задач. Искусственный интеллект подобен отделу большой компании, который разрешает определенные вопросы.

Признать искусственный интеллект субъектом права – значит признать наличие у него прав и обязанностей. Возникает серьезные опасения по поводу ответственности такого субъекта по обязательствам: возможности привлечения искусственного интеллекта к ответственности кажутся сомнительными.

Искусственный интеллект может иметь правовую форму отличную от существующих сейчас. Примечателен эстонский подход: предложения оформить статус искусственного интеллекта как статус робота-агента, сочетающего в себе элементы как субъекта права, так и субъекта права (собственности) или даже предоставить статус, подобный статусу физического лица [6].

Искусственный интеллект может быть признан субъектом права в случае объективной обоснованности такого признания. Учитывая уникальность такого явления как искусственный интеллект, представляется возможным предположить установление особой правовой формы для такого явления.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М., 1995. С. 61.

[2] *Кистяковский И.А.* Понятие субъекта права // Журн. Министерства юстиции. 1903. Кн. 8. С. 115.

[3] *Синайский В.И.* Русское гражданское право. Вып. 2. Киев, 1918. С. 34.

[4] *Гершман А.* Заблуждения искусственного интеллекта // Постнаука. 2007. URL: <https://goo.gl/3AE41Y>.

[5]. *Гершман А.* Там же.

[6] *Tashea J.* Estonia considering new legal status for artificial intelligencea // ABA Journal. 2017. URL: <https://goo.gl/AnjZqU>

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЕГО РОЛЬ В БУДУЩЕМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Руднев Виталий Андреевич

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград
ул. Гагарина, 8, Волгоград, Россия, 400131
urfac@vlgr.ranepa.ru

В статье рассмотрены основные направления развития инновационных технологий в правовой сфере Российской Федерации, а также роль искусственного интеллекта. Проанализированы первоочередные действия по совершенствованию правового пространства и возможные проблемы развития данной сферы. Обозначен подход к пониманию и предназначению цифровых технологий в правоотношениях.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровые технологии в праве, правовая система, информационные технологии.

Несовершенство правовой и судебной систем препятствуют притоку инвестиций в российскую экономику. Обозначены ключевые проблемы в этой сфере – устаревшее, непрозрачное и избыточное регулирование, возможность неоднозначного толкования правовых норм, затянутые сроки рассмотрения дел и коррупция, так характеризует сегодняшнюю правовую действительность органы правительства РФ.

Необходимость развития и внедрения информационных технологий связана со скоростью принятия решений. В условиях динамичной экономики, основанной на информационных технологиях, в критических ситуациях необходимо применять грамотные управленческие решения в кратчайшие сроки. Принятие верных решений требует мгновенного получения и анализа всей информации, при чем из всех возможных источников [1. С.233].

Новая цифровая эпоха выражается в применении интегрированных промышленных сетей с использованием

искусственного интеллекта (AI), широком распространении скоростного Интернета и Индустриального интернета (Internet of things), внедрении киберфизических систем и нейротехнологий с принципиально новым механизмом взаимодействия человека и робототехнического устройства, применении сервисов автоматической идентификации, сбора и обработки глобальных баз данных (big data), облачных сервисов и вычислений (cloud computing), "умных" робототехнических комплексов и промышленных объектов (smart everything), в развитии социальных сетей и разнообразных платформ и сервисов в цифровой среде, IT-коммуникаций, включая Интернет [2. С. 17].

Во многих направлениях нормотворчества и судопроизводства накопился огромный перечень проблем, для решения которых предлагается прибегнуть к помощи цифровых технологий. Действительно стоит отметить, что подобные механизмы уже используются в ряде развитых зарубежных стран, таких как США: «predictive policing» для прогнозирования преступлений; «risk assessment score», который используют судьи для определения строгости наказания, меры пресечения или решения об амнистии; а также Франция, но скорее в качестве систем поддержки принятия решений.

Российское правительство запланировало действительно масштабные изменения, сущность которых заключается в трёх шагах:

1. Найти все устаревшие, неработающие, неэффективные и неоднозначные нормы в правовых актах, чтобы скорректировать их.

2. Создать так называемые «электронные кодексы», «единые нормативные документы, различные части которых принимаются различными уровнями власти в соответствии с их компетенцией»

3. Создать автоматизированную систему поддержки правовых решений на основе искусственного интеллекта, а также сервисы автоматической генерации документов по типовым делам.

Конечно, данные меры с трудом реализуемы в ближайшем будущем, однако уже сейчас порождают ряд правовых и философских вопросов. Одним из ключевых является появление искусственного интеллекта в нормотворчестве и осуществлении правосудия.

При их рассмотрении становится очевидно, что важность изменений в этих сферах наметилась уже давно. Юридическая техника не меняется десятилетиями, а необходимость писать законы «проще» не вызывает сомнения. К тому же искусственный интеллект позволит избежать повторности регулирования, а также лучше структурировать нормативные акты. Всё это, думается, приведёт к решению наиболее злободневной проблемы – избыточности регулирования. Однако это становится не возможным при отсутствии эталонного варианта. Искусственный интеллект едва ли сможет понять какой вид должны иметь нормативные акты при всём колоссальном объёме современной правовой базы.

Об этом же свидетельствует и задача искусственного интеллекта в судах. Данное направление, по-моему мнению, не внушает большого оптимизма. Ведь если действительно говорить о принятии машинами каких-либо решений, то следует понимать у кого они будут учиться. При совершенном отсутствии единообразия судебной практики, где по схожим обстоятельствам принимаются диаметрально противоположные решения, компьютеру будет сложно понять, где решения были приняты под каким-либо давлением. При обучении искусственного интеллекта неправосудным решениям он будет принимать точно такие же. К тому же жизнь богаче любой модели и есть факторы, которые суд может учесть, а модель их отбросит.

Идея о том, что на типовые иски машина будет выдавать типовые решения не имеет большого смысла, ведь суд уже использует некий шаблон, в который вбивает данные. Поэтому остаётся единственная полезная функция – это выявление странностей в решениях суда, где существует множество сходных решений, но некоторые не соответствуют общим принципам. К сожалению, с главной задачей – искоренение коррупции в судебной системе, данным нововведением в обозримом будущем не справиться.

Конечно научно-технический прогресс проникает во все сферы нашей жизни. Сегодня появляется возможность роботизировать отрасли, в которых до не давнего времени исключительная роль человека не поддавалась сомнению. И совершенно специфическая проблема в связи с этим возникает

именно в юриспруденции, где субъект права может одновременно оказаться и его объектом. Наделение машины функцией составления нормативных актов, а также стремление научить ее принимать судебные решения, очевидно, придает ей субъектность. Однако помимо буквы закона существует дух и мораль, совершенно чуждые категории для механизмов. Подходы к правовому регулированию имеют глубинные философские идеи, носителем и создателем которых является человек. На сегодняшний день необходимо осознать вспомогательную роль искусственного интеллекта, как инструмент помощи при производстве сложных, в том числе и юридических, процессов. Изменить правовую систему и избавиться ее от коррупции может только соответствующая правовая культура людей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *Пастухов П.С., Лосавио М.* Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. N 2. С. 231 - 236.

[2] *Карихия А.А.* Цифровой императив: новые технологии создают новую реальность // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. N 8. С. 17 - 26.

МНОГООБРАЗИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ПОНЯТИЯ «РОБОТ» КАК ФАКТОР СПЕЦИФИКИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Саяфарова Диана Дамировна
Российский университет дружбы народов
Юридический институт
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
sayafarova-diana@mail.com

Научный руководитель: О.А. Ястребов, д.ю.н., д.э.н., профессор
кафедры административного и финансового права РУДН

В рамках статьи определяется специфика интерпретаций понятия «робот» в законодательных актах и проектах Российской Федерации, республики Корея и Европейского союза, делаются выводы об их взаимосвязи с государственно-правовым регулированием данной сферы в рамках законодательства указанных стран и союза.

Ключевые слова: искусственный интеллект, робот, робототехника, государственно-правовое регулирование.

В современном мире развитие робототехники и искусственного интеллекта выступает одним из приоритетных направлений политики ряда развитых стран. Связано это с высокими темпами роста внедрения инновационных IT- и робототехнических разработок в повседневную жизнь человека. Однако при активном распространении инновационных технических разработок остаётся неурегулированным вопрос о законодательном закреплении некоторых положений, связанных с робототехническим процессом, а также определением робота как участника-субъекта правоотношений или объекта права.

В рамках российской модели законопроекта «О внесении изменений в ГК РФ в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» авторы проекта наделяют робота правоспособностью (ч.1 ст.127.1), которая является элементом правового статуса субъекта рассматриваемых

отношений. Однако в ч.1 ст.127.3 роботы, взаимодействуя с владельцем, выступают исключительно как объект правового регулирования (например, согласно ч.4 ст.127.8, интересы роботов-агентов в суде и правоохранительных органах могут представлять только его собственники – физические или юридические лица) [1].

При детальном рассмотрении определений понятия «робот» в рамках закона республики Корея "О создании и распространении умных роботов" от 28.03.2008 г. и резолюции Европарламента от 16.02.2017 г. «Нормы гражданского права о робототехнике» можно установить конкретные различия в видении данного явления законодателями: например, для Южной Кореи фактическое положение робота, в первую очередь, представляется более узким по смыслу, чем в российском проекте, с опорой на формулировки «способное...передвигаться самостоятельно» [2] и «способное действовать, определять свои действия...» [1] соответственно, где устройство предстает с двух позиций: относительно пассивной, в сущности представляющей семиотический подход к понятию «робот», и относительно активной (т.е. способной к самостоятельному принятию определенных решений), отражающей биологический подход [4]. Для Резолюции Европейского Союза характерно конкретное установление совокупности признаков: «умный робот» выступает активно-пассивным субъектом, способным, с одной стороны, обмениваться данными с окружающей средой, и, с другой стороны, адаптировать свои действия к ее условиям [3].

В соответствии с вышеуказанными положениями можно сделать вывод, что статус робота рассматривается российскими учёными, как объектно-субъектная категория, т.е. Россия в определении юридической сущности носителя Искусственного Интеллекта тяготеет к разработкам западных государств в противовес странам Азии, в рамках информационно-технической политики которых робот идентифицируется, в большей степени, как объект правоотношений, а также инструмент реализации человеческих идей.

Данный факт является прямым отражением особенностей моделей регулирования сферы робототехники. Так, в республике Корея на данный момент действует особая организация, занимающаяся вопросами развития робототехники в целом, -

Корейский институт содействия развитию индустрии умных роботов. Однако Еврокомиссии, в свою очередь, в рамках указанной выше инициативы было предложено создание отдельного органа (Европейского агентства по роботам и искусственному интеллекту) для урегулирования не только вопросов, касающихся технической и этической составляющей, но и юридических аспектов деятельности роботов [5]. Интересно заметить, что авторы российского законопроекта допускают нормативное регулирование отношений в области робототехники негосударственными органами. Так, по ст.127.9, разрешается создание саморегулируемых организаций для разработки различных кодексов и стандартов в установленных законом пределах. В этом случае очевидна неопределенность разработчиков по вопросу законодательного регулирования деятельности роботов и робототехники, а значит – неподготовленность Российской Федерации к принятию федеральных законов в рассматриваемой области.

Проведённый анализ указывает на то, что специфика определения понятия «робот» напрямую связана с государственно-правовым регулированием данной сферы в рассмотренных странах и союзе: при фиксации носителя искусственного интеллекта в качестве объекта права, например, в республике Корея, законодатель на современном этапе не предусматривает создание отдельных структур для непосредственного регулирования сферы робототехники; при определении робота как субъекта права, например, в Европейском союзе, ставится необходимым учреждение специализированного агентства. При этом стоит отметить: в России, где категория «робот» является объектно-субъектной, законодательное регулирование рассматриваемой области находится лишь на стадии зарождения. Однако очевиден тот факт, что вопрос государственно-правового регулирования искусственного интеллекта сегодня выходит на новый уровень, становясь объектом научных дискуссий и частью политики все большего числа государств.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Проект ФЗ «О внесении изменений в ГК РФ в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» (Д. Гришин). // URL: https://vk.com/doc3420_439923163?hash=0a76aafed49c254276&dl=a16c15f566c9bef73f (дата обращения – 20.10.2017)

[2] Закон Южной Кореи о содействии развитию и распространению умных роботов №9014 от 28.03.2008 г. (пер. А. Незнамова). // URL: http://robopravo.ru/zakon_iuzhnoi_koriei_2008 (дата обращения - 20.10.2017)

[3] Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года 2015/2013(INL). // URL: http://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies (дата обращения - 20.10.2017)

[4] *Пухорович В.* К истории кибернетики в СССР. Очерк первый. // URL: <http://propaganda-journal.net/1034.html> (дата обращения - 15.10.2017)

[5] Европарламент рассмотрит вопрос присвоения роботам статуса "электронной личности". // URL: <http://www.interfax.ru/world/545111> (дата обращения - 19.10.2017)

ТЕНДЕНЦИЯ УВЕЛИЧЕНИЯ РОЛИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ: ВЫТЕСНЯЮТ ЛИ РОБОТЫ ЮРИСТОВ-ЛЮДЕЙ?

Ткач Кристина Ивановна

Санкт-Петербургский Государственный Экономический
Университет

Юридический факультет

*ул. 7-ая Красноармейская, д.6/7, Санкт- Петербург, Россия,
190005*

tkach.kristina1999@mail.ru

Научный руководитель: Андреева Елена Михайловна, к.ю.н.,
доцент кафедры финансового права СПбГЭУ

В этой статье рассматривается тенденция появления на юридическом рынке труда роботов, которые заменяют людей-юристов, а также сопутствующие проблемы и последствие развития технологий в сферах услуг. Проанализировав ряд статей и практическое применение использование роботизированных работников в правой сфере, сделан вывод, что юристов-людей вытеснить довольно сложно, из-за богатого опыта и интеллектуального человеческого развития, которым не обладает искусственный интеллект робота.

Ключевые слова: искусственный интеллект, юрист, робот, информационное общество, технологии, инновации, информация, автоматизация, «электронное лицо».

Необходимо понимать, готовы ли люди адаптироваться под новую волну технологий. Россия достаточно успешно продвинулась в различных международных рейтингах по совершенствованию и достижениях в сфере технологий. Преимущество робота-юриста в том, что он беспрепятственно будет говорить на любом языке и сможет оказать юридическую помощь [2]. А если робот вдруг станет полностью сознательным? Будут ли у него такие же права, как у нас, и такая же защита словом закона, ну или хотя бы что-то подобное? Эти и другие вопросы уже обсуждает Комитет Европарламента по правовым вопросам. В

прошлом году он выпустил проектный доклад и предложение создать набор гражданско-правовых норм для робототехники, регулирующих ее производство, применение, автономию и влияние на общество. Из предложенных правовых решений наиболее интересным было предложение создать юридический статус «электронных лиц» для самых сложных роботов [4].

На данный момент Сбербанк успешно практикует роботов в качестве работников-юристов для оформления исков розничным клиентам, но на этом их функции не ограничатся. Роботов, несмотря на их искусственный интеллект, считают легко обучаемыми. Работодатель освобождает человеческие места в разных сферах для внедрения новых технологий. Вместе с тем, это и является проблемой, так как чем активнее развивается семейство роботов, тем больше специальностей начинает подвергаться этой угрозе [1].

В информационном обществе процесс компьютеризации дает людям доступ к надежным источникам информации, избавляет их от рутинной работы, обеспечивает высокий уровень автоматизации обработки информации в производственной и социальной сферах. Развитие общества в первую очередь будет определяться производством информационного, а не материального продукта. Материальный же продукт станет более информационно емким, что означает увеличение доли инноваций, дизайна и маркетинга в его стоимости. В информационном обществе изменяется не только производство, но и весь уклад жизни, система ценностей, возрастет значимость культурного досуга по отношению к материальным ценностям. По сравнению с индустриальным обществом, где все направлено на производство и потребление товаров, в информационном обществе увеличивается доля умственного труда, приоритетными становятся интеллект и знания. От человека потребуются способность к творчеству, а также усиленно возрастает спрос на знания [3]. Человек и робот будут находиться в постоянной гонке за достижениями. Победит ли искусственный интеллект или человеческий – сложно сказать, так, как и тот, и другой уникальны по-своему. Вероятно, что человеческий интеллект еще не исследован до конца, а искусственный же создан человеком, соответственно, робот будет обладать набором тех качеств, которые предопределят ему человек. Человек же может выйти практически

из любой ситуации, благодаря его разуму. Так и юристы при выполнении своей работы в голове держат огромное количество информации, которую перерабатывает их мозг. Юристы обладают той базой знаний, которую приобрели при изучении правовой сферой и которой успешно пользуются при решении дела. Мы знаем, что юристу очень часто необходимо действовать спонтанно и решительно; иногда решение может быть весьма нелогичным, но оно будет наиболее подходящим в определенной ситуации. В размышлениях юриста работает не только база знаний, но и накопленный жизненный опыт и человеческие чувства. Сейчас создают роботов, обладающих чувствами, порой они иногда могут быть действительно полезными, но профессия юриста – это прежде всего работа, требующая индивидуального, а не шаблонного подхода человека к человеку, в нашем случае, юриста к клиенту.

Целесообразно прибегнуть к следующему решению: нужно рассматривать достаточно или недостаточно сложных роботов: как обычных людей, юридические лица (например, корпорации), животных или объекты. Вместо того чтобы втискивать их в существующую категорию, предлагается создание новой категории «электронных лиц» как более целесообразной. Предлагается обновить законодательство, если роботы станут более сложными и обзаведутся поведенческими тонкостями. Все же искусственный интеллект также начинает оправдывать свое название. В случае если это произойдет, то одна из рекомендаций состоит в том, чтобы уменьшить ответственность «создателей» пропорционально автономии робота, а также включить обязательное страхование. Если мы действительно решим давать роботам правовой статус, каким он будет? Если бы они вели себя как люди, мы могли бы относиться к ним как к правовым субъектам, а не объектам, либо разместить их где-то посередине. Субъекты имеют права и обязанности, и это дает им юридическую «личность». Они не обязаны быть физическими лицами; корпорация таковым не является, но считается юрлицом. Юридические объекты, с другой стороны, не имеют прав и обязанностей, хотя могут иметь экономическую ценность. Присуждение прав и обязанностей неодушевленному объекту или программе, независимой от создателей, может показаться довольно странным. Но мы уже наблюдаем, как корпорации создают фиктивные юрлица со своими

правами и обязанностями. Возможно, подход к роботам должен быть аналогичным? Если робот (или программа) достаточно сложный, чтобы удовлетворять определенным требованиям, ему можно дать статус корпорации. Это позволит ему зарабатывать деньги, платить налоги, иметь активы или подавать в суд, независимо от его создателей. Создатели робота будут подобно директорам корпораций. Роботы будут рассматриваться в таком случае как юридические объекты, но в отличие от корпораций будут иметь физические тела. «Электронное лицо», таким образом, может быть сочетанием субъекта и объекта права [4].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Заявление заместителя председателя кредитного отдела Сбербанка URL: <http://tass.ru/ekonomika/3936662> (Дата обращения: 12 января 2017 года)

[2] Выступление председателя совета директоров компании Alibaba Group Джека Ма на VI Московский международный форум «Открытые инновации» URL: <http://government.ru/news/29668/> (Дата обращения: 17 октября 2017 года)

[3] Статья об информатизации общества в учебном пособии ИТНиО по курсу "Компьютерные технологии в науке и образовании" URL: <http://sdo.ivanovo.ac.ru/course/view.php?id=183>

[4] Статья: Права роботов: когда разумную машину можно считать «личностью»? Илья Хель URL: <https://hi-news.ru/robots/prava-robotov-kogda-razumnuyu-mashinu-mozhno-schitat-lichnostyu.html> (Дата обращения: 17 января 2017 года)

ТРИ ЗАКОНА РОБОТОТЕХНИКИ АЙЗЕКА АЗИМОВА: ЮРИДИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Шабанов Павел Александрович
Российский университет дружбы народов
Юридический институт
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
psheslavpshechko@mail.ru

Научный руководитель: С.Б. Зинковский, к.ю.н. доцент
кафедры теории права и государства РУДН

В статье дана оценка трем законам робототехники А. Азимова и перспективам их практического применения в правовом регулировании отношений, связанных с робототехникой. Выявлено соотношение формально юридического и этического их содержания.

Ключевые слова: три закона робототехники, Азимов, правовое регулирование, роботы, законодательство в сфере робототехники

Кто бы мог подумать, что наступит такой момент, когда для составления законов нам придется обратиться к идеям тех, кто, в свое время, лишь предполагал, приоткрывая в своих произведениях, завесу таинственного будущего?

В настоящее время робототехника стремительно развивается, вследствие чего возникает необходимость правового регулирования отношений человека и робота. Столь новая, передовая, до конца не сформировавшаяся отрасль общественных отношений должна вызвать значительные затруднения у законодателей в составлении актов правового регулирования данной сферы. Нет той моральной, исторической, культурной базы, на которой основывается нынешнее законодательство. Так на что же опираться законодательным органам при составлении норм для сферы, которой, понадобится правовое регулирование? Для начала, взгляд законотворцев будет обращен на то регулирование общественных отношений, которое уже применяется, но только по

отношению к человеку. С этической же стороны данный вопрос уже рассматривался многими писателями-фантастами, из их произведений законодатель может почерпнуть философскую и этическую концепцию правового регулирования общественных отношений в сфере робототехники.

Одной из ключевых фигур, исследовавших и развивавших тему робототехники в своих произведениях является Айзек Азимов. В 1942 году был опубликован рассказ писателя «Хоровод», в котором были сформулированы три закона робототехники, которых, по замыслу фантаста, должны были придерживаться все роботы:

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.
2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, если эти приказы не противоречат Первому Закону.
3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму Законам [1].

Значительно позже, в 1986 году, в романе «Роботы и империя» Азимов изложил новый Нулевой закон: «Робот не может причинить вред человечеству или своим бездействием допустить, чтобы человечеству был причинен вред».

Техническая реализация этих законов в настоящее время невозможна и будет невозможна еще довольно долго. Тем не менее, законы робототехники Азимова широко обсуждаются не только любителями фантастики, но и специалистами в области искусственного интеллекта [2].

Для юриспруденции, не имеет ключевого значения, реализуемы эти законы технически в настоящий момент или нет. Важно, что правовое регулирование робототехники может понадобиться в ближайшее время. Поэтому, встает вопрос: «Могут ли законы А. Азимова стать той необходимой базой, тем фундаментом, на котором в дальнейшем будет строиться законодательство о роботах?».

Во-первых, законы Азимова небезосновательны, не выдуманы, а выведены и «совпадают с основными принципами большинства этических систем, существующих на Земле» [3]. Об этом А. Азимов пишет в своем рассказе «Улики» 1946 года: «каждый человек наделен инстинктом самосохранения. У робота

это Третий Закон. Каждый так называемый порядочный человек, чувствующий свою ответственность перед обществом, подчиняется определенным авторитетам. <...> А у роботов это — Второй Закон. Кроме того, предполагается, что каждый так называемый хороший человек должен любить своих ближних, как себя самого, вступаться за своих друзей, рисковать своей жизнью ради других. Для робота это — Первый Закон» [3].

Во-вторых, в законах ясно прослеживается строгая иерархичность: второй закон исполняется только если не нарушает первый, третий исполняется при условии соответствия первому и третьему. Это позволяет сделать предположение, что три закона можно распределить по трем разной юридической силы нормативно-правовым актам (к примеру, если взять иерархию актов Российской Федерации, то первый закон, условно, включается в Конституцию, второй в ФКЗ, а третий – в ФЗ.)

Такой закон представляет собой базовый документ, на основе и в соответствии с которым могут вноситься последующие изменения в нормативную базу. При этом если что-то не будет должным образом своевременно урегулировано на отраслевом уровне, проблему можно попытаться разрешить на основе базовых принципов основ законодательства (например, законов Азимова, если они будут в том или ином виде отражены в основах) [4].

В-третьих, в передовых развитых странах на основе законов Азимова уже создаются первые базовые нормативно-правовые акты регулирующие вопросы робототехники. К примеру, 16 февраля 2017 г. Парламент ЕС на основе разработанных Комитетом по правовым вопросам рекомендаций принял резолюцию 2015/2103(INL) «Нормы гражданского права о робототехнике». Она представляет собой первую на Западе попытку оформления комплексного подхода к регулированию робототехники, включая целый ряд важных положений: обозначает общие принципы робототехники со ссылкой на законы А. Азимова, намечает подходы к проблеме ответственности за причиненный роботами вред, предлагает уточненное определение роботов [4].

С другой, данные принципы исходят лишь из представления Азимова о том, каких правил должны придерживаться роботы во взаимоотношениях с людьми. На практике же, эти законы никогда не применялись и неясно, будут они действовать или нет. Так же

существует точка зрения, что в основу закона о робототехнике должен быть положен только принцип благополучия человека и ничего более. В докладе, опубликованном Королевским научным обществом и Британской академией, говорится, что нет никакой нужды в трех законах робототехники, которые можно заменить одним универсальным правилом: "Человек должен преуспевать" [5].

Интересным аспектом трех законов Азимова является то, что в соответствии с ними все роботы должны находиться в непосредственном подчинении человека, не покрывая той ситуации, когда развитие искусственного интеллекта дойдет до стадии, когда роботы сами смогут мыслить и принимать решения, не руководствуясь лишь заданным алгоритмом. До этого еще очень далеко, но все же, когда такое произойдет, вряд ли законы Азимова смогут регулировать поведение роботов. Банальным примером будет вопрос, которым сможет задаться робот: «Почему я должен служить человечеству и ставить его благо выше своего?». И, скорее всего, их благодарность нам, за создание, продлится недолго, как и соблюдение трех законов. Луи Хельм, замдиректора Института исследований машинного интеллекта (MIRI), а также исполнительный редактор журнала Rockstar Research считает, что «неразумно проектировать систему искусственного интеллекта или робота с самосознанием. <...> большинство разработчиков ИИ – этически подкованные люди, поэтому они будут избегать создания того, что философы называют «морально значимыми существами». Особенно, когда они с легкостью могут создать продвинутую машину, которая не будет обладать этическими задатками» [6].

Таким образом, из анализа трех законов робототехники Айзека Азимова можно сделать вывод, что они могут быть положены в основу законодательства в отношении производителей роботов, которые последние должны будут опираться при их создании. В отношении же самих роботов не представляется возможным применение данных законов и основанных на них нормативно-правовых актов из-за невозможности, на данный момент, запрограммировать робота на исполнение этих принципов. В случае же создания высокотехнологичного искусственного интеллекта, способного к саморазвитию, возникает проблема отсутствия у него мотивации для исполнения законов Азимова.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] *А. Азимов «Хоровод»* // <http://www.rulit.me/books/horovod-read-138515-1.html>

[2] *Мамонтов Д.* Этические проблемы роботов: как нарушить законы робототехники // Портал «Популярная механика» / <https://www.popmech.ru/science/167561-eticheskie-problemy-robotov-kak-narushit-zakony-robototekhniki/>

[3] *А.Азимов.* Улики: Научно-фантастический рассказ / Пер. с англ. // Наука и техника (Рига), 1965, №3.

[4] *Незнамов А.В., Наумов В.Б.* Вопросы развития законодательства о робототехнике в России и в мире // Юридические исследования. — 2017. - № 8. DOI: 10.25136/2409-7136.2017.8.23292. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_23292.html

[5] *Паллаб Гош.* Новый закон для роботов: процветание человека // Портал «Русская служба ВВС» // <http://www.bbc.com/russian/features-40441035>

[6] *Хель И.* Могут ли «три закона робототехники» защитить нас? // <https://hi-news.ru/robots/smogut-li-tri-zakona-robototekhniki-zashhitit-nas.html>

Научное издание

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ 2.0: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРАВО

Издание подготовлено в авторской редакции

Дизайн обложки *А.А. Клыга*
Компьютерная верстка *И.А. Черных*

Подписано в печать 01.11.2017 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 29,53. Тираж 150 экз. Заказ 1916.

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41